

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

О. А. Валькова

**Ольга
Александровна
ФЕДЧЕНКО
1845 – 1921**

Ответственный редактор
доктор философских наук Б.А. СТАРОСТИН

МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 58(092)
ББК 28.5
В16

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А.А. Жидкова*,
кандидат исторических наук *М.С. Бастракова*

Валькова О.А.

Ольга Александровна Федченко, 1845–1921 / О.А. Валькова ; отв. ред. Б.А. Старостин. – М. : Наука, 2006. – 318 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-034056-1 (в пер.).

Книга представляет собой первую научную биографию О.А. Федченко – выдающегося отечественного ученого-ботаника, известной путешественницы, художницы, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, составившей описания флоры Туркестана, Памира, Уфимской губернии, Крыма, Кавказа. Описания флоры многих территорий были сделаны О.А. Федченко впервые или значительно дополнили уже имевшиеся сведения. О.А. Федченко была членом-основателем и позднее почетным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и ряда российских и зарубежных научных обществ и академий.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки и социальной историей нашей страны.

Темплан 2006-I-99

ISBN 5-02-034056-1

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2006
© Валькова О.А., 2006
© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

Многие из нас хорошо помнят Ольгу Александровну Федченко, замечательного ботаника, автора превосходных флористических работ, посвященных Средней Азии и Памиру, члена-корреспондента Академии наук СССР. Вспоминаются ее спокойные и всегда мудрые советы начинающим ботаникам, в том числе и автору этих строк.

Академик Н.И.Вавилов
(Советская ботаника. 1940. № 3. С. 3)

От автора

В 2005 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Ольги Александровны Федченко (1845–1921), неутомимой путешественницы, выдающегося ученого-ботаника, прекрасной художницы. Ольга Александровна – одна из первых российских женщин, не только полностью посвятившая свою жизнь науке, но и добившаяся признания. Исследования в области систематики и флористики (преимущественно флоры Средней Азии и Памира) принесли ей глубокое и искреннее уважение коллег-ботаников России и всего образованного мира. Ее считали бесстрашной, неутомимой, негибкой. Простота в общении, искренняя доброжелательность, бьющая через край энергия привлекали к ней людей. Еще при жизни ее имя стало символом, олицетворявшим истинные возможности женщины. Ольга Александровна никогда не занималась преподаванием, но своим образом жизни и отношением к научной работе она оказала огромное влияние на формирование нескольких поколений отечественных флористов.

В 1924 г., через три года после смерти О.А., открывая номер “Известий Главного ботанического сада РСФСР”, посвященный ее памяти, сын О.А. – Б.А. Федченко писал: “Еще не пришло время дать исчерпывающий очерк жизни и деятельности Ольги Александровны, которая за слишком полвека успела действительно немало сделать в той сфере научной работы, которая была ей всего дороже”¹. К сожалению, за прошедшие с того времени годы О.А. Федченко было посвящено всего несколько небольших статей, основанных, главным образом, на опубликованной ею автобиографии. Конечно, ее имя неоднократно упоминается в работах, посвященных биографии и научным открытиям ее мужа, А.П. Федченко, выдающегося исследователя Средней

¹ Федченко Б.А. К биографии О.А.Федченко // Изв. Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85.

Азии. Однако Алексей Павлович трагически погиб, когда Ольге Александровне было всего 28 лет и большая часть ее научных трудов была еще впереди. Время создать научную биографию О.А. уже давно пришло. Настоящая работа не претендует на исчерпывающую полноту, скорее, это первый опыт научного изучения и реконструкции биографии О.А., предполагающий дальнейшую работу в этом направлении. Исследование основано на изучении архивных фондов семьи Федченко, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, в том числе личных фондов О.А. Федченко, А.П. Федченко и Б.А. Федченко. В течение большей части своей жизни Ольга Александровна вела постоянную переписку с огромным количеством людей и учреждений. Трудно найти исследователя-ботаника второй половины XIX–начала XX вв., чьи писем не хранилось бы в архиве О.А. В разных архивохранилищах Москвы и С.-Петербурга мы выявили некоторое количество писем самой Ольги Александровны к таким известным деятелям науки как Д.Н. Анучин, В.Л. Комаров, И.В. Мушкетов и др. Фонды и архивные коллекции многих научных учреждений также содержат материалы, раскрывающие творческую биографию О.А. Несколько друзей и коллег Ольги Александровны, соратников ее брата и сестры оставили небольшие воспоминания о ней – бесценные источники информации о характере и личных качествах О.А. И, конечно, одним из основных источников нашей работы стали научные труды Ольги Александровны и регулярно публиковавшиеся в научной периодике и ботанической библиографии рецензии на них.

Необходимо также сделать несколько пояснений по поводу написания в книге названий и дат. Во второй половине XIX – начале XX вв. написание многих географических названий отличалось от сегодняшнего. В некоторых случаях (особенно это касается Средней Азии) устойчивого общепринятого написания еще не существовало. Мы сохраняем авторское написание названий в цитатах и, иногда, ради избежания путаницы, также и в основном тексте. Например, мы используем название “Коканское ханство”, “Кокан”, принятое тогда, в отличие от современного “Кокандское ханство”, “Коканд”, поскольку старое название фигурирует в большом количестве печатных трудов и др. Точные даты до октября 1917 г. приводятся нами по старому стилю. Следует заметить, однако, что иногда О.А. и ее корреспонденты использовали также и григорианский календарь (особенно во время зарубежных поездок или при переписке с зарубежными корреспондентами). При этом они не всегда указывали, каким календарем они пользуются в данный конкретный момент. В некоторых случаях невозможно точно установить стиль (старый или новый), по

которому датирован документ. В подобных ситуациях мы приводим дату, поставленную автором документа. В основном это относится к личной переписке.

Мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность людям, оказавшим неоценимую помощь на всех этапах создания этой книги: С.С. Илизарову, обратившему мое внимание на интерес, который представляет изучение биографий женщин-ученых; З.К. Соколовской, убедившей меня в необходимости написания именно этой книги; моим коллегам из Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: С.В. Аистой, О.Е. Алпееву, М.С. Бастраковой, Ю.М. Беловой, А.А. Жидковой, А. Кожевникову, Г.И. Любиной, В.М. Орлу, О.А. Севастьяновой, И.Н. Юркину, помогавшим с поиском нужной литературы, дававшим советы, когда исследование заходило в тупик, и послушно выполнявшим роль внимательной аудитории, когда я не могла говорить ни о чем другом. Выражаю глубокую благодарность ответственному редактору книги Б.А. Старостину за его внимание и очень важные советы, Е.А. Велидовой за помощь в подборе необходимых книг, многие из которых являются библиографической редкостью. Мне также хочется поблагодарить моих питерских друзей Наташу Тихомирову и Петра и Николая Поповых, чье радушное гостеприимство позволило мне провести достаточное время в архивах С.-Петербурга и, конечно, мою маму, В.Г. Валькову, первого читателя и самого строгого критика этой книги.

Семья Армфельд. Первые шаги в науке (1845–1867)

Ольга Александровна Федченко (в девичестве – Армфельд) родилась 18 ноября 1845 г. в Москве, в семье профессора Московского университета Александра Осиповича Армфельда и его супруги Анны Васильевны. Это была известная и уважаемая московская семья.

О старшем поколении семьи известно немного: отец Александра Осиповича – коллежский регистратор, служащий таможни и австрийский подданный Осип Армфельд (15 сент. 1772–1844)², мать – по некоторым данным – известная в Москве акушерка³ (имя неизвестно). В автобиографии, написанной для “Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета”, Армфельд заявил, что он “единственный сын благородного семейства бывшей Римской Империи, поселившегося в России в конце XVIII века”⁴. А.П. Прибылева-Корба, близко знавшая младшую дочь Армфельда Наталью Александровну, по-видимому, с ее слов писала: “Семья Н.А. принадлежала к потомкам генерала Армфельда, вызванного Петром I из Швеции”⁵. Но и то, и другое утверждения носят, скорее, легендарный характер.

Сам Александр Осипович Армфельд (впоследствии – действительный статский советник, кавалер ордена Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени с Императорской короной, заслуженный профессор Императорского Московского университе-

² Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А–И. [М., 1914]. С. 61.

³ См.: Острословия А.О. Армфельда // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 4. С. 661.

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1855 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 1. М., 1855. С. 38.

⁵ *Прибылева-Корба А.П.* “Народная воля”. Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 106.

та, имевший знак отличия беспорочной службы за 25 лет)⁶ родился 18 февраля 1806 г. в Москве. Вначале воспитывался дома, потом, в 1818 г., поступил в Дерптскую гимназию, по окончании которой, в 1821 г. – в Дерптский же университет для обучения медицине. В 1823 г. он перевелся в Московский университет, который и закончил с отличием в 1826 г. получив звание лекаря. Работал в Хирургическом институте помощником директора (1826–1830 гг.), ординатором в университетской больнице (с 1830 г.). Хорошо проявил себя во время московской холеры 1830 г. В 1833 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины, а в 1834 г. был отпущен за границу для приготовления к занятию профессорской кафедры. “В продолжение трехлетнего своего путешествия посещал... замечательнейшие медицинские и педагогические заведения в Германии, Англии, Франции и Италии, большую же часть сего времени провел в Берлине, где постоянно, находясь в сношении с известными учеными, по специальным предметам назначенной... кафедры особенно занимался с профессорами Каспером, Вагнером и Геккером”, – писал А.О. Армфельд в автобиографии⁷. По возвращении в Москву, в 1837 г., занял кафедру ординарного профессора судебной медицины, медицинской полиции, методологии, истории и литературы медицины Московского университета (1837–1863). Особой любви к медицинской практике он не испытывал и оставил ее, заняв кафедру в университете. Как писал В. Полунин: “Армфельд был человек весьма даровитый и обладал обширными сведениями не только в области государственного врачеведения, но и в предметах, необходимых для классического воспитания юношества. Изустное изложение его отличалось последовательностью, изяществом, красноречием. К медицинской практике, по-видимому, он не чувствовал призвания и потому, по возвращении из-за границы, заняв университетскую кафедру, совершенно оставил врачебную практику. Обходительность и деликатность в обращении были отличительными чертами характера Армфельда”⁸. В 1838 г. А.О. Армфельд был назначен также инспектором классов Николаевского сиротского института Московского воспитательного дома, обязанности которого он совмещал с обязанностями профессора и выполнял до самой смерти в 1868 г.⁹

---

⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... С. 38.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Полунин А. Александр Осипович Армфельд (Некролог) // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1869 года. М., 1869. С. 64.

⁹ Ср.: Биографический словарь профессоров и преподавателей... С. 38; Армфельд, Александр Осипович // Венгеров С.А. Критико-биографический

По воспоминаниям современников, Александр Осипович Армфельд был обаятельным, остроумным и широко образованным человеком. Он выделялся в любой, самой изысканной компании. “В каком бы обществе он ни появлялся, всегда бывало он овладевал им и становился его душой, – писал о нем М. Мостовский¹⁰. Будучи близко и душевно знаком с С.Т. Аксаковым, М.П. Погодиным, А.О. Армфельд был своим в тесном кружке московских интеллектуалов. Один из современников замечает: “Его остроумие, разностороннее образование и в высшей степени приличное домашнее воспитание проложили ему дорогу в образованнейший круг московского общества, в котором он постоянно был принимаем самым радушным образом, оставаясь всегда, как говорят, душою общества”¹¹. Армфельд часто посещал знаменитый салон Авдотьи Петровны Елагиной, завсегдатаями которого также были “...князь В. Одоевский, В.П. Титов, Николай Матвеевич Рожалин (знаток классических языков), А.И. Кошелев (друг И.В. Киреевского), С.П. Шевырев, А.П. Петерсон, М.А. Максимович, Д.В. Веневитинов, ...архивные юноши С.А. Соболевский и С.С. Мальцов (свободно писавший по латыни)...”, разумеется, братья Киреевские – старшие сыновья А.П. Елагиной¹². В молодости он участвовал в совместных прогулках и проделках с Елагиными, некоторые из которых оставили свой стихотворный след: “В доме у Красных ворот (в доме А.П. Елагиной. – О.В.) устраивались чтения, сочинялись и разыгрывались драматические представления, предпринимались загородные прогулки, описывалось в стихах, напр[имер] странствование к Троице-Сергию. Языков сделал стихотворный отчет этому пешему многолюдному хождению, а Армфельд, тоже в нем участвовавший и на одной из стоянок до того заспавшийся, что принуждены были будить его и закидали орехами, рассказал этот случай в привычном ему шутовском тоне:

*В село прибывши Пушкино,
Искал я карт для мушки, но
Не мог никак найти.
Судьбою злой караемый,
Залег я спать в сарае; мой*

словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1. С. 749–750; Армфельд, Александр Осипович // Русский биографический словарь. 1900. Т. 2. С. 293 и др.

¹⁰ Мостовский М. Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

¹¹ Архив судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. 1868. № 2 (июнь). С. 83–84.

¹² Авдотья Петровна Елагина. Биографический очерк // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 8. С. 492.

*Был прерван краткий сон:
В Орешенных баталиях,
Меня там закидали, ах!
Любезный Петерсон! и пр.»¹³.*

С.Т. Аксаков упоминает Армфельда среди присутствовавших при чтении Н.В. Гоголем новых, только что написанных глав “Мертвых душ”: “...в субботу, он (Гоголь. – О.В.) прочел нам, перед самой заутренией Светлого Воскресенья, в маленьком моем кабинете, 6-ю главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великий восторг. При этом чтении был Армфельд, приехавший просто поиграть со мной в пикет до заутрени, и Панов...”¹⁴. Армфельд был в числе приглашенных на знаменитом “гоголевском обеде”, устроенном в саду М.П. Погодина (тоже близкого приятеля А.О.) 9 мая 1840 г. в честь именин Гоголя, на котором присутствовали также И.С. Тургенев, П.А. Вяземский, М.Ю. Лермонтов, М.А. Дмитриев, М.Н. Загоскин и др.¹⁵

Армфельд считался знатоком языков и вообще слыл широко образованным человеком, однако главным его талантом все единогласно признавали остроумие. Даже через много лет после его смерти его шутки, меткие словечки и стишки (почти никогда не публиковавшиеся при жизни) охотно помещал на своих страницах “Русский архив”¹⁶. Вот, например, одна из таких шуточек, предоставленная в распоряжение “Русского архива” больше чем через 20 лет после смерти ее создателя:

«Нам случилось быть у А.П. Елагиной, когда к ней приехал прямо со Щепкинского юбилея А.О. Армфельд. – “Ну что, много было?” – “Много, очень много, такая теснота, что я и смеяться не мог иначе как сжимая губы поперек”, – отвечал Армфельд, придавая вертикальное направление своим смехотворным устам»¹⁷.

Этот счастливый дар красноречия, эрудиция, умение держаться с удивительным достоинством и одновременно искреннее внимание к проблемам своих слушателей, сделали Армфельда одним из самых популярных профессоров Московского универ-

---

¹³ Там же. С. 492.

¹⁴ Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С.Т. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1910. С. 395.

¹⁵ Там же. С. 395.

¹⁶ См.: Авдотья Петровна Елагина. Биографический очерк... С. 492; Острословие А.О. Армфельда // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 3. С. 464; То же // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 4. С. 661; [Армфельд А.О.] Моя богиня // Русский архив. 1900. Кн. 1. Вып. 3. С. 448; Петерсон А.П. // Русский архив. 1908. Кн. 3. С. 405.

¹⁷ Острословия А.О. Армфельда // Русский архив. 1885. Кн. 1. Вып. 4. С. 661.

ситета его поколения. И.М. Сеченов, вспоминая свою студенческую жизнь, писал: “Профессор Армфельд, читавший нам энциклопедию медицины, производил на своих лекциях впечатление очень умного и образованного человека, держал себя джентльменом, говорил спокойно, ровным голосом (даже несколько монотонно) и так, что речь его, будучи записана слово в слово, могла бы быть напечатана без поправок. Помню, что в общем смысл его лекций был таков: упомянув о добровольно принятой нами и предстоящей в будущем святой обязанности служить больному человечеству, он обозревал преподаваемый нам круг наук как средство достижения цели и обещал честно потрудившимся в награду чувство исполненного долга, а отличившимся – учиться за границей...”¹⁸. Другой бывший студент Армфельда (а всего он успел за время своей преподавательской деятельности подготовить 25 выпусков) вспоминал: “...всякий, знавший покойного Александра Осиповича, помнит, что его речь всегда блестела остроумием, в этом-то и состоял его талант, этим-то он и привлекал многочисленных слушателей. Например, из энциклопедии медицины, науки, состоящей в перечислении предметов, входящих в курс медицины, Армфельд сделал презанимательные, преподавательские беседы для юношей, начинающих учиться медицине. Никогда не изгладятся те впечатления, какие выносились с его лекций первого курса”¹⁹. Ф.И. Буслаев отмечал: “Новый период в истории Московского университета... начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших свое образование за границей, преимущественно в Германии. Это были: на нашем факультете Печерин, Крюков и Чивилев; на юридическом Крылов, Баршев и Редкин; на медицинском – Анке, Армфельд, Иноземцев, Филомафитский...”²⁰. По воспоминаниям современников, “лекции Армфельда, по ясному и систематическому их изложению, при громадной его начитанности и изящности изложения предмета, посещались слушателями почти всех факультетов”²¹.

Армфельд пользовался несомненным авторитетом у своих студентов. “К студентам он относился будто к младшим братьям своим, принимал деятельное участие в их нуждах, руководил советами, ходатайствовал за провинившихся. И молодые люди

---

¹⁸ Сеченов И.М. В Московском университете (1850–1856 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 290.

¹⁹ Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

²⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 220.

²¹ Архив судебной медицины и общественной гигиены... С. 83.

обращались к нему всегда с полной уверенностью встретить его сочувствие, с полной готовностью подчиниться его решению, “Армфельд так советует”, говорили одни, и возражения умолкали”, – вспоминал М. Мостовский²². При этом Армфельд никогда не заискивал перед студентами. В 1858–1859 гг. на медицинском факультете Московского университета случились студенческие волнения. Студенты требовали увольнения профессора Н.А. Варнека, читавшего на первом курсе медицинского факультета зоологию и бывшего, по их мнению, чересчур требовательным. Армфельд был избран студентами их депутатом к началству университета. Однако ни студенты, ни начальство не остались вполне довольны его действиями, что не мешало профессору поступать так, как он считал нужным. “Армфельд никогда не заискивал у студентов; это доказывается теми отношениями, какие были у него к студентам в минуты трудных недоразумений (напр. в 1858–1859 г.), – вспоминал один из них. – Студенты, выбравшие покойного профессора депутатом к началству, не были довольны его действиями, и он получал бездну анонимных писем, более или менее грозных; сам Армфельд тогда же передал некоторые письма студентам...”²³. Возможно, именно участие в этой истории послужило причиной того, что когда в 1862 г. Армфельд выслужил положенный срок для получения звания почетного профессора и обратился в Совет университета с просьбой оставить его в занимаемой должности еще на пять лет (что было обычной практикой в университете), он был забаллотирован. При голосовании по этому вопросу в Совете баллов избирательных было подано 6, баллов неизбирательных – 20²⁴. Таким образом Армфельд вынужден был покинуть университет, хоть и с полным почетом, но преждевременно, едва достигнув 57 лет.

А.О. Армфельд не питал любви не только к медицинской практике (которую, как упоминалось выше он бросил сразу же после получения кафедры), но и к литературному труду и научным изысканиям. Его жизненное кредо по этому поводу с обычным юмором высказано в одном из его стихотворений:

*“Фантазия – богиня Гете!
Свобода – Шиллера кумир!
Вы слишком высоко живете:
Мне недоступен горный мир.*

---

²² Мостовский М. Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

²³ Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда... С. [4].

²⁴ Дело Совета Императорского Московского Университета об увольнении от службы при университете заслуженного профессора Армфельда № 881 1862 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 31. Д. 881. Л. 3.

*Я не гоняюсь за наукой,
Любовью сердца не сушу,
Недальновидный, близорукий,
Я благ заморских не прошу;
Но есть одна из дочерей неба:
Ей не дымилась алтари,
Не кланялись питомцы Феба:
Попы, Гетеры и Цари.
На троне бархатно-пуховом
Она, как выражу я словом? –
Не то сидит, не то лежит,
Не то как снег весенний тает,
И никого не призывает,
И ничего не сторожит!
Беспечно кудри золотья
На перси сыплются младья,
Румянцем розовым горят
Ее пленительны ланиты,
Уста и взор полуоткрыты
И ничего не говорят.
Она опасная святая,
Ей посвящаю ночь и день,
Свобода ей сестра родная,
Отчизна – Юг, а имя – лень!”*

И хотя возможно, эти стихи только приписываются Армфельду, похоже, они отражают его мировосприятие²⁵. Он практически ничего не писал или, во всяком случае, не публиковал. Исключение составляют его докторская диссертация²⁶ и официальная речь в собрании Московского университета²⁷. С.А. Венгеров приписывает ему также то, что он называет “юбилейной брошюрой”, посвященной памяти опекуна и председателя Попечительского совета Московского сиротского воспитательного дома, С.М. Голицына²⁸. На самом деле, данная работа, опубликованная анонимно, и представляющая собой роскошное юбилейное издание в прекрасном переплете с золотым обрезаем под названием “Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в Московском опекуновском совете”, является полноценным научным исследованием по истории Московского сиротского Николаевского института²⁹. Будучи в течение многих

²⁵ [Армфельд А.О.] Моя богиня // Русский архив. 1900. Кн. 1. Вып. 3. С. 448.

²⁶ De dilatatione cordis. Diss. inaug. М., 1833.

²⁷ De finibus cetorum et probabilitium in responsis medicorum forensium. Orat. М., 1848

²⁸ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1. С. 749.

²⁹ [Армфельд А.О.] Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в Московском опекуновском совете. М., 1859.

лет Инспектором классов Николаевского института, А.О. Армфельд отдавал ему много сил и времени и, конечно, хорошо знал и С.М. Голицына, и положение дел в Институте. Эта работа, однако, не является воспоминаниями. Профессиональный историк мог бы гордиться подобным исследованием. О деятельности А.О. Армфельда в Николаевском институте мы будем говорить несколько ниже. Лекции Армфельда никогда не публиковались, но записанные студентами, они сохранились в коллекции Отдела рукописей Российской государственной библиотеки в Москве³⁰. Таким образом опубликованное наследие, оставленное А.О. Армфельдом, весьма невелико. Хотя надо заметить, сам Армфельд писал, что ему случалось публиковать: “мелкие, отчасти анонимные статьи в разных периодических изданиях”³¹. Несмотря на отсутствие научных заслуг современники ставили имя Армфельда в один ряд с именами наиболее знаменитых профессоров Московского университета: “Имя же профессора Армфельда навсегда останется в памяти учеников его наряду с именами Рулье, Грановского...”³², при жизни его считали “идеально-честным человеком”³³, а через много лет после смерти вспоминали, что: “Рыцарская же его честность, добродушие и всегдашняя готовность помогать всем и каждому снискали искреннее к нему уважение...”³⁴.

Следует заметить, что А.О. Армфельд и члены его семьи достаточно долго оставались австрийскими подданными. Только 11 октября 1845 г. он “принял на подданство России присягу вместе с семейством по вероисповеданию православному”³⁵. В последующие годы Александр Осипович хлопотал об оформлении дворянства по выслуге. Он предоставил все необходимые документы в Герольдию Правительствующего Сената, и впоследствии он сам, его дети и внук принадлежали к дворянскому сословию³⁶. Такова краткая история отца Ольги Александровны.

---

³⁰ ОР РГБ. Ф. О.Р.119. Армфельд. Курс судебной медицины. 1860.

³¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета... С. 38.

³² Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4]

³³ Мостовский М. Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

³⁴ Армфельд, Александр Осипович // Русский биографический словарь. 1900. Т. 2. С. 293.

³⁵ Дело № 159 1845 г. Совета Императорского Московского Университета “О принятии присяги на подданство России профессора Армфельда” // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 14. Д. 159. Л. 5.

³⁶ См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 16. Д. 42. Л. 1; Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И. [М., 1914]. С. 61.

Мать Ольги Александровны Федченко, Анна Васильевна Армфельд (1821–1888)³⁷, урожденная Дмитровская, была дочерью действительного статского советника и помещика Василия Дмитровского. Она была моложе своего супруга на 15 лет и в 1841 г. (год их свадьбы) только что закончила курс в Екатерининском институте³⁸. Но, по-видимому, она легко освоилась в кругу своего супруга. После свадьбы дом Армфельдов стал одним из центров литературной жизни Москвы: “Дом А. и его жены, Анны Васильевны... в сороковых и пятидесятых годах привлекал к себе лучшее московское общество. Здесь были своими людьми Лермонтов, Гоголь, Щепкин, Аксаковы и др.”, – отмечал С.А. Венгеров³⁹. Н.А. Добролюбов в одном из писем к И.И. Бордюгову (5 сентября 1859 г.) писал: “...передай мое почтение т-те Армфельд (с которой я почему-то считаю себя знакомым)...”⁴⁰. Е.К. Брешко-Брешковская, близко знавшая ее младшую дочь, Наталью, и состоявшая в переписке с самой Анной Васильевной, вспоминала, что она “...сумела создать себе столь почетное положение среди лучшей части московского общества, что с мнением ее считались просвещеннейшие люди той эпохи; гр. Л.Н. Толстой относился к ней с особенным уважением...”⁴¹. Знакомство с семьей Толстых было давним: А.О. Армфельд хорошо знал семью супруги Л.Н. Толстого – С.А. Толстой. Отец Софьи Андреевны А.Е. Берс был всего на два года моложе Александра Осиповича и учился медицине в Московском университете примерно одновременно с ним, а затем служил врачом Московской дворцовой конторы, получив казенную квартиру в Кремле и придворное звание гоф-медика. Т.А. Кузминская (сестра С.А. Толстой, урожденная Берс) в своих воспоминаниях описывает один любопытный случай, произошедший в октябре 1864 г. Т.А. Кузминская только что вернулась домой в Москву из С.-Петербурга, оставив отца поправляться после серьезной болезни под присмотром матери, и писала сестре в Ясную поляну: “Вообрази, Соня, в Москве Трубецкой объявил в Совете, что получили депешу, что папá умер. К детям приехал Анке, убитый, грустный, Армфельд. Си-

---

³⁷ Родословная книга дворянства Московской губернии... С. 61.

³⁸ *Богданов А.П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

³⁹ *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь... С. 750.

⁴⁰ *Добролюбов Н.А.* Письмо Бордюгову И.И. // Горячим словом убежденья (“Современник” Некрасова – Чернышевского). М., 1989. С. 348.

⁴¹ *Брешко-Брешковская Е.К.* Из воспоминаний (С.А. Лешерн, Н.А. Армфельд, Т.И. Лебедева, М.К. Крылова, Г.М. Гельфман) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1918. № 10–12. С. 192.

дят и разливаются, плачут... Одним словом, в Москве его все похоронили и оплакивали... Это очень хорошо, значит долго жить папá”⁴². В 80-е гг. Л.Н. Толстой, по-видимому, не однажды бывал в доме Анны Васильевны, например, он записал в своем дневнике 11 мая 1884 г.: “Я пошел... к Армфельд. Сидели вечер. Разошлись дружно”⁴³. У Л.Н. Толстого бывали и младшие члены семьи Армфельд. Так, 9 августа того же 1884 г. запись в дневнике: “Приехал Армфельд (А.А. Армфельд, старший сын А.О. Армфельда. – О.В.) Я целый день болтался и болтал с ним. Произведения науки как учреждение вроде церкви, пустая важность. И умен, и знающ, но пуст”⁴⁴, – в своем неподражаемом стиле писал Лев Николаевич.

Ко времени рождения Ольги Александровны (18 ноября 1845 г.) в семье уже были сын Александр (16 июля 1842–9 июня 1897), о котором подробнее мы будем говорить ниже)⁴⁵ и дочь Надежда (26 ноября 1844–31 июля 1858), умершая в возрасте 14 лет. Вскоре последовало рождение младших детей Сергея (16 июля 1848), Натальи и Николая. Свой след в истории оставили Наталья Александровна (8 января 1850–1887) и Николай Александрович (31 марта 1858 – 18 января 1880) Армфельд⁴⁶. Позднее, в своей автобиографии Ольга Александровна писала, что в семье было 9 человек детей: пятеро сыновей и четыре дочери⁴⁷.

---

⁴² Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной поляне. [Б. м.]: Приокское книжное издательство, 1976. С. 310; А.Е. Берс прожил еще около четырех лет и умер 31 марта 1868 г., пережив А.О. Армфельда на 19 дней.

⁴³ Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 92.

⁴⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х т. М., 1985. Т. 21: Дневники 1847–1894. С. 344.

⁴⁵ В литературе точная дата рождения А.А. Армфельда до настоящего времени оставалась неизвестной. “Большая советская энциклопедия” относит ее к 1839 г. (М., 1926. Т. 3. С. 404); словарь “Деятели революционного движения в России” пишет, что А.А. Армфельд родился около 1833 г. (Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. А–Е. М., 1929. Ст. 54). Вслед за этими двумя изданиями авторы различных комментариев к научным публикациям, в которых так или иначе упоминалось имя Александра Армфельда младшего упоминали дату его рождения 1833 или 1839 г. (см. например: Борьба за науку в царской России. Незданные письма И.М. Сеченова, И.И. Мечникова, Л.С. Ценковского, В.О. Ковалевского, С.Н. Виноградского, М.М. Ковалевского и других. М.; Л., 1931. С. 212.). Мы утверждаем, что точная дата рождения А.А. Армфельда – 16 июля 1842 г. Помимо “Родословной книги дворянства Московской губернии” вводимая нами в научный оборот дата подтверждается свидетельством о крещении, копия которого была предоставлена А.А. Армфельдом при поступлении в Московский университет: “Копия свидетельства о рождении и крещении Александра Армфельда. Крещен в церкви Св. Мученицы Татьяны, что в Императорском Московском университете. Запись № 5 от 1842 г.” (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 28. Д. 229. Л. 3).

⁴⁶ Родословная книга дворянства Московской губернии... С. 61.

⁴⁷ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

Кто были остальные трое неизвестно, но поскольку никто из них не упоминается ни в каких документах, можно предположить, что они умерли в младенчестве.

Семья была достаточно состоятельна. “Указатель селений и жителей уездов Московской губернии” 1852 г. издания свидетельствует о том, что А.О. Армфельд владел деревней Жилино (Московского уезда), расположенной в 42-х верстах от Тверской заставы. Правда, эта деревня была невелика: 6 дворов, в которых проживали 30 крестьян мужского пола и 19 женского⁴⁸. Но уже в 1854 г. семья приобрела усадьбу Тропарево, расположенную на высоком левом берегу реки Протвы в Можайском уезде Московской губернии. Этой старинной усадьбе, известной с середины XVII в., принадлежало 40 дворов, в которых жили 153 мужчины и 157 женщин (по сведениям 1852 г.)⁴⁹, старинный парк площадью около 15 гектаров, а также Покровская церковь, построенная по заказу князя Н.П. Коркодинова в начале XVIII в. и освященная в 1713 г.⁵⁰ Усадьба располагалась в 125 верстах от Москвы и в 15 верстах от уездного города Можайска⁵¹. По-видимому, семья владела также и другими имениями. Во всяком случае, “Родословная книга дворянства Московской губернии” называет О.А. Армфельда “домовладельцем”, а также “землевладельцем в Москве, Можайском и Мосальском уездах”⁵². Впоследствии Ольга Александровна всегда подчеркивала, что в юности она не нуждалась в материальных средствах⁵³.

Ольга Александровна родилась в квартире А.О. Армфельда, расположенной в здании Московского университета (возможно, это было добрым предзнаменованием), позднее семья жила в квартире, предоставленной Московским Николаевским сиротским институтом, и, наконец, в собственном особняке на Плющихе (дом Щербачева, который в 1837 г. снимала семья Толстых, сегодня дом № 11)⁵⁴. Зимы Армфельды проводили в Москве, летом семейство перебиралось в Тропарево. Когда сыновья подрастали, их определяли учиться в одну из московских мужских гимназий. Девочки получали традиционное домашнее образование с помощью гувернантки, однако родители, по-видимому,

---

⁴⁸ Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852. С. 34.

⁴⁹ Там же. С. 611.

⁵⁰ *Подъяпольская Е.Н., Разумовская А.А., Смирнов Г.К.* Памятники архитектуры Московской области. Вып. 3. М., 1999. С. 278–280.

⁵¹ Указатель селений... С. 611.

⁵² Родословная книга дворянства Московской губернии... С. 61.

⁵³ *Богданов А.П.* Указ. соч. Л. 26.

⁵⁴ Эта последняя информация содержится в: *Трофимов В.* Москва: Путеводитель по районам. М., 1976. С. 32. Выявить ее источник нам не удалось.

сочли это недостаточным, и вначале старшая, Ольга, а впоследствии и младшая, Наталья, были определены в Московский Николаевский сиротский институт. Ольга Александровна поступила в Николаевский институт 2 сентября 1857 г. в возрасте одиннадцати лет. Николаевский институт в том виде, в каком его застала Ольга Армфельд, был создан (точнее, реорганизован) в 1837 г. Он представлял собой закрытое среднее учебное заведение, готовившее воспитательниц и учительниц. В него принимались девочки-сироты, дочери обер-офицеров. Однако с 1853 г. классным дамам и служащим Воспитательного дома было разрешено отдавать в Институт своих детей, которые могли обучаться в нем бесплатно при выполнении некоторых условий. Большая часть этих условий была направлена на сохранение нравственности “приходящих” учениц, свободное время которых Институт не мог контролировать. Прежде всего, правила диктовали, что “...дочери чиновников, живущих в наемных квартирах, не могут быть допущены к посещению классов”, – далее отмечалось, что, – “экстерны, посещая заведение в назначенное для уроков время, остаются на полном содержании родителей, которые обязаны одевать их по установленной для прочих воспитанниц форме”; экстерны должны были “являться в класс к определенному времени и подчиняться всем правилам заведения, а в случае нарушения их всем установленным взысканиям”, – и, наконец, – “родители и родственники экстерн обязаны иметь необходимое за ними дома наблюдение и следить за приготовлением заданных уроков, не выводить их в места публичных гуляний и увеселений, в чем и должны дать особую подписку”⁵⁵.

Что касается целей и задач обучения и, соответственно, характера учебных программ Николаевского института, то к их созданию приложил руку Александр Осипович Армфельд: факт, который сам по себе служит некоторой рекомендацией. Заняв в 1838 г. (как упоминалось выше) должность Инспектора классов Института, он стал ответственным за организацию в нем учебного процесса и за приглашение преподавателей⁵⁶. По степени способностей к обучению девочки разделялись на три класса или отделения: первое, готовившее кандидаток, получавших после соответствующих экзаменов диплом “Домашних Наставниц”; второе, обучавшее будущих “Домашних Учительниц”, и третье, в котором собирались девочки, практически неспособные к обучению и потому получавшие диплом “Надзирательниц малолет-

---

⁵⁵ Исторический очерк Московского Николаевского сиротского института (за 50 лет его существования. 1837–1887 г.). М., 1887. С. 58–59.

⁵⁶ Там же. С. 19–22.

них детей”. В первом отделении в 1856 г. преподавался “высший педагогический курс наук, языков и искусств”; во втором – средний курс; в третьем курс ограничивался “одними элементарными предметами”, а большая часть времени “употреблялась на рукоделия”⁵⁷. На первый взгляд кажется, что различие выдававшихся девушкам дипломов состояло исключительно в их названии, поскольку никто из выпускниц (независимо от диплома) не имел права преподавать научные дисциплины даже в женской гимназии, не говоря уже о гимназии мужской. Тем не менее разница была, и существенная. Специальные, “Высочайше утвержденные” правила, устанавливали размер заработной платы для выпускниц Института на первом месте их службы в соответствии с их дипломом: “кандидатке первого разряда (в которые зачислялись лучшие по успехам) 1200 руб., второго – 1000 руб., третьего – 800 руб. в год (ассигнациями. – *О.В.*). Окончившим курс по 2-му отделению... определялось жалованье, смотря по степени знания и способностям от 150 до 250 рублей серебром в год”, воспитанницы 3-го отделения “поступали в дома на жалованье от 80–100 руб. сер.”⁵⁸. Уровень преподавания научных дисциплин в Институте был невысок, и даже инспектор классов мало что мог с этим поделать.

В 1847 г. Николай I обратил внимание на женские учебные заведения своей империи и высказал несколько пожеланий. Он отметил, что главнейшая обязанность подобных заведений – “образование добрых жен и хороших матерей семейств”, и именно “с сею главною целью” должна соображаться “и учебная часть тех заведений, образование в них девиц, особенно в институтах”⁵⁹. В соответствии с этим пожеланием специальный Комитет, возглавляемый Е.И.В. принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским, выработал “Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений”, включавшее в себя не только набор изучаемых предметов, но и количество учебных часов, обязательных для учебного заведения той или иной категории. “Наставление” было утверждено Николаем I в 1852 г.⁶⁰ Цели и задачи всего курса обучения рассчитывались с учетом “естественного назначения” (предназначения) женщины (как оно понималось Николаем I, хотя в своем мнении по этому вопросу он был далеко не одинок) и ее положения в обществе. Составители исхо-

---

⁵⁷ Отчет Императорского Московского воспитательного дома. М., 1856 // ЦИАМ. Ф. 108. Оп. 3. Д. 28. Л. 6–6 об.

⁵⁸ Исторический очерк Московского Николаевского сиротского института... С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 28–29.

⁶⁰ *Ольденбургский П.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852.

дили из того, что “главное назначение женщины есть семейство”, что женщина “создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других” и потому должна знать, “что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно-го”. Соответственно, по их мнению, “главная цель воспитания должна быть религиозно-нравственная”. Для ее достижения необходимо: “1) Избегать всего, что могло бы оскорблять скромность пола и возраста, и что было бы противно приличию и нравственности. 2) Не увлекаться умозрительными теориями, а примеряться к возрасту и понятиям, излагая все преподаваемое кратко, ясно и занимательно. 3) Развивать у воспитанниц более силы нравственные и умственные, чем обременять одну память излишними подробностями. 4) Стараться возбуждать в воспитанницах любовь к наукам, так, чтобы они по выходе из заведений, могли усовершенствовать себя далее и без помощи посторонней. 5) Строго держаться данных наставлений и программ, соразмеряя распределение курса с числом уроков...”⁶¹. Остается только удивляться, каким образом при подобных целях Институт выпустил из своих стен не только такого выдающегося ученого и путешественника как Ольга Александровна Федченко, но и нескольких революционерок-народниц.

Каким образом можно было одновременно выполнить указания, содержащиеся в параграфах третьем, четвертом и пятом, не очень понятно. Большинство научных дисциплин в Николаевском институте преподавали выпускники (кандидаты) Московского университета, среди которых можно было встретить будущих выдающихся ученых, как, например, К.Ф. Рулье. Однако количество часов, отведенных на преподавание научных дисциплин, было настолько мало, что говорить о каком-то серьезном образовании, во всяком случае по предметам естественнонаучного и математического цикла, не приходилось. Вот, например, как распределялись учебные часы в Николаевском институте (в соответствии с программами принца Ольденбургского): “Закон Божий 3 часа (в неделю. – *О.В.*), русская словесность – 3, французская словесность – 4 1/2, немецкая – 4 1/2, арифметика – 1 1/2, о произведениях природы – 1 1/2, о явлениях природы – 1 1/2, всеобщая и русская география – 3, всеобщая и русская история – 3, рисование – 3, чистописание – 3”⁶².

---

⁶¹ *Ольденбургский П.* Указ. соч. С. 8–11.

⁶² Исторический очерк Московского Николаевского сиротского института... С. 30–31.

Именно этому набору предметов и обучалась юная Ольга Армфельд, начиная с 1857 г., а через пять лет и ее младшая сестра Наталья. Однако Анна Васильевна Армфельд считала, что программа Института недостаточна, и поэтому ее дочери занимались дополнительно дома музыкой, рисованием и английским языком⁶³. Е.К. Брешко-Брешковская писала, что “Анна Васильевна Армфельд, желая дать своим дочерям практическое знание иностранных языков, всегда держала в доме англичанок или француженок”⁶⁴. Неудивительно, что обе девушки свободно владели иностранными языками. Откуда взялось увлечение Ольги естественными науками, определить сложнее. Отвечая на вопросы анкеты А.П. Богданова для его “Материалов для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.)”, Ольга Александровна написала, что еще в школьные годы она “составляла себе небольшую коллекцию минералов, раковин и чучел птиц, а живя летом в деревне... собирала яйца птиц”⁶⁵. Свой первый гербарий – гербарий растений Можайского уезда – она составила, будучи еще институткой, в 1861 и 1862 гг.⁶⁶ Кто пробудил в девушке это увлечение? Было ли это влияние кого-то из учителей, отца или, возможно, матери? С уверенностью мы не можем об этом сказать: свидетельства самой О.А. об этом не сохранились.

Официальная доктрина поощряла увлечение молодых девиц ботаникой: “Из всех естественных наук Ботаника есть та, которая наиболее свойственна для девиц. Они, естественно, должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и, в особенности при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение”, – писал принц Ольденбургский⁶⁷. В этом смысле общество было несравненно благосклоннее к девице, пожелавшей изучать ботанику, чем к той, что увлеклась, например, математикой. По программе принца Ольденбургского математика преподавалась в женских учебных заведениях следующим образом: “...сначала воспитанницы упражняются в умственном исчислении, и в изучении таблицы умножения; потом, узнав четыре правила с дробями, переходят к именованным числам и к решению задач с применением тройного правила, и, наконец, упражняются в ведении приходно-расходных книг, столь необхо-

---

⁶³ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

⁶⁴ Брешко-Брешковская Е.К. Указ соч. С. 192.

⁶⁵ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

⁶⁶ Там же. Л. 26.

⁶⁷ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 25.

димых для правильного и бережливого хозяйства, и знакомятся с определением и измерением главных плоскостей тел”⁶⁸. Более глубокие знания в данной области считались излишними. В этом отношении О.А. Армфельд, точнее О.А. Федченко (поскольку именно под этим именем она вошла в историю ботаники), повезло несравнимо больше, чем, например, С.В. Ковалевской. Ей не пришлось преодолевать предубеждение окружающих в самом начале своего пути. Она с благодарностью вспоминала помощь, которую оказывали ей ее учителя в Николаевском институте (И.И. Бордюгов и И.Я. Ковалевский), а также заведующий Зоологическим музеем Московского университета Н.К. Зенгер⁶⁹. Ей также не пришлось преодолевать сопротивление семьи. Например, отец С.В. Ковалевской (подруги младшей сестры Ольги Александровны, Наташи), узнав об увлечении дочери алгеброй, счел его настолько неподобающим, что приказал ей немедленно прекратить всякие занятия математикой. “Так как целый день я была под строгим надзором гувернантки, – пишет С.В. Ковалевская, – то мне приходилось пускать в дело хитрость. Идя спать, я, при тусклом свете лампы или ночника, зачитывалась по целым ночам. При таком положении вещей я, разумеется, не смела и мечтать о продолжении правильных занятий моим любимым предметом...” и только настойчивое вмешательство соседа-профессора смогло изменить эту ситуацию⁷⁰. Подобную картину невозможно себе вообразить в доме Армфельдов. Но несмотря на благосклонное отношение общества и поддержку преподавателей, решающее значение в увлечении молодых Армфельдов естествознанием, как нам кажется, сыграла все-таки семья, точнее, мать, Анна Васильевна Армфельд.

Если бы любовью и интересом ко всему растущему и живущему отличалась только одна из дочерей, например, Ольга, можно было бы предположить решающее влияние школы или кого-то из друзей. Но нам известно, что не только Ольга Федченко, которая по праву носит титул первой выдающейся женщины-ботаника нашей страны⁷¹, увлекалась естествознанием. Ее брат Александр Александрович Армфельд стал агрономом, хорошо известным в стране ученым-животноводом. Подруги Натальи Армфельд, разделявшие с ней заключение в тюрьме на Каре⁷²,

---

⁶⁸ Там же. С. 27.

⁶⁹ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

⁷⁰ Ковалевская С.В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.; Л. 1945. С. 125.

⁷¹ См.: Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск, 1983. С. 41.

⁷² Подробнее о судьбе Н.А. Армфельд см. в главе 3.

вспоминали, что “...в маленьком дворе тюрьмы-гауптвахты Наташа еще раннею весною... устроила небольшой, но рациональный огород. Гряды были пышные, удобренные и покрытые хорошим черноземом. Из Москвы “мама” прислала ей огородных семян, годных для северного климата, и уже в конце мая гряды красовались зеленью редиса, огурцов, репы, моркови и других овощей. Ухаживала она за своим огородом ревностно и с любовью”, при переводе в другую тюрьму этот огород пришлось бросить, но и на новом месте “...едва началась весна, снег становится мягким, и солнце пригревало его, особенно у подножия “палей”; Наташа уже доставала с помощью Магомета лопату, отгребала снег и рыхлила землю для будущего подобия огорода. Через ту же надзирательницу доставала огородные семена, сеяла их в ящичках, ставила на окно в коридоре, а когда установилось тепло, то высаживала рассаду на взрыхленную полоску под полями. Она поливала свои растеньица, оберегала их от насекомых, радовалась каждому новому листочку, но, несмотря на этот тщательный уход, “огород” ее был чахлый, поднимался очень медленно и подавал совсем мало надежд. Земля во дворе была песчаная, и солнца было мало. И все-таки это жалкое подобие огорода вызывало интерес всей нашей публики. Ни одна прогулка не обходилась без того, чтобы гуляющие не подходили к заветной полоске, разглядывая каждый стебелек, каждый листок, обсуждая возможность увидеть редиску с кедровый или лесной орех, радуясь появлению цвета на огурцах. Предположениям и прениям не было конца, и Наташа принимала в них самое горячее участие. Ее не покидала уверенность, что в конце августа мы увидим подобие огурца, редьки и других редкостей”⁷³.

Таким образом, практически все младшее поколение семьи было так или иначе с детства увлечено растениеводством, садоводством и всем с этим связанным. При всем уважении, мы не можем представить себе блестящего и остроумного Армфельд-старшего на огороде с лопатой или тяпкой в руках. Хотя, возможно, мы к нему несправедливы. А вот среди дам занятие садоводством было весьма популярно. Но нет никакого сомнения в том, что А.О. Армфельд поддерживал стремление своих дочерей к получению образования или, точнее, к получению знаний. В отличие от отца С.В. Ковалевской, отставного генерал-лейтенанта артиллерии В.В. Корвин-Круковского, имевшего, по ее словам, “сильное предубеждение против ученых женщин”⁷⁴, Армфельд-старший был убежден, что и с медицинской, и с соци-

---

⁷³ *Брешко-Брешковская Е.К.* Указ. соч. С. 200; 202.

⁷⁴ *Ковалевская С.В.* Указ. соч. С. 125.

альной точки зрения женщина не менее пригодна к получению высшего образования и интеллектуальной работе, чем мужчина. Известно, что примерно с 1859 г. некоторые университеты (например, Петербургский) стали допускать девушек к слушанию лекций, так сказать, в частном порядке. К 1861 г. таких слушательниц набралось немало и некоторые из них подали заявления с просьбами о разрешении держать квалификационные экзамены. В результате, правительство обратило внимание и на вопрос о допуске женщин в университеты. Желая знать мнение профессуры по этому поводу, оно весной 1861 г. разослало по университетам специальный запрос⁷⁵. 19 сентября 1861 г. Совет Московского университета получил от Главного Правления училищ (по согласованию с Министерством народного просвещения) следующий запрос, на который должен был представить свое заключение: “1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций, совместно с студентами, и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть постановлены при таком допущении, и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться”⁷⁶. Совет Московского университета, обсуждавший данный запрос 23 сентября 1861 г. “в самом конце продолжительного заседания”⁷⁷, практически единодушно высказался против при ответе на первый вопрос и, следовательно, остальные два не подлежали обсуждению. Из 23 профессоров, принимавших участие в голосовании, только двое (Н.Е. Зернов и А.О. Армфельд) проголосовали за разрешение допущения женщин к университетскому образованию⁷⁸. Надо заметить, что Александр Осипович не ограничился простым участием в голосовании, а составил специальное “Мнение”, которое и направил в Совет университета. Он не только открыто высказался против мнения большинства, но сделал это с присущим ему (слово “остроумие” в данном случае не совсем подходит), скажем, с присущей ему язвительностью: “...не могу умолчать о том, что многие из моих почтеннейших сотоварищей почти единодушно высказали мысль об устройении заведения, к которому бы приготавлилось бы женское юношество в учрежденных ныне гимназиях и в котором довершалось бы, помимо университетов и академий, высшее научное образо-

⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Тихкин Г.А.* Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 160–181.

⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 1 об.

⁷⁷ Там же. Л. 2.

⁷⁸ Там же. Л. 16, 16 об.

вание женского пола, совершенно согласованное с его натурою; с его законными требованиями, с его возможностями. Не [могу] не сочувствовать от всей души этой благородной и вполне современной мысли, и я признаю, что пожалел бы если бы честь осуществления ее не выпала на долю нашего университета, столь богатого средствами всякого рода. Но от проявления идеи до осуществления ее на деле может протечь много времени, между тем как наши университетские аудитории готовы и ждут только одного слова, чтобы открыться для всех желающих войти: пусть же воспользуется ими в ожидании лучшего, та часть любознательной женской публики, которая не имеет возможности выждать устроения и открытия предполагаемого для нее заведения”⁷⁹. (Мы сильно подозреваем, хотя это исключительно частное мнение автора, что А.О. Армфельд не выносил дураков и не любил ханжей). Стоит заметить, что, скорее всего, это выступление, наравне с его участием в “варнековской истории”, в конце концов стоило Армфельду его профессорской кафедры. Других причин для недовольства Армфельдом, бывшим ранее всеобщим любимцем, мы не видим. В любом случае, для нас важно, что, придерживаясь подобных взглядов, Армфельд никак не мог возражать против высшего образования дочерей.

Ольга Александровна Армфельд окончила Николаевский институт в 1864 г. с дипломом кандидатки. Как она писала в различных своих автобиографиях, происходя из состоятельной семьи и не нуждаясь в средствах для жизни, она тем не менее хотела быть полезна, “желая трудиться по убеждению”⁸⁰, и поэтому давала уроки (истории, французского и немецкого языков, рисования, музыки) и занималась переводами (с английского, немецкого, французского). О.А. любила рисовать и продолжала совершенствоваться в этом мастерстве: “Делала некоторые рисунки на заказ, но больше рисовала для собственного усовершенствования, масляными красками, цветы и плоды с натуры и училась рисовать карандашом виды с натуры”, – писала она позднее в автобиографии⁸¹. О.А. даже посещала художественные классы, беря уроки у А.К. Саврасова. Впоследствии яркий художественный талант и развитое умение оченьгодились ей во время экспедиций, а А.К. Саврасов сделал целую серию литографий по рисункам О.А., но об этом мы поговорим ниже.

За всеми этими занятиями детский интерес О.А. к естествознанию, особенно к ботанике, не был забыт, тем более что уже

---

⁷⁹ Там же. Л. 9, 9 об.

⁸⁰ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

⁸¹ Там же. Л. 26.

самые первые ее работы получили признание специалистов: упоминавшийся выше гербарий флоры Можайского уезда, собранный шестнадцатилетней Ольгой в 1861–1862 гг., оказался настолько хорош, что был включен Н.Н. Кауфманом в его знаменитую “Московскую флору”⁸² – выдающееся достижение для любого начинающего ученого, тем более для не имеющей специального образования девушки. По оценкам современных историков науки, “Московская флора” Н.Н. Кауфмана была одним из наиболее значительных трудов по истории флоры Московской губернии, она как бы подвела итоги предыдущего периода в изучении флоры московского региона и знаменовала собой наступление новой эпохи: “История изучения флоры и растительности Московской области отчетливо распадается на четыре последовательных этапа, причем в качестве отделяющих один период от другого можно принять крупные “Московские флоры”, подытоживающие предшествующую работу и служащие отправной точкой для последующих исследований. Таковы флоры И.А. Двигубского, Н.Н. Кауфмана, Д.П. Сырейщикова. Разумеется, такая периодизация, как, впрочем, и всякая другая, условна, но она отражает тот существенный факт, что вплоть до “Московской флоры” Кауфмана (1866) флористическое направление являлось не только определяющим, но по существу единственным в изучении растительного покрова области. ... “Московская флора” Кауфмана с приложенным к ней “Ботанико-географическим очерком Московской флоры” открывает третий этап в истории исследования флоры и растительности Московской области. Этот этап можно назвать ботанико-географическим...”, – пишут авторы очерка истории изучения растительности московского региона⁸³.

Объясняя свое намерение создать “Московскую флору”, Н.Н. Кауфман писал: “Издание флоры или описания растений московской губернии уже давно составляет существенную потребность нашей ученой литературы. “Флора” Двигубского, единственное сочинение, существующее по этому поводу на русском языке, в настоящее время уже очень редко и по давности своего издания (в 1828 г.) не может соответствовать вполне современным требованиям науки”⁸⁴. Стремясь восполнить существующий пробел, Н.Н. Кауфман еще в 1855 г. задумал издать руко-

---

⁸² См.: *Кауфман Н.Н. Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии.* М., 1866.

⁸³ *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Флора и растительность Московской области. (История изучения и аннотированная библиография).* М., 1972. С. 15.

⁸⁴ *Кауфман Н.Н. Указ. соч. [С. 1].*

водство для изучения флоры Московской губернии. Тогда же он начал собирать материалы для планируемой работы. “Сначала я думал издать только руководство к определению московских растений, как необходимое пособие для начинающих заниматься ботаникой, – писал он. – Подобный труд не потребовал бы для своего выполнения тех 9-ти с лишком лет, которые употребил я на издание моего сочинения. В этом сочинении я думал достигнуть еще и другую цель, а именно желал собрать все новейшие сведения о московской флоре и ближе ознакомить ученую публику с характером этой флоры”⁸⁵. Для работы профессор использовал как собственные наблюдения и гербарии, так и труды своих предшественников, и коллег. В предисловии Н.Н. Кауфман подробно рассказал о том, какие части его работы основаны на собственных материалах, а какие – нет: “За исключением Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского мне удалось по нескольку раз побывать в каждом из остальных уездов. Для последних двух, и в особенности для Верейского уезда я успел собрать очень интересные данные у других лиц, что же касается до Рузского и Волоколамского уездов, то об них я имею мало сведений”⁸⁶, – к сожалению, это единственное свидетельство того, что он пользовался материалами Ольги Александровны по Можайскому уезду (поскольку никто другой, насколько известно, в указанный период этим не занимался). Далее Н.Н. Кауфман выражал благодарность тем своим коллегам, которые оказали ему помощь при написании работы, однако имя Ольги Александровны и здесь не упоминается: “Кроме сочинений моих предшественников и сохранившихся после них коллекций, а также и собственного моего гербария, я при составлении моего труда пользовался еще наблюдениями других лиц, которым не могу не выразить за это мою глубокую благодарность. Особенно я обязан Н.И. Анненкову..., а также А.Н. Пятунникову...”⁸⁷ Тем не менее и сама Ольга Александровна, и ее близкие неоднократно в печати упоминали, что ее ранняя ботаническая коллекция “представила серьезный научный интерес, почему и послужила одним из материалов для известной “Московской флоры” проф. Н.Н. Кауфмана”⁸⁸. Значительно позднее, в 80-е гг. XIX в. уже будучи сформировавшимся ученым, Ольга Александровна вернулась к исследованию Можайской флоры и опубликовала ряд работ по этой теме, но об этом мы будем говорить ниже.

⁸⁵ Там же. [С. 1].

⁸⁶ Там же. С. 9.

⁸⁷ Там же. С. 10.

⁸⁸ *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

Сын Ольги Александровны, крупный ботаник, Борис Алексеевич Федченко писал: “Одним из наиболее важных моментов [жизни Ольги Александровны] является начало 1860-х годов. В это время О.А. несмотря на свои молодые годы, уже ведет исследовательскую работу по Московской флоре. Ее материал – в руках проф. Н.Н. Кауфмана, который пишет “Московскую флору” и для Можайского уезда, данные О.А. являются единственными”⁸⁹. Начиная с 1861–1862 гг. О.А. Армфельд регулярно посещала Зоологический музей Московского университета и работала с его коллекциями. Тогда же она познакомилась с группой молодых людей – студентов и недавних выпускников университета, составлявших неформальный кружок А.П. Богданова – прообраз будущего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии⁹⁰, среди которых были Н.К. Зенгер, В.Ф. Ошанин, В.Н. Ульянов, ее будущий муж, Алексей Павлович Федченко. Вместе с этими молодыми учеными (и для них) она проводила ряд исследований (по антропологии, зоологии), помогала им с переводами трудов по естествознанию и ведением иностранной переписки, занималась расстановкой коллекций в Зоологическом музее. Одновременно писала (переводила) небольшие статьи для журнала “Садоводство”. Когда в 1864 г. официально создавалось ОЛЕАЭ, Н.К. Зенгер предложил избрать О.А. Армфельд членом-основателем нового общества, что и было сделано. Мы не можем утверждать с абсолютной точностью, но с большой долей вероятности можно сказать, что Ольга Александровна стала первой в нашей стране женщиной – полноправным членом естественнонаучного общества. Помимо прочего, ее присутствие среди членов ОЛЕАЭ служило наглядной демонстрацией позиции Общества, противопоставившего себя старейшим, всем без исключения элитарным обществам, и громко (а если, точнее, то со скандалом) заявившего о том, что будет принимать в свои члены всех желающих заниматься естествознанием... В 1867 г. Ольга Александровна активно участвовала в первой из организованных ОЛЕАЭ – Этнографической – выставке, составляя каталог и помогая организовывать коллекции Антропологического отдела выставки. Тогда же она получила первую свою награду: благодарность Общества за рисунок крестьянки Рязанской губернии и бронзовую медаль Этнографической выставки за костюмы чувашей и мордвы, предоставленные Ю.Н. Стешиной⁹¹.

---

⁸⁹ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Изв. Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85.

⁹⁰ Далее – ОЛЕАЭ.

⁹¹ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

Итак, сразу после окончания института Ольга Армфельд окунулась в академическую жизнь, хотя формально к ней и не принадлежала. Однако она могла свободно посещать Зоологический музей университета, использовать хранящиеся в нем коллекции для своих исследований, а также консультироваться с сотрудниками музея, преподавателями и студентами, также там бывавшими. Она с самого начала входила в круг студентов, молодых профессоров и недавних выпускников Университета, собиравшихся продолжать свою научную деятельность. Она имела возможность с полным правом посещать собрания ОЛЕАЭ и пользоваться начавшей активно формироваться при нем специальной библиотекой. Работы, выполняемые ею, часто были вспомогательными, требовали технических навыков и умений. Кроме того, она, безусловно, использовала свое превосходное знание иностранных языков и навыки рисовальщицы, для того чтобы быть полезной своим новым друзьям. Одновременно, она пополняла свои знания в области зоологии, ботаники, энтомологии, антропологии, этнографии, а также навыки коллекционирования, организации и хранения коллекций и пр. Будучи тесно связана с Московским воспитательным домом (которому принадлежал Николаевский сиротский институт), она играла роль посредника при контактах своих коллег с обоими этими учреждениями, что могло быть очень полезно, поскольку в этот период целый ряд антропологических исследований проводился на материале, предоставленном Воспитательным домом и в его помещениях. Помимо всего перечисленного, О.А. была дочерью профессора Московского университета и, безо всякого сомнения, знала об университетской жизни не меньше любого студента или начинающего преподавателя, так же как и ее должны были хорошо знать корифеи университета. Таким образом, знакомство с ней могло быть полезным для карьеры молодых и амбициозных ученых, во всяком случае, подобное обстоятельство наверняка способствовало ее принятию в этот тесный круг.

К сожалению, не сохранилось сведений о тогдашнем отношении Ольги Александровны к высшему женскому образованию, хотя этот вопрос был чрезвычайно злободневным, не сходил со страниц периодической печати и несомненно обсуждался в обществе. Нет никаких сведений о том, что она собиралась или пыталась продолжить свое образование. Поскольку высших женских курсов в 1864 г. еще не существовало, а доступ в университеты был закрыт, при желании продолжать образование (и при наличии денег) у девушки были две возможности: найти себе учителей в России (что не давало, разумеется, диплома и, соответственно, права работать по специальности) или поехать за границу в за-

рубежный университет, что также было еще внове. Надо было обладать немалыми средствами, упорством, переходящим в упрямство, а также отчаянной решимостью, чтобы добиться права посещать занятия и тем более права получить диплом. Как уже упоминалось выше, Ольга не нуждалась в средствах, что касается упрямства и решительности, то, как она продемонстрировала в дальнейшем, и того, и другого у нее было более чем достаточно. Вероятно, она не думала о заграничном образовании. Увлеченная практической научной работой, считала, что может получить необходимое образование дома, с помощью своих друзей, а проблема диплома и официального статуса ее не заботила. В дальнейшем, однако, она преуспела в том, что касается официального статуса, но об этом ниже.

2 июля 1867 г. Ольга Александровна Армфельд вышла замуж за Алексея Павловича Федченко (1844–1873). Замужество не только не положило конец ее научным занятиям, но, наоборот, открыло дорогу для дальнейших исследований. С этого времени судьба О.А. была решена и никогда более не изменялась. Короткий период брака (1867–1873) позволил ей расширить свои познания и кругозор, принять участие в крупнейшей научно-исследовательской экспедиции десятилетия (так называемой Туркестанской экспедиции) и вернуться в 1873 г. в Москву после трагической гибели мужа, имея прочный статус и положение в научном сообществе.

Начало масштабных ботанических исследований Туркестанского края (1867–1873)

Замужество, первое заграничное путешествие (Финляндия, Швеция).

Подготовка к Туркестанской экспедиции.

Вторая заграничная поездка (Италия, Австрия) (1867–1868)

Алексей Павлович Федченко родился 7 февраля 1844 г., т.е. он был всего на год старше Ольги Александровны. Однако их детские и юношеские годы сильно различались. В отличие от О.А., ее муж родился в Сибири и провел детство в Иркутске, закончив там мужскую гимназию. Его отец был владельцем прииска, но разорился и умер, оставив вдову с двумя сыновьями (еще трое детей умерли в раннем детстве) в полной нищете. Старший из сыновей, Григорий Павлович Федченко, в это время уже преподавал в Техническом училище в Москве. Он, как мог, поддерживал мать и брата, и только благодаря этой поддержке А.П. смог получить образование. В 1860 г., по окончании гимназии, А.П. поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, сразу оказавшись в центре научной жизни России в период ее начинающегося расцвета. Здесь он познакомился с Г.Е. Щуровским, А.П. Богдановым, А.О. Армфельдом, сыгравшими впоследствии такую значительную роль в его судьбе. Присоединившись к кружку молодежи, собиравшемуся вокруг А.П. Богданова, часто бывая в Зоологическом музее университета, А.П. познакомился с Ольгой Александровной. Их первая встреча произошла 18 ноября 1862 г.⁹² А.П. увлекался естествознанием во многих его проявлениях: ботаникой, энтомологией, антропологией. Во многом его интересы совпадали с интересами О.А., которая в это время еще училась в Николаевском институте. Молодые люди находили немало общих тем для бесед. В 1863 г. А.П. совершил свою первую научную экспедицию, сопровождая брата, Г.П. Федченко, в поездке по соленым озерам Южной России. В 1864 г. А.П. закончил университет с дипломом кандидата (тогда же, когда О.А. окончила свой институт) и в 1865 г. был при-

---

⁹² Там же. Л. 26.

нят на работу преподавателем естественной истории в 3-й класс Московских училищ ордена св. Екатерины и Александровского, поскольку не имея никакого состояния, должен был зарабатывать себе на жизнь⁹³. Но несмотря на это привязанность А.П. принадлежала Московскому университету и его вновь образованному (в 1864 г.) Обществу Любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором он, как и О.А., был членом-основателем, поэтому, при первой же возможности, в 1866 г., А.П. вернулся в университет – на должность помощника инспектора студентов. В 1864–1866 гг. О.А. и А.П. много времени проводили вместе – за научной работой. О.А. перевела для А.П. первую часть “Антропологии” Т. Вайца⁹⁴ и вместе с ним переводила вторую⁹⁵, помогала ему с антропологическими измерениями черепов младенцев в Воспитательном доме, вела для него иностранную переписку, вместе с А.П. и для него собирала коллекции насекомых, переданные впоследствии в Зоологический музей университета и вошедшие в работу А.П. “Список двукрылых”⁹⁶.

Разница в социальном и материальном положении их семей ничего не значила для О.А. Не воспринималась она как препятствие и старшим поколением ее семьи. Общность научных интересов и устремлений, объединявшая молодых людей, жажда познания мира, стали прочной основой для их союза. Нет никаких сомнений в том, что ко дню свадьбы О.А. и А.П. неплохо знали друг друга, и их планы на будущее вполне совпадали. Оба молодые, красивые, высокие, полные энергии и жажды деятельности, они были влюблены друг в друга, в науку и в путешествия. К сожалению, существовавшие письма А.П. к О.А. либо не сохранились, либо пока еще не обнаружены⁹⁷.

Сразу после свадьбы О.А. и А.П. направились в Северную Европу, куда А.П. был командирован ОЛЕАЭ “преимуществен-

---

⁹³ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 26.

⁹⁴ *Вайц Т.* Антропология первобытных народов / пер. А.П. Федченко. М., 1867. Вып. 1.

⁹⁵ См.: *Богданов А.П.* Указ. соч. Л. 26.

⁹⁶ *Федченко А.П.* Список двукрылых насекомых Московской губернии // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1868. Т. VI. Вып. 1.

⁹⁷ О.А.Ф. упоминает о существовании этих писем в своем письме к А.П. Богданову от 4 марта 1874 г.: “Я, напр[имер], дала многие письма А.П. ко мне”, – пишет она, обращаясь с просьбой к Богданову передать имевшиеся у него письма А.П. Д.Л.Иванову, собиравшемуся в тот момент писать биографический очерк А.П. Правда, это намерение так и не было исполнено (Архив РАН. Ф. 466. Оп. 2. Д. 674. Л. 7 об.).

но с антропологической целью – для обозрения существующих краниологических коллекций и для изучения финских черепов”⁹⁸. Для О.А. это была первая заграничная поездка, для А.П. – вторая⁹⁹. Летом–осенью 1867 г. супруги Федченко посетили Финляндию и Швецию. Они осмотрели естественноисторические музеи Гельсингфорса и Стокгольма. О своих занятиях во время этого путешествия О.А. впоследствии писала: “В Гельсингфорсе записывала измерения черепов и сделала со снарядом 220 рисунков финских черепов. Срисовала рисунки древних финских могил, которые давал Федченко профессор финского языка Готлунд, а в поездке по стране – водопад Кюро и составила гербарий местной флоры. В Стокгольме также записывала измерения черепов, собирала растения и осматривала, вместе с А.П. Федченко, местный музей, богатый каменными орудиями”¹⁰⁰. В целом эта поездка была недолгой, и О.А. проводила немало времени, помогая А.П., основными приоритетами которого являлись антропология и зоология, вероятно, именно поэтому она, по словам Б.А. Федченко, “не имела возможности тогда завязать достаточных связей в научно-ботаническом мире”¹⁰¹. Тем не менее во время пребывания в Финляндии О.А. успела собрать коллекцию растений – около 200 различных видов¹⁰². Вернувшись из Северной Европы, О.А. и А.П. провели около четырех месяцев в Москве. За это время они успели съездить в С.-Петербург (конец декабря 1867 г. – начало января 1868 г.), где А.П. принял участие в I Съезде естествоиспытателей и врачей (28 декабря 1867 – 4 января 1868), а О.А. его сопровождала. Но уже в январе 1868 г. А.П. получил новое многообещающее назначение.

В 1867 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии впервые громко заявило о себе организацией в Москве Этнографической выставки, завоевавшей уважение научно-

---

⁹⁸ Двадцать шестое заседание Общества сентября 30-го дня 1867 г. // Протоколы заседания ОЛЕАЭ с 15 октября 1865 по февраль 1869 г. Изв. ОЛЕАЭ. 1866. Т. III. Вып. 2. С. 99.

⁹⁹ Впервые А.П. посетил Европу в 1865 г., будучи командированным Распорядительным комитетом ОЛЕАЭ по устройству Этнографической выставки. В эту свою поездку А.П. посетил Берлин, Париж, Лондон, Амьен, Аббевиль, Женеву, Бонн, Кельн, Льеж (См.: Десятое заседание 14 сентября 1865 г. // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ от 14 мая 1866 по 29 августа 1866 г. Изв. ОЛЕАЭ. 1866. Т. III. Вып. 1. С. 141–142).

¹⁰⁰ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁰¹ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. (Черновик) // СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 28.

¹⁰² См.: Каталог гербариев О.А. Федченко // СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–71; [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко // Изв. Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 97.

го сообщества и популярность у московской публики. Выставку посетило также немало высокопоставленных особ и среди них – генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. Генерал-губернатор подыскивал лиц (или организацию), способных взяться за выполнение самых необходимых естественнонаучных исследований в подведомственном ему Туркестанском крае. Г.Е. Щуровский, президент ОЛЕАЭ, прекрасно понимал, какой простор для исследований и открытий может предоставить ученым подобное задание, он также несомненно отдавал себе отчет в том, как благотворно может сказаться участие в подобном проекте на судьбе молодого Общества. После первого разговора во время посещения выставки, К.П. фон Кауфман и Г.Е. Щуровский обменялись несколькими письмами. В результате была достигнута следующая договоренность: К.П. фон Кауфман принимает на службу ученого, рекомендованного Обществом, в обязанности которого будет входить изучение края в естественнонаучном отношении; ОЛЕАЭ обеспечивает ему полное научное содействие и поддержку. Ученым, избранным ОЛЕАЭ для исполнения этой миссии, стал А.П. Федченко.

Общество проголосовало за кандидатуру А.П. 25 января 1868 г., однако, как это часто бывает, бюрократические согласования заняли немало времени. В итоге в распоряжении ОЛЕАЭ оказался почти год для подготовки экспедиции. Эта подготовка велась в двух направлениях. Во-первых, Общество привлекло выдающихся ученых к работе по составлению подробных инструкций для экспедиции. Во-вторых, А.П. Федченко был командирован за границу для проведения необходимых подготовительных мероприятий, в том числе личного знакомства с зарубежными исследователями, музейными коллекциями, покупки необходимого научного оборудования и т.п. Поскольку с самого начала предполагалось, что Ольга Александровна станет сопровождать своего мужа в Туркестан, она поехала вместе с ним и в Европу.

Супруги Федченко выехали в Европу уже в феврале 1868 г. На этот раз их путь лежал в южную Италию. Большую часть времени, около двух месяцев в марте–мае 1868 г., А.П. и О.А. провели в Неаполе, где А.П. посещал Неаполитанскую морскую биологическую станцию (в тот момент там работала целая группа российских зоологов во главе с А.П. Богдановым), встречался со многими иностранными учеными. О.А., в свою очередь, посвящала время сбору гербариев. “Живя все время в... Неаполе, – пишет Б.А. Федченко, – О.А. совершала постоянно экскурсии в окрестностях с его богатой флорой и собрала большой гербарий, около 500 видов, сохранившийся до сих пор в целостности у Б.А. (Б.А. Федченко. – *О.В.*). Сбор растений и их изучение позволили

О.А. хорошо ознакомиться с типичной флорой Средиземноморской области, что очень пригодилось для ботанических работ О.А. в Средней Азии, куда она отправилась уже в том же году”¹⁰³. На обратном пути из Италии О.А. и А.П. задержались на месяц в Австрии. Вначале они остановились в Триесте, где О.А. провела несколько ботанических экскурсий – сухопутных (в окрестностях Зауле), и морских – по флоре морских водорослей, в то время как А.П. изучал фауну Адриатического моря. Далее они направились в Вену, где провели около двух недель, за которые О.А. успела осмотреть ботанические учреждения Вены и немного поработать в них, сделав некоторые справки¹⁰⁴.

Во время пребывания супругов Федченко в Европе произошла первая трагедия в жизни О.А.: 12 марта 1868 г. неожиданно, уже поправляясь после недолгой болезни, умер ее отец – Александр Осипович Армфельд. О.А. не могла быть на похоронах. Вернувшись домой, она провела лето 1868 г. в Подмоскowie, в имении своей семьи Тропарево. Здесь она занялась уже ставшим привычным делом – сбором коллекций подмосковной флоры: “Летом 1868 г. собирала растения в Можайском уезде и особенно в Рузском, на озерах Тростенском и Глубоком”, – писала О.А. впоследствии в своей автобиографии¹⁰⁵. Позднее материалы этого гербария были использованы В.Я. Цингером в его исследовании “Сборник сведений о флоре Средней России”¹⁰⁶. 23 октября 1868 г. супруги Федченко выехали в Туркестан¹⁰⁷.

Туркестанская экспедиция супругов А.П. и О.А. Федченко (1868–1872)

Алексей Павлович был назначен главой экспедиции, юридически состоявшей из него одного. С 1 октября 1868 г. он официально направлялся в распоряжение туркестанского генерал-губернатора¹⁰⁸. К.П. фон Кауфман достаточно четко представлял себе, что именно он хочет получить от своего нового сотрудника:

---

¹⁰³ Федченко Б.А. О.А.Федченко и ее сношения с иностранными учеными... Л. 10.

¹⁰⁴ Там же. Л. 7.

¹⁰⁵ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

¹⁰⁶ Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М., 1866.

¹⁰⁷ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁰⁸ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко... С. 30.

“...обязанность Ваша, – писал он. А.П., – будет заключаться в научном исследовании вверенного мне края, согласно инструкции Общества и моих указаний...”¹⁰⁹ Инструкции, составленные специальной комиссией ОЛЕАЭ под председательством президента Общества Г.Е. Щуровского и с привлечением многих известных специалистов, были достаточно подробными. Они охватывали следующие направления: зоологию и антропологию, “как главные предметы экспедиции”, геологию, ботанику, этнографию и географию¹¹⁰. Хорошо понимая, что в полевых условиях точное следование даже самым подробным инструкциям может оказаться затруднительным, комиссия, однако, признала необходимым поставить на вид следующие требования, которые считала наиболее необходимыми: “1) Составление коллекций местных естественных произведений и продуктов, от них получаемых. 2) Изучение беспозвоночных животных вообще. 3) Изучение фауны Аральского моря и озер. 4) Изучение домашних животных. 5) Производство антропологических и в особенности краниологических исследований над туземным населением. 6) Раскопка курганов. 7) По возможности разностороннее изучение местностей, еще не посещенных другими путешественниками, если в таких местностях придется производить наблюдения...”¹¹¹. Основными предметами специализации А.П. как раз и были зоология и антропология, что во многом определило выбор его кандидатуры. Однако подготовка А.П. в области ботаники была совсем не такой глубокой. Правда, как выясняется при изучении документов, с самого начала предполагалось, что ботаническими исследованиями станет заниматься другой человек. Ольга Александровна была не первой женщиной, собиравшейся сопровождать мужа в его научных экспедициях. Известно также, что супруги путешественников часто выполняли роли их ассистентов и помощников. Но чтобы женщина являлась полноправным участником экспедиции, полностью отвечавшим за какое-то направление исследований, – таких прецедентов в отечественной науке не случалось (по крайней мере, нам они не известны). Конечно, формально, О.А. просто сопровождала мужа, и ни в каких документах ОЛЕАЭ не содержится сведений о ее официальном назначении или, например, жаловании. Тем не менее ее роль была известна всем заинтересованным лицам. Единственное же письмен-

¹⁰⁹ Отношение г. Туркестанского генерал-губернатора на имя А.П. Федченко // Инструкция для Туркестанской экспедиции. Изв. ОЛЕАЭ. 1869. Т. III. Вып. 2. С. 4.

¹¹⁰ [Щуровский Г.Е.] Предисловие // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 3.

¹¹¹ Там же. С. 3.

ное упоминание о статусе О.А., относящееся к периоду подготовки экспедиции, содержится в письме К.П. фон Кауфмана начальнику Зеравшанского округа А.К. Абрамову от 4 октября 1868 г. Письмо содержит приказ Кауфмана об оказании всяческого содействия А.П., которому предписывается начать свою научную деятельность как раз с Зеравшанского округа: “Сообщая о вышеизложенном к сведению вашего превосходительства, – пишет Кауфман, – предлагаю вам, милостивый государь, оказывать г. Федченко *и отправляющейся с ним в качестве ученого же – его жене* всякое содействие в возложенном на него поручении (курсив наш. – О.В.)”¹¹². Через много лет после окончания экспедиции, 17 марта 1902 г., выпуская в свет “Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко”, О.А. писала: “Задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне”¹¹³.

Инструкции или, точнее “мнения”, касавшиеся ботанических исследований, были составлены Н.Н. Кауфманом, В.Д. Мешаевым (членом ОЛЕАЭ), Н.М. Агениковым (директором Главного училища садоводства в Умане), а также академиком Н.И. Железновым (директором Петровской земледельческой академии)¹¹⁴. В них присутствовали личные пожелания ученых, интересовавшихся теми или другими растениями Туркестанского края, список ботанической литературы по Туркестанской флоре, список известных растений Туркестана, практические рекомендации по собиранию коллекций, методам их сохранения и пр. Наиболее важным, разумеется, было составление ботанических коллекций. Задачи, стоявшие перед ботаником экспедиции, в данном отношении наиболее четко сформулировал В.Д. Мешаев. Он писал: “Что касается до составления ботанических коллекций, то желательно, чтобы в состав их входили следующие предметы: 1) Полные экземпляры растений, цельные и по возможности хорошо сохраненные: а) высушенные в естественном положении в песке или обыкновенным способом между пропускною бумагою; б) в жидкости – мясистые; в) в рисунках и фотографиях – растения слишком больших размеров; при этом уменьшения должны быть по возможности одного масштаба (10, 100, 400 раз).

---

¹¹² 1868 г. октября 4. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана начальнику Зеравшанского округа А.К. Абрамову // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 53.

¹¹³ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902. С. [I].

¹¹⁴ См.: Инструкции по ботанике // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 26–34.

2) Отдельные части растений: стебли (цельные или в отрубках), корни, цветы, плоды и проч.; сочные и мясистые в жидкости, не изменяющиеся – высушенными. 3) Продукты растений: а) продукты в том виде и форме, как они выделяются, напр[имер] смолы, воск, нераздельно с самой частью, их выделившею; б) продукты, получаемые от растений, как они поступают в торговлю и в чистом виде. 4) Наиболее характерные образцы произведений из продуктов для показания свойств и приложения последних. 5) Уроdlivosti и болезни растений, в особенности хорошо сохранные (мягкие части в жидкости) или верно и отчетливо выраженные в рисунках. Все предметы должны быть цельны и свежи. При каждом обозначается местность, время сбора, местное название и проч.”¹¹⁵. Пожелания Н.Н. Кауфмана почти точно совпадали с инструкциями В.Д. Мешаева: “В ботаническом отношении, – писал Н.Н. Кауфман, – было бы очень интересно получить из Туркестанского края следующее: 1) сушеные растения, встречающиеся в несомненно диком состоянии в Туркестанской области и их семена. Желательно, чтобы образцы этих растений были полные, т. е. состояли из веток с цветами и даже с плодами и чтобы при каждом растении было показано время (число и месяц) его сбора и его местонахождение (название города или местечка и характер местности). Если растения маленькие, то они могут быть высушены с корнем”¹¹⁶. Таким образом в непосредственную обязанность О.А. входил сбор ботанических коллекций. Но этим ее участие в экспедиции не ограничивалось: за отсутствием фотографа на О.А. легли обязанности экспедиционного художника.

“Туркестанская экспедиция А.П. Федченко” – название, под которым почти трехлетняя исследовательская работа супругов Федченко в Туркестане известна в литературе, – стала одним из самых знаменательных научных событий своего времени. “А.П. Федченко, ... собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многочисленных исследователей Туркестана новейшего времени. Путешествия А.П. Федченко отличаются не обширностью маршрутов, а необыкновенною основательностью и поразительным разнообразием наблюдений; пройденные им пространства невелики, но добытые результаты

---

¹¹⁵ Записка действительного члена Общества В.Д. Мешаева о туркестанской флоре // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 27.

¹¹⁶ Мнение члена основателя Общества и члена Комиссии профессора Н.Н. Кауфмана // Там же. С. 26.

настолько значительны и важны, что сделали бы честь и многолетней экспедиции”, – писал И.В. Мушкетов¹¹⁷. Неудивительно поэтому, что история этого путешествия или, точнее, серии путешествий, привлекала пристальное внимание как современников, так и историков. В настоящее время опубликованы и доступны подробные маршруты экспедиции, отчеты А.П. Федченко, 24 выпуска обработанных и изданных под редакцией О.А. материалов экспедиции (об истории этого издания мы будем говорить подробно в 3 главе настоящей книги), а также историко-научные исследования, посвященные истории изучения Туркестанского края, научных учреждений (в частности, Русского географического общества) и научной биографии А.П. Федченко¹¹⁸. Именно поэтому мы остановимся в основном на роли О.А. в экспедиции, отсылая всех заинтересованных читателей к имеющейся литературе.

Итак, О.А. и А.П. выехали из Москвы 23 октября 1868 г. Их путь лежал в Ташкент и далее, в только что завоеванный Самарканд, поскольку первым объектом их исследования должна была стать Зеравшанская долина. Железной дороги до Ташкента в то время еще не существовало, так что путешественники ехали до Нижнего Новгорода, а оттуда по Волге до Симбирска, и далее – в Самару (сделав при этом некоторый крюк). Около Самары Федченки были застигнуты начавшейся зимой и сильным снегопадом. Так, уже по санному пути они проехали Оренбург и

---

¹¹⁷ *Мушкетов И.В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1. Пг., 1915. С. 326–327.

¹¹⁸ См.: Список посещенных местностей // *Федченко О.А.* Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах... С. 175–180 (здесь опубликован подробный – по дням – маршрут всех поездок и экскурсий, совершенных О.А. в Туркестане, начиная с ее первого дня в Ташкенте 15 декабря 1868 г.); *Мушкетов И.В.* Указ. соч. С. 326–337; *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1896. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739–747; *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950 (это издание представляет собой сборник всех, публиковавшихся ранее отчетов об экспедиции, а также описание путешествия в Коканское ханство); [*Маслова О.В.*] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 70–89; *Азатьян А.А.* А.П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956; *Азатьян А.А.* А.П. Федченко // *Азатьян А.А.* Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.) Ч. 1. Ташкент, 1960. С. 69–141; *Азатьян А.А.* А.П. Федченко // *Азатьян А.А.* Классический период в географическом познании Средней Азии (вторая половина XIX в.): Опыт историко-географической монографии. Ч. 1. Ташкент, 1964. С. 96–126; *Леонов Н.И.* А.П. Федченко. М., 1972, а также в кн.: История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969 и др.

Орск¹¹⁹. “С Орска начинается собственно путешествие по степи, на киргизских лошадях, с ямщиками-киргизами, не понимающими ни слова по-русски”, – писал А.П.¹²⁰ Путешествие было необыстрым и лишенным каких бы то ни было удобств. Правда, А.П. и О.А. повезло: во время их переезда через Каракумы мороз заморозил мокрые пески, что сильно облегчило путь. Далее дорога проходила таким образом, что пришлось несколько раз переправляться через Сыр-Дарью со всем достаточно громоздким багажом, часто при самых неблагоприятных условиях. В целом путь до Ташкента занял 53 дня: “Поздно вечером 14-го декабря, после 53 дневного почти безостановочного путешествия, мы въехали в Ташкент”, – писал А.П.¹²¹ А уже 28 декабря они отправились дальше. Почтового сообщения с Самаркандом еще не существовало, но супругов Федченко на всем продолжении их пути ждали конные подставы, так что несмотря на сильные метели, они добрались до Самарканда всего за 6 дней. Д.Л. Иванов, впоследствии горный инженер и известный исследователь Памира, в 1869 г. сосланный в военную службу за участие в тайном обществе, студент, вспоминал: “Прибытие супругов Федченко, конечно, вызвало немало разговоров: уже одно то, что ученым являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края”¹²².

Время с 3 января по 15 апреля 1869 г. А.П. и О.А. провели в Самарканде, изучая сам город и его окрестности, как отмечал А.П., “в районе не более 10-ти верст во все стороны” от Самарканда¹²³. Несмотря на то, что часть этого времени пришлось на зимние месяцы, О.А. принялась деятельно составлять гербарий местной флоры. “Ботаническая коллекция составляется с величайшею тщательностью и в настоящее время содержит уже более 200 видов в 2500 с лишком экземпляров”, – отмечал А.П., добавляя, что – Леман из долины Заравшана привез только 348 видов, собранных на пространстве от Бухары до ручья Фон”¹²⁴. С наступлением весны супруги Федченко предприняли

---

¹¹⁹ Подробный маршрут А.П. и О.А. от Орска до Самарканда опубликован в: *Федченко А.П.* Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 23 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.) // *Московские университетские известия.* 1869. № 7. С. 53–55.

¹²⁰ Там же. С. 6.

¹²¹ Там же. С. 14.

¹²² *Иванов Д.Л.* Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // *Изв. Главного ботанического сада РСФСР.* 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 100.

¹²³ *Федченко А.П.* Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции... С. 17.

¹²⁴ Там же. С. 41.

поездку по долине Зеравшана, занявшую более полутора месяцев: с 24 апреля по 1 июня 1869 г. Предполагалось выехать раньше, но выступление экспедиции было отложено из-за неблагоприятной для русских обстановки в Бухаре. Кроме А.П. и О.А., в экспедиции участвовали препаратор И.И. Скорняков и юнкер В.Ф. Вельцин, имевший опыт в собирании насекомых. Кроме того, поскольку “предстояло большую часть пути совершать по границам недавно занятого округа, то экспедиции был придан достаточно сильный военный конвой, дававший, – по словам А.П., – возможность с полною уверенностью рассчитывать на посещение многих любопытных местностей”¹²⁵. В добавление к конвою экспедиции придали еще четверых джигитов для передачи сообщений. Генерал-майор А.К. Абрамов, чьим заботам К.П. фон Кауфман поручил своих ученых, относился к данному ему поручению с полным вниманием и не хотел рисковать безопасностью подопечных. Маршрут экспедиции был следующим: Самарканд, Катта-Курган, Пейшамбе, селение Джизман, Джизманское ущелье, селение Пейшамбе, Катта-Курган, оз. Чарик-куль, селение Чарик-тюбе, селения Улус, Джам, Джамское ущелье, Кара-тюбинское ущелье, селение Кара-тюбе, селение Ходжа-дук, Ургут, селение Гхуз, селение Чим-курган, Пенджикент, далее вверх по Зеравшану, селения Иори, Вишис, Даштыказы, Минданау, Пенджикент, Самарканд¹²⁶. Результатами этого первого длительного путешествия стали: “1) Собрание животных из разных классов до десяти тысяч экземпляров, по большей части не встреченных на прежних экскурсиях близ Самарканда. 2) Большой гербарий растений как степных, так и горных; в числе их образцы загадочного доселе растения сумбул. 3) Сведения о географическом распределении главных племен – таджиков и узбеков. 4) Съёмка в 5 верстном масштабе пройденного пути и пространства от Шахризьбских гор до Зеравшана, всего 8000 кв. верст, произведенная командированными при экспедиции офицером Куцеем и топографом Новоселовым, а также частные съёмки в двухверстном масштабе Джамского ущелья и дороги Сангы-Джуман. 5) Распросные сведения о долине Шахризьяба, ущельях Магианском и Кштутском и об озере Искандер-куле. 6) Альбом рисунков”¹²⁷. Среди этих результатов – гербарий и альбом рисунков были полностью заслугой О.А.

---

¹²⁵ Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г. // Сорок девятое заседание Общества 12 июня 1870 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год седьмой. Изв. ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. I. С. 136.

¹²⁶ См.: Маслова О.В. Указ. соч. С. 72.

¹²⁷ Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г.... С. 158–159.

Но она также успевала помогать А.П. и со сбором зоологических коллекций. Кроме того, ее навыки и умения художницы пригодились при картографической съемке местности. Загадочное растение сумбул, тайну которого особо хотели разгадать ботаники, составлявшие инструкции для экспедиции, и за нахождение которого Петербургская академия наук объявила премию, было найдено (встречается в Магианских горах около Пенджикента, принадлежит семейству зонтичных) и впоследствии передано И.Д. Чистякову для исследования.

Летние месяцы (3 июня – 20 августа) А.П. и О.А. вновь провели в Самарканде и его ближайших окрестностях, только в августе совершив пятидневную поездку на несколько мелких озер, расположенных на север от Самарканда. Все эти летние месяцы “экскурсии с зоологической и ботанической целью продолжались непрерывно, но результаты их далеко не были так плодотворны, как в весенние месяцы, хотя в это время и попало довольно много форм новых и оригинальных”, – отмечал А.П.¹²⁸ Таким образом, к концу августа 1869 г. стало понятно, что, во-первых, из-за неблагоприятного времени года сбор естественно-научных коллекций сильно замедлился, а во-вторых, что пришло время “приступить ко второй половине труда натуралиста, а именно озаботиться разработкой коллекции”. Поскольку это последнее было возможно “только в большом музее, при обширных литературных пособиях и... при участии нескольких специалистов”, то А.П. обратился с просьбой к К.П. фон Кауфману командировать его в Москву¹²⁹. Каковая командировка и была разрешена. Уже 12 октября 1869 г. А.П. и О.А. приехали в Москву и прежде всего приступили к разбору привезенных коллекций, а также к закупке необходимых пособий и инструментов для продолжения исследований.

Результаты почти целого года исследовательской работы оказались внушительными. За это время О.А. успела собрать гербарий, включавший более 800 видов растений. Этот гербарий был отдан для обработки профессору Н.Н.Кауфману, определившему 791 вид¹³⁰. Помимо засушенных растений О.А. собрала до 120 видов семян и клубней, которые были переданы в Ботанический сад Московского университета. Ко времени составления

---

¹²⁸ Там же. С. 159.

¹²⁹ 1869 г. августа 3. Письмо А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П.Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 67.

¹³⁰ Список найденных родов был опубликован в отчете: *Федченко А.П.* Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г.... С. 181–184.

итогового отчета многие из этих семян уже проросли, в том числе и сумбул. “Многие... проросшие семена и клубни, – писал в отчете А.П., – дадут возможность ознакомить европейскую публику с различными любопытными представителями Туркестанской флоры”¹³¹. Московское общество любителей садоводства, познакомившись с первыми результатами деятельности Ольги Александровны, выразило желание содействовать введению в культуру различных Туркестанских растений, для чего не только создало специальную инструкцию, но и ассигновало 200 рублей исключительно на эти цели¹³². Вообще особое внимание О.А. обращала (согласно инструкции) на выявление растений, разводимых местным населением. Большая их часть вошла в состав гербария. Н.Н. Кауфман занимался их определением и в отчете А.П. привел список, состоящий из 89 видов, с указаниями, для чего употребляются те или иные виды. Отдельно также были выделены растения, считавшиеся лекарственными у местных жителей, и те, которые разводились “для удовольствия”¹³³. Образцы культурных растений Зеравшанской долины А.П. передал в Московский комитет земледелия и тот, в свою очередь, составил список растений “полезных для разведения в Туркестане” и даже отправил в Ташкент их семена¹³⁴.

ОЛЕАЭ высоко оценило итоги первого года работы Туркестанской экспедиции. Отметив, что “в прошлом году... особенное внимание обратили на себя результаты Туркестанской экспедиции”, и что “часть этих результатов по отношению как обогащения коллекций, так в особенности и новых научных данных принадлежала А.П. Федченко”, Общество с удовлетворением восприняло присуждение Московским университетом А.П. премии Г.Е. Щуровского¹³⁵. Тем не менее, Общество сочло нужным обратить внимание на то, что А.П. был не единственным участником экспедиции. Члены ОЛЕАЭ не менее высоко оценили достижения Ольги Александровны: “Общество с своей стороны пожелало увенчать наградою те результаты Туркестанской экспедиции, которые обязаны трудам ревностных сотрудников Ал.П. Федченко, – отмечено в протоколе заседания ОЛЕАЭ. Оно присудило золотую медаль Ольге Александровне Федченко, всюду сопутствовавшей своему мужу и собравшей на пути заме-

---

¹³¹ Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г.... С. 184.

¹³² Там же. С. 184.

¹³³ Там же. С. 187.

¹³⁴ Там же. С. 188.

¹³⁵ ЦИАМ. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 186.

чательный гербарий Заравшанской флоры и альбом видов и пейзажей местностей, пройденных экспедицией”¹³⁶. Так О.А. получила свою вторую награду.

А.П. и О.А. пробыли в Москве около полугода (в конце марта А.П. на некоторое время ездил в Петербург, пробыв там с 28 марта по 11 апреля¹³⁷, но точно сказать, сопровождала ли его О.А. в этой поездке, нельзя). Еще до их отъезда из Самарканда между ними и генерал-майором А.К. Абрамовым существовала договоренность о том, что они примут участие в большой, преимущественно военной, экспедиции, планировавшейся для исследования верховьев Зеравшана и его притоков, в конце весны – начале лета 1870 г., поэтому А.П. и О.А. спешили вернуться в Туркестан. Супруги Федченко выехали из Москвы 2 мая 1870 г. и прибыли в Ташкент уже 22-го мая. Но здесь они узнали, что отряд генерала Абрамова выступил из Самарканда 25 апреля и, следовательно, они опоздали. Тем не менее, поскольку им был известен заранее запланированный маршрут экспедиции, они решили догнать ее, срезав путь. 28 мая 1870 г. они бросились в погоню. Более “прямой” путь оказался не из легких. Дорога на Обурден, по которой они следовали, проходила через трудный перевал: “Подъем совершался медленно, – пишет А.П., – только после шестичасового подъема мы были наверху. Особенно затруднительны были три верхние зигзага, покрытые глубоким снегом. Особенно труден был этот подъем для вьючных лошадей, которые беспрестанно оступались и падали. Две из них сорвались и скатились сажень двадцать по снегу. К счастью, лошади и вьюки могли быть вытащены на веревках; погибло только вьючное седло...”¹³⁸. Однако усилия были потрачены не напрасно: 2 июня в селении Обурден на Зеравшане А.П. и О.А. встретили отряд генерала Абрамова, только что пришедший с Зеравшана. Далее они двигались с отрядом, как это и планировалось ранее. Появление Ольги Александровны однако не прошло незамеченным: она оказалась единственной женщиной в компании более сотни мужчин. «Прибытие семьи Федченко произвело сенсацию в военном отряде, – вспоминал также участвовавший в походе Д.Л. Иванов. – Всех смущало появление женщины, которая “внесет в среду военных стеснение и сама будет стесняться”»¹³⁹.

¹³⁶ Там же. Л. 186 об.

¹³⁷ См.: 1870 г. мая 26. Рапорт А.П. Федченко в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 93.

¹³⁸ Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 79.

¹³⁹ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 100.

Но О.А. умела заводить друзей. Несмотря на первоначальное недовольство и даже некоторую враждебность, вскоре О.А. приняли в качестве полноценного члена экспедиции: “Однако Федченки прибыли в отряд столь просто, поместились скромно, в своей палатке и ничем не нарушили жизни экспедиции, – писал Д.Л. Иванов. – Их благовоспитанная обходительность со всеми, их непритязательные потребности, их работоспособность, все это быстро примирило всех с новыми настоящими учеными и они вскоре заняли в отряде место не лишних людей, а людей работающих и никого не стесняющих”¹⁴⁰. Д.Л. Иванов рассказывает, что уже на 4 день пребывания в отряде А.П. и О.А. вполне завоевали всеобщие симпатии. Произошло это в результате следующего эпизода: “...компания из нескольких человек отправилась в палатку ученых: там их радушно встретила О.А., угостила чаем со свежим лимоном (необычайная тогда редкость в Туркестане) и тоже свежими московскими сушками. Этот лимон и эти сушки окончательно победили скептицизм и уже в разговорах слышались одобрения женам, которые заботятся о мужьях, в пример чего указывался ящик для папирос А.П., где О.А. устроила перегородки, чтобы папиросы не рассыпались”¹⁴¹.

Маршрут, пройденный в этот раз О.А. и А.П., был следующим: Ташкент, селение Яны-Арык, Ура-Тюбе, Басмандинское ущелье, селение Обурден, селение Пахут, селение Варзаминор, долина реки Фана, крепость Сарвада, озеро Искандер-куль, перевал Мура, крепость Сарвада, пещера Макшеват, селение Рават, селение Марзич, летовка Анзобских и Марзичских жителей, селение Анзоб, Кан-таг (рудная гора), крепость Сарвада, перевал Кштутский, озеро Кули-калон, крепость Кштут, Пенджикент¹⁴². Некоторые переходы были очень нелегки и совсем небезопасны, как например, переход из Обурдена в Пахут: “На этом переходе, – писал А.П., – дорога почти сплошь проходит по узким тропинкам, карнизам, вьющимся на значительной высоте, иногда над самой рекой. Впрочем, такие дорожки, коль скоро они идут прямо или следуя изгибам гор, не представляют опасности и даже дают возможность ехать довольно скоро; зато они весьма затруднительны в тех местах, где приходится круто подниматься или спускаться по извилистым каменистым ступенькам для обхода выдающихся в реку скал и обрывов”¹⁴³. Д.Л. Иванов вспоми-

---

¹⁴⁰ Там же. С. 101.

¹⁴¹ Там же. С. 101.

¹⁴² См.: Маслова О.В. Указ. соч. С. 77.

¹⁴³ Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Заравшана, в июне 1870 г.... С. 80.

нал, что некоторые члены отряда сомневались в способности О.А. преодолеть эти тропы и вообще вынести тяготы военного похода. Однако они ошибались. “Переходы по узкому ущелью (кюз Фан-дарьи) с карнизами, балконами и т.п. тропочками, ведущими к оз. Исскандер-Кулю, О.А. совершила чрезвычайно спокойно и успешно, – пишет Иванов и добавляет, – Вообще Федченки ничем не выделялись из отрядной среды, собирали нужные им материалы, а О.А. усердно работала над своим гербарием и очень мило... рисовала много характерных местностей”¹⁴⁴. Складывается впечатление, что Ольга Александровна вообще не была склонна к суете или панике. Например, неподалеку от озера Кули-калан отряд Абрамова попал в засаду вооруженных горцев, после сражения в отряде оказалось много раненых, за которыми О.А. ухаживала с присущим ей хладнокровием. Д.Л. Иванов рассказывает, что когда на какой-то из ночевок ученые остались без военного эскорта, ушедшего вперед, “многие из них и в том числе и некоторые военные – сильно волновались и роптали, О.А. не выказала никакой суетливости и растерянности и спокойно выдержала эту ночь общей сильной аффектации и ропота...”¹⁴⁵. Так рождалась репутация Ольги Александровны как стойкой, бесстрашной и неунывающей в самых трудных обстоятельствах женщины.

Всего Федченки провели в походе не более трех недель, что, по мнению А.П., отразилось на полноте собранных ими коллекций. Тем не менее в целом научные результаты экспедиции оказались без преувеличения выдающимися. Было положено основание для создания картографии Зеравшанских гор, в том числе определены барометрические высоты и составлены карты; впервые исследован Зеравшанский ледник; исследовано озеро Исскандер-куль; собраны этнографические данные о горных таджиках. Назвать же собранные зоологические и ботанические коллекции небольшими мог только сам А.П. О.А., как и в предыдущих путешествиях, занималась преимущественно составлением ботанических коллекций и зарисовкой видов. В отчете о путешествии А.П. отмечает: “Помощь О.А Федченко и в эту поездку облегчила мне работу: она взяла на себя опять составление ботанической коллекции”¹⁴⁶. Вновь собранная О.А. коллекция растений состояла примерно из 400 видов, из которых около 300 не встречались

---

¹⁴⁴ *Иванов Д.Л.* Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 101.

¹⁴⁵ Там же. С. 102.

¹⁴⁶ *Федченко А.П.* Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г.... С. 85.

О.А. во время экскурсий 1869 г. Особенно заинтересовали О.А. некоторые высокорослые зонтичные, в том числе два вида *Ferula*, *Heracleum*, *Prangos* и некоторые другие. На перевалах, особенно на перевале Мура (12300'), ей удалось собрать несколько альпийских видов. Также были собраны образцы растущих в горах древесных пород, из которых преобладающим оказался можжевельник трех различных видов. Подводя итоги коллекторских работ, А.П. писал: “В этом путешествии впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до предела вечных снегов, и таким образом было положено начало изучению горной фауны и флоры западной оконечности Тянь-Шаня”¹⁴⁷.

2 июля 1870 г. О.А. и А.П. вернулись в Самарканд. Пробыли они здесь не более 10 дней, вновь совершая экскурсии в окрестностях города, после чего направились в Ташкент, в котором и провели конец июля и почти весь август 1870 г. Это время деятельный А.П. употребил, во-первых, на подготовку очередного путешествия, а во-вторых, на составление программы Туркестанского отдела Политехнической выставки. Мысль о том, чтобы организовать в Москве Политехническую выставку вот уже некоторое время обсуждалась в ОЛЕАЭ. А.П. был уверен, что Туркестанский край и его произведения обязательно должны быть представлены на подобном мероприятии, в чем он взялся убедить и К.П. фон Кауфмана. Однако прежде чем с головой окунуться в подготовку Туркестанской выставочной экспозиции, А.П. и О.А. собирались совершить еще одну поездку, на этот раз в только что присоединенный к российским владениям Магиан. Вся поездка заняла не более двух недель в первой половине сентября 1870 г. “Маршрут мой был следующий, – писал А.П., – 4-го сентября я прибыл в Ургут; отсюда, на завтра, через перевал Сангы-Джуман, в Фарап; на следующий день, через перевал Зиркак, в Магиан. Из Магиана я сделал две экскурсии: одну по Магианскому ущелью, до перевала Вачехна, другую на гору Бильгу. 9-го сентября отправился вниз по Магиан-Дарье до селения Кастарача; 10-го прибыл в Пянджикент и 12-го – в Самарканд”¹⁴⁸. Здесь следует отметить, что большинство отчетов А.П. об их совместных с О.А. путешествиях написаны от имени одного лица, так что у читателя может сложиться впечатление, что А.П. путешествовал в одиночестве. В отчете об экспедиции в Магиан имя О.А. не упоминается ни разу и если бы не ее утверждение в авто-

---

¹⁴⁷ Там же. С. 86.

¹⁴⁸ [Федченко А.П.] Поездка в Магиан А.П.Федченко, заведующего ученой экспедицией Общества в Туркестанском крае // Изв. ОЛЕАЭ. 1871. Т. IX. Ч. 1. С. 23.

биографии о том, что она “участвовала во всех путешествиях А.П.Федченко по Заравшанской долине в 1869 г., на Инскандер-Куль и в верховья Заравшана, в Джизак, Магиан и Фарап...”¹⁴⁹, а также указания в гербарии на места сбора тех или иных растений, у нас не было бы уверенности в том, что О.А. и на этот раз сопровождала мужа. Кроме нее в этом походе участвовал еще переводчик по фамилии Салтанов. Основной целью поездки был сбор сведений о географии, населении, экономике, общественном устройстве и даже истории вновь покоренного края, что не помешало О.А. продолжить сбор гербарных коллекций.

Осень, зиму 1870 г. и начало весны 1871 г. А.П. и О.А. провели в Ташкенте, активно занимаясь подготовкой к Политехнической выставке, которая должна была состояться в Москве летом 1872 г. А.П. официально возглавил Комитет по устройству Туркестанского отдела Политехнической выставки. Необходимо было составить программы экспозиций по различным разделам (географическому, этнографическому, естественноисторическому, техническому). Подготовить и выслать в Москву коллекции, подготовить несколько публикаций о крае и т.п. А.П. вообще был очень деятелен: он организовал Туркестанское отделение ОЛЕАЭ, читал популярные лекции для местной публики, проводил естественнонаучные экскурсии. О.А. во всем ему помогала, совершала ботанические экскурсии в окрестностях Ташкента и еще успевала учить местный язык. Д.Л. Иванов, также принимавший участие в подготовке к выставке, этой зимой часто бывал у четы Федченко. Он вспоминал: “Жили они в небольшом домике очень скромно, наполовину по-походному. Комнаты были заставлены множеством коллекций и проч. Там меня неизменно встречало искреннее радушие О.А., – то особое дружество, которое складывается в научном сотрудничестве среди обилия материалов и малого числа работников, в обстановке жизни такой в то время новой и оригинальной страны, каков был Туркестан. А.П.-ча редко можно было захватить дома и то ненадолго, так он был занят делами, тогда как, наоборот, О.А. была домоседка. У А.П. была потребность постоянно пить крепкий и сладкий чай и выкуривать множество папирос, поэтому О.А. держала всегда готовым самовар и старательно заготавливала папиросы. И вот, сидя у О.А. за ее неистощимым самоваром и беседуя с нею, как-то отдыхала душа, чувствовалась уверенность в будущей поддержке, крепло то доверие, которое диктуется добротой, благожелательностью и терпимостью к другим людям, а главное, что подкупало меня, это была та редкая простота, которою отличалась

---

¹⁴⁹ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

О.А.”¹⁵⁰. Весной же 1871 г. А.П. впервые поднял вопрос о необходимости публикации материалов Туркестанской экспедиции, направив соответствующую докладную записку на имя К.П. фон Кауфмана. Генерал-губернатор в принципе одобрил идею, приказал снестись с ОЛЕАЭ на предмет общего руководства, составления плана издания и расчета необходимых сумм, дабы можно было выйти с ходатайством к государю о выделении средств¹⁵¹. Тогда же А.П. планировал свои будущие экспедиции.

21 апреля 1871 г. А.П. и О.А. выехали из Ташкента, направляясь в Кызыл-Кумы. Эта экспедиция продолжалась ровно месяц: супруги вернулись в Ташкент 20 мая 1871 г. Подробный отчет об этом стремительном путешествии так и не был напечатан. В единственной, правда опубликованной дважды, заметке¹⁵² (если учитывать публикацию 1950 г., то трижды): “Заметка о степи Кызыл-Кум”, А.П. писал: “...я посетил восточную часть степи Кызыл-Кум в двух местах: у Чардары и у колодца Дюсебая. Из Чардары я прошел по пескам в западном направлении около 50 верст до колодца Байбек на дороге Матай; отсюда я вышел к Узунату и затем вдоль Сырдарьи спустился к Байракуму. Из Байракума, идя в Дюсебай, я посетил гору Карак, находящуюся в 60 верстах от Сырдарьи. Гора Карак – небольшая возвышенность (подымающаяся футов на 250 над уровнем степи), имеющая до 40 верст протяжения, составляет довольно любопытное открытие настоящего путешествия; по крайней мере я не нашел ее ни на одной карте. Такою же неожиданностью было существование глинистой (попынной) степи на левом берегу Сырдарьи. Благодаря настоящему путешествию впервые определяется восточная граница кызылкумских песков: линия, проведенная от Джулека к колену Сырдарьи у Чардары, почти совпадает с границей сплошных песков”¹⁵³. Путешествие было не из легких. Колодцы попадались иногда не чаще одного в три дня, случалось, что они оказывались пересохшими или вода в них – испорченной. Впоследствии А.П. назвал эти края “самой ужасной частью Сред-

---

¹⁵⁰ *Иванов Д.Л.* Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 102–103.

¹⁵¹ См. Докладную записку А.П. и резолюцию на нее Кауфмана в: 1871 г. 30 марта. Докладная записка А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 109–112.

¹⁵² *Федченко А.П.* Заметка о степи Кызыл-Кум // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. Спб., 1873. С. 102–109; То же. Изв. Туркестанского отделения Русского географического общества. 1916. Т. XII. Вып. 2. С. 241–249.

¹⁵³ *Федченко А.П.* Заметка о степи Кызыл-Кум // *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 178.

ней Азии”¹⁵⁴. Всего было пройдено почти 700 верст. О.А., как это уже было привычно, собирала ботанические коллекции, в том числе образцы кормовых трав, помогала А.П. при сборе коллекций зоологических и делала зарисовки местности¹⁵⁵.

Не успев отдохнуть от поездки в Магиан, А.П. и О.А. засобирались в следующую экспедицию – в Коканское ханство. Подготовка к этой экспедиции продолжалась в течение всей зимы 1870–1871 гг. Путешествие в Коканское ханство (вскоре превратившееся в Ферганскую область) стало одним из самых интересных путешествий А.П. и О.А. Страна, в которую они направились, была очень мало известна российскому человеку, что открывало перед учеными целый ряд захватывающих возможностей. Само собой разумеется, путешествие обещало быть небезопасным не только из-за сложных горных переходов, переправ через горные реки, сильного ветра, несущего тучи пыли, и ядовитых насекомых, но и из-за непростой политической ситуации. А.П. написал подробный рассказ об экспедиции, начав с описания ее целей и задач, истории предшествующих путешествий по данной территории и заканчивая подробным изложением пройденного маршрута¹⁵⁶. В настоящей работе, к сожалению, нет возможности подробно останавливаться на этом. Ограничимся поэтому самым кратким изложением некоторых фактов. Кроме А.П. и О.А., в экспедиции принимали участие переводчик Нурекин (прапорщик) и препаратор Савельев. Описывая обязанности каждого из членов экспедиции, А.П. писал: “Ольга Александровна Федченко взяла на себя собирание и препарирование растений; рисование видов местностей, характерных по своему строению и другим особенностям, древних памятников и т.п. Кроме того, Ольга Александровна находила время помогать мне и в производстве наблюдений, лежавших собственно на мне”¹⁵⁷. Таким образом двое ученых и двое их помощников в сопровождении стрелка и отряда джигитов выехали из Ташкента 2 июня 1871 г. Первая длительная остановка была в Кокане, где было необходимо представиться хану, оформить разрешения на проезд, поменять сопровождающих

---

¹⁵⁴ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 2.

¹⁵⁵ См.: 1871 г. мая 24. Докладная записка А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману с кратким отчетом о поездке в Кызыл-Кумы // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 116–117.

¹⁵⁶ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2; То же // Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 187–384.

¹⁵⁷ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 18.

“своих” джигитов на местных (поскольку таково было условие) и пр. При подготовке путешествия планировалось, что О.А. сможет посещать женские половины мусульманских домов, собирая информацию об образе жизни женщин, для этого О.А. запаслась специальными подарками. Рассказывая о встрече с мирахуром, чиновником хана, предварявшей встречу с самим ханом, А.П. пишет: “...я просил мирахура доложить и о желании Ольги Александровны принять участие в представлении (хану. – *О.В.*) и получить разрешение на посещение жен хана и поднесение им подарков...”¹⁵⁸. Но в этом О.А. было отказано: “Насчет представления Ольги Александровны мне передали извинение от имени хана, – рассказывает А.П., – что несмотря на его желание, он не может принять ее, так как это не понравится народу и, как после оказалось, соврали”¹⁵⁹. Тем не менее, позднее, во время пути О.А. все-таки встречалась с женами и матерями местных правителей¹⁶⁰. Из-за разных проволочек экспедиция задержалась в Кокане дольше, чем хотелось бы. Им удалось покинуть город и продолжить путь только 17 июня. А.П. сильно спешил и был расстроен тем, что время уходило напрасно. “Мы ехали верхом, – пишет он, – имея при себе из снарядов и других принадлежностей только самое необходимое; все остальное ехало вьюками на особых лошадях. Этот-то вьючный обоз главным образом и задерживал нас при движениях. Он шел обыкновенно отдельно и значительно медленнее нас. Несмотря на то, что мы во время дороги делали много остановок для наблюдений и коллектирования, что большей частью ехали шагом, – обоз все-таки почти постоянно приходил позже нас на ночлег. Поэтому наши переходы были невелики; в горах, например, мы делали обыкновенно верст 20–25 в день, а в трудных местах и менее; по дорогам более открытым – верст 30 и иногда лишь до 40”¹⁶¹. Одной из первоочередных задач экспедиции было картографирование местности. Однако делать это на глазах у сопровождающих казалось неосмотрительным. Обязанность определять направление легла на О.А., поскольку джигиты обращали на нее меньше внимания. А.П. так рассказывает об этом: “Немного кривя, мы ехали, однако, приблизительно в одном направлении, но в

---

¹⁵⁸ Там же. С. 39–40.

¹⁵⁹ Там же. С. 44.

¹⁶⁰ См., например, письмо А.П. Федченко К.П. фон Кауфману из селения Уч-Курган 16 июля 1871 г., в котором А.П. пишет: “Сегодня был у Музафар-ша. Он в большом горе: вчера похоронил любимую жену, которой было только 16 лет и на которой он женился, когда ей было 12 лет. Ольгу Александровну принимала мать умершей: все лицо изодрано, говорить не может, а только охает” (А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 134).

¹⁶¹ *Федченко А.П.* В Коканском ханстве... С. 58–59.

каком – решить было трудно. Мне очень хотелось посмотреть на буссоль, но коканские джигиты не оставляли нас ни на минуту, а мне не хотелось возбуждать их подозрительность на первых же шагах. Установив общее направление дороги по видневшейся далеко на юго-западе горе, я решил воспользоваться какой-то разрушенной стенкой, зашел за нее и взял направление. На другой день дело шло уже легче: мы как-то разбились, вся партия растянулась на несколько верст, и я уже менее стеснялся. Затем, когда нужно было при частых поворотах в ущельях чаще брать направление, буссоль перешла в руки Ольги Александровны, как менее вызывавшей сомнения относительно ее занятий”¹⁶².

Маршрут экспедиции был следующим: Ташкент, Ходжент, Махрам, Кокан, селение Яйпан, селение Исфара, Селение Чарку, Селение Варух, урочище Чичикты, ущелье Джиптык, ледник Щуровского, селение Карабулак, долина реки Соха, селение Обихана, селение Шахимардан, селение Иордан, Кара-кузыкский перевал, сел. Шахимардан, селение Охна, селение Вуадиль, селение Уч-Курган, урочище Лянгар, река Исфайрам, перевал Тенгиз-бай, перевал Исфайрам, Алайская долина, река Кызыл-су до урочища Дараут-курган. Далее – обратный путь до Оша, Гульча, Узгент, Андижан, Наманган, перевал Кендыр-даван, селение Той-Тюбе, Ташкент¹⁶³. Одним из крупнейших достижений экспедиции стало открытие и нанесение на карту Заалайского хребта. Как писал И.В. Мушкетов: “...до Федченко Алай был совершенно terra incognita; за исключением немногих сведений... посылавшихся англичанами, о нем, можно сказать, понятия не имели, так как ни один образованный европеец до Федченко не видел Алая. Федченко принадлежит честь открытия Алая и его колоссальных хребтов”¹⁶⁴. Однако А.П. и О.А. хотели большего: они стремились попасть на Памир, чему не суждено было исполниться. Остановившись у подножия “Крыши мира” (урочище Дараут-курган) из-за запрета местного начальства, экспедиция была вынуждена повернуть назад. «По временам меня разбирает досада, – пишет А.П., – что наш путь кончился у кургана токсабы¹⁶⁵, что мы не могли перешагнуть через этот край – Заалайский хребет, но припоминая все обстоятельства путешествия, я вижу, что другого исхода и быть не могло. Я говорил уже, что путешествие было предпринято при отсутствии всяких предварительных сведений, в полном неведении, где и при каких условиях мы будем путешествовать. При таких скитаниях мы попадаем весьма не-

¹⁶² Там же. С. 59.

¹⁶³ См.: *Маслова О.В.* Указ. соч. С. 81.

¹⁶⁴ *Мушкетов И.В.* Указ. соч. С. 328.

¹⁶⁵ Токсаба – название местного правителя.

ожиданно для нас самих в бассейн Амударьи, и оказывается, что мы в нескольких днях пути от одной из самых неизвестных и загадочных частей земного шара. Мое первое желание – идти дальше, но киргизский полковник говорит: “Нет, дальше нельзя, нужно назад”. Я был тогда очень зол на этого полковника, но, хладнокровно обсуждая положение дел, должен согласиться, что он был прав. Как могли мы идти на несколько дней в пустынную местность, не имея запасов ни фуража, ни провианта (того, что было с нами, нам не хватило и на обратный путь из Алая: мы два дня голодали...) и не имея возможности приобрести их. Если бы теперь, при тех сведениях, которые собраны мною во время совершенного путешествия, можно было отправиться на Памир, то я отправился бы и перешел бы его весь, не спрашивая ни у кого дороги; осложнения и затруднения могли бы только зависеть от политических причин»¹⁶⁶. Таким образом посещение Памира пришлось отложить на потом. К сожалению, для А.П. это “потом” так никогда и не наступило, а О.А. пришлось ждать 30 лет, чтобы в 1901 г. наконец исполнить свою мечту. Но пока никто из них не догадывался об этом. Повернув назад, 31 июля путешественники достигли Оша, а 27 августа 1871 г. они прибыли в Ташкент, где провели сентябрь и первые дни октября, завершая те из приготовлений к Политехнической выставке, которые необходимо было сделать до отъезда в Москву. В это же время был решен вопрос не только о командировании А.П. на Политехническую выставку в Москву, но и его двухлетней командировке за границу для обработки коллекций, собранных в течение 1868–1871 гг. и организации публикации материалов Туркестанской экспедиции.

**Туркестанский отдел
московской Политехнической выставки.
Разбор коллекций, собранных Туркестанской экспедицией.
Поездка в Европу с А.П. Федченко для подготовки
издания материалов Туркестанской экспедиции
(1872–1873)**

Время, проведенное в Москве, оказалось более чем насыщенным. О.А. так описывала свои занятия в этот период: «По возвращении из Туркестана зимою 1871–72 г. разбирала гербарий и энтомологические коллекции, рисовала под микроскопом детальные рисунки Пчел, вошедшие в 3-й выпуск “Путешествия в Туркестан”, а также принимала участие в устройстве Туркестан-

---

¹⁶⁶ Федченко А.П. В Коканском ханстве... С. 154.

ского Отдела Политехнической выставки. Поместила статью о Туркестанском отделе в Вестнике Политехнической выставки и участвовала в составлении каталога Отдела»¹⁶⁷. Перед открытием выставки работы было столько, что некогда вздохнуть. Н.И. Леонов в исследовании, посвященном научной биографии А.П. Федченко, пишет о том, что если 28 ноября 1871 г. А.П. и О.А. присутствовали на 59 заседании ОЛЕАЭ в Москве, где получили благодарность за свои труды, то уже 10 декабря А.П. выступал на заседании Русского географического общества, участники которого очень заинтересовались его рассказом. Н.И. Леонов пишет также: «С не меньшим интересом отнеслось собрание и к рисункам О.А. Федченко, иллюстрирующим пройденные маршруты»¹⁶⁸. К сожалению, нам не удалось установить, сопровождала ли О.А. А.П. в этой поездке и присутствовала ли она лично на заседании.

Интерес в обществе к Туркестану – загадочному, неисследованному краю – в этот период был велик и еще больше подогревался англо-русским политическим соперничеством. Неудивительно поэтому, что А.П. и О.А. оказались в центре всеобщего внимания. Объем материалов, привезенных ими, поражал воображение, в их обработке уже были задействованы несколько крупных ученых, те отчеты и статьи, которые публиковал А.П. по ходу путешествий, позволяли надеяться, что полная публикация материалов экспедиции станет, без преувеличения, сенсацией в научном мире. Научное сообщество очень высоко оценило результаты путешествий супругов Федченко. «Превосходными» назвал работы А.П. по изучению Туркестанского края П.П. Семенов-Тянь-Шанский¹⁶⁹, В.И. Мушкетов писал: «Итак, сопоставляя все сказанное нами вкратце об экспедиции А.П. Федченко, нельзя не согласиться с справедливым мнением одного из лучших ориенталистов, Генри Юля, что путешествие Федченко, по богатству материала и плодотворности результатов... составляет эпоху в научных исследованиях Туркестана»¹⁷⁰. Не только научная общественность, но и правительство высоко оценило результаты деятельности А.П. и О.А. 22 февраля 1872 г. А.П. «Во внимание к особым трудам и лишениям, понесенным при научном исследовании Туркестанского края и ввиду важности результатов, добытых этими исследованиями, всемилоостивейше пожалован кавале-

---

¹⁶⁷ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁶⁸ Леонов Н.И. Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972. С. 62–63.

¹⁶⁹ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739.

¹⁷⁰ Мушкетов И.В. Указ. соч. С. 337.

ром ордена св. Василия 4 степени”¹⁷¹. В тот же день О.А. “За труды по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Коканского ханства пожалована из Кабинета Его Величества... золотым браслетом, украшенным бриллиантами с рубином”¹⁷² (стоимость этого браслета составляла 500 рублей)¹⁷³.

Туркестанский отдел Политехнической выставки, открывшейся в Москве 30 мая 1872 г. (в день 200-летия Петра I), стал одним из самых посещаемых. О.А. принимала самое активное участие в подготовке экспозиции, участвовала в написании “Каталога Туркестанского отдела Политехнической выставки”¹⁷⁴. Помимо организационной, редакторской и чисто технической работы, Туркестанский отдел был обязан О.А. достаточно большим числом экспонатов. На выставке было выставлено 14 художественных работ О.А. – виды местностей, посещенных экспедицией, изображения построек как современных, так и исторических: “Выставленный ряд пейзажей может знакомить с характером различных местностей Туркестана, как горных, так и степных. Вид Алая... знакомит с так называемыми плоскогорьями, обширными плоскими долинами, лежащими на значительной высоте и играющими такую выдающуюся роль в орографии всех высоких хребтов Средней Азии. Вид этот интересен еще в том отношении, что дает понятие о горной массе, связующей Гималаи с Тянь-Шанем... Другой вид... знакомит с одним из грандиознейших явлений, характерным для высоких гор: ледником”, – сообщает “Каталог”, подробно описывая каждый из выставленных рисунков О.А.¹⁷⁵

Почти исключительно трудами О.А. была подготовлена ботаническая секция Туркестанского отдела выставки. Здесь было представлено несколько коллекций, собранных О.А. Прежде всего гербарий из 300 видов, характерных для туркестанской флоры. Эти растения определял доктор Э.Л. Регель. Экспозиция составлялась таким образом, чтобы дать представление о разных типах растительности. Растения распределялись по разделам: представители флоры песков Кызылкум (40 видов и других форм), глинистой степи (82 вида), речной полосы, растущие узкой полосой вдоль Сырдарьи (13 видов), альпийских лугов (30 видов), представители горной флоры, в том числе травяни-

---

¹⁷¹ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко... С. 34–35.

¹⁷² Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁷³ См.: РГИА. Ф. 468. Алфавит к делам по Камеральному отделу 1 столу Кабинета Его Императорского Величества 14. 1870–1880.

¹⁷⁴ Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.И., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.

¹⁷⁵ Там же. С. 3.

стые (100 видов), кустарники (60 видов), деревья (25 видов)¹⁷⁶. Редактор “Каталога” спешил предупредить будущих посетителей выставки: “Некоторые наиболее характерные растения выставлены за стеклом, для обзора других просят лиц, специально интересующихся ботаникой, обращаться к члену дежурному по Отделу. Многие из перечисленных здесь растений – новые виды, еще не описанные”¹⁷⁷. Кроме того, О.А. составила снопы кормовых трав придарьинских лугов и Кызылкумов (10 видов). В представленном дендрологическом собрании также был немалый вклад О.А. – обрубки из собраний Туркестанской экспедиции. Также О.А. принадлежали гербарий красивых растений, разводимых туземцами в садах (12 видов), и гербарий разводимых в Туркестанском крае растений, дающих какие-либо продукты (66 видов). Здесь же было несколько гербариев, собранных другими исследователями: “Гербарий красивых растений туркестанской флоры”, собранный И.И. Краузе и определенный Э.Л. Регелем, гербарий и снопы дикорастущих злаковых растений туркестанской флоры И.И. Краузе и также определенный Э.Л. Регелем, гербарий лекарственных растений И.И. Краузе; в составление дендрологического собрания значительный вклад внес Н.И. Корольков. Помимо засушенных образцов, целый раздел ботанической секции занимали живые растения туркестанской флоры, выращенные в Ботаническом саду Московского университета из семян и клубней, доставленных экспедицией А.П. и О.А. Среди них – впервые привезенный в Европейскую Россию сумбул (*Euryangium sumbul Kauffm.*) и др.¹⁷⁸ Вклад О.А. в организацию экспозиции Политехнической выставки не остался незамеченным. За гербарий и альбом Туркестанских видов она получила большую золотую медаль ОЛЕАЭ, а на Политехнической выставке – два свидетельства на золотые медали¹⁷⁹. По окончании работы Политехнической выставки ОЛЕАЭ приняло решение об открытии в Москве Политехнического музея и передаче всех выставочных коллекций в его распоряжение. Таким образом коллекции

¹⁷⁶ Следует отметить, что В.И. Липский в своей известной работе “Флора Средней Азии” не только не включает О.А. Федченко в число авторов “Каталога Туркестанского отдела” (вопреки обложке этого издания), но и пишет, что гербарий местной флоры “составлен А.П. Федченко” (*Липский В.И. Флора Средней Азии, т.е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. С. 234. № 312*) опять-таки вопреки прямому заявлению “Каталога”. Эта ошибка, насколько нам известно, никем еще не была исправлена.

¹⁷⁷ Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.И., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог... С. 6.

¹⁷⁸ Там же. С. 7–13.

¹⁷⁹ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

Туркестанского отдела выставки положили начало Туркестанскому отделу Политехнического музея Москвы.

Итак, мы видим, что вклад О.А. в знаменитую “Туркестанскую Экспедицию” никак нельзя назвать скромным. Помимо превосходно исполненных обязанностей художника экспедиции, она занималась метеорологическими наблюдениями, помогала при картографировании местности, оказывала помощь А.П. в сборе зоологических коллекций. Но, конечно, основной ее вклад – это богатейшие гербарии туркестанской флоры. Понадобился не один год и несколько специалистов, чтобы обработать, определить и опубликовать материалы, собранные О.А. в течение 1869–1871 гг. Подробно об этом мы будем говорить ниже, здесь же назовем основные результаты. Через 30 лет по завершении экспедиции О.А. опубликовала “Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах”¹⁸⁰. Эта работа, составленная на основании Туркестанского гербария О.А., хранившегося в то время в Ботаническом саду Московского университета (в 30-е гг. XX в. его передали Среднеазиатскому (Ташкентскому) университету в обмен на дублетные материалы)¹⁸¹, представляла собой полный список собранных ею растений. Он включал 1527 видов, не считая разновидностей. В том числе Высших семенных 1497, Папоротникообразных 7, Мхов 16, Печеночниц 1, Грибов 6. Помимо этого в примечаниях указывались виды, собранные экспедицией вне пределов Туркестана. Каждый из видов был представлен в нескольких экземплярах, благодаря чему полная коллекция дублетов оказалась в распоряжении Императорского Ботанического сада в С.-Петербурге, положив начало Туркестанскому разделу Гербария этого учреждения, дублеты были также посланы в крупнейшие гербарии Европы, в том числе в Женеву, Берлин, Кью. Из числа представленных видов по подсчетам В.И. Липского около 220 описаны как новые¹⁸². По нашим подсчетам, таких набралось 226 видов, не считая разновидностей. При этом О.А. пунктуально следовала инструкциям, составленным для нее более опытными коллегами: она скрупулезно записывала место и время сбора каждого растения, высоту над уровнем моря, наличие цветов и плодов, местные названия. В биографии О.А., написанной для юбилейного издания Императорского ботанического сада в 1915 г. либо самой О.А., либо ее

¹⁸⁰ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902 (Изв. ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

¹⁸¹ См.: Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. Гербарий Московского университета. М., 1978. С. 31.

¹⁸² Липский В.И. Флора Средней Азии... С. 203–204 (№ 269).

сыном, также крупным ботаником Б.А. Федченко, дается следующая характеристика туркестанских сборов О.А.: “Во время путешествия в Туркестане был собран ботанический материал, который оказался чрезвычайно интересным, так как содержал множество новых видов и ряд новых родов; русская же флора обогатилась целым новым для нее семейством *Bignoniaceae* (новый вид, красивоцветущая *Incarvillea olgae Rgl.*)”¹⁸³. Таким образом вклад О.А. в ботаническое исследование Средней Азии был более чем значительным. Более того, благодаря выставке, этот вклад стал широко известен, что принесло О.А. признание в ученом мире.

Поскольку заграничная командировка А.П. уже была делом решенным (его командировали в Европу на период с 1 сентября 1872 г. по 1 сентября 1874 г.)¹⁸⁴, то по завершении выставки, О.А. и А.П. засобирались в Европу, куда и выехали в сентябре 1872 г. Они посетили Германию, Англию и Францию. В Германии были проездом и успели только осмотреть некоторые естественнонаучные учреждения. В Англии задержались дольше. А.П. занимался, главным образом, организацией издания материалов экспедиции: искал людей, готовых взяться за обработку коллекций, выяснял условия печати таблиц и других иллюстративных материалов, сам обрабатывал преимущественно энтомологические коллекции, писал книгу “В Коканском ханстве” и прочее. О.А., как обычно, помогала мужу. В связи с подготовкой издания в несколько раз увеличился объем переписки с зарубежными коллегами, которую вела О.А., знавшая иностранные языки намного лучше А.П. На ее плечи легло также немало других дел по организации издания и поддержания связи между всеми участниками этого процесса. Как достаточно красочно выразился Д.Л. Иванов, назначенный помощником А.П. в этом деле, “О.А. занимала положение контролера... Она отличалась особою аккуратностью и педантичностью в делах издания и эти же требования предъявляла ко мне”¹⁸⁵. Тем не менее у О.А. имелись и свои планы на заграничное путешествие. Б.А. Федченко впоследствии писал о первом посещении Англии Ольгой Александровной: “В первый раз О.А. посетила Лондон вместе со своим мужем А.П. Федченко осенью 1872 г. В это время она была уже известна в ученом мире Западной Европы, так как незадолго перед тем возврати-

¹⁸³ *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

¹⁸⁴ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко... С. 32.

¹⁸⁵ *Иванов Д.Л.* Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 103.

лась из трехлетнего путешествия по Средней Азии, сопровождавшегося крупными географическими открытиями, не говоря уже о сборе колоссального ботанического материала в местах, где не ступала нога европейца. Благодаря этому, О.А. легко завязала нужные связи среди крупных ученых Англии – географов Генри Юля, известного путешественника...¹⁸⁶, выдающегося ботаника Дж.Д. Хукера, директора Ботанического сада в Кью Оливера, а также вдовы известного полярного путешественника Франклина¹⁸⁷, которая десять лет организовывала ряд экспедиций с целью поисков следов своего мужа...¹⁸⁸ Таким образом, О.А. также не теряла времени даром. По договоренности с Г.Юлем она во время пребывания за границей перевела на русский язык его работу “История и география верховьев Аму-Дарьи”. Этот перевод с примечаниями самого Г. Юля, А.П. Федченко и Н.В. Ханыкова был опубликован в “Известиях Русского Географического общества”¹⁸⁹ и удостоился присуждения серебряной медали РГО¹⁹⁰. О.А., кажется, предпочла бы задержаться в Англии подольше, но, как замечает Б.А. Федченко, “О.А. сопровождала мужа в его заграничной командировке и потому должна была вместе с ним ехать далее, на юг, во Францию и Швейцарию”¹⁹¹. В Париже супруги Федченко пробыли недолго и обстоятельств этого первого для О.А. посещения знаменитого города не сохранилось¹⁹². Уже в октябре 1872 г. А.П. и О.А. поселились в Лейпциге¹⁹³. Подготовка к изданию шла полным ходом. 5 декабря 1872 г. А.П. писал правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину: “Что я поселился в Лейпциге, надеюсь вам уже известно; сижу над обработкой собранных материалов, подготавливаю начало манускриптов к печати и по этой части все идет весьма утешительно в смысле конечного результата, т.е., что издание будет такое, какого после русских путешествий еще не появлялось”¹⁹⁴. А.П., конечно, познакомился с кружком географов,

---

¹⁸⁶ Слово неразборчиво.

¹⁸⁷ Имеется в виду известный полярный исследователь Джон Франклин (1786–1847).

¹⁸⁸ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными // СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 30.

¹⁸⁹ Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О.А. Федченко с доп. и прим. А.П. Федченко, Н.В. Ханыкова, Г. Юля // Изв. Русского Географического общества. 1873. Т. IX. № 6: Приложение. С. 1–82.

¹⁹⁰ См.: Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁹¹ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 30–31.

¹⁹² Там же. Л. 55.

¹⁹³ См.: Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁹⁴ 1872 г. декабря 5. Письмо А.П. Федченко правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 159.

живших в Лейпциге, и посещал их собрания. В том же письме А.П. сообщал, что немецкие ученые сильно интересуются будущим изданием и сетуют на то, что оно предполагается по-русски. Ольга Александровна потратила время своего пребывания в Лейпциге на занятия “микроскопической ботаникой” у профессора Luerssen’a в Лейпцигском университете. Кроме того, у нее было еще одно важное дело: 27 декабря 1872 г. она родила сына, которого супруги назвали Борисом.

Летом 1873 г. О.А. и А.П. отправились в Швейцарию, где О.А., по словам Б.А. Федченко, завязала “некоторые научные связи”¹⁹⁵. Но больше всего А.П. и О.А. интересовали горы: А.П. готовился к экспедиции на Памир и изучал ледники. В конце лета вместе А.П. и О.А. посетили ледник Гриндельвальда. Кроме того, О.А. совершила несколько экскурсий в высокогорные районы, где собрала небольшой гербарий. Но это путешествие закончилось быстро и неожиданно. В конце августа А.П. и О.А. приехали в местечко Монтре, откуда 31 августа, в пятницу, О.А. проводила А.П. “до крайнего пункта железной дороги”¹⁹⁶. А.П. переночевал в Сальване и в субботу вечером прибыл в Шамуни. Здесь он осмотрел музей натуралиста г-на Пайо, некоторые из коллекций которого он собирался приобрести, а потом договорился о проводниках для экскурсии на ледник Col du Geant, которую он собирался предпринять на следующий день. О.А. пишет, что по словам Пайо, тот отговаривал А.П. от этого восхождения, хотя делал это недостаточно твердо. Пайо же рекомендовал А.П. в качестве проводников двух своих племянников, не имевших достаточного опыта. На следующее утро в 7.30 А.П. с проводниками был уже в маленькой гостинице Montanver у подножия ледника, где он запасся провизией. Погода была прекрасна, подъем проходил успешно и путники уже приближались к перевалу, когда неожиданно погода резко испортилась. А.П. внезапно стало плохо: “Алексею Павловичу грудь захватывало, ноги отказывались идти. Повернули назад. Алексей Павлович до того ослабел, рассказывают проводники, что они его толкали, несли, всячески помогали ему идти; но, выбившись из сил, в 9 часов вечера остановились. Они говорят, что стерегли его до 2-х часов ночи, но потом, видя, что он умирает, решились его оставить, чтоб не подвергнуться самим той же участи”, – пишет О.А.¹⁹⁷ В ночь со 2 на 3 сентября Алексей Павлович скончался. Ольга Александров-

---

¹⁹⁵ СПб АРАН Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 43.

¹⁹⁶ *Богданов А.П.* Указ. соч. Л. 26.

¹⁹⁷ [*Федченко О.А.* Письмо в редакцию] // *Голос.* 1873. № 262. (22 сентября / 4 октября). С. 1.

на узнала о происшедшем в среду, 5 сентября, от путешественника, пришедшего к ней пешком из Шамуни. Она тот час же бросилась туда и приехала в Шамуни в четверг в 10 утра. Ей показали тело А.П. Сопровождавший О.А. врач попытался пустить кровь, но, конечно, все уже было бесполезно. В смерти А.П. многое казалось непонятным: почему его бросили проводники, почему они сразу же не привели помощь, почему сразу не сообщили О.А. Ольга Александровна винила Пайо, проводников и нерасторопность властей. Хуже того, из-за неясных обстоятельств смерти в прессе появилась информация, порочащая А.П. и обвиняющая его самого в произошедшем. Петербургская газета “Голос”, например, сообщая о смерти А.П., напечатала следующее: “В “Journal de Geneve” пишут из Шамуни: ...Можно себе представить томительное положение трех несчастных, борющихся против ужасов смерти среди темной ночи в опасных ущельях Col du Geant, откуда и днем можно выбраться лишь с трудом, лишенных продовольствия, так как профессор, рассчитывая на свою геркулесовскую силу и на молодые годы, не дозволил брать излишней провизии!...” и прочее в том же духе¹⁹⁸. Подобные инсинуации были нестерпимы для О.А. Именно поэтому она послала в “Голос” письмо с подробным изложением обстоятельств смерти А.П. (так, как удалось ей это выяснить на месте): “М. г., в последнее время в газетах несколько раз появлялись сведения о смерти Алексея Павлович Федченко, – писала О.А., – сведения эти сопровождаются подробностями, очень часто противоречащими одна другой и неверными. Так как я ближе всех заинтересована в этом деле и, конечно, старалась собрать о нем, по возможности, точные сведения, то считаю своим долгом изложить его так, как я его понимаю...”¹⁹⁹ 6 сентября 1873 г. О.А. похоронила мужа там же, в Шамуни. 7 сентября она вернулась в Монтре, а уже 8 сентября вместе с грудным сыном выехала в Москву.

Так трагически закончился целый период жизни Ольги Александровны: полный увлекательных и опасных путешествий, удивительных открытий и искренней, глубокой любви. За несколько коротких лет своего брака с А.П. Федченко О.А. приняла участие в одной из крупнейших научных экспедиций своего времени и приобрела опыт и репутацию истинного ученого. Именно в этот период окончательно сформировались научные интересы Ольги Александровны, навсегда связанные с Туркестаном, и было положено начало исследованиям, впоследствии

---

¹⁹⁸ Внутренние известия // Голос. 1873. № 254. С. 2.

¹⁹⁹ [Федченко О.А. Письмо в редакцию] // Голос. 1873. № 262. (22 сентября / 4 октября). С. 1–2.

поставившим О.А. в один ряд с крупнейшими отечественными ботаниками. Время, проведенное с А.П., О.А. называла “лучшим периодом своей жизни”²⁰⁰. Она больше никогда не выходила замуж. Через 34 года после трагической гибели А.П., 15 июня 1907 г., О.А. писала сыну: “Совсем не думала тебе сегодня писать, но хочется поделиться своей радостью: нашла папину лупу! Нашла в своей комнате, в так[ом] месте, куда очевидно сама и запрягала для сохранности, и где ее уже и раньше искала. Ну, слава Богу, что нашла!”²⁰¹

---

²⁰⁰ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 15.

²⁰¹ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 46.

**Московская жизнь О.А. Федченко
в 70-е – 80-е гг. XIX в.**

**Работа над изданием
“Путешествия в Туркестан А.П. Федченко”**

Трагическая, так до конца и не объясненная гибель Алексея Павловича Федченко потрясла всех. Она не только ввергла в глубокое горе близких, друзей и коллег путешественника, но и поставила под угрозу выполнение задуманных им планов. Ольга Александровна не могла этого допустить. Конечно, планировавшееся продолжение Туркестанской экспедиции стало без А.П. невозможным, но завершение обработки и издание уже собранных материалов в том виде, как предполагал это сделать А.П., стало для нее жизненной необходимостью. Она понимала всю сложность подобного дела, но знала, что вряд ли кто-то, кроме нее, сумеет с ним справиться. Ольга Александровна единственная была в курсе всех планов, предположений и работ своего супруга, она участвовала в составлении большинства коллекций, нуждавшихся теперь в обработке, а ботаническая их часть была собрана непосредственно ею; в течение многих лет она вела всю переписку А.П. с заграничными учеными, а позднее – с издателями, типографами и пр.

Однако экспедиция А.П. Федченко не была его личным делом или даже предприятием такого общественного объединения как ОЛЕАЭ. Как сама Туркестанская экспедиция, так и последующие работы по обработке и изданию ее материалов осуществлялись на средства, предоставленные Туркестанским генерал-губернатором из бюджета Туркестанского края. Сам А.П. с 1 октября 1868 г. состоял на государственной службе, находясь в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора “для научных и статистических исследований края”²⁰². Это означало, что с юри-

---

²⁰² Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 30.

дической точки зрения Ольга Александровна как частное лицо и как женщина, для которой государственная служба была официально закрыта по законам империи, не имела права просто продолжить дело своего супруга. Теоретически место А.П. должен был занять другой чиновник, но человека, пожелавшего взяться за подобную работу и, что важнее, успешно справиться с ней, просто не существовало. Была и другая проблема. Официальное служебное положение А.П. означало также, что он получал жалование за свои труды, как и все остальные положенные выплаты. О.А., не состоя на службе, была, конечно, этого лишена. А между тем ее финансовое положение оказалось весьма скромным. Помимо жалования супруга, она, после смерти отца, имела в своем распоряжении небольшие личные средства, но их супруги Федченко практически полностью потратили во время пребывания за границей в 1872–1873 гг., “так как оклад содержания ее мужа был недостаточен для покрытия всех расходов и по путешествию, и по редакции”, – писал Г.Е. Щуровский К.П. фон-Кауфману²⁰³. Подобные соображения однако не могли остановить Ольгу Александровну. А.П. планировал оставаться за границей еще хотя бы некоторое время для улаживания дел по изданию, но О.А. вернулась в Москву сразу же после похорон мужа. Несмотря на неопределенность своего статуса, она ни на минуту не прерывала работ по обработке и изданию коллекций, так, как если бы А.П. был жив. Она не допускала мысли о том, что дело будет прервано и останется незавершенным: «Никто лучше меня не знает, какую страшную, ничем не заменимую потерю понесла наука в лице Алексея Павловича, – писала она 27 сентября (9 октября) 1873 г. А.П. Богданову. – Почти все результаты если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унес с собой в могилу. Теперь остается одно: сделать то, что только можно из начатого им, издать “Путешествие в Туркестан” настолько полно, насколько только можно без него. Тут-то и в общем, и в специальных частях, и в разных частностях нужно будет постоянное ваше участие и я сильно рассчитываю на него»²⁰⁴. Уже не в первый раз мы видим здесь непреклонность характера О.А.

Будучи достаточно практичной, О.А. прекрасно понимала, что без поддержки руководства ОЛЕАЭ и официального согласия Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана ей

²⁰³ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману по вопросу издания трудов А.П. Федченко. 1874 г. марта 25 // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 185.

²⁰⁴ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1.

вряд ли удастся довести дело до конца. То ли потому, что А.П. пользовался любовью и уважением своих коллег и учителей, то ли потому, что смерть А.П. была настолько неожиданной и нелепой, или потому, что Туркестанская экспедиция стала одним из крупнейших научных мероприятий ОЛЕАЭ и Общество было заинтересовано в опубликовании ее материалов (а возможно по всем этим причинам одновременно), Ольга Александровна получила безусловную и энергичную поддержку своих планов как от президента ОЛЕАЭ Г.Е. Щуровского так и от членов Общества. Еще только получив известие о гибели А.П., Г.Е. Щуровский писал А.П. Богданову: “В настоящее время она (Ольга Александровна. – *О.В.*) в Москве. Трудно с нею встречаться, но на этих днях я непременно у нее буду. О средствах помочь ей и обо всех предположениях относительно издания Ник[олай] Карл[ович]²⁰⁵ будет писать, и Вы поможете нам своим советом”²⁰⁶. Это письмо написано 19 сентября 1873 г., а уже 4 октября 1873 г. ОЛЕАЭ в своем 69 заседании обсуждало будущее издания “Путешествие в Туркестан”. Президент Общества, Григорий Ефимович Щуровский, напомнив о научных трудах и заслугах А.П. Федченко перед Обществом, предложил “обсудить меры к окончанию прерванного смертью А.П. Федченко издания трудов Туркестанской экспедиции”²⁰⁷. Секретарь ОЛЕАЭ Николай Карлович Зенгер, в свою очередь изложив обстоятельства организации Туркестанской экспедиции и сообщив о текущем положении дел с обработкой и печатанием ее материалов, заметил: “Довершение издания потребует, без сомнения, громадных стараний и может встретить почти неодолимые препятствия, но утешительным условием, которое поможет решить трудности, является возможность воспользоваться для этой цели знанием и опытом вдовы покойного Федченко, Ольги Александровны Федченко, которая была свидетельницей всех исследований ее мужа, сопутствовала ему в путешествиях по Туркестану и Кокану, вела его переписку и была посвящена во весь ход занятий”²⁰⁸. Предполагалось, что теперь, после смерти А.П., издание займет больше времени, чем планировалось изначально, во всяком случае – не менее трех лет. Несмотря на то, что часть материалов была уже обработана или находилась в обработке, а некоторые выпуски были отправлены в типографию, Н.К. Зенгер с уверенностью утверждал, что “все,

---

²⁰⁵ Н.К. Зенгер – секретарь ОЛЕАЭ.

²⁰⁶ Архив РАН. Ф.446. Оп. 2. Д. 762. Л.18.

²⁰⁷ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 3.

²⁰⁸ Там же. С. 3–4.

что готово, не составляет еще четвертой доли предстоящего труда”. Он связывал успех всего предприятия с двумя необходимыми факторами: 1) дальнейшим содействием Туркестанского генерал-губернатора и 2) “непосредственным и главным участием вдовы члена-основателя Ольги Александровны Федченко”²⁰⁹. Выслушав вышеизложенное, члены Общества, желая почтить память погибшего коллеги и сохранить для будущего его имя и ученые труды, постановили просить Туркестанского губернатора К.П. фон-Кауфмана о продолжении издания “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” на следующих условиях:

«1) чтобы редакция “Путешествия в Туркестан” была поручена вдове покойного путешественника Ольге Александровне Федченко, равно как и вся переписка по изданию, по сношению с авторами, коим поручена обработка материала, по заказу таблиц и рисунков и по делам редакции, и чтобы разбор и по возможности окончание тех рукописей, составление коих мог принять на себя лишь сам А.П. Федченко, были также предоставлены г-же Федченко.

2) Чтобы для сношений с типографиями и литографиями, для заведывания печатанием отдельных выпусков издания, корректуры и вообще для хозяйственных по изданию забот, преимущественно сосредоточенных в С.-Петербурге, редакция могла пользоваться содействием опытного и знакомого с делом лица в качестве члена редакционной комиссии по изданию.

3) Чтобы для разрешения специальных, научных вопросов по редакции в ней принимал участие специалист по избранию Общества, могущий постоянно содействовать успешному ходу дела своими трудами»²¹⁰.

Общество также постановило ходатайствовать о соответствующем материальном обеспечении членов редакционной комиссии, поскольку без этого их работа была бы затруднительна. В тот же день ОЛЕАЭ избрало в состав вновь учрежденной редакционной комиссии Ольгу Александровну Федченко, Дмитрия Львовича Иванова и Василия Николаевича Ульянина²¹¹. Таким образом был сделан первый шаг к признанию официального статуса О.А. Федченко.

Следующим шагом стало обращение Г.Е. Щуровского с пространном письмом к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, в котором Г.Е. Щуровский хотел донести до губернатора мысль о том, что завершение издания “Путешествия в Туркестан” в его, губернатора, интересах, поскольку это был бы “плод тех трудов, на которые вы не жалели средств и об успехе коих вы постоянно заботились”. Далее он замечал, что “довершение издания потребует еще громадных стараний и мо-

---

²⁰⁹ Там же. С. 4.

²¹⁰ Там же. С. 4.

²¹¹ Там же. С. 4.

жет встретить почти необходимые препятствия”, однако существует одно “счастливое и утешительное условие, которое поможет разрешить многие трудности”. Этим “счастливым условием” Г.Е. называл возможность воспользоваться опытом и знаниями О.А. Федченко²¹². Григорий Ефимович стремился получить одобрение кандидатуры Ольги Александровны в качестве лица, ответственного за все мероприятие, и, наконец, выхлопотать для нее материальное вознаграждение за труды. Напомнив об участии О.А. как в самой экспедиции, так и в последующих работах, Г.Е. Щуровский характеризовал ее следующим образом: “Степень образованности этой личности дает полную надежду, что ей удастся в значительной степени докончить прерванную обработку собранных материалов и с помощью общества спасти от забвения и гибели те результаты, кои добыты были экспедицией. Она будет в состоянии посвятить себя довершению издания, – прибавляет Г.Е. Щуровский, – если ваше высокопревосходительство доверите ей этот труд и поможете сосредоточить на нем ее силы”²¹³. Дата написания этого письма не установлена, однако резолюция К.П. фон Кауфмана подписана 10-м декабря 1873 г., таким образом, можно предположить, что письмо было написано почти сразу же после заседания ОЛЕАЭ. Намерение Г.Е. Щуровского поручить ответственность за издание Ольге Александровне, против ожидания, не вызвала у генерал-губернатора никаких возражений²¹⁴: “Необходимо сделать, что только возможно, дабы дать возможность О.А. Федченко довести до конца труды ее покойного славного мужа”, – наложил он резолюцию на письмо Г.Е. Щуровского²¹⁵. Однако в том, что касается отпуска средств, Кауфман не спешил: прежде, чем принять какое-либо решение на этот счет, он затребовал отчет об уже отпущенных средствах²¹⁶.

Между тем финансовые дела издания находились в некотором расстройстве. Изначально средства на издание “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” были перечислены на счет ОЛЕАЭ. Общество, в свою очередь, доверило Алексею Павловичу распоряжаться ими по своему усмотрению²¹⁷. Таким обра-

²¹² Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о гибели А.П. Федченко и о поручении О.А. Федченко закончить издание трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 177.

²¹³ Там же. С. 177.

²¹⁴ Видимо он был знаком с ней лично.

²¹⁵ А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 179.

²¹⁶ Там же. С. 179.

²¹⁷ См.: Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 21.

зом А.П. Федченко брал необходимые суммы из кассы ОЛЕАЭ и то же самое продолжала делать Ольга Александровна после его смерти. К сожалению, то ли из-за неопытности в подобных делах, то ли из-за расстроенных чувств и напряжения, в котором она пребывала после смерти мужа, О.А. не вела точного учета израсходованных ею сумм. Она также не знала, сколько точно было потрачено Алексеем Павловичем. Обстоятельства осложнялись еще и тем, что суммы, ассигнованной в 1872 г. (15 500 рублей), было явно недостаточно. Алексей Павлович понял это уже в 1872 г. и тогда же обратился к ОЛЕАЭ с рядом предложений по увеличению имеющихся средств, как-то: пустить в оборот основной капитал в 15500 рублей и использовать полученные проценты, добиться разрешения использовать выручку от продажи издания на публикацию его продолжения и пр. Но и тогда, по расчетам А.П., оставалась необходимость раздобыть где-то 3000 рублей. Это однако его не особенно смущало: “Первое, что вас поразит, – писал он А.П. Богданову, – это то, что расходы значительно больше данной суммы (т.е. 15500 руб. – *О.В.*). Но ради этого обстоятельства отступать ли перед задуманным? Этого, вы знаете, никогда не бывало ни с вами, ни с Обществом, ни со мной. Да и дело представляется не в дурном виде... (далее расписываются приведенные выше способы добывания денег. – *О.В.*). Для 3000, – продолжает он, – пока не придумаю ничего, но предполагаю, что и смущаться нечего, а нужно стараться дело хорошо сделать”²¹⁸. А.П., конечно, предполагал обратиться за увеличением субсидии к К.П. фон Кауфману. ОЛЕАЭ, хоть и готово было ему содействовать в этом (теоретически), но в тот момент сочло подобное ходатайство несвоевременным²¹⁹.

Получив же запрос К.П. фон Кауфмана, Г.Е. Щуровский в ответном письме (11 марта 1874 г.) счел возможным завести речь не только о материальном вознаграждении членам редакционной комиссии (и прежде всего О.А. Федченко), но и о необходимости увеличения общей суммы, выделенной на издание. Необходимость увеличения финансирования объяснялась следующим: 1) количество собранных коллекций, нуждавшихся в обработке, выросло почти вдвое после путешествия А.П. и О.А. в Коканское ханство (первая смета составлялась до этой экспедиции); 2) по сравнению с 1872 г. значительно подорожала бумага и про-

²¹⁸ Извлечение из письма А.П. Федченко на имя члена Совета А.П. Богданова от 2 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 20.

²¹⁹ Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 22.

чие материалы и услуги. Изложив все это, Г.Е. Щуровский четко и ясно заявил о том, что Общество берет на себя ответственность не только за своевременный выход всего издания, но и за его научную значимость: “Общество любителей естествознания, – писал он, – может принять на себя ручательство в том, что начатое издание будет капитальным естественноисторическим описанием вверенного управлению вашему края, если по израсходовании наличных средств ему дозволено будет войти с ходатайством об ассигновании суммы, необходимой для довершения начатого издания...”²²⁰. Итак, ОЛЕАЭ в лице Григория Ефимовича Щуровского безоговорочно доверяло Ольге Александровне и было совершенно убеждено в ее способности довести дело до благополучного конца. Но К.П. фон Кауфман, видимо, не мог безоглядно верить и самому Обществу. В ответ на письмо Г.Е. Щуровского он не только вновь потребовал подробную смету всех предстоящих расходов, но и указал, что: “Желательно войти с ходатайством о сем тогда, когда выйдет еще несколько выпусков, кои ожидаются в скором времени, дабы можно было составить себе более ясное понятие об издании”²²¹. Ему нужны были доказательства. Это решение принято Н.К. фон Кауфманом 19 марта 1874 г., а уже 25 марта Щуровский вновь пишет Кауфману, повторяя все свои доводы почти дословно, разве что несколько более подробно. Он оценивает общую стоимость работ по изданию в 26 500 рублей и снова подчеркивает необходимость оплаты труда Ольги Александровны: “Первой заботой общества было старание о том, чтобы начатые работы не остановились вовсе после смерти редактора. Лучшим путем для продолжения начатого дела считало общество поручение редакции вдове Ольге Александровне Федченко. Но возложить на нее редакцию было бы возможно лишь в том случае, когда она могла бы посвящать этому обширному труду все свое время и была бы обеспечена средствами, чтобы не прибегать в то же время к частным занятиям для получения необходимого содержания”²²². Но и это обращение пропадает впустую: решение К.П. фон Кауфмана отложить дело до выхода нескольких выпусков “Путешествия” остается без из-

---

²²⁰ 1874 г. 11 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману по вопросам издания трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 182.

²²¹ Резолюция на письме Г.Е. Щуровского к К.П. Кауфману от 11 марта 1874 г. // Там же. С. 183.

²²² 1874 г. 25 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману по вопросам издания трудов А.П. Федченко // Там же. С. 185.

менений (см. резолюцию на данное письмо от 28 марта 1874 г.)²²³. Тогда Г.Е. Шуровский, по-видимому, приходит к заключению о необходимости личной встречи с генерал-губернатором и направляет в Петербург (где тот находится в это время) секретаря ОЛЕАЭ Н.К. Зенгера. Перед своим отъездом Николай Карлович просил Ольгу Александровну составить хотя бы приблизительную записку о расходах по изданию: “Милостивая Государыня Ольга Александровна, – писал он. – На днях я еду в Петербург и буду у Кауфмана, от которого Григорий Ефимович получил на днях письмо, касающееся издания. Мне было бы весьма нужным иметь поэтому от Вас на этой неделе хотя бы приблизительные сведения о сделанных до сих пор расходах, хотя в общих цифрах... Потрудитесь снабдить меня этими сведениями и некоторыми данными о будущих расходах, нужных для издания уже готовящихся и необходимых выпусков. Если бы Вы могли дать мне род записочки, на основании которой я мог бы заготовить памятную записку для Кауфмана, я был бы весьма благодарен Вам...”²²⁴

Ольгу Александровну, судя по всему, эта просьба сильно затруднила. На обороте письма Н.К. Зенгера она набросала некоторые цифры, каждая из которых сопровождалась пометкой “около”²²⁵. Однако затребованная записка совместными усилиями в итоге была составлена и выглядела следующим образом:

“Счет издания Туркестанской экспедиции (к 1 декабря 1873 г. – О.В.):

Поступило по Высочайшему повелению из доходов Заравшанского округа

25 июля 1872 г.	15.500 р.
Баланс:	15.500 р.
Расход:	
Выдано А.П.Федченко на расходы	3046 р.
Выдано на основании постановления	
Совета 7 сентября О.А. Федченко	1000 р.
В типографию Стасюлевича	1300 р.
А. Листу в Лейпциг	1300 р.
Лемерсье в Париж	1002 р. 40 к.
Ершову в С.-Петербург	848 р. 1 к.
Бахману в Москве	354 р.
Перевод денег через банк	2 р.
	8852 р. 41 к.
Остаток:	6647 р. 59 к.
Баланс:	15500 р.” ²²⁶

²²³ Там же. С. 186.

²²⁴ Письмо Н.К. Зенгера к О.А. Федченко. Не позднее 29 марта 29 г. // СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 5–6.

²²⁵ См.: Там же. Л. 6 об.; а также счета на бланке ОЛЕАЭ. Там же. Л. 9 и др.

²²⁶ Состояние счетов и отчет о приходе и расходе сумм ОЛЕАЭ к 1 декабря 1873 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 44–46.

Намечавшаяся встреча Н.К. Зенгера с Кауфманом состоялась и, казалось, была успешной. Во всяком случае, если судить по благодарственному письму Щуровского правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину от 29 марта 1874 г. Это письмо было доложено А.И. Гомзину 1 апреля 1874 г. И как выясняется из резолюции, благодарности оказались несколько преждевременными: “Приказано, – гласит резолюция, – ожидать окончания подготовляемых выпусков “Путешествия в Туркестан”, чтобы затем заготовить представление г. военному министру об исходатайствовании пенсии вдове А.П. Федченко и дополнительной суммы на продолжение издания”²²⁷. На этом дело застопорилось.

Итак, поскольку Г.Е. Щуровский (с помощью Н.К. Зенгера) взял на себя наиболее трудную задачу по обеспечению издания финансами, Ольга Александровна могла заняться непосредственно издательской деятельностью, что также было нелегко. И хотя она по-прежнему ничего не получала за свою работу, денег на само издание пока еще хватало. Алексей Павлович задумывал издание “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” очень широко. Впервые он познакомил членов ОЛЕАЭ с приблизительным планом издания на заседании Общества 28 ноября 1871 г. Уже тогда он достаточно четко представлял, что именно ему хотелось бы сделать: “Путешествия, совершаемые в страны дотоле не известные, – говорил он, – при окончании всегда дают повод к появлению сочинений, знакомящих как публику, так и специалистов с новоисследованной страной, ее условиями, жителями и естественными произведениями. В данном случае, кроме издания сочинения, дающего общее знакомство с краем, я предлагаю Обществу обратить внимание на особенное развитие специальной части, посвященной описанию Туркестанской фауны и флоры”²²⁸. В этом действительно был смысл: не только потому, что два основных участника экспедиции интересовались преимущественно фауной (А.П.) и флорой (О.А.) и, соответственно, именно эти коллекции оказались наиболее полными, но и потому, что флора и фауна Туркестана были изучены еще очень мало, и супруги Федченко смогли обнаружить достаточно много новых, ранее неизвестных и неописанных видов. Помимо этого ОЛЕАЭ вообще

---

²²⁷ 1874 г. марта 29. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину о содействии в назначении пенсии О.А. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 186–187.

²²⁸ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Изв. ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

отдавало предпочтение зоологическим исследованиям, и именно они преобладали в изданиях Общества, за что Общество даже подвергалось критике со стороны некоторых ученых. Руководство ОЛЕАЭ подобные нападки ничуть не смущали. Оно открыто заявляло, что такова его сознательная политика: «Если нельзя быть сильным во многом, то лучше быть сильным в чем-нибудь одном, чтобы не быть слабым во всем, – заявил, например, Н.К. Зенгер, зачитывая отчет о работе ОЛЕАЭ в его годовичном (87-м) заседании 15 октября 1876 г. И добавил, с вполне оправданной гордостью: «Если бы “Известия Общества” преследовали несколько задач, если бы они не предпочитали преобладания зоологических работ, то не подлежит сомнению, что Обществу не удалось бы собрать в своих изданиях такого капитального запаса научных материалов, без которого нельзя обойтись специалисту. Теперь же ни один зоолог не может игнорировать материала, собранного в Известиях, он необходим каждому. В этом заключается, без сомнения, успех, а с успехом и известная сила»²²⁹.

Существовало также еще одно соображение. Часть собранных супругами Федченко коллекций уже в 1871 г. была роздана для обработки как российским, так и иностранным ученым. Абсолютное их большинство выполняло эту работу бесплатно в обмен на возможность опубликовать описание новых видов. Учитывая имевшуюся в этой области конкуренцию, все они стремились опубликовать свои работы как можно быстрее. Существовала реальная угроза, что результаты деятельности экспедиции окажутся рассеянными по десяткам научных журналов разных стран. Алексей Павлович же хотел сделать единое капитальное издание, описывавшее Туркестанский край во всем его разнообразии. Он задумал опубликовать четыре тома. Первый, должен был содержать описание самих путешествий, посещенных мест, памятников древности, привычек и обычаев местного населения и характеристику, как он говорил, “особо примечательных” животных и растений. Второй том был бы полностью посвящен научному описанию Туркестанской фауны; третий – описанию флоры. Четвертый том включал бы в себя метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения, а также пояснительную записку к карте Туркестана²³⁰. Именно в таком виде программа издания была одобрена

---

²²⁹ Годичное (восемьдесят седьмое) собрание Общества 15 октября 1876 г. Годичный отчет Общества, читанный секретарем Н.К. Зенгером // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 124.

²³⁰ Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Изв. ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

ОЛЕАЭ и представлена господину военному министру²³¹. И именно эту программу Совет ОЛЕАЭ представил публике, уведомляя ее о том, что “с осени (1872 г. – *О.В.*) начнется печатание результатов трехлетних работ в Туркестанском крае экспедиции Общества”, которое будет выходить в свет под названием “Путешествие в Туркестан, совершенное по поручению Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Туркестанского генерал-губернатора членом Общества А.П. Федченко”²³².

К этому времени за разбор коллекций взялись:

Академик А.А. Штраух (СПб)	Пресмыкающиеся и земноводные
Профессор К.Ф. Кесслер (СПб)	Рыбы
Доктор Соссюр (Женева)	Прямокрылые
Мак-Лахлан (Лондон)	Сетчатокрылые
Доктор Соссюр, О.И.Радошковский, Е.К. Фреймут, А.П. Федченко	Перепончатокрылые
Профессор Леве (Губен), А.П. Федченко	Двукрылые
Н.Г. Ершов (СПб)	Чешуекрылые
В.Ф. Ошанин	Жесткокрылые
А.И. Кронеберг	Паукообразные
В.Н. Ульянин, А.П. Федченко	Ракообразные
А.П. Федченко	Черви, свободноживущие и паразитные
Доктор Мартенс (Берлин)	Слизняки

Обработать гербарии, собранные Ольгой Александровной, согласились доктора Регель, Гердер (СПб) и Бунге (Дерпт). Антропологические материалы взял профессор А.П. Богданов, палеонтологические – К.О. Милашевич²³³.

К концу 1872 г. работы по обработке коллекций шли полным ходом. 2 декабря 1872 г. А.П. Федченко прислал в ОЛЕАЭ подробный отчет, опубликованный в Известиях Общества, под заглавием: «Донесение А.П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан”». К этому времени он самым подробным образом разработал программу первого тома, однако ждал одобрения Общества прежде чем приступить к ее выполнению, поскольку, по его расчетам, оно “потребуется весьма значительного времени ввиду разнообразия содержания и множества прилагае-

²³¹ Там же. С. 78.

²³² Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 года по 8 марта 1872 года // Изв. ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124.

²³³ Там же. С. 124–125.

мых рисунков»²³⁴. Состав второго тома также определился. Первая часть посвящалась слизнякам. Профессор Э. Мартенс при участии Гейнемана и Клессина уже закончил ее обработку, хотя и собирался сделать еще полный список всех известных до настоящего времени форм слизняков Средней Азии, Алтая, Туркестана, Тибета, Юнана, Кандагара и Афганистана. Рукопись Мартенса была написана, конечно, по-немецки, а для “Путешествия в Туркестан” был избран русский язык. Это, безусловно, затрудняло работу редактора, так как требовало переводов и переводчиков, разбиравшихся в существе дела. Но с самого своего основания ОЛЕАЭ настаивало на использовании русского языка в своих научных изданиях. Параграф о развитии русского научного языка был включен в устав Общества²³⁵. Сам Алексей Павлович был горячим сторонником этой идеи: «Ужасно они недовольны (немецкие коллеги. – *О.В.*), – писал он из Лейпцига А.И. Гомзину 5 декабря, 1872 г., – что мы пишем и печатаем по-русски (что я перевожу некоторые оригиналы с немецкого на русский для моего “путешествия” и что вообще оно издается на русском языке – это для них нож острый). Но чем же мы виноваты, что они (ученые немецкие) не учатся читать по-русски, вот военные их ведь учатся же русскому языку. Значит, он доступен для немецкого мозга»²³⁶. Переводом рукописи Мартенса А.П. как раз занимался зимой 1872 г. Вторая часть второго тома посвящалась червям. А.П. сам предполагал обработать этот материал. Он отмечал в своем “Донесении”: “Определения по большей части сделаны, но мне хочется воспользоваться собранным материалом (с лишком 60 видов) для изучения анатомического строения этой группы, которое известно только у немногих форм”²³⁷. Третью часть второго тома – ракообразных – обрабатывал В.Н. Ульянин и предполагал закончить работу к концу зимы, т.е. к весне 1873 г. Мелких раков А.П. опять-таки предполагал обработать сам. Четвертая часть, посвященная паукообразным, содержала, по мнению работавшего с ней А.И. Кронеберга, около 200 видов, но сроки окончания данной части пока не назывались. Пятая часть была одной из самых значительных и больших по объему. Над ней работало много народу. Сосюр уже успел обработать

---

²³⁴ Донесение А.П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан” от 2 декабря 1872 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16.

²³⁵ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. С. 4.

²³⁶ А.П. Федченко: Сборник документов. Ташкент, 1956. С. 159–160.

²³⁷ Донесение А.П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан” от 2 декабря 1872 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 13.

часть и даже вернуть коллекции обратно и готовился выслать рукопись, содержащую описание нескольких семейств. С.М. Сольский сделал еще только предварительную обработку собранных в Туркестане жуков и готовил первый выпуск своей части. О.И. Радошковский составлял статью о перепончатокрылых, но некоторые группы из этого отряда А.П. хотел обработать сам и уже успел подготовить материал по пчелам, но опять-таки желание исследовать собранный материал затягивало окончание работы. Н.Г. Ершов обещал закончить свою часть к началу 1873 г. Мак Лахлан заканчивал предварительный разбор, то же самое можно было сказать о профессоре Леве. К.Ф. Кесслер уже успел предоставить в ОЛЕАЭ описание новых видов Туркестанских рыб. Академик А.А. Штраух, занимавшийся пресмыкающимися и земноводными, пока что был далек от окончания работ. Таким образом к концу 1872 г. работы продвигались быстрее, чем этого можно было бы ожидать, и Алексей Павлович был полон оптимизма. С разбором гербариев дело продвигалось медленнее. Доктор Регель уже заявил, что “осуществление издания потребует весьма продолжительного времени вследствие обширной программы” (предполагалось издать свод описания и вообще всего известного о Туркестанских видах). Поэтому пока что Регель был занят составлением описаний новых видов, отложив остальное на будущее²³⁸. О работах по подготовке четвертого тома речь еще не шла.

Алексей Павлович координировал работу множества людей, занимавшихся подготовкой рукописей; налаживал контакты с типографиями, литографиями (поскольку издание предполагалось щедро иллюстрированным); занимался переводом и редактированием уже готовых рукописей. Он также взял на себя обработку большого числа коллекций, особо его интересовавших, и при этом успевал заниматься исследованиями. После его смерти все эти работы легли на плечи Ольги Александровны. (Не следует также забывать о крошечном сыне, нуждавшемся во внимании и заботе, и об отсутствии средств к существованию). Прежде всего О.А. хотела обеспечить безостановочное продолжение работ. Следовало найти ученых, готовых взяться за обработку коллекций, с которыми работал сам А.П., найти переводчиков. Редакторская работа и чтение корректур также не заставляли себя ждать. Отдельную проблему составляли рисунки и таблицы – это была не только самая дорогостоящая часть издания, но и самая трудная в техническом исполнении, поскольку в России практически не существовало полиграфической базы, способной обес-

---

²³⁸ Там же. С. 16.

печить должное качество. Следовало решить тысячи мелких проблем: от системы нумерации томов и количества экземпляров, до способов их распространения, продажи и обеспечения вышедшими томами авторов и влиятельных лиц.

Многое из задуманного Алексеем Павловичем оказалось невозможно выполнить без него. Так, например, из первого тома А.П. успел написать только пять глав “Путешествия в Коканское ханство” (хотя изначально планировалось девять). Путешествие же по русскому Туркестану оставалось неопианным. Как отмечала Ольга Александровна: «Для первой части первого тома, кроме опубликованных в прежнее время... отчетов и заметок... о путешествиях по Заравшанской долине, в Магиан и в Кызылкумскую степь, существуют только отрывочные рукописные заметки, разбросанные по записным книжкам. Приведение в порядок и опубликование этих заметок покойного редакция не решает принять на себя и полагает более благоразумным сохранить этот материал неприкосновенным до тех пор, пока не сыщется лицо, непосредственно знакомое с этими местностями и готовое принять на себя редакцию этой части “Путешествия”»²³⁹. Этот замысел так и остался неисполненным. Пришлось отказаться и от замысла А.П. Федченко поместить в приложении к первому тому обзор фауны посещенных территорий. Ольга Александровна вполне резонно посчитала, что подготовить подобный обзор до выхода второго, зоологического, тома в принципе невозможно. Вообще, работа над вторым томом в отсутствие Алексея Павловича представляла серьезные затруднения. Как упоминалось выше, он планировал разбить том на разделы, содержащие информацию о “самостоятельной группе животного царства”. К каждой такой группе он хотел приложить общий очерк результатов путешествия по отношению к этой конкретной группе, в том числе результаты наблюдений за животными данной группы, сделанные во время путешествия. Но поскольку данная работа должна была быть сделана самим А.П., а он, к сожалению, не оставил ничего, кроме кратких заметок, разобраться в которых вряд ли кто мог, то и от этих планов пришлось отказаться. По этой же причине пришлось опустить и планировавшийся ранее раздел второго тома, посвященный практической энтомологии. Зато на выполнении некоторых других идей и замыслов А.П. Ольга Александровна упорно настаивала, что вызывало раздражение авторов и осложнения в отношениях с ними.

---

²³⁹ [Федченко О.А.] От редакции // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. СПб.; М., 1874. [С. I].

Алексей Павлович хотел, чтобы тома “Путешествия” содержали, во-первых, описание всех известных Туркестанских видов, а не только ранее неизвестных или собранных экспедицией Федченко; во-вторых, он хотел получить не просто перечисление, но и монографическую обработку животных туркестанской фауны; он хотел также видеть синоптические таблицы для определения животных форм Туркестана. Как писал в предисловии к своему тому С. Сольский, “ученое общество имело в виду достигнуть таким образом того, чтобы вместе с отчетом о произведенных, по его начинанию, ученых исследованиях в мало известном, вновь приобретенном для отечества крае, издать такой труд, который мог бы послужить каждому желающему, из русских, удобным средством к определению встречаемых в Туркестане пород.. и тем самым способствовал бы к дальнейшему изучению фауны этого края...”²⁴⁰. Некоторые ученые, занимавшиеся обработкой коллекций, отнеслись к этим пожеланиям Алексея Павловича, а затем и Ольги Александровны, с пониманием: “Непременным желанием покойного Алексея Павловича было дать наглядную таблицу для определения описанных в предлагаемом сочинении родов и видов, а также сравнительный список всех слизняков, известных до сих пор и из других частей среднеазиатского плоскогорья. По мере возможности, я старался удовлетворить этим желанием”²⁴¹, – писал, например, Эдуард фон Мартенс. К. Кеслер, предваряя свое исследование, замечал: “Согласно общему плану, установленному покойным Алексеем Павловичем для всех фаунистических частей предпринятого им издания о Туркестане, статья моя изложена так, чтобы могла служить кратким руководством к определению рыб для путешественников и других лиц, которые захотели бы на месте заняться дальнейшими исследованиями ихтиологической фауны края. С этой целью здесь помещены не только сжатые описания всех видов рыб, которые найдены в Туркестане, но также приведены и отличительные признаки родов, семейств и разрядов, к которым означенные виды относятся. Сверх того, характерные признаки всех тех видов, которые оказались новыми, т.е. никем еще не описанными, изложены также на латинском языке, для того чтобы иностранные ихтиологи имели возможность с ними ознакомиться”²⁴².

²⁴⁰ Сольский С.М. Жесткокрылые (*Coleoptera*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I].

²⁴¹ Мартенс Э. фон. Слизняки (*Molluscs*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. 1874. [С. I].

²⁴² Кеслер К.Ф. Рыбы (*Pisces*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. VI. 1874. [С. I].

Однако несмотря на то, что программа А.П. Федченко была принята к исполнению, не всем участникам она нравилась и вызывала желание как-то обойти ее. Проблема состояла в “огромной затрате времени и труда на воссоздание на русском языке описаний таких видов, которые давно и многократно уже описаны за границею и на установку их в систему вместе с другими, мало известными и совершенно новыми видами”. Это затягивало выход издания в свет, и авторы рисковали потерять приоритет в описании новых видов: “Мне кажется, – писал С.М. Сольский, – что соединение издания отчета ученой экспедиции с так сказать учебными целями вообще не может иметь места без того, чтобы не отразиться вредно на той и другой стороне дела. Издание отчета ученой экспедиции всегда более или менее ограничено временем и не может быть растягиваемо надолго, ни загромождаемо не принадлежащими непосредственно к трудам экспедиции элементами, без того, чтобы собранные экспедициею научные данные, с одной стороны, постепенно не утрачивали, во время разработки, своего значения, через опубликование с разных сторон таких же исследований, произведенных другими, с другой же стороны, не стушевались бы в большой массе давно известного”²⁴³. В этом подходе был своей резон. Тем не менее Ольга Александровна твердо придерживалась разработанного плана. Она понимала стремление авторов побыстрее опубликовать результаты своих работ, но не хотела в угоду им жертвовать качеством издания. Вместе с этим она отлично знала, что чем быстрее выйдут из печати первые тома “Путешествия”, тем быстрее будет решен вопрос с продолжением финансирования. К сожалению, возникали сложности, замедлявшие этот процесс. Алексей Павлович собирался собственноручно описать достаточно большое количество коллекций, и это принесло немало затруднений О.А., поскольку для продолжения издания было необходимо найти людей, которые согласились бы его в этом заменить. Как раз это было выполнено Ольгой Александровной достаточно быстро: “Относительно издания “Путешествия” могу с удовольствием указать на то, что удалось пристроить апидов – Моравицу (Федор. Федор.) в Петербурге и червей: часть их взял Грубе, а паразитов – Лей Карт²⁴⁴ в сообществе своего ассистента Ральфса. Моравиц уже получил Коллекцию, рисунки и заметки и деятельно принялся за обработку, Грубе все отправлено, но еще нет от

---

²⁴³ Сольский С.М. Жесткокрылые (*Coleoptera*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I–II].

²⁴⁴ О.А. имеет в виду Рудольфа Лейкарта (1822–1898), немецкого зоолога, знаменитого О.А. еще со времен их совместной с А.П. поездки в Италию.

него известий о получении, согласие Лей Карта получено только третьего дня, и коллекция, и заметки приготавливаются для отправки ему. Клещей взял Кронеберг. Без движения куда клопы, которых я побоялась послать В.Ф. Ошанину, как он просил, в Ташкент. Они будут ждать его возвращения. Нерозданными остаются пока некоторые семейства перепончатокрылых...”²⁴⁵, – писала она А.П. Богданову 4 марта 1874 г.

Труднее было заменить Алексея Павловича в другом: он предполагал предпослать каждому тому отдельное предисловие с очерком-характеристикой общей картины того или иного отдела фауны Туркестана, однако почти ничего не успел сделать. Большинство же авторов чувствовали себя не готовыми написать нечто подобное. Ольга Александровна не была уверена, что именно следует предпринять в данном случае: опубликовать то немногое, что успел написать А.П., вряд ли стоило из-за его незавершенности; сама О.А. не могла взять на себя эту задачу. Издание задерживалось. Она надеялась на помощь членов ОЛЕАЭ и прежде всего Анатолия Петровича Богданова: “Печатаются слизняки, – писала ему О.А. 27 сентября / 9 октября 1873 г., – А.П. хотел дать к ним предисловие, теперь нет его, издавать без предисловия? Я писала к Мартенсу, не напишет ли он предисловие, но сомневаюсь. Ему, кажется, сильно надоело, что слизняки так долго не выходят, и едва ли он согласится еще писать. 2) Печатаются бабочки, тоже задержка за предисловием. А.П. читал вам исправленное им Ершовское предисловие, вы вместе решили, что А.П. напишет совсем новое и более подробное; теперь что же делать? Только вы одни и можете знать, что имел в виду написать А.П., и было бы самое лучшее, если бы взяли написать. Но если не захотите, что тогда? Печатать ли в том виде ершовское, как его исправил А.П. или никакого?”²⁴⁶

Ответ Анатолия Петровича, однако, где-то задерживался. О.А. была вынуждена вновь писать ему (17/ 29 ноября 1873 г.): “Давно я вам послала и предисловие к бабочкам, и дополнения, и предисловие Мартенса и писала о таких вещах, которые меня крайне интересуют и на которые жду вашего ответа с большим нетерпением, а ответа нет”²⁴⁷. А.П. Богданова вообще приходилось постоянно торопить. Будучи учителем, научным руководителем и консультантом Алексея Павловича, А.П. Богданов лучше многих знал его замыслы. Кроме того, он был профессиональным зоологом. Ольга Александровна не только нуждалась в

---

²⁴⁵ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 1–1 об.

²⁴⁷ Там же. Л. 3.

его помощи, но и не могла игнорировать его мнение. Как видно из переписки, при подготовке к выпуску первых, давших труднее всего томов, она постоянно справлялась о его мнении и просила его указаний. В случае разногласий с О.А., авторы, по-видимому также апеллировали к Богданову: «Дело в том, – пишет О.А. 24 ноября 1873 г. по поводу разногласий с Н.Г. Ершовым, обрабатывавшим Чешуекрылых (*Lepidoptera*), – что Ершов уже велел набрать предисловие и прислал мне его для поправок и дополнений. Поправить неизбежно нужно, пот[ому] что Ершов, под видом “заметки, полученной от А.П.”, включает те несколько строк, которыми начал свою заметку А.П. (сколько помню, Ершов буквально напечатал то, что было на отдельном листе, посланном вами вместе с предисловием). К этому Ершов прибавляет от себя несколько строк, сущность которых заключается в том, что делать какие-либо выводы на основании имеющегося материала – преждевременно. Так как его предисловие помечено 1-м апреля, то выходит, будто А.П. только и хотел сказать, что заключается в тех нескольких строках. Выходит, конечно, нелепо; но, чтобы не сидеть над одним и тем же два раза, я бы желала, поправляя Ершова, иметь перед собою ваши указания. Послала же я телеграмму, а не ограничилась письмом, где все это гораздо удобнее и понятнее излагается, вот почему: что торопится Ершов, это естественно, очень уже давно печатается его труд; но на это я бы не посмотрела: заботясь прежде всего о том, чтобы всякое дело было сделано как можно лучше, я бы не усомнилась, ввиду несомненной пользы для самого дела, отложить окончание его на неделю, другую. Если же я тороплюсь, то не ради собственно только этого предисловия, а ради того, что чем скорее выйдут два первых выпуска, тем лучше это отзовется на всем издании. Бесконечность этих выпусков производит дурное впечатление, многим надоедает дело; “типография жмет плечами, авторы махают руками”, – а и с типографией, и с авторами предстоит еще долго вести дело»²⁴⁸. Настойчивость Ольги Александровны, однако, приносила свои плоды: предисловие Н.Г. Ершова, например, является одним из самых подробных и обстоятельных во всем издании²⁴⁹.

В то время как одни авторы нещадно торопили Ольгу Александровну с выходом их томов “Путешествия”, другие – не спешили выполнить взятую на себя часть работы. Это объяснялось и занятостью многих ученых, и обилием материалов, и желанием

---

²⁴⁸ Там же. Л. 5, 5 об., 6.

²⁴⁹ См.: *Ершов Н.Г.* Чешуекрылые (*Lepidoptera*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874.

поподробнее изучить представленные им коллекции, и просто большим объемом работ. Положение затруднялось еще и тем, что первоначально Ольга Александровна не имела непосредственного контакта со многими заграничными учеными и была вынуждена общаться с ними через посредников из ОЛЕАЭ. Одним из таких помощников стал Василий Николаевич Ульянин, избранный членами ОЛЕАЭ в состав редакционной комиссии в качестве научного консультанта. Василий Николаевич искренне стремился помочь делу. Он взял на себя обработку нескольких коллекций, перевод на русский язык некоторых работ зарубежных ученых и, видимо, на первых порах, контакты с этими учеными. Однако собственные исследования, экспедиции и поездки отнимали все больше времени, и все чаще на свои письма к Ульянину Ольга Александровна получала следующие ответы: (12 октября 1873 г.) “...Об Ошанине я не имею никаких известий; он собирался, по-моему, на Памир... Отчего бы Вам не написать к Ошанину – известить его о том, когда предполагается вперед вести издание и вместе с тем [срочно] допросить о его том, когда можно надеяться видеть его *Hemipteri* готовыми?”²⁵⁰; (20 ноября 1873 г.): “...Соссюр не пишет ... чтобы *Hymenoptera* были ему высланы теперь же. Полагаю, что посылать их ему не нужно прежде, чем он окончит *Orthoptera*. Во всяком случае лучше списаться с ним...”; “...Не полезно ли Вам будет вступить в прямые сношения с Моравицем? Вы бы знали, когда что берется писать Моравиц...”; “...Очень рад был бы Вам помочь разобрать *Hymenoptera* для отсылки, но к, сожалению, в настоящее время не могу этого сделать, ибо завтра мне приходится... уехать из Москвы недели на две”²⁵¹; (28 августа 1874 г.): “От Дейроля сведений никаких не имею... [так же как] и от М. Ларимана... Последний в особенности меня беспокоит своим молчанием, обусловленным, очевидно, нежеланием прислать рукопись согласно нашим упрощениям”²⁵²; (25 июля 1875 г.): Отчего... тянет глистов Лейкарт? Нельзя ли бы чтобы его сколько-нибудь понудить?”²⁵³ и т.д.

Таким образом, Ольга Александровна постепенно брала в свои руки всю переписку по изданию. Она подгоняла особенно неторопливых авторов (сама или с помощью авторитетных лиц, например того же А.П. Богданова: “Одно семейство – *Tenthredinae* – и из розданных не двигается. Я уже столько раз приставала к автору, что боюсь надоесть. Попроставайте, пожалуйста,

---

²⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 258. Л. 3 об.

²⁵¹ Там же. Л. 5–5 об.

²⁵² Там же. Л. 14.

²⁵³ Там же. Л. 42 об.

вы: Е.К.²⁵⁴ так была тронута вашим вниманием – присылкой фотографии – что она для вас теперь что угодно, даже *Tenthredinae*, я думаю, сделает, хоть они ей и очень надоели”, – писала она ему 4 марта 1874 г.²⁵⁵). Она читала присланные авторами и типографиями корректуры и подписывала их в печать. Она готовила коллекции к отправке тем, кто собирался их обрабатывать, и принимала, разбирала и сортировала, когда они возвращались обратно. Наконец, в марте 1874 г. были получены отпечатанные экземпляры первых двух выпусков “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко”.

Постепенно издательская деятельность вошла в правильное русло. Ольга Александровна набиралась опыта, сотрудницы и авторы привыкали иметь с ней дело. В 1874 и 1875 гг. новые тома “Путешествия” выходили в свет с завидной регулярностью и постоянством. Между тем средства, отпущенные на издание, подходили к концу, а решение о продолжении финансирования все еще не было принято. Поскольку предыдущее решение К.П. фон Кауфмана (от 28 марта 1874 г.) гласило, что необходимо дождаться выхода в свет нескольких томов “Путешествия”, прежде чем можно будет принять окончательное решение о его дальнейшей судьбе, переписка по этому вопросу между Г.Е. Щуровским и К.П. фон Кауфманом на некоторое время была прервана. В 1874 г. некоторые средства в кассе общества еще были. Но к 1875 году все резервы были практически исчерпаны. Тогда Г.Е. Щуровский счел возможным возобновить ходатайство о выделении средств. В январе 1875 г. по его просьбе (точнее, по просьбе Совета ОЛЕАЭ) московский почтдиректор, статский советник Семен Сергеевич Подгорецкий взял на себя труд лично переговорить об этом с К.П. фон Кауфманом во время своего пребывания в Петербурге²⁵⁶. Г.Е. Щуровский передал с ним письмо, написанное 17 января 1875 г., с очередной просьбой о решении вопроса: “Так как в настоящее время вышло пять выпусков, определяющих характер и полноту изданных трудов, и так как заказ весьма большого числа рисунков и таблиц, а равно и покупка бумаги для других пяти выпусков, находящихся теперь в печати, поглотили большую часть средств, имевшихся в распоряжении издания, причем в кассе остается лишь сумма 2500 руб., то я осмеливаюсь довести об этом до сведения вашего высокопревос-

---

²⁵⁴ Видимо имеется в виду Е.К. Фреймут.

²⁵⁵ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

²⁵⁶ См.: 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. ... С. 188.

ходительства и утруждать вас новым ходатайством Общества любителей естествознания об оказании благосклонной поддержки нашему делу, если вы изволите признать удобным для сего настоящее время”²⁵⁷. Встреча эта, однако, не принесла никакой пользы: “... Г.Е. был у Подгорецкого, который оказалось возвратился из Петербурга больным, – сообщил Н.К. Зенгер Ольге Александровне 12 февраля 1875 года, – Подгорецкий заезжал к Кауфману, но тот еще не успел тогда видеться с Министром. Перед отъездом в Москву он снова был у Кауфмана, но попал именно в то время, когда Кауфман поехал к Министру. Таким образом нужно будет ожидать письма Кауфмана по почте и когда оно будет получено, я не замедлю Вас о нем уведомить”²⁵⁸. Ответа на это письмо не было. Надеюсь, что отзыв о качестве издания крупного ученого поможет сдвинуть дело с мертвой точки, Г.Е.Щуровский в марте 1875 г. переговорил с председательствующим в Русском географическом обществе П.П. Семеновым во время его визита в Москву, прося его не только дать отзыв о “Путешествии”, но и со своей стороны походатайствовать о назначении Ольге Александровне пенсии. О сочувственном согласии П.П. Семенова Г.Е. Щуровский сообщил К.П. Кауфману в письме от 17 марта 1875 г.²⁵⁹

Мысль К.П. фон Кауфмана, вероятно, работала в том же направлении: прежде чем принимать решение, он пожелал получить профессиональный отзыв об уровне и качестве издания. По некоторому совпадению, 18 марта 1875 г. он обратился с письмом к президенту Петербургской Академии наук Ф.П. Литке “с покорнейшей просьбой не отказать передать на заключение Императорской Академии наук вопрос о том, заслуживает ли это издание, по научному своему значению, правительственной поддержки и ассигнования из государственного казначейства необходимой для окончания его дополнительной суммы Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии”²⁶⁰. Таким образом, получив послание Г.Е. Щуровского 19 марта 1875 г., Кауфман наложил на него резолюцию: “Ожидать сообщения П.П.Семенова и запрошенного отзыва от академии о достоинствах предпринятого издания путешествий А.П.Федчен-

---

²⁵⁷ 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 189.

²⁵⁸ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 13.

²⁵⁹ См.: А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 192.

²⁶⁰ 1875 г. марта 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – президенту Российской Академии наук Ф.П.Литке // А.П. Федченко: Сб. док-в ... 1956. С. 190–191.

ко”²⁶¹. Как видим, российская бюрократия очень щепетильно относилась к бюджетным средствам.

Между тем средства иссякали. У Ольги Александровны накопилось достаточно большое количество неоплаченных счетов по изданию, а ход дела требовал дальнейших затрат. Выход очередных томов оказался под угрозой. 30 марта 1875 г. Совет ОЛЕАЭ собрался для принятия решения. А уже 1 апреля секретарь ОЛЕАЭ Н.К. Зенгер писал Ольге Александровне: “Решено просить Вас приостановить теперь уже всякого рода дальнейшие заказы таблиц, чертежей, бумаги и печати, кои могли бы вовлечь Общество в новые расходы, кроме уже предстоящих уплат за прежние до сих пор сделанные заказы; решено просить Президента Общества лично ходатайствовать в Петербурге о решении вопросов по изданию во время поездки президента в Петербург в начале мая сего года; изыскавши денежные средства, решено по мере возможности производить уплату уже представленных счетов из кассы Общества”²⁶². По распоряжению Г.Е. Щуровского, Ольга Александровна должна была: “1) Не останавливая обработки материалов и частей и приготовление рукописей к печати, остановить всякий заказ по изданию рукописей и заключающихся в них рисунков. 2) Из числа уже печатающихся выпусков издания, в коих имеются уже готовые таблицы и отпечатанный текст, окончить и выпустить в свет лишь те, кои не потребуют новых затрат... 3) Приостановить издание таких выпусков, в коих печатание текста не начато и для которых исполнено лишь несколько таблиц...”²⁶³ В тот же день, 1 апреля 1875 г., Г.Е. Щуровский направил сообщение Н.К. фон Кауфману вместе с извлечением из отчета, составленного Ольгой Александровной, о положении дел и заказов по изданию²⁶⁴. Настойчивые просьбы возымели действие. Сам Кауфман, кажется, был заинтересован в успешном завершении проекта, а, возможно, уже успел получить какой-то отклик из Академии. Во всяком случае он добился предварительного согласия Министерства финансов на отпуск запрошенной Ольгой Александровной суммы в 21 000 рублей при условии положительного отзыва Академии. “Я не сомневаюсь в одобрительном отзыве, но он еще не получен, а пока не будет его, я дол-

---

²⁶¹ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е.Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 192–193.

²⁶² СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 16–16 об.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ См.: 1875 г. апреля 1 дня. – Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в ... С. 193.

жен удержаться от испрошения суммы”, – отметил Кауфман 3 апреля 1875 г. в резолюции на сообщение Г.Е. Щуровского²⁶⁵. 10 апреля это решение было сообщено Г.Е. Щуровскому²⁶⁶, а 18 апреля Кауфман, в свою очередь, направил письмо Д.А. Милютину, занимавшему в то время пост военного министра, с подробным изложением обстоятельств издания материалов экспедиции А.П. Федченко. К этому времени вышло в свет уже семь выпусков “Путешествия” и Кауфман был вполне уверен в их научной ценности: “Согласно всем заявленным мне компетентным отзывам, – писал он, – издание заслуживает такой поддержки и покровительства по своим несомненным достоинствам и пользе, какую оно принесет для отечественной науки и для успеха последующих научных исследований наших в Средней Азии”²⁶⁷. При этом Кауфман не спешил успокоить ОЛЕАЭ и уверить его в успехе их ходатайства. Общество продолжало предпринимать шаги, чтобы убедить Кауфмана в целесообразности завершения дела, начатого с таким размахом. В начале мая 1875 г. К.П. фон Кауфман посетил Москву. Поскольку к этому времени он уже являлся почетным членом ОЛЕАЭ, в его честь 7 мая было организовано экстраординарное собрание Общества и Комитета для устройства музея прикладных знаний (будущего Политехнического). Заседание происходило под председательством самого президента Щуровского и в присутствии многих членов ОЛЕАЭ, в том числе и члена-основателя О.А. Федченко. Большая часть заседания была посвящена успеху Туркестанского отдела на Политехнической выставке, Туркестанскому отделу будущего Музея, а также экспедиции А.П. Федченко. Григорий Ефимович Щуровский выступил с речью, призванной не только подчеркнуть успехи ОЛЕАЭ в освоении и изучении Туркестанского края и отдать должное роли К.П. фон Кауфмана в этом процессе, но и подчеркнуть важность этих исследований. Причем президент ОЛЕАЭ сосредоточился на экономическом и вытекающем из него политическом значении естественнонаучного и географического изучения и освоения Туркестана. Он также обратил внимание присутствующих на международную конкуренцию, существующую в данном вопросе: “Действительно, не с Востоком ли или с развитием его культуры, с расширением его торговых сношений и с улучшени-

---

²⁶⁵ 1875 г. апреля 1 дня. – Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 194.

²⁶⁶ См. сноску на: А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 194.

²⁶⁷ 1875 г. апреля 18. – письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – военному министру Д.А. Милютину // А.П. Федченко: Сб. док-в ... С. 194–196.

ем его продуктов связано в высокой степени будущее экономическое и промышленное развитие России?, – говорил он. – ...Это видно из того, с каким интересом следят в Западной Европе за каждым шагом России в восточных ее окраинах, и этот интерес все более и более увеличивается. Давно ли почти одна Англия считала заслуживающими особого внимания наши среднеазиатские дела, между тем как в настоящее время вся Западная Европа зорко следит не только за военными или государственными приобретениями России в Средней Азии, но и за каждым приобретением ее в научном и промышленном отношениях”²⁶⁸.

Речи Щуровского всегда представляли собой вершину дипломатического искусства, но в этот раз он превзошел самого себя. Кауфману напомнили об экономических интересах России, о международной ситуации, о его военных победах и об участии в организации экспедиции А.П. Федченко. Ему напомнили о каждом аргументе “за” окончание публикации материалов “Путешествия” (ни разу не упомянув само издание), высказали благодарность за оказанную ранее поддержку и ненавязчиво намекнули, что было бы неплохо по достоинству оценить проделанную работу: “...мы почтем себя особенно счастливыми, если Вы признаете, что мы добросовестно выполнили ту часть труда, которая легла на нас по описанию Туркестана, как результата экспедиции незабвенного нашего сочлена А.П. Федченко, – говорил этот старый лис. – Всякий научный успех тогда только является прочным, когда он основывается на строгом научном знании”²⁶⁹. После выступления Г.Е. Щуровского слово взял вице-президент и член-основатель ОЛЕАЭ, профессор Московского университета А.Ю. Давыдов. Начав с того, что “одну из самых светлых страниц в истории нашего Общества составляют, без сомнения, исследования Туркестанского края в его естественно-историческом значении”, профессор коротко изложил труды ОЛЕАЭ в этом направлении, предпринятые до экспедиции супругов Федченко и далее перешел к подробному описанию заслуг Туркестанской администрации в деле изучения края. Покончив с этой приятной обязанностью, докладчик посетовал на гибель главного участника экспедиции, отметив, что “Алексей Павлович Федченко пал как храбрый воин на поле сражения”²⁷⁰. Упомянув, о том, что оставленные им “обширные исследования послужат основой и краеугольным камнем для дальнейшей разработки вопроса”, он за-

²⁶⁸ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 27–28.

²⁶⁹ Там же. С. 28.

²⁷⁰ Там же. С. 29.

явил: "...нам остается только соединиться в общем желании, чтобы труд этот, начатый при столь благоприятных условиях, был доведен до счастливого конца"²⁷¹. Рассказав подробно о плане издания "Путешествия в Туркестан А.П. Федченко", А.Ю. Давыдов перешел к характеристике уже вышедших в свет томов: "В настоящее время, – говорил он, – отпечатано уже роскошным изданием, с прекрасными рисунками и политипажами, восемь выпусков, содержащих около ста печатных листов; три новых выпуска того же издания печатаются и скоро выйдут в свет, и еще два вполне приготовлены к печати; остальные 12 выпусков обрабатываются и готовятся к изданию. Разработка научного материала распределена как между членами нашего Общества, так и между другими русскими и заграничными учеными... замечательнейшие естествоиспытатели всех стран образованного мира принимают деятельное участие в этом обширном труде, и изучение Туркестана стало общею задачею науки. Результаты, которые достигаются десятками лет при величайших затруднениях и усилиях, сделались достоянием науки в сравнительно короткий промежуток времени, благодаря просвещенному содействию Вашего Высокопревосходительства"²⁷². И, наконец, Давыдов завершил свое выступление изящным пассажем об уверенности всех присутствующих в благополучном завершении дела под мудрым руководством генерал-губернатора: "Общество любителей естествознания обращается к Вам, Константин Петрович, своему почетному члену и гостю, с выражением глубокой признательности за то внимание, которое Вы оказали и продолжаете оказывать этому важному делу; с полной уверенностью и надеждою смотрит оно на судьбу его, зная, что Вам она не менее близка, как самому Обществу. Оно пользуется настоящим случаем лишь для того, чтобы снова заявить Вам о готовности продолжать начатые работы по Вашим указаниям и под Вашим руководством и считает для себя особенно счастливым случаем, что научные приобретения свои оно завоевало под славным знаменем Вашим"²⁷³. Следующий оратор, член-основатель Общества, профессор Московского университета Н.А. Попов, бывший в то время председателем этнографического отдела ОЛЕАЭ, вновь говорил об экономическом и политическом значении Средней Азии для развития самой России; об общеевропейском значении русских завоеваний в этом районе; о необходимости детального изучения вновь присоединенных территорий для их наиболее эффек-

---

²⁷¹ Там же. С. 30.

²⁷² Там же. С. 30

²⁷³ Там же. С. 30.

ктивного использования в интересах России. Он также не забыл упомянуть экспедицию А.П. Федченко²⁷⁴.

Таким образом ОЛЕАЭ в лице своих наиболее авторитетных представителей предприняло настоящий штурм генерала Кауфмана, используя все возможные аргументы, способные убедить его оказать поддержку изданию материалов экспедиции супругов Федченко. Имя Ольги Александровны ни разу не упоминалось во время этого заседания (во всяком случае, протокол не отразил ничего подобного). Однако она на нем присутствовала и, разумеется, все собравшиеся прекрасно знали и о ее роли в экспедиции и, тем более, о ее работе в качестве издателя “Путешествия”. Можно только догадываться, что ее молчаливое присутствие также было своего рода аргументом в этом сражении. Однако, как выяснилось несколько позднее, в столь массивной атаке возможно уже и не было прямой необходимости. Еще 22 апреля 1875 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук академики Ф.Ф. Брандт, Л.И. Шренк и А.А. Штраух, составлявшие отзыв на тома “Путешествия”, высказали свое мнение, которое и было одобрено академической Конференцией. 17 мая президент Академии Ф.П. Литке отправил донесение о произошедшем К.П. фон Кауфману²⁷⁵. Отзыв этот был более чем благоприятен для Ольги Александровны. Академики отметили уникальность коллекций, собранных экспедицией: “Тогда как другие преимущественно имели в виду лишь позвоночных животных, – писали они, – Федченко обращал большое внимание и на несравненно менее известных животных беспозвоночных. Составленные им по этой части коллекции столь многочисленны, что вполне заслуживают подробной разработки специалистами-зоологами”. Они посчитали качество разбора и описания материалов “весьма удовлетворительным”; отметили, что вышедшие выпуски “с помощью подробных описаний и превосходных изображений, не только знакомят нас с большим числом новых видов, но, вместе с тем, благодаря богатству коллекций дают возможность судить и об общем характере и составе фауны по рассмотренным отделам”. Они также указали на исключительный интерес Туркестана в зоогеографическом отношении, простиравшийся из соприкосновения на его территории фаун: Североазиатской (Европейско-Сибирской), Южноазиатской (Гима-

²⁷⁴ См.: Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 30–31.

²⁷⁵ См.: 1875 г. мая 17. – Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в ... С. 197.

лайской), Средиземноморской, а также значительного разнообразия животных форм. Таким образом, вывод экспертов гласил, что “весьма желательно, чтобы и остальные материалы, добытые экспедицией покойного Федченко, были разработаны и изданы в таком же виде, как в вышедших до сих пор выпусках. Этим снова подтвердится, – добавляли они, – справедливость неоднократно высказанного уже в заграничной печати замечания, что Россия тотчас же вслед за материальным приобретением какой-либо нетронутой страны приобретает ее и в научном отношении”²⁷⁶.

К.П. фон Кауфман ознакомился с отзывом 14 июня 1875 г. и приказал сообщить о нем военному министру и Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, “которому, конечно, весьма приятен будет отзыв Академии наук о сочинении, которое и создано, и издается под руководством Общества”²⁷⁷. (Этот отзыв был зачитан 19 августа 1875 г. на 78 заседании ОЛЕАЭ и, позднее, опубликован в “Протоколах” Общества)²⁷⁸. 26 июня 1875 г. в ОЛЕАЭ из Московского губернского казначейства на счет издания “Путешествия” поступила сумма в размере 21 000 рублей²⁷⁹. Судьба издания была решена. У Общества, таким образом, появился вполне законный повод для гордости. В годичном отчете о деятельности ОЛЕАЭ, зачитанном Н.К. Зенгером 15 октября 1875 г. на восьмидесятом собрании ОЛЕАЭ, этому событию отводилось чуть ли не первое место. “К счастливым обстоятельствам..., – говорил Н.К. Зенгер, – должно, без сомнения, отнести получение тех денежных средств, кои были необходимы для продолжения одного из капитальных изданий общества: “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”²⁸⁰. Н.К. Зенгер сообщил, что к концу 1875 г. в свет вышли девять выпусков “Путешествия” объемом 135 листов, содержавшие

---

²⁷⁶ Донесение академиков Ф.Ф. Брандта, Л.И. Шренка и А.А. Штрауха о рассмотренных ими семи выпусках “Путешествия в Туркестан” А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. ... С. 193.

²⁷⁷ См. резолюцию на письмо: 1875 г. мая 17. – Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 197.

²⁷⁸ Семьдесят восьмое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 19-го августа 1875 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 40–41.

²⁷⁹ Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 18–19.

²⁸⁰ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 48.

44 таблицы. Большое количество таблиц и рисунков являлось предметом особой гордости. В России практически не существовало условий для их тиражирования. И авторы, и Ольга Александровна были вынуждены заказывать рисунки и таблицы за границей: в Париже (у Т. Дейроля и Лемерсье), в Берлине (у Тиффенбаха, Вигандта, Гемпеля и Парей), в Лейпциге (у Баха). На долю единственного российского заведения, удовлетворявшего высоким требованиям – Э. Ивансона (в СПб), – пришлось абсолютное меньшинство заказов. Стоимость таблиц и рисунков съедала не меньше половины всего бюджета издания²⁸¹. Усилия редактора также не остались без внимания. Н.К. Зенгер, знакомый с издательским делом не понаслышке, отметил: “Что касается труда, то всякому, кто знаком с делом изданий, хорошо известно, как много требуется даже самой скучной и тяжелой работы, при отсутствии у нас хороших корректоров и малом развитии типографского дела”. Но затруднения не могли останавливать Общество”, – добавлял он²⁸².

Вообще, и сама экспедиция супругов Федченко, и, еще больше, такое успешное издание ее материалов стали предметом особой гордости ОЛЕАЭ и символом успеха его деятельности и некоторых принципов, провозглашенных при его создании. Одним из таких принципов, как уже упоминалось выше, было издание научных сочинений Общества исключительно на русском языке. Политика, с которой были не согласны большинство старейших научных обществ и организаций страны, таких как Петербургская Академия наук или Московское общество испытателей природы. “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко” стало блестящей иллюстрацией правоты ОЛЕАЭ, что не преминул с гордостью отметить Н.К. Зенгер: “Издания общества за последние годы приняли на свои страницы много почтенных и замечательных трудов, остановивших на себе внимание ученой литературы, – говорил он. – Работы А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, А.П. Богданова, В.Н. Ульянина, И.Д. Чистякова, А.П. Федченко, Н.А. Северцова и других, помещенные в “Известиях” прежних лет, стали достоянием европейской науки, перешли в переводах и извлечениях в ученые журналы за границей, и между прочим доставили блестящее доказательство верности того правила, которого мы держались при редакции “Известий Общества”, а имен-

²⁸¹ См., например: Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 19.

²⁸² Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 48.

но полного исключения иностранных языков со страниц нашего издания. Труды, достойные внимания, заслуживающие ознакомления с ними и их изучения, будучи напечатаны на русском языке, не остались незамеченными иноземными учеными, и за границу уже успели усвоить все, что оказалось существенного и нового в наших русских работах”²⁸³. Таким образом, работа по изданию “Путешествия” была признана одним из наиболее перспективных проектов ОЛЕАЭ и получила полную поддержку Общества, поддержку, к которой Ольге Александровне еще не раз приходилось прибегать в процессе работы. Однако с финансами отныне все обстояло благополучно, и Ольга Александровна могла без помех продолжать работу, которая и без хлопот о деньгах была достаточно трудной.

Некоторые тома доставляли Ольге Александровне больше забот, чем другие. С некоторыми авторами вести дела оказалось очень не просто. Одной из проблем стал том, посвященный описанию экспедиции. Как упоминалось выше, А.П. Федченко успел написать только небольшую часть из задуманного, а именно несколько глав “Путешествия в Коканское ханство”. И даже этот кусок нуждался в серьезной доработке. Сегодня трудно сказать, кому именно было поручено это дело. Занималась ли этим сама Ольга Александровна или кто-то другой. Надо отметить, что О.А. Федченко вообще не оставила нам никаких повествовательных текстов. Она не вела дневник, не написала воспоминаний. Почти никогда не писала статьи об экспедициях (исключение из этого правила представляет ее статья “A.Fedtschenko’s Reisen in Turkestan, 1868–1870”²⁸⁴ и еще две-три заметки), в которых принимала участие. Если бы до нас не дошло более двух сотен ее писем (большой частью письма к сыну), можно было бы подумать, что она не умела и не любила писать. Однако это, безусловно, не так. Скорее, ей просто катастрофически не хватало времени: дела по изданию, колоссальная переписка, разбор и рассортировка коллекций, а также воспитание сына поглощали все ее время. С другой стороны, кроме нее, эту работу просто некому было сделать: ведь она участвовала в описываемых событиях. Сохранился лишь один намек на то, что Ольга Александровна надеялась на полное завершение описания всей экспедиции в объеме, задуманном Алексеем Павловичем. В одном из писем к А.П. Богданову по поводу размера рисунков (24 ноября 1874 г.), она от-

---

²⁸³ Там же. С. 48.

²⁸⁴ *Fedtshenko O.A. Fedtschenko’s Reisen in Turkestan, 1868–1871 // Mittheilungen aus Justus perthes’ geographischer anstalt über wichtige neue erforschungen auf dem gesamtgebiete der geographie von Dr. A.Petermann. 1874. B. 20. S. 201–206.*

мечала, что размер рисунков зависит от того, будет или нет написана первая часть первого тома (т.е. описание первой части экспедиции) и замечала, “за что Зенгер ручается”²⁸⁵. Таким образом, можно предположить, что Н.К. Зенгер согласился разобрать заметки Алексея Павловича и дописать, а в том, что касается первой части, написать заново, историю путешествия. Однако он мог пообещать подготовить только собственно эту первую часть, а работу со второй оставить Ольге Александровне. В любом случае, II часть первого тома “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” “В Коканском ханстве”, состоящая из пяти глав, великолепно иллюстрированная и снабженная картами, вышла в свет в 1875 г.²⁸⁶ Повествование в ней ведется от лица Алексея Павловича, а имя редактора не указано. Но можно не сомневаться, что Ольга Александровна внимательно читала текст, правила корректуру и уточняла детали. Так что некоторым образом она также является одним из авторов этого тома. Описание же первой части экспедиции так никогда и не было написано. Н.К. Зенгер умер в 1877 г., видимо, не успев закончить этот труд, а сама Ольга Александровна никогда за него не бралась.

Две другие наиболее типичные проблемы, возникавшие в отношениях с учеными, занимавшимися обработкой коллекций, уже упоминались выше: некоторые из них слишком затягивали свои работы, другие слишком спешили. И то, и другое вызывало сложности. Один из типичных примеров медлительности являл собой А.П. Богданов. Он консультировал О.А. по многим вопросам, переводил некоторые тома на русский язык и, что было наиболее важным, взялся обработать антропологические материалы. Ольга Александровна была полностью в нем уверена или, по крайней мере, выражала такую уверенность. Еще 24 ноября 1873 г. она писала ему: “Антропология – дело другое: тут я знаю, что вы ее сделаете, что весь вопрос во времени, и жду покойно... Что средства на антропологию будут – могу ручаться до тех пор, пока есть какие-нибудь средства на издание. Сколько, полагаете вы, потребуется на издание текста? И где будете делать рисунки? Не в Париже ли?”²⁸⁷ Однако несмотря на эту уверенность “Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев” А.П. Богданова увидели свет только в 1888 г., т. е. через 15 лет после начала работы²⁸⁸.

²⁸⁵ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

²⁸⁶ Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. I. Ч. II: Федченко А.П. В Коканском ханстве // Изв. ОЛЕАЭ. 1875. Т. XI. Вып. 7. С. 1–160.

²⁸⁷ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6-6 об.

²⁸⁸ Богданов А.П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1888. Вып. 22.

Другую крайность представлял собой доктор Э.Л. Регель, обрабатывавший ботанические коллекции, собранные Ольгой Александровной. Точнее, он представлял собой обе крайности одновременно. Гербарии, собранные экспедицией в течение первого года путешествия (конец 1868 г. – 1869 г.), почти сразу были переданы для обработки профессору Московского университета Н.Н.Кауфману²⁸⁹. Ольга Александровна давно и хорошо его знала, что еще важнее – у них был опыт успешного сотрудничества (ему же, уезжая в длительную экспедицию, Ольга Александровна отдала на сохранение свои гербарии). Н.Н. Кауфман приступил к работе и даже успел опубликовать несколько заметок на основе материалов, привезенных экспедицией²⁹⁰. К сожалению, в 1870 г. Н.Н. Кауфман умер, и пришлось подыскивать другого человека для этой работы. Э.Л. Регель казался вполне подходящей кандидатурой. Доктор Э.Л. Регель, директор Ботанического сада в Санкт-Петербурге, считался одним из наиболее опытных отечественных систематиков. У него уже был опыт обработки растений, собранных в Центральной Азии П.П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1856–1857 г. (всего более 1000 видов растений)²⁹¹, Г.Н. Потаниным (1863 г.), Н.А. Северцовым (1864 г.). Результаты этой работы публиковались в 1864–1869 гг. в “Бюллетене” Московского общества испытателей природы. Таким образом, выбор Э. Регеля для обработки растений, собранных О.А. Федченко, был совершенно оправданным. Первые ботанические материалы Ольга Александровна передала ему еще в 1871 г. до завершения экспедиции²⁹². Помимо Э.Л. Регеля обработкой гербариев занимались г-да Гердер (СПб) и А.А. Бунге (Церпт). Ботаническому описанию Туркестана отводился третий том “Путешествия”. Собранный Ольгой Александровной гербарий содержал до 1700 видов, большая часть которых была совершенно новой и неизвестной науке. Однако, как и в случае с зоологическими материалами, Алексей Павлович и Ольга Александровна хотели видеть не только описание новых видов. В проспекте издания было заявлено: “Обработка ботанической части не ограничится списком найденных форм и описанием новых; в ней будут собраны все существующие по настоящее вре-

---

²⁸⁹ Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко // Путешествие в Туркестан А.П.Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. [С. I].

²⁹⁰ См.: Изв. ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. 1–2. С. 180, 388.

²⁹¹ См. воспоминания П.П. Семенова-Тянь-Шанского в: *Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. Ч. I. Отд. I–III. С. 271.*

²⁹² См.: СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

мя сведения о флоре Туркестана... Флора будет заключать синопис всех известных до сих пор видов растений Туркестана”²⁹³. Предполагалось, что кроме растений, собранных экспедицией Федченко, будут описаны и включены в издание растения из окрестностей Ташкента и из Коканского ханства, подаренные ОЛЕАЭ И.И. Краузе. Объем тома планировался в 80 печатных листов, разумеется, с иллюстрациями.

В итоге при работе над первой частью третьего тома Э.Л. Регель использовал гербарии Карелина и Кирилова, Каульбарса, Королькова, Краузе, Кушакевича, Потанина, Семенова, Северцова, Шарнгоста, Шренка и др., хотя основу несомненно составила коллекция Ольги Александровны. Э.Л. Регель в предисловии к первой части ботанического тома писал: “По желанию, выраженному мне многоуважаемым А.П. Федченко, я принял на себя обработку Туркестанской флоры с употреблением не только материалов, собранных его супругою, но и всех материалов, собранных до сих пор разными лицами в Туркестанском крае”²⁹⁴. Вначале Э.Л. Регель не спешил с работой, отвлекаемый другими занятиями. Он регулярно посылал Ольге Александровне извинения за очередную задержку и заверения в том, что работа будет исполнена²⁹⁵. Г.Е. Щуровский позднее писал К.П. фон Кауфману: “Г. Регелю был передан ботанический материал еще в 1871 г., но как видно из представленных документов, находящихся в редакции “Путешествия”, он до 4 лет обрабатывал первый выпуск, постоянно извещая редакцию, что он занят другими работами. Как только им представлена была рукопись, так и она напечатана”²⁹⁶. Однако после выхода в 1876 г. первой ботанической части, обработанной Э.Л. Регелем, все изменилось. Медлительность и неторопливость сменились нетерпением и спешкой. Вместо того чтобы предоставить в распоряжение редакции “Путешествия” продолжение работы, Регель начал настаивать на отдельной публикации его статьи с описанием исключительно новых Туркестанских видов (вопреки заявленному ранее намерению обработать все собранные растения). Он желал подобной публикации немедленно, сообщая, что в противном случае начнет печатание статьи в “Известиях Ботанического сада”. Кроме того, он возра-

---

²⁹³ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124–125.

²⁹⁴ *Регель Э.Л.* Туркестанская флора. Тетрадь первая // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. III: Ботанические исследования. 1876. Ч. I. [С. 1].

²⁹⁵ См. письма Э.Л. Регеля к О.А. Федченко за 1873–1875 гг.: СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 1–40.

²⁹⁶ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

жал против редактирования и правки его работ. В фонде О.А. Федченко в С.-Петербургском филиале Архива РАН сохранилась страница из рукописи первой части ботанического тома с правкой Ольги Александровны, датированная 10-м августа 1875 г.:

“25. *Распльивные* стебли. Такого слова нет. Не зная в точности, что оно должно выражать, ничего не заменила. Или нужно выкинуть совсем, или заметить русским словом...

46. не выставлено везде *место нахождения* и *которое* число июня. Если число неизвестно, то надо: июнь.

В предыдущих листах, кажется, ставили по-русски, под названием вида, Таб. и фиг. – Если да, то и теперь лучше ставить по-русски*.

49. Длина стебля 12–40 (как по латыни) или 30–40 (по-русски)”²⁹⁷.

Из этого примера можно судить, что Ольга Александровна была очень аккуратна и внимательна при чтении чужой рукописи. Однако одновременно она проявляла тщательность и дотошность, которые позднее отличали ее собственные работы. Несомненно, от этого труд только выигрывал, но подобная тщательная проработка деталей замедляла дело. Хотя, конечно, Эдуард Людвигович мог быть недоволен и тем, что его поправляет какая-то не имеющая никакого образования и собственных работ дама. В любом случае, дело дошло до той точки, когда потребовалось вмешательство третьих лиц. Нам не удалось установить, то ли Э.Л. Регель, недовольный действиями Ольги Александровны, обратился непосредственно к Г.Е. Щуровскому, то ли Ольга Александровна сама попросила помощи. Однако нам точно известно, что Регель написал непосредственно К.П. фон Кауфману, жалуюсь ему на непрофессионализм редакции (т.е. О.А.) и всего ОЛЕАЭ, на непозволительно медленное ведение ими работ по изданию. Правда, жаловался он на постоянные проволочки с изданием ботанических материалов, обрабатывавшихся профессором А. Бунге (Дерпт), а не своих. К.П. фон Кауфман, будучи высокого мнения о Э.Л. Регеле и его научных достоинствах, написал, в свою очередь, письмо Г.Е. Щуровскому, содержавшее, по-видимому, упреки в медлительности и непрофессионализме редакции. Письмо это, к сожалению, нам обнаружить не удалось, зато сохранились ответы Г.Е. Щуровского и Э.Л. Регелю, и К.П. фон Кауфману. Точнее, копии этих ответов, направленные Ольге Александровне и полученные ею 5 сентября 1877 г. Григорий Ефимович, ни минуты не колеблясь, встал на защиту Ольги Александровны. Ситуация была обсуждена на Совете ОЛЕАЭ, дейст-

---

* Предложение зачеркнуто.

²⁹⁷ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 109.

вия О.А. Федченко проверены и найдены безупречными, а обстоятельства, приведшие к скандалу, самым подробным образом изложены К.П. фон Кауфману. Письмо Г.Е. Щуровского не просто твердое, уверенное в правоте своей позиции, оно скорее, резкое. Никогда раньше и, кажется, никогда впоследствии Г.Е. не обращался к Кауфману в подобном тоне. Письмо это настолько ярко, что мы считаем необходимым привести его здесь полностью:

“Милостивый Государь, Константин Петрович.

Письмо Вашего Высокопревосходительства с замечанием Обществу за медленность в издании ботанической части “Путешествия в Туркестан” было тотчас же сообщено мною в экстраординарном заседании Совета Общества, который вновь проверил факты, вызвавшие Ваше неудовольствие. По рассмотрении дела оказалось следующее:

1. Действительно, рукопись г. Бунге оставалась довольно долгое время без печатания, хотя в настоящее время и печатается, как Вы изволите усмотреть в объявлении Совета Общества на последнем выпуске Путешествия (14), вышедшем до получения замечания Вашего Высокопревосходительства. Причины этого вовсе не зависели от Совета Общества или редакции “Путешествия” (под словом “редакция” Г.Е. Щуровский имеет ввиду О.А. Федченко. – *О.В.*), а от особых условий труда г. Бунге. Когда авторы представляют труд свой в таком виде, что его прямо можно печатать, то они имеют хотя какое-либо право претендовать на замедление, хотя ни в одном ученом учреждении, сколько нам известно, авторы не претендуют на то, что печатание их труда должно дожидаться своей очереди, зная что личный состав специалистов по каждой науке в академиях и ученых Обществах ограничен, и что никто не может требовать, чтобы ученые учреждения, предпринимаящие серию изданий, оставляли все свои труды и обращались в корректоров какого-либо одного труда. Но труд г. Бунге не принадлежал к такого рода сочинениям, могущим прямо поступить в печать, так как требовал значительной редакции по языку и внешней форме изложения. Если бы это было не специальное сочинение, то необходимые редакторские исправления были бы сравнительно легки; но в специальном сочинении необходим для исправления слога труд специалиста, иначе будет не исправление, а искажение. [Найти] специалиста, который бы посвятил продолжительное время неблагодарному труду исправления чужого сочинения дело не совсем легкое и во всяком случае не такое, которое могло бы по приказанию Общества совершиться непременно в короткий срок. Зная по опыту величину жертвы, приносимой общему успеху изданий Общества специалистом в этой неблагодарной работе исправления, Общество не может позволить себе каких-либо мер давления на него, так как это было бы несправедливо. К счастью, у Общества существуют люди, готовые для его успеха принять самый египетский и неблагодарный труд. Из уважения к памяти А.П. Федченко и высокопочтимым как нашим Обществом, так и ученым миром трудам О.А. Федченко двое молодых специалистов-ботаников приняли на себя этот труд. Сначала работа взята была магистрантом Маевским, но после предварительного тщательного просмотра того, что от него требовалось, он отказался, полагая себя недостаточно компетентным в той части систематики, которую ему пришлось просматривать. Нужно было отыскать иное лицо из ботаников и если Ваше Высокопревосходительство изволите принять в соображение, что даже Университеты затрудняются в нахождении кандидатов по кафедре систематики растений, так как почти все ботаники предпочитают заниматься физиологическою ботаникою, то затруднения Общества вполне выяснятся. Наконец, наш сочлен доктор Тихомир, из

желания выручить Общество, прервал свои специальные исследования и окончил обработку так, что теперь сочинение уже печатается. Какие затруднения может представлять практика издания видно, например, из того, что один термин “тугодный”*, употребленный г. Бунге, потребовал переписки и объяснений с ним. Все специалисты, знающие весь ход дела, неоднократно выражали удивление той успешностью, с какою идет издание, несмотря на все замедления и затруднения, зависящие всегда от условий, вызванных авторами статей и их замедлениям, а не от редакции или Совета Общества²⁹⁸.

2. В письме Вашего Высокопревосходительства упоминается имя г. Регеля, который может служить блестящим примером того, с какими личными взглядами и какими затруднениями должно бороться Общество при своих изданиях статей по “Путешествию”. Г. Регелю был передан ботанический материал еще в 1871 г., но как видно из представленных документов, находящихся в редакции Путешествия, он до 4 лет обрабатывал первый выпуск, постоянно извещая редакцию, что он занят другими работами. Как только им представлена была рукопись, так и она напечатана. Г. Регель остался недоволен только тем, что признано было желательным во избежание излишних расходов печатать более тесно диагнозы и не разгонять их на возможно больший объем. По крайней мере только в этом смысле выражено было им в письме замечание о редакции. Г. Регелю в остальном Общество вполне предоставило всю инициативу. По предварительному уговору в выпуске должно было быть 10 таблиц, но г. Регель представил их вдвое больше, и они напечатаны тотчас же. Затем рукописи 2-го выпуска не поступало в Общество. На запросы ему со стороны редакции он, вместо продолжения труда, стал представлять различные комбинации и условия. Так, он потребовал сокращения программы в том смысле, чтобы описываемы были только новые виды, и с этим согласился. Затем описание некоторых новых видов из путешествия А.П. Федченко он стал печатать в своем издании, так что в “Путешествии”, издаваемом от Общества, они стали бы только перепечаткою. Этого Общество допустить не могло и поставило это ему на вид. Так как он настойчиво желал этого, то редакция, по поручению Совета, заявила ему просьбу возвратить материал для передачи другому лицу, если он не желает исполнять программу издания или затрудняется ею. Во все это время рукописи т.е. продолжения Туркестанской флоры, в Общество не поступало. Одновременно с письмом от Вашего Высокопревосходительства поступило письмо от г. Регеля, которое я в копии при сем препровождаю. Из него Вы изволите усмотреть, что г. Регель заботится не о скорейшем издании ботанической части путешествия, а об особой статье, заключающей в себе описание новых видов. Таким образом оказывается, что по отношению г. Регелю редакция и Общество не могли замедлять того, что им еще не было доставлено.

Не могу скрыть от Вашего Высокопревосходительства, что именно указание блестящей деятельности г. Регеля, противопоставляемой как бы бездействию Общества вызвало у всех нас тружеников по Туркестанскому “Путешествию” горькое чувство. Если Вы изволите принять в соображение, в течение какого числа лет обрабатывались большие путешествия, издаваемые как Петербургскою Академией, так и заграничными правительственными учреждениями, имеющими неизмеримо больше специалистов в своем распоряжении, если

---

* Так в тексте.

²⁹⁸ Рукопись профессора А. Бунге вышла в свет в 1880 г.: Бунге А. Астрагаловые (*Astragaleae*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1880. Вып. 15. Т. III: Ботанические исследования. На титульном листе тома сделана уточняющая надпись: “Обработал в 1876 г. профессор А. Бунге в Дерпте”.

Вы обратите внимание на тот двойной труд перевода большей части статей на русский язык и исправления редакций, то Вы изволите усмотреть, что Общество и редакция с честью могут выдержать сравнение в этом отношении, что неоднократно и выражено было ему не только русскими и иностранными учеными, но и представителями целых учреждений, каковы географическое Общество, в его отзывах об издании. Если Ваше Высокопревосходительство изволите упоминать о письмах с сетованиями именно по поводу г. Регеля, и если вы изволите сопоставить их с ходом переговоров Общества с ним и с его желанием изменить условия издания не в пользу издания Общества, а достижения желаний г. Регеля, то может быть Вы изволите усмотреть в этих письмах некоторую агитацию, искусственно подготовленную, жертвою коей стало в Вашем мнении наше Общество. Отдавая должное блестящей, продолжительной деятельности г. Регеля, как вы изволите характеризовать ее, Общество также с своей стороны может представить ряд продолжительных издательских трудов своих сочленов, некоторые из коих работают почти полвека для науки. Эти труды могут быть ручательством по крайней мере в том отношении, что оно не способно по беспечности или недосмотрам тормозить дело издания путешествия, составлявшего до сих пор его гордость и любимое детище”²⁹⁹.

Ольга Александровна, кажется, осталась не совсем довольна этим письмом. Не ясно, показалось ли оно ей излишне мягким или, наоборот, слишком резким, но она, по-видимому, просила Григория Ефимовича изменить некоторые формулировки. Однако этого сделано не было. Среди писем Н.К. Зенгера к О.А. сохранилась записка с выражением сожаления по этому поводу: “...Что касается до выражений, употребленных в письме Президента к Ф. Кауфману, то Григорий Ефимович находит затруднительным исполнить в настоящее время Ваше желание о их изменении”³⁰⁰. Так что Ольге Александровне пришлось смириться.

Э.Л. Регель, в свою очередь, получил достаточно резкое письмо от Григория Ефимовича. Щуровский сообщил, что Совет ОЛЕАЭ постановил предоставить ему возможность опубликовать статью о новых Туркестанских видах в “Известиях ОЛЕАЭ”, но что он никак не может согласиться с другими его требованиями. “Общество никогда не изменяет без существенной надобности ничего в рукописях автора, не изменит и в Вашей статье, – писал Г.Е., – но дать заранее безусловное право на распоряжение своим изданием в редакторском отношении оно никому не может, как вероятно и Вы не предоставляете никому такого безусловного полномочия в издании Императорского ботанического сада. Когда будет прислана статья и просмотрена Советом Общества, тогда до напечатания Вам будет сообщено, если Общество найдет нужным, что-либо изменить. Без Вашего ведома изменения не будут произведены... Одна корректура может быть предоставлена Вам, но последняя корректура должна быть, на основа-

²⁹⁹ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 75–77.

³⁰⁰ Там же. Д. 96. Л. 25–25 об.

нии Правил и Устава, продержана уполномоченным лицом от Общества”³⁰¹. С хорошо известным искусством и изяществом в такого рода делах Григорий Ефимович не забыл напомнить Эдуарду Людвиговичу о задержках, которые тот допускал при обработке материалов для первой части ботанического тома и, следовательно, о том, что он находится не в том положении, чтобы что-то требовать от Общества: “Общество не задержит печатанием, но ему необходимо прежде знать объем статьи и потребующиеся* издержки, чтобы решить, как оно может печатать. Оно не стесняло Вас в обработке флоры, когда Вы случайно были отвлечены другими трудами, и издание замедлилось, и надеется что Вы, как знакомый опытом с условиями изданий ученых Обществ, не потребуете, чтобы прекращены были все другие печатания и тотчас же приступлено было к изданию Вашего труда. Когда рукопись будет у Общества и притом вся, во избежание всяких недоразумений, то Общество, по просмотре, известит Вас о времени печатания и войдет в соглашение о высылке корректур”³⁰².

После описанных событий и обмена колкостями некоторое время сотрудничество Ольги Александровны и Э.Л. Регеля продолжалось более или менее спокойно, хотя последний и не переставал всячески торопить события. Так, 1 ноября 1877 г. Э.Л. Регель писал Ольге Александровне: “Сегодня я отправил в типографию последние листы для 1 выпуска, по сему покорнейше прошу приказать изготовить и прислать мне особые оттиски этого выпуска, следующие мне со стороны Общества, и те, за которые я должен заплатить, в возможно скорейшем времени, дабы я мог выслать эти оттиски вместе с рассылаемыми мною “Трудами” Сада всем известным ботаникам и Ботаническим Садам. ... После Нового года я начну продолжение 2-го выпуска”³⁰³. 9 декабря 1877 г.: “...вновь покорнейше прошу приказать типографии прислать мне отдельные оттиски I *Fasc.* моего сочинения о новых растениях, собранных Вами. Я эти оттиски до сих пор не получил. В начале января я полагаю начать печатание II *Fasc.*, то не угодно ли Вам, чтобы я выслал манускрипт прямо в типографию или к Вам. При этом долгом считаю заметить, что подобное печатание, как настоящее, что один лист печатается несколько месяцев, нельзя найти по всему свету”³⁰⁴. Причина такой спешки объясня-

---

³⁰¹ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 74–74 об.

* Так в тексте.

³⁰² СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 74 об.

³⁰³ Там же. Л. 70–70 об.

³⁰⁴ Там же. Л. 72–72 об.

лась в этом же письме: “С.М. Смирнов отправляется вместе с Миддендорфом в Кокан сейчас же после Нового года собирать там растения, ... я надеюсь, к приезду Г. Смирнова, окончить описание и определение Ваших растений”³⁰⁵. В последующие два года Регель буквально забрасывал Ольгу Александровну просьбами ускорить печатание его работ: “... имею честь покорнейше просить Вас, милостивая государыня, приказать типографии в Петербурге скорее продолжать печатание новых видов... часть имеется уже в типографии, а остальная часть у меня. *Корректуры я не получал из типографии около 6 месяцев*” (январь 1878 г.)³⁰⁶; “... вновь покорнейше прошу и с Вашей стороны понудить типографию к скорейшему печатанию и закончить первый выпуск. Так как г. Смирнов, собирающий растения в тех же самых местах, где Вы собирали, скоро возвращается из путешествия и из числа собранных им растений могут быть некоторые опубликованы, которые и Вы собирали, по этому они могут потерять первенство и новизну” (март 1879 г.)³⁰⁷.

В 1879–1880 г. Э.Л. Регель работал над следующей частью Туркестанского гербария О.А. Федченко, преимущественно над входящими в его состав новыми и редкими растениями. Стремление утвердить свой приоритет было так велико, что к зиме 1880 г. дело снова почти дошло до открытого конфликта. В декабре 1880 г. Эдуард Людвигович еще пытался объяснить всю необходимость спешки: “...Рукопись о Туркестанской флоре я ныне получил обратно из типографии Стасюлевича. Этой статьи напечатано только пять листов и в продолжение целого года не было ничего более напечатано, но следовало бы окончить как можно скорее, так как английские и немецкие ботаники получили также сухие растения с Кокана”³⁰⁸. Тогда же Регель предложил перенести печатание рукописи в типографию, в которой он обычно печатал издания Ботанического сада, т.е. типографию Шумахера, работавшую, по его словам, более оперативно и за те же деньги. В случае же отказа Регель намеривался начать печатание рукописи в “Трудах” Ботанического сада: “Если же Вам не угодно будет согласиться на это предложение, то я принужден буду печатать это сочинение в “Трудах” Императорского Ботанического Сада, так как работа уже мною окончена”³⁰⁹. 5 марта 1881 г. доктор Регель уже не вносил предложений, он выставил Ольге Александровне ультиматум: “... позволяю себе вновь обратиться

³⁰⁵ Там же. Л. 72 об. – 73.

³⁰⁶ Там же. Л. 78-78 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 86–87.

³⁰⁸ Там же. Л. 94.

³⁰⁹ Там же. Л. 95.

к Вам с просьбою уведомить о решении относительно печатания описаний Туркестанских растений на счет Общества естествознания, антропологии и этнографии и под моим наблюдением в С.-Петербурге. Я принужден спешить публикацией этих описаний, так как в настоящее время начали появляться в Англии, Франции и Германии работы о Туркестанской флоре, могущие предупредить мою, которая была начата мною уже три года тому назад и до сих пор еще не вышла в свет. Ваш ответ я буду ждать до 1-го апреля, и после этого времени я начну перепечатку первых четырех листов и буду продолжать печатание в “Трудах” Императорского Ботанического Сада”³¹⁰. Разумеется, Общество не могло допустить ничего подобного. Однако какое-то соглашение, видимо, было все-таки достигнуто, поскольку 2 мая 1881 г. Э.Л. Регель сообщал О.А. Федченко о том, что полностью завершенная рукопись Туркестанской флоры передана в типографию Стасюлевича, в которой и печатались тома “Путешествия в Туркестан”.

Третья часть ботанического тома “Путешествия” вышла в свет в 1882 г.³¹¹ Но Регель и Бунге совместными усилиями обработали только часть Туркестанских сборов Ольги Александровны, преимущественно новые или редкие виды. Поскольку существовало намерение сделать описание всех известных Туркестанских растений, работа была еще далека от завершения. Как видно из предисловия Э.Л. Регеля к первой части ботанического тома, написанного в апреле 1875 г., цитату из которого мы приводили выше, доктор Регель первоначально имел намерение обработать все переданные ему материалы. Он подтвердил свое согласие на это в 1879 г., написав О.А. в марте этого года: “В нынешнем 1879 г. я надеюсь окончить определение всех, собранных Вами растений, описать все новые и затем имею намерение продолжить описание Туркестанской флоры”³¹². Однако, как и некоторые другие авторы, Регель не спешил тратить время на определение и описание растений, уже известных везде, кроме России. Подобная работа занимала много времени и не приносила особых научных дивидендов. 19 декабря 1887 г. он уведомил Ольгу Александровну о том, что больше не может продолжать сотрудничество с ОЛЕАЭ: “... ботаническую часть “Путешествия в Туркестан”, к моему сожалению, оканчивать не имею возможности, так как описание всех растений Туркестанской флоры я

³¹⁰ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 97, 97 об., 98.

³¹¹ *Регель Э.Л.* Описание новых и более редких растений по материалам, собранным О.А. Федченко в Туркестане и Кокане // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1882. Вып. 18. Т. III: Ботанические исследования.

³¹² СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 86 об., 87.

обязан теперь помещать в “Трудах” Императорского Ботанического сада; в настоящее время я занят описанием семейства Лютиковых (*Ranunculaceae*) и по окончании описания о Туркестанской флоре, я с большим удовольствием вышлю Вам краткое извлечение о Туркестанских растениях на русском языке”³¹³. Таким образом, большая часть гербария на долгие годы так и осталась необработанной. Его определением и описанием через много лет занималась сама Ольга Александровна. Результаты этой работы были ею опубликованы только в 1902 г., т.е. через тридцать лет после окончания экспедиции³¹⁴. Как ни странно, несмотря на почти постоянное противостояние, личные отношения между Ольгой Александровной и Эдуардом Людвиговичем не были натянутыми. Регель регулярно консультировал О.А. по вопросам садоводства, посылал ей семена растений из Ботанического сада, свои труды и пр. Ольга Александровна советовалась с ним по поводу пересадки роз, удобрений для садовых растений и других тонкостей.

Последний выпуск “Путешествия в Туркестан”, как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 году. Единственный том, авторство которого Ольга Александровна признавала за собой целиком и полностью, был озаглавлен “Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко, членом-основателем, почетным членом Общества”³¹⁵. Этот том подвел итог экспедиционной деятельности самой Ольги Александровны. “Настоящий список представляет сводку ботанических результатов Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшей под начальством покойного мужа моего А.П. Федченко”, – писала она в предисловии и добавляла, – задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне”³¹⁶. Как отмечалось выше, первоначально задачу полностью описать собранный Ольгой Александровной гербарий взял на себя Э.Л. Регель, который, однако, отказался от завершения работы. О.А. Федченко вложила слишком много труда в создание этого гербария, кроме того, она всегда отличалась чрезвычайной тщательностью и научной добро-

---

³¹³ Там же. Л. 108–108 об.

³¹⁴ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII.

³¹⁵ Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования // Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII.

³¹⁶ Федченко О.А. Список растений, собранных в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. [С. I].

совестностью, чтобы оставить работу незавершенной. Перечислив в “Предисловии” работы Э.Л. Регеля, выполненные на материалах ее “Туркестанского гербария”, Ольга Александровна писала: “Имея в виду отрывочность и разбросанность этих данных, и не надеясь дожидаться в ближайшем будущем продолжения издания Туркестанской Флоры, я считаю полезным опубликовать настоящий список, без которого самое пользование гербарием затруднительно. Подробные указания местонахождений, – добавляет она, – содержат много данных для вертикального и горизонтального распространения растений в Туркестане и облегчат труд каждому, кто бы стал собирать в тех же, теперь так легко доступных, местностях и захотел разобраться в окружающих его растениях”³¹⁷.

Итак, основные работы по изданию “Путешествия” завершились в 1888 г. с выходом “Антропометрических заметок” А.П. Богданова³¹⁸. Однако не только ботанические материалы были обработаны неполностью к этому времени. Тогда Ольге Александровне пришлось смириться с этим. Но даже через много лет коллекции, собранные супругами Федченко, вызывали интерес исследователей. Так, осенью 1896 г. к Дмитрию Николаевичу Анучину, являвшемуся в это время президентом ОЛЕАЭ, обратился А.М. Никольский с просьбой о разрешении разобрать коллекции гадов, собранных Туркестанской экспедицией супругов Федченко. В свое время за разбор этих коллекций брался академик А.А. Штраух, но он так и не успел закончить работу до своей смерти в 1893 г. Д.Н. переслал письмо Никольского Ольге Александровне, желая получить ее мнение на этот счет и надеясь, что возможно, она сможет даже повидаться с господином Никольским во время планируемой поездки в Петербург. К сожалению, из-за болезни О.А. эта встреча не состоялась, тем не менее О.А. Федченко уведомила Анучина о своем согласии и о желании видеть труд Никольского под заглавием “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”. 31 октября 1896 г. она писала Анучину: “Из письма его (А.М. Никольского. – О.В.) усматриваю, что он хочет сделать по туркестанским гадам то, что взялся сделать и не сделал покойный А.А. Штраух, т.е. описание, с синоптическими таблицами для определения всех туркестанских гадов, на основании материала покойного А.П. Федченко, *включая и весь другой материал*, какой будет находиться в распоряжении автора. Г. Никольский хочет включить и Закаспийскую область: тем лучше, работа от этого только выиграет в полноте и тем бо-

---

³¹⁷ Там же. [С. II].

³¹⁸ Богданов А.П. Указ. соч.

лее пользы принесет будущим исследователям Туркестанского Края”. И далее: “Таким образом, по существу дела, я с полным сочувствием отношусь к мысли г. Никольского. Относительно же названия, я даже не могу допустить мысли, чтобы Общество любителей естествознания согласилось на иное как: «Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», Т. ..., Вып. ...; “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”. Т. II: Вып..., Гады..., обработал А.М. Никольский”³¹⁹. А.М. Никольский быстро принялся за работу и уже в 1899 г. выпустил в свет книгу “Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства”³²⁰. Самый же последний том, как уже упоминалось, принадлежал самой Ольге Александровне и вышел в свет в 1902 г.³²¹ Таким образом, обработка и издание материалов экспедиции в целом заняли тридцать лет. За эти годы было опубликовано 23 выпуска “Путешествия”, хотя из-за сложной и несколько запутанной нумерации в различных источниках называются иногда разные цифры. В большинстве историко-научных работ упоминается 24 выпуска “Путешествия”³²². Но в это число включается альбом рисунков О.А.Федченко “Виды русского Туркестана”, который опубликован отдельно, а не в “Известиях ОЛЕАЭ”, и, строго говоря, не является частью “Путешествия А.П. Федченко”. Точно так же многие исследователи не упоминают поздние выпуски “Путешествия”, ограничивая его 1888 г., когда вышел в свет том А.П. Богданова³²³.

Длительная и нелегкая работа, потребовавшая колоссального напряжения сил, огромных затрат времени, не была проделана в пустую. ОЛЕАЭ могло гордиться тем, что выполнило задачу, за которую поручилось перед правительством и читателями: оно выпустило в свет монументальное описание фауны и флоры

---

³¹⁹ ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 13. Д. 418. Л. 1–1 об.

³²⁰ *Никольский А.М.* Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 23. Т. II: Зоогеографические исследования. СПб., 1899.

³²¹ *Федченко О.А.* Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902.

³²² См.: *Азатьян А.А.* А.П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956. С. 110; [*Маслова О.В.*] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 84–87; *Тишкина А.Г.* Путешественница и ботаник О.А.Федченко // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения СПб., 2001. С. 135.

³²³ *Анучин Д.Н.* Памяти О.А. Федченко // *Анучин Д.Н.* О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158; *Азатьян А.А.* Указ. соч. С. 117.

Туркестанского края. Ольга Александровна также добилась поставленной цели – сохранила от гибели результаты трудов Алексея Павловича Федченко, а его имя – от забвения. Современники очень высоко оценили научную ценность издания и заслуги в этом Ольги Александровны. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, например, отмечал, что “еще более значения для науки (по сравнению с картой Коканского ханства. – *О.В.*) имели обширные естественноисторические коллекции А.П. Федченко, послужившие впоследствии неисчерпаемым источником для интересных работ русских натуралистов”. И добавлял: “Московскому Обществу любителей естествознания и достойной супруге покойного (А.П. Федченко. – *О.В.*) О.А. Федченко, принадлежит честь того, что богатые материалы им собранные, насколько то было возможно после кончины исследователя, сделались достоянием науки”³²⁴. И.В. Мушкетов, посвятивший немало места описанию маршрутов и научных результатов экспедиции Федченко в своем знаменитом “Туркестане”, отмечал: “...благодаря энергии супруги покойного (А.П. Федченко. – *О.В.*), многоуважаемой Ольги Александровны, старанию Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также участием целого ряда русских и иностранных ученых специалистов, материал А.П. Федченко детально обрабатывается и уже большая часть его издана”³²⁵. И.В. Мушкетов отмечал, что с нетерпением ждет появления наиболее важного для него четвертого тома, который должен содержать метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения экспедиции. Он предполагал, что этот том “выйдет только отрывками, как и первый, потому что в данном случае заменить А.П. Федченко невозможно”³²⁶. Скорее всего именно по этой причине четвертый том “Путешествия” так никогда и не был издан.

Помимо научного значения, “Путешествие” имело и другое, не менее важное. Оно стало одним из первых, если можно так выразиться, широко разрекламированных, крупных и успешных научных издательских проектов, профинансированных государ-

---

³²⁴ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. СПб., 1896. С. 746.

³²⁵ Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. / 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. Ч. 1. С. 329. (Первое издание “Туркестана” вышло в свет в 1886 г.: Мушкетов И.В. Туркестан. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1886. Публикация “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” к этому времени еще не была завершена, так что И.В. Мушкетов счел нужным коротко привести планы редакции и дать описание уже вышедших томов).

³²⁶ Там же. С. 330.

ством. В последующие годы на него, как на некий эталон и как на прецедент, ссылались и чиновники, и ученые. Например, 23 апреля 1879 г. Г.Д. Романовский, коллега и спутник И.В. Мушкетова, писал в докладной записке на имя К.П. фон Кауфмана по поводу выделения средств на издание материалов их совместной экспедиции: "...огромный геологический материал уже обрабатывается вполне систематически, а палеонтологический материал, как это уже известно Вашему Высокопревосходительству, обработан и издан в таком строго систематизированном виде, что почтенный доктор зоологии (речь идет об отрицательном отзыве Северцова. – *О.В.*) может представить параллельное сочинение только из числа тех, кои составляют обработанный и изданный научный материал, собранный г. Федченко"³²⁷. 13 декабря 1880 г. исполняющий обязанности делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Ф. Анишкевич писал Н.К. фон Кауфману по поводу вознаграждения авторам: "Остается вопрос об авторском вознаграждении гг. Романовского и Мушкетова, против чего с особенной энергией восстает д. с. с. Гилев (ст. горный инженер, выступавший в роли эксперта. – *О.В.*). В данном случае Канцелярия может указать на совершенно аналогичный пример в лице покойного А.П. Федченко, который, закончивши свои исследования в крае и отправившись в Россию и за границу для окончательной обработки к печати собранных материалов, не был лишен своего содержания. Это мотивировалось тем, что лишить научного работника необходимых материальных средств в то время, когда он наиболее должен быть обеспечен от посторонних забот, – значит поставить его в самые невыгодные условия труда"³²⁸. Не соглашаясь с господином Гилевым о необходимости тщательной предварительной проверки имеющихся материалов И.В. Мушкетова и Г.Д. Романовского, Ф. Анишкевич замечает: "Что же касается фразы д. с. с. Гилева о необходимости недоверия к гг. Романовскому и Мушкетову, то это можно рассматривать лишь как личный взгляд его на означенных профессоров. Ваше Высокопревосходительство, ходатайствуя об отпуске значительных средств на издание г. Федченко, имели в руках также лишь краткие сообщения и незначительные брошюры этого ученого. Между тем в настоящее время его "Путешествие в Туркестан" является одним из самых обстоятельных печатных трудов по Туркестанскому краю, изданных на средства, ходатайствованные Вашим Высокопревосходительством"³²⁹.

---

³²⁷ И.В. Мушкетов: Сб. док-в. Ташкент, 1960. С. 91.

³²⁸ Там же. С. 164.

³²⁹ Там же. С. 164–165.

Над изданием “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” работало несколько десятков человек из разных стран, и это число еще увеличится, если включить в список художников, граверов, типографов. “Путешествие” явилось не только ценным научным трудом, умножившим знания современников о тогда почти еще не исследованном крае, – оно стало примером подлинного научного сотрудничества и научной кооперации той группы людей, которых в современном мире принято называть “международным научным сообществом”. Оно также продемонстрировало, каких научных успехов можно достичь, имея прочную финансовую поддержку государства. Оно также впервые со времен Е.Р. Дашковой со всей очевидностью доказало возможности женщины, о наличии или отсутствии которых так много спорили тогда в России: во главе всего огромного проекта стояла Ольга Александровна Федченко. Она была его главным двигателем, организатором и вдохновителем. Без ее усилий “Путешествие” никогда бы не увидело свет. Однако единственное место в “Путешествии”, в котором упоминается имя Ольги Александровны, – подписи под ее рисунками. Нигде больше этого имени нет: ни на титульном листе, где обычно указывается имя редактора, ни в заявлении “От редакции”, оставшемся без подписи, ни где-либо еще. Ольга Александровна не считала это нужным или важным, собственная слава ее не беспокоила. Она работала только для науки, ради памяти мужа и на благо своей страны.

Как мы отмечали выше, практически единственное качество, в котором Ольга Александровна фигурирует на страницах “Путешествия” (помимо коллектора растений, конечно) – это, автор рисунков и иллюстраций. Значение этой работы О.А. Федченко так велико, что ее невозможно обойти вниманием в настоящем сочинении. В главах 1 и 2 уже упоминалось о художественной подготовке Ольги Александровны и о ее роли экспедиционного художника во время поездок по Туркестану. Она любила живопись, настойчиво училась рисовать. Ее навыки оказались не только полезными, но просто необходимыми во время путешествия, поскольку экспедицию супругов Федченко не сопровождал фотограф. Работы для художника было сколько угодно: зарисовки животных и растительных форм, природных ландшафтов, древних архитектурных сооружений, сценок из местной жизни. Люди, снарядившие экспедицию, хотели не только прочитать описание неизвестного края, но и увидеть его своими глазами. Еще в 1871 г. в корреспонденции для газеты “Туркестанские ведомости” Алексей Павлович писал (из Узгента): “Узгент замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллиг-мози и его учителя и минаретом. Туземцы определяют древность

постройки в 760 лет. Рисунки, сделанные О.А., познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии”³³⁰. Некоторые из этих рисунков демонстрировались в 1872 г. на Политехнической выставке в Москве. В каталоге Туркестанского отдела выставки, составившегося супругами Федченко, перечислено 16 экспонировавшихся литографий. Одиннадцать из них сделаны учителем Ольги Александровны, А.К. Саврасовым, по эскизам О.А., еще две – художником Нисевинным и одна – “Ишратхана: развалины загородного дворца Тимура в Самарканде” – самой О.А. Федченко. Вообще, Ольга Александровна проделала громадную работу, хотя именно она больше всех сожалела об отсутствии среди членов экспедиции фотографа. Будучи одновременно и художником, и ботаником, она лучше всех знала преимущества и недостатки художественного изображения перед фотографией. Как-то, через много лет после описываемых событий, 20 июня 1904 г. О.А. писала сыну, Б.А. Федченко, рекомендуя ему делать как можно больше фотографий растений: “...ни один рисунок от руки не передает таких деталей, как порядочная фотография”³³¹. Это, однако, не умаляет научной и художественной ценности туркестанских рисунков Ольги Александровны. Историк литографии середины XX в. Г.Н. Чабров отмечал: “...ботаник и художник Ольга Александровна Федченко издала... два альбома литографий, по которым русский читатель впервые получил возможность ознакомиться с природой Зеравшанской и Ферганской долин и замечательными памятниками монументальной архитектуры Самарканда и Ургута”³³².

Когда А.П. Федченко еще только планировал издание своего “Путешествия”, он предполагал, что том с описанием экспедиции будет иллюстрирован рисунками Ольги Александровны. Программа этого тома предусматривала наличие более 162 рисунков, из них 143 должны были войти в первую, так никогда и не написанную, часть³³³. Среди них как панорамы городов и природных ландшафтов, так и изображения людей, сооружений, предметов быта, костюмов, животных и растений и пр.

---

³³⁰ Цит. по: Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент. Альманах, 2. Ташкент, 1947. С. 118.

³³¹ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 83 об.

³³² Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94–95.

³³³ Донесение А.П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан” от 2 декабря 1872 года // Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год одиннадцатый // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16–18.

Несколько позже возникла идея издания отдельного альбома с видами Туркестана. После гибели Алексея Павловича, когда появление первого тома, во всяком случае в полном объеме, оказалось под сомнением, Ольга Александровна решила подготовить альбом рисунков, не дожидаясь текста. 24 ноября 1873 г. она писала А.П. Богданову: «Относительно альбома именно важны вопросы о размере, так как уменьшенные, рисунки теряют. Кроме того альбом, как вам известно, хотя и предполагалось издать при “Путешествии”, но как часть самостоятельную, с текстом на разных языках, так чтобы он мог продаваться и отдельно, и иметь сбыт за границей. Так как покуда этот вопрос останется еще нерешенным, то я ограничусь заказом рисунков в формате издания, чтобы они вышли в “Путешествии”, если 1-я часть первого тома напишется (за что Зенгер ручается), а если нет, то вышли бы чем-нибудь вроде маленького альбома»³³⁴. Издание альбома, однако, задерживалось. Но литографии были заказаны (их пришлось делать в Париже). Часть из них подготовил к изданию А.К. Саврасов.

Вышедший в свет в 1875 г. том “В Коканском ханстве” А.П. Федченко, содержал прекрасные иллюстрации, в том числе литографии: “Ледник Щуровского и истоки реки Исфары”, “Шахимардан” (общий вид поселения), “озеро Кутбан Куль близ Шахимардана”, “Алай и Заалайские горы в июле 1871 г.” (пик Кауфмана) – рисунки А.К. Саврасова по эскизам О.А. Федченко, а также “Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам” (пик Кауфмана) – рисунок О.А. Федченко. Четыре из этих литографий относятся к так называемым “литографиям с тоном”, широко распространенной технике середины XIX в., еще один представляет собой хромолитографию. Литографию “Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам” Ольга Александровна сама рисовала на камне. Как отмечал Г.Н. Чабров, эта “литография отличается изящным, простым и уверенным рисунком. Особенно легко и свободно решение заднего плана. Интересный серо-желтый тон подцветки остроумно пробран удачно размещенными бликами. Работа изобличает зрелого мастера, обладающего вкусом и незаурядным знанием литографской техники”³³⁵. Кроме литографий, в “В Коканском ханстве” помещено еще несколько черно-белых карандашных рисунков, изображающих животных и пр., принадлежащих, по-видимому, Ольге Александровне, хотя их авторство и не указано. Рисунки О.А. имели не только художественное или

---

³³⁴ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

³³⁵ Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент... С. 119.

познавательное значение. Они отличались скрупулезной точностью и проработкой деталей. Так, И.В. Мушкетов, восхищавшийся рисунками, говорил прежде всего об их научном значении: “Прекрасный, хотя не законченный, труд А.П. Федченко о Коканском ханстве украшен роскошными рисунками, сделанными с натуры О.А. Федченко; между ними обращает на себя особенное внимание ледник Щуровского и олеография Заалайского хребта с пиком Кауфмана; последняя дает полное понятие о внешней конфигурации зубчатого гребня этого многоснежного хребта”³³⁶.

Отдельный альбом с видами Туркестана был подготовлен только к 1879 г. и демонстрировался во время Антропологической выставки, организованной в том году ОЛЕАЭ в Москве. Больше того, из любезности к иностранным гостям им передали отпечатанные листы еще не вышедшего в свет альбома Ольги Александровны. Точная дата издания альбома “Виды Русского Туркестана”³³⁷ неизвестна, однако можно утверждать, что альбом вышел в свет не позднее апреля 1881 г. в Москве³³⁸. 10 апреля 1881 г. Ольга Александровна писала И.В.Мушкетову: “Альбом я Вам послала через наше Общество, вчера, так как письмо Ваше пришло в то время, как печаталась обертка к нему”³³⁹, – т.е. можно предположить, что и сам альбом был опубликован в начале 1881 или в конце 1880 года. Его изданию сопутствовало одно не очень приятное для Ольги Александровны обстоятельство: некоторые зарубежные авторы воспользовались рисунками из еще не опубликованного Туркестанского альбома для иллюстрации собственных сочинений о Туркестане. В том же письме О.А. делилась с Мушкетовым этой заботой: «Я уже отчаялась насчет текста и, узнав из газет, что мои рисунки помещены в 6-м томе Реклю³⁴⁰, решила пустить их в продажу и так. Во всяком случае, если будет текст, его можно приложить и после. Теперь

---

³³⁶ *Мушкетов И.В.* Туркестан... С. 336.

³³⁷ Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко, исполнены г. Саврасовым в Москве и Лораном, Сизери, Сабатье и Лемерсье в Париже. Б. м., Б. г.

³³⁸ В разных работах вообще встречаются указания на разные даты и места публикации альбома. Так, И.В. Мушкетов писал, что альбом был издан в Москве (*Мушкетов И.В.* Туркестан... С. 336); О.В. Маслова в “Обзоре русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию” (Ташкент, 1956. Ч. II. С. 87) указывает что и место, и время его выхода неизвестно; Г.Н. Чабров в исследовании “Средняя Азия в литографии” (Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94) пишет, что два альбома О.А. Федченко были изданы в 1875 г. в Париже. В данном случае, нам кажется, что указание И.В. Мушкетова является наиболее точным.

³³⁹ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7.

³⁴⁰ *Reclus E.* Nouvelle géographie universelle. VI: L'Asie usse. 1–2. Paris, 1881.

я приобрела Реклю и вижу, что из альбома собственно он поместил четыре рисунка, остальные, и карты, взяты им из 7-го выпуска “Путешествия в Туркестан” (“В Коканском ханстве”), изданном уже несколько лет назад. В одном отношении я довольна помещением моих рисунков у Реклю, так как главная цель их – ознакомление с краем – лучше достигнется его изданием, которое во всяком случае будет иметь более обширное распространение в ученом и учащем мире, чем мой альбом. Но с денежной стороны он, конечно, повредит моему альбому, и если бы он только спросил моего позволения поместить рисунки или я вообще узнала бы об этом раньше, то поспешила бы пустить в продажу раньше свой альбом и постаралась бы выговорить какое-нибудь денежное вознаграждение в пользу “Путешествия в Туркестан”, так как заимствовала из ассигнованных на него средств сумму, необходимую для издания альбома, и потому мне очень хочется, чтобы альбом по возможности окупился. Возможно ли получить какое-нибудь вознаграждение теперь? Сомневаюсь: между Францией и Россией, сколько мне известно, нет конвенции, воспрепятствующей перепечатку, а что мой альбом до сих пор был не издан и только на днях поступит в продажу – Реклю может быть и не знал. Дело в том, что из любезности к иностранным гостям, посетившим антропологическую выставку в Москве в 1879 г., им дали отпечатанные уже раньше рисунки моего альбома. В числе гостей был и Уйфальви. Вероятно, он и передал мои рисунки или Реклю, или издателю его книги, Hachette, издающему и “Le tour du monde”, где помещено “d’Orenburga Jamarkand” м[адам] же Уйфальви; но там рисунки сделаны по фотографиям. Ее “de Parisa Jamarkand”, о котором вы пишете, я не видала, разрешения помещать у себя мои рисунки не давала, да полагаю, что ей и не дала бы ни на каких условиях. Меня и то бесит, и фотограф, которого мы не могли добиться, а им дали, и все почести, и уважения, которыми всюду встречали их в Сибири и Туркестане и за которые они потом русским же в глаза смеются. Зато к почестям, оказываемым некоторым русским, я иначе отношусь и от души поздравляю Вас с золотой медалью Географического Общества»³⁴¹.

Таким образом, рисунки из альбома О.А. использовались ее современниками еще до их официальной публикации. И.В. Мушкетов, готовивший к выходу том с описанием своего туркестанского путешествия и сильно заинтересованный в иллюстрациях, писал: “...О.А. Федченко издала роскошный альбом видов русского Туркестана в 14 больших литографий. Многие из этих кар-

³⁴¹ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7, 7 об., 8, 8 об.

тин чрезвычайно поучительны и характерны; напр[имер], растительность в Кызыл-Кумах, колодезь Дюсебай, горы Аксай-тау и пр. Для многих новейших сочинений о Средней Азии рисунки О.А. Федченко служат лучшим украшением, например, для книги Реклю, г-жи Бурдон-Уйфальви и др.”³⁴². И отмечал далее: “К сожалению, г-жа Бурдон-Уйфальви, заимствуя рисунки, не упоминает об авторе их”³⁴³. И.В. Мушкетов сам использовал несколько рисунков из альбома О.А. в качестве иллюстраций к своей книге “Туркестан” (конечно, с ее разрешения). Причем, делал это не для украшения книги, а для лучшего объяснения описываемых деталей. Например, он писал о пустыне Кызылкум: “Арало-каспийские осадки... пески, неизменно сопровождали нас и далее на север; поверхность была до утомления однообразна – все как будто построено по одному шаблону. Полная тишина, безжизненность, отсутствие воды наложили на окружающую природу печать уныния; если и попадаются кустарники саксаула, кызыл-джузгана и проч., то они своим корявым, уродливым видом не только не оживляют местность, а скорее придают ей еще более неприглядный вид; это как будто страдальцы, выросшие под страшным гнетом. Две картины в альбоме О.А. Федченко (3) прекрасно передают характер поверхности Кызылкум; на одной из них изображены почти голые, летучие пески в окрестностях колодца Дюсебай, а на другой вся незатейливая и однообразная флора этой пустыни”³⁴⁴. Стремление “позаимствовать” рисунки О.А. не удивительно. Фотография в то время была распространена еще недостаточно широко, да и качество черно-белых фотографий не могло сравниться с качеством литографий. Ольга Александровна – одна из первых европейских художников (возможно всего вторая после В.В. Верещагина³⁴⁵), запечатлевшая на бумаге пейзажи, сооружения, жителей Туркестана, являвшегося в те годы центром интереса и ученых, и любопытствующей публики, и политиков, и все еще остававшегося очень мало изученным. Цели, которые преследовали Верещагин и О.А. Федченко, значительно отличались. Ольга Александровна не стремилась создать произведения искусства, постичь характеры людей, философию края. В ее задачу входило ознакомление ученых с фауной, флорой, орографией, археологией, этнографией края, по-

³⁴² *Мушкетов И.В.* Туркестан... С. 336.

³⁴³ Там же. Прим. к. С. 336.

³⁴⁴ *Мушкетов И.В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1–2. СПб., 1886. С. 671.

³⁴⁵ Воспроизведения рисунков с картин знаменитой “Туркестанской серии” В.В. Верещагина были опубликованы в Мюнхене в 1874 г.

этому ее интересовала прежде всего точность деталей. Предполагалось, что ее рисунки станут подспорьем для научных исследований. “Если у Верещагина... архитектурные памятники лишь изредка составляли самостоятельный сюжет художественного произведения, то на рисунках О.А. Федченко они запечатлены именно как памятники зодчества. Литографии отличаются удачно выбранной точкой зрения, подробностью и точной передачей деталей. Состояние памятников, зафиксированное семьдесят лет назад, делает эти литографии драгоценным источником для археологов, архитекторов и искусствоведов”, – писал Г.Н. Чабров³⁴⁶.

Это не означало, конечно, что Ольга Александровна не видела и не воспринимала удивительную красоту открывшегося ей края. Через много лет (и много стран), 16 июля 1904 г. она писала своему сыну Борису Алексеевичу Федченко: “...Очень рада, что тебе пришлось видеть Заалайский хребет из Дараут-Кургана. Лучшего вида, по-моему, нет на свете”³⁴⁷. Ее техника и художественное мастерство также не вызывают нареканий не только у простых зрителей, но и у специалистов: “О.А. Федченко раскрывается в этом альбоме как зрелый художник, отличающийся свободой и остроумием композиции, изящным рисунком и незаурядным пониманием специфики выразительных средств художественной литографии”³⁴⁸, – пишет Г.Н. Чабров. Следует отметить, что не только современники спешили поместить рисунки О.А. в своих изданиях. Самый беглый просмотр литературы по истории изучения Средней Азии показывает, что и в XX в. рисунки Ольги Александровны неоднократно использовались в качестве иллюстраций³⁴⁹.

Помимо рисунков, для книги “В Коканском ханстве” А.П. Федченко и собственного художественного альбома Ольга Александровна проиллюстрировала 6-й выпуск “Путешествия в Туркестан”, содержащий обработанных В.Н. Ульяниным Ракооб-

---

³⁴⁶ Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент. Альманах, 2. Ташкент, 1947. С. 118.

³⁴⁷ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 96.

³⁴⁸ Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент... С. 119.

³⁴⁹ См., например: *Лялина М.А.* Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А. Федченки. СПб., 1894; *Мушкетов И.В.* Указ. Соч.; *Азатьян А.А.* А.П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956; *Азатьян А.А.* Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (Вторая половина XIX в.). Ч. 1. Ташкент, 1960; *Леонов Н.И.* Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972; *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950; *Юсов Б.В.* А.П.Федченко. М., 1953.

разных (*Crustacea*)³⁵⁰. У нее уже был опыт создания рисунков различных представителей фауны, так же как и опыт рисования под микроскопом: еще при жизни А.П. Федченко она рисовала для него под микроскопом пчел, которыми он очень интересовался. Для выпуска В.Н. Ульянина О.А. сделала 6 листов великолепных рисунков ракообразных.

Последний выпуск “Путешествия в Туркестан”, как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 г., и на этом работа, занявшая три десятилетия, была завершена, завершена настолько полно, насколько только это было возможно в отсутствие Алексея Павловича Федченко.

Участие в жизни научного сообщества в 70-е гг. XIX в.

Казалось бы, организационная, редакторская и художественная работа по изданию “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” должна была отнимать все свободное время и все силы Ольги Александровны, однако это было не так, несмотря на ее собственные слова о том, что “издание пошло в первые два года так быстро, что она должна была посвящать ему все свое время”³⁵¹. Туркестанская экспедиция сама по себе явилась событием в естественнонаучном и географическом мире. В отсутствие Алексея Павловича Ольга Александровна осталась ее единственной полномочной представительницей. Исследователи, заинтересованные в информации, полученной экспедицией, обращались к ней за справками. О.А. никогда им не отказывала, считая это своей обязанностью перед памятью погибшего мужа. Она почитала своим долгом сделать все возможное не только для сохранения результатов Туркестанской экспедиции, но и для распространения знаний об этом крае. Так, еще в 1872 г. в журнале “*Petermann’s geographischer Mittheilungen*” была опубликована заметка А.П. Федченко о путешествии в Коканское ханство “*A. Fedtschenko’s Reisen in Kokan und zum Horden der Pamir, 1871*”³⁵². После гибели А.П. издатели попросили О.А. более подробно описать их совместную экспедицию. О.А. охотно отклик-

---

³⁵⁰ Ульянин В.Н. Ракообразные (*Crustacea*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1875. Вып. 6. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. III.

³⁵¹ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

³⁵² [Fedtschenko A.] A. Fedtschenko’s Reisen in Kokan und zum Horden der Pamir 1871 // *Petermann’s geographischer Mittheilungen*. 1872. B. 18. H. 5.

нулась на эту просьбу. В статье “A. Fedtschenko’s Reisen in Turkestan, 1868–71”³⁵³ Ольга Александровна подробно перечислила задачи, поставленные перед экспедицией, описала пройденные за время исследований маршруты, начиная с выезда из Москвы в Ташкент 23 октября 1868 г. и заканчивая возвращением в Москву 6 октября 1872 г. О.А. включила в работу сведения о метеорологических наблюдениях, собранных зоологических и ботанических коллекциях, антропологических исследованиях, характерных особенностях местности; информацию об участниках экспедиции и др. К статье прилагалась подробная карта маршрутов экспедиции. Надо отметить, что карты территорий, посещенных супругами Федченко, особенно карта Коканского ханства, представляли значительный интерес для научного сообщества не только отечественного, но и международного. Неудивительно, что к Ольге Александровне обращались с просьбами коллеги, также занимавшиеся исследованием Туркестанского края или сопредельных с ним территорий. Например, О.А. поддерживала переписку с начальником Большой Тригонометрической Съёмки Индии полковником Джеймсом Т. Уолкером и сделала для него (по его просьбе) экземпляр карты, с нанесенным маршрутом экспедиции и латинскими транскрипциями названий посещенных местностей. В основу карты О.А. положила карту К. Струве, сопроводив ее своими комментариями. “...Карта господина Карла Струве... очень ценна для мест, которые он посетил лично, и благодаря его астрономическим определениям, но в других частях ее, где он был вынужден опираться на туземную информацию, расстояния слишком преувеличены”, – писала она³⁵⁴. В 1874 г. капитан Генри Троттер, руководивший в это время гималайскими работами Большой Тригонометрической Съёмки Индии и участвовавший в миссии Дугласа Форсайта 1873 г.³⁵⁵, воспользовался этой картой, помимо других источников, для составления своей собственной карты. В свою очередь, капитан Троттер, так же как и его спутники, полковник Гордон и капитан Биддольф, прислал О.А. несколько писем с изложением маршрута и особенностей их путешествия по Памиру весной-летом 1874 г. (можно предположить, что к письмам прилагалась и карта). На основе этих писем О.А. написала подробную статью об экспедиции для “Известий Императорского Русского географического общества”.

³⁵³ Fedtschenko O. A. Fedtschenko’s Reisen in Turkestan, 1868–71 // Petermann’s geographischer Mittheilungen. 1874. В. 20. Н. 201–206.

³⁵⁴ Цит. по: Постников А.В. Схватка на “Крыше Мира”: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2001. С. 112.

³⁵⁵ Подробнее см.: Постников А.В. Указ. соч. М., 2001. С. 101–112.

ческого общества”, снабдив ее своими комментариями по поводу различных географических и орографических данных³⁵⁶. Подобный обмен картографической и вообще географической информацией в этот период являлся делом вполне обычным. Так, например, корреспондент О.А., полковник Дж.Т. Уолкер, состоял тогда в переписке не только с Федченко, но и со многими членами Императорского Русского географического общества, сообщая им, в свою очередь, картографические новости.

Тем временем московская жизнь Ольги Александровны постепенно входила в привычную колею и после бурных лет, проведенных в поездках и экспедициях, казалась спокойной и упорядоченной. Зимой О.А. жила в Москве, снимая квартиру, на лето переезжала в одно из имений своей семьи, обычно в село Тропарево Можайского уезда. Она проводила много времени в Зоологическом музее Московского университета, позднее – во вновь построенном Политехническом музее. Она стала своей в тесном кругу московской научной элиты, подружившись не только с учеными, но и с их супругами, и часто проводила вечера дома у кого-либо из них за обсуждением издания “Путешествия”, текущих проблем, новых книг. Например, А.П. Богданов на протяжении 1874–1875 гг. не раз скрупулезно отмечал в своем дневнике: “В 10 ч. 1/2 поехал в Зоологический музей и разбирал микроскопические препараты, но явилась Ольга Александровна Ф. и просидела до часу, потом поехал к А. Армфельд и оттуда домой. Федченко обедала у нас”, – 29 августа 1874 г.³⁵⁷; “В 12 ч. поехал к Шумейко и просидел до 2. Вернулся домой, нашел О.А. Федченко и Елиз. Осиповну и Борю, маленького Федченко. Они обедали”, – 11 сентября 1874 г.³⁵⁸; “В час поехал в Зоолог. музей. Встретился с Керделли и говорил с ним о помещении его племянника; с О.А. Федченко об издании альбома” – 9 (21) сентября 1874 г.³⁵⁹; “Пришла О.А. Федченко и просидела до 10. Разговаривали об из-

---

³⁵⁶ Федченко О.А. От Кашгара до Кила-Пянджа (Извлечение из писем полковника Гордона и гг. Биддольфа и Троттера) // Изв. Императорского Русского географического общества. 1876. Т. XI: 1875. Вып. 1. С. 9–15. Почему-то в литературе об О.А. (см., например: Тишкина А.Г. Путешественница и ботаник О.А. Федченко // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 135 и др.) эта статья обычно именуется “переводом писем”, возможно из-за ее подзаголовка. Статья, несомненно, написана на основе информации, полученной из писем Гордона, Биддольфа и Троттера, но это ни в коем случае не перевод, а вполне самостоятельное изложение обстоятельств экспедиции.

³⁵⁷ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

³⁵⁸ Там же. Л. 4 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 6.

даниях и об ученых женщинах”, – 12 сентября 1874 г.³⁶⁰; “Поехал в Зоолог. музей на минутку (видел Федченко и Фреймут), – 22 декабря 1874 (3 января 1875 г.)³⁶¹; “В 5 1/2 приехала О.А. Федченко с Борей, потом Тихомиров, Березницкий и Елизавета Осиповна. Ужинали и сидели до 12 ч.”, – 24 декабря 1874 (5 января 1875 г.)³⁶²; и т. д.

17 октября 1874 г. Императорское Московское общество испытателей природы – одно из старейших естественнонаучных обществ не только Москвы, но и всей России – по рекомендации господ Л.П. Сабанеева и К.И. Ренара избрало Ольгу Александровну Федченко в свои члены-корреспонденты³⁶³. Для любого молодого исследователя подобное избрание являлось огромной честью. Стать членом МОИП было очень нелегко и, несомненно, очень почетно. Для этого следовало: “1) Представить труд, достойный напечатания в изданиях Общества или напечатанное ученое сочинение. 2) Быть предложенным в обыкновенном заседании двумя членами Общества. 3) В следующем заседании подвергнуться избранию шарами и получить в свою пользу большинство”. И только “лица, известные уже учеными своими сочинениями”, освобождались от выполнения этого условия “по определению Общества”³⁶⁴. Членство в МОИП, помимо признания старших коллег (желательного для любого начинающего ученого), давало возможность публиковаться в его всемирно известных и распространявшихся по всему миру научных периодических изданиях. Для 29-летней О.А. Федченко подобное избрание означало признание ее научной средой, редко выпадавшее на долю женщин в XIX в. Хотя она сама, кажется, и не придавала этому событию особенного значения. 19 октября 1874 г. она писала в МОИП (в письме отсутствует обращение, но по-видимому письмо предназначалось К.И. Ренару), выбрав для этого обращения французский язык: “Уважаемые господа, получив вчера Ваше письмо, прошу Вас поблагодарить от моего имени Императорское Московское общество испытателей природы за ту честь, которую это Общество мне оказало, избрав меня своим членом. Я была бы счастлива, если бы мне представилась возможность быть полезной Обществу. В ожидании Вашего обращения соблаговолите принять мои наилучшие пожелания. Ольга Федчен-

---

³⁶⁰ Там же. Л. 6 об.

³⁶¹ Там же. Л. 13 об.

³⁶² Там же. Л. 14.

³⁶³ Протокол заседания Императорского Московского общества Испытателей Природы. 17 октября 1874 г. // Архив МОИП. Д. 482. Л. 25 об.

³⁶⁴ Устав Московского Общества Испытателей Природы. М., 1837. С. 5.

ко”³⁶⁵. Впоследствии Ольга Александровна поддерживала дружеские отношения с Обществом, всегда передавала ему в дар свои труды, не единожды публиковала свои работы на страницах его изданий и участвовала в научных командировках по его поручению.

Но большая часть ее внимания и сил по-прежнему принадлежала Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 70-е гг. она посещала практически все заседания Общества³⁶⁶. 29 августа (9 сентября) 1875 г. А.П. Богданов записал в своем дневнике: “... Заседание Общ[ества] любителей естествознания с 7–10. С председательством. В закрытом заседании предложил О.А. Федченко в почетные члены и назначить ей редакторский гонорар”³⁶⁷. Из опубликованного несколько позднее протокола заседания следует, что 29 августа 1875 г. Ольга Александровна стала первой женщиной, избранной почетным членом ОЛЕАЭ. На восьмидесятом, годичном заседании ОЛЕАЭ, состоявшемся 15 октября 1875 г., этот необычный для своего времени поступок был обоснован четко и ясно:

“Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии... постановило почтить заслуги члена-основательницы Общества Ольги Александровны Федченко:

во 1-х, как путешественницы по Средней Азии, всюду сопровождавшей покойного члена-основателя Алексея Павловича Федченко в Туркестанской экспедиции и посетившей вместе с ним, кроме областей Туркестанского края, верховья Зеравшана и Коканское ханство;

во 2-х, как ботаника, основательно изучившей флору Туркестана и собравшей обширный гербарий во время путешествия по Средней Азии;

в 3-х, как участницы составления антропологической коллекции Общества, основание коей было положено во время подготовительных работ по устройству Этнографической выставки 1867 года;

в 4-х, как участницы в устройстве и организации Туркестанского отдела на Политехнической выставке 1872 года;

в 5-х, как составительницы альбома Туркестанских видов, для издания коего из числа многих собственноручных рисунков путешественницы, исполненных на пути экспедиции, избраны 14 больших пейзажей;

в 6-х, как заведующей редакцией обширного издания общества под заглавием “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”, осуществляемого на дарованные по ходатайству г. Туркестанского генерал-губернатора средства, лично редактирующей как все до сих пор вышедшие из печати девять выпусков, так и вновьготавливаемые к печати томы этого издания;

и в 7-х, как лица, уполномоченного Советом общества в качестве редактора названного издания вести всю переписку с авторами, обрабатывающими имеющийся материал, с типографиями, исполнителями рисунков и таблиц, про-

---

³⁶⁵ Архив МОИП. Д. 484. Л. 60.

³⁶⁶ См., например: ЦИАМ. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 75–78 об.; 112–113 об.; 137–173 и др.

³⁶⁷ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 34 об.

изводить разбор собранных экспедициею коллекций и вообще заведывать всеми делами издания.

Во внимание к изложенным заслугам и к постоянному полезному участию в трудах Общества со времени его основания, Общество в заседании 29-го августа по состоявшейся закрытой баллотировке единогласно избрало на основании 8 и 20 своего устава Ольгу Александровну Федченко своим почетным членом...”³⁶⁸.

Ольга Александровна стала признанным экспертом ОЛЕАЭ по Туркестану. Если проводилось какое-либо мероприятие, посвященное изучению Средней Азии, именно она участвовала в нем от имени Общества. Так, например, в 1875 г. в Париже проводился очередной международный Географический конгресс, на который Ольга Александровна с согласия ОЛЕАЭ отослала вышедшие к тому времени тома “Путешествия в Туркестан”. За этот труд Конгресс удостоил ее бронзовой медали. О.А. не без гордости упоминает об этой награде в автобиографии, написанной для книги А.П. Богданова³⁶⁹, хотя обычно она не придавала особого значения подобным вещам. Об удивительном равнодушии ее к земной славе свидетельствует одно любопытное письмо, полученное ею от секретаря Русского географического общества и сохранившееся в ее личном фонде в Архиве РАН: “Милостивая Государыня Ольга Александровна. При разборке старых бумаг Канцелярии Императорского Русского географического общества нашелся диплом на медаль, присужденную Вам на Международной географической выставке, бывшей в Париже в 1875 году. Считаю приятным долгом препроводить вам при сем означенный диплом и медаль и прошу не оставить меня уведомлением о получении того и другого...”³⁷⁰. Письмо было написано 10 июня 1883 г., т.е. через восемь лет после события. Более того, если прочитать, например, “Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам”, опубликованный в “Известиях РГО”, можно узнать, что “медаль второго класса” была присуждена по VII отделу (путешествия) “19. Г-же Федченко, за путешествие в Туркестан”³⁷¹. Из чего следует вывод о том, что конгресс удосто-

---

³⁶⁸ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 57–58.

³⁶⁹ *Богданов А.П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

³⁷⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³⁷¹ Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам // Изв. РГО. 1876. Т. XI: 1875. Отд. 1. С. 239.

ил награды скорее саму О.А. и ее участие в экспедиции, чем издание “Путешествия в Туркестан А.П.Федченко”. Однако насколько О.А. была равнодушна к собственной славе, настолько же трепетно она беспокоилась о сохранении памяти Алексея Павловича. Для нее было совершенно естественным и правильным лишней раз упомянуть об успехе “Путешествия” (и тем самым напомнить о заслугах А.П.), а не о собственной персоне.

9 марта 1876 г. ОЛЕАЭ единогласно избрало Ольгу Александровну делегатом от Общества на Третий Конгресс ориенталистов, проводившийся в С.-Петербурге³⁷², и осенью 1876 г. О.А. представляла ОЛЕАЭ на этом конгрессе. В распоряжение организаторов конгресса также были отосланы все издания ОЛЕАЭ, “содержащие труды по исследованию Средней Азии”³⁷³, к большей части которых приложила руку О.А.

Если кто-то дарил Обществу коллекцию Туркестанских растений – ее передавали в ведение Ольги Александровны для дальнейшего распоряжения. Например, на восемьдесят четвертом заседании ОЛЕАЭ 11 апреля 1876 г. было “Доложено обществу, что по просьбе почетного члена О.А. Федченко Э.Л. Регель принял на себя обработку гербария, собранного экспедицией капитана Ларионова в Кульджинском районе, и что вследствие этого как самый гербарий, так и список растений, составленный капитаном Ларионовым, препровождены г. Регелю в С.-Петербург”³⁷⁴.

Если ОЛЕАЭ само организовывало какое-либо мероприятие, то, во-первых, в нем непременно был представлен Туркестан, а, во-вторых, руководила организацией Туркестанской части непременно О.А. 6 мая 1876 г. Комиссия ОЛЕАЭ по устройству антропологических и зоологических собраний при Московском университете приняла решение о проведении Антропологической выставки. В созданном по этому случаю “Комитете для устройства антропологической выставки” Ольга Александровна руководила Туркестанской комиссией. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что О.А. Федченко принимала активное участие в выработке программы выставки. Так, протокол сообщает, что 4 ноября 1877 года, на тринадцатом заседании Комитета “О.А. Федченко по поводу прочитанной программы замети-

---

³⁷² Восемьдесят второе заседание Общества 9 марта 1876 года // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 81.

³⁷³ Там же. С. 81.

³⁷⁴ Восемьдесят четвертое заседание общества 11 апреля 1876 года // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 98.

ла, что в отделе антропологической библиографии можно бы поместить и Туркестанский сборник, изданный по поводу Политехнической выставки 1872 г., и так как возникло в Комитете сомнение относительно права представления этого сборника в числе изданий Комитета, то О.А. Федченко изъявила согласие войти в предварительную переписку с издателем его в Ташкенте и узнать его мнение по этому предмету”³⁷⁵.

Коллеги по ОЛЕАЭ так высоко оценивали деятельность Ольги Александровны, что 21 ноября 1877 г., на девяносто пятом заседании Общества, они избрали ее в Совет ОЛЕАЭ: “Прочитаны §§ Устава, касающиеся избрания должностных лиц, и затем приступлено к баллотировке. В Члены Совета, по состоявшейся баллотировке (записками), оказались избранными: А.П. Богданов (25 голосов), О.А. Федченко (24 голоса), Д.А. Наумов и И.П. Архипов (22 голоса), А.С. Владимирский (21 голос) и А.М. Анастасьев (16 голосов), кн. В.А. Черкасский (получивший 9 голосов) и В.К. Попандопуло (5 голосов) признаны кандидатами в члены Совета”³⁷⁶. Таким образом Ольга Александровна не просто стала первой женщиной, избранной членом Совета ОЛЕАЭ: по результатам голосования ее популярность уступала только популярности А.П. Богданова – выдающееся достижение. На этом же заседании Общество выбирало нового секретаря, поскольку 31 октября 1877 г. скончался Николай Карлович Зенгер, занимавший эту должность со дня основания ОЛЕАЭ (за вычетом 1868 г., проведенного им за границей). А.П. Богданов предложил избрать на этот пост А.А. Тихомирова, попросив членов Общества “принять в соображение значительное количество зоологических работ, которые должны были выпасть на долю секретаря”. После этого “кандидатами на должность секретаря предложены были записками: А.А. Тихомиров (22 голоса), В.Д. Левинский и О.А. Федченко (по 1 голосу). При баллотировке шарами А.А. Тихомиров оказался избранным большинством 23 голосов. О.А. Федченко и В.Д. Левинский от баллотировки отказались”³⁷⁷. Тем не менее сохранились многочисленные свидетельства того, что после смерти Н.К. Зенгера в течение некоторого времени именно Ольга Александровна исполняла обязанности секретаря Общества. Прежде всего сама О.А. пишет, в уже

---

³⁷⁵ Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания Комитета по устройству выставки // Изв. ОЛЕАЭ. 1878. Т. XXVII. Вып. 5. С. 347.

³⁷⁶ Девяносто пятое заседание Общества, 21 ноября 1877 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ (с 19 декабря 1876 по 15 октября 1880 г.). С приложением устава и списка членов // Изв. ОЛЕАЭ. 1881. Т. XXXVII. Вып. 1. С. 72.

³⁷⁷ Там же. С. 72.

упоминавшейся нами автобиографии: “С конца 1877 года состояла несколько лет секретарем Совета Общества Любителей Естествознания...”³⁷⁸. Однако Д.Н. Анучин, современник и участник событий, хорошо знавший и близко сотрудничавший с О.А., в статье, посвященной памяти О.А. Федченко, отмечал: “В 1874 г. О.А. была избрана почетным членом Общества любителей естествознания, а с 1877 г. в течение нескольких лет состояла его секретарем”³⁷⁹. Помимо этого, в личном фонде Ольги Александровны обнаружено несколько писем, адресованных секретарю ОЛЕАЭ. Так, Э. Ивансон, владелец литографии и металлографии в С.-Петербурге писал 22 февраля 1878 г.: “Его Высочородию господину секретарю Императ[орского] Общ[ества] люб[ителей] естествознания в Москве. Честь имею посылать при сем оригинал и пробные оттиски от двух табл[иц] рисунков к статьям г. Кроненберга, и прошу Вас возвратить корректуры вместе с оригиналами, которые мне во время печати нужны. Пробный оттиск от 3 табл[ицы] буду посылать в понедельник 26 февр[аля]”³⁸⁰. В верхнем правом углу листа рукой Ольги Александровны написано: “Получено 24 февр[аля] 1878 г. № 55”³⁸¹. Следующее письмо от Э. Ивансона, датированное 21-м апреля 1879 г. по поводу корректуры какой-то работы Зографа, озаглавлено уже: “Милостивая государыня Ольга Александровна!”³⁸². Таким образом, можно почти с полной уверенностью говорить о том, что если не формально, то фактически, начиная с 1877 г. Ольга Александровна выполняла работу секретаря ОЛЕАЭ.

В том же 1877 г. еще одно из наиболее уважаемых российских научных обществ – Русское географическое общество – приняло Ольгу Александровну в число своих членов. Член Общества и его историк Л.С. Берг в своей работе “Всесоюзное географическое общество за сто лет”³⁸³ посвятил целый раздел вопросу приема в члены Географического общества женщин. Сравнивая Русское географическое общество с Лондонским, он описывает безуспешные попытки предоставить женщинам право вступления в Лондонское географическое общество, полученное наконец только в 1913 г., и продолжает: “Ничего подобного в нашем Обществе не бывало. Устав Русского географического общества, как впрочем и Лондонского, никаких ограничений в отношении

³⁷⁸ Богданов А.П. Материалы... Л. 26.

³⁷⁹ Анучин Д.Н. Памяти О.А.Федченко // Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158.

³⁸⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁸¹ Там же. Л. 1.

³⁸² Там же. Л. 4.

³⁸³ Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946.

женщин не содержал. И вот, 20 мая 1877 г. в число членов-сотрудников были приняты две женщины – О.А. Федченко, известная путешественница по Туркестану, вдова А.П. Федченко, и А.Я. Ефименко...”³⁸⁴.

Таким образом, после возвращения в Москву, в 70-е гг. XIX в., научная жизнь Ольги Александровны складывалась вполне удачно. Однако того же самого нельзя сказать о других сторонах ее жизни. Мы упоминали выше, что А.О. Армфельд был весьма состоятельным человеком и его семья не испытывала материальных трудностей. После его смерти Ольга Александровна унаследовала некоторые средства, но большую их часть она потратила во время заграничных поездок и позднее, – для поддержания издания “Путешествия в Туркестан”, когда его финансирование было приостановлено. В свою очередь А.П. Федченко не располагал ничем, кроме своего жалования, и ничего не смог оставить вдове и сыну. Материальное положение Ольги Александровны после его смерти было уже не скромным, а затруднительным. Г.Е. Щуровский, хлопоча у генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о продолжении финансирования “Путешествия в Туркестан”, с самого начала ходатайствовал о выделении Ольге Александровне достойного пособия. Указывая на ее ведущую роль в планировавшемся завершении издания, Г.Е. Щуровский писал еще в декабре 1873 г., что “она будет в состоянии посвятить себя довершению издания, если ваше высокопревосходительство доверите ей этот труд и поможете сосредоточить на нем ее силы” и выражал уверенность в том, что “вы не лишите его (Общество. – О.В.) благосклонной поддержки и соизволите помочь оставшейся после А.П.Федченко вдове его, лишь за несколько месяцев до смерти мужа сделавшейся матерью, чтобы она могла посвятить себя полезному труду, не отвлекаясь от него заботами об обеспечении своего существования”³⁸⁵. 10 декабря 1873 г. К.П. фон Кауфман наложил на это письмо вполне благоприятную для О.А. резолюцию: “Необходимо сделать, что только возможно, дабы дать возможность О.А. Федченко довести до конца труды ее покойного славного мужа. Основания, предложенные Обществом, вполне принимаются мною”³⁸⁶. Однако, как мы уже писали выше, дело о выделении средств на издание замедлилось и вместе с тем было отложено решение проблем Ольги Александр-

³⁸⁴ Берг Л.С. Указ. Соч. С. 203.

³⁸⁵ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о гибели А.П. Федченко и о поручении О.А. Федченко закончить издание трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. документов. Ташкент, 1956. С. 177–179.

³⁸⁶ Там же. С. 179.

ровны. В каждом последующем письме Кауфману Г.Е. Щуровский не переставал однако напоминать о ней и ее нуждах: “Труды редакционной комиссии, будучи сосредоточены в руках вдовы путешественника Ольги Александровны Федченко, потребуют вполне всех ее сил и постоянного труда, – писал он 11 марта 1874 года. – Только часть механического труда и деятельность по сношениям с типографиями и литографиями могут быть возложены на другое лицо... Достаточным вознаграждением трудов обоих этих лиц могло бы быть назначение на содержание редакции той же суммы, какая была отпускаема в виде жалованья покойному А.П. Федченко, а именно трех тысяч рублей в год, если определение вознаграждения в таком размере Ваше Высокопревосходительство изволите признать возможным”³⁸⁷. Учитывая, что Ольга Александровна совершенно бесплатно выполняла ту самую работу, за которую ее супругу платили государственное жалование, подобное предложение кажется совершенно справедливым. Резолюция Кауфмана на это письмо (19 марта 1874 г.), на первый взгляд, выглядела вполне благоприятной: “...просить о продолжении права вдове получить 3 тыс. р. до конца назначенного для покойного А.П. Федченко срока, а затем о назначении пожизненной пенсии вдове за заслуги мужа ее науке, за самоотвержение его и в вознаграждение денежных утрат на расходы по изданию, которые исчислены были слишком ограниченно”. Однако далее следовало некоторое условие, до выполнения которого, по распоряжению Кауфмана, не следовало ничего предпринимать в этом направлении: “Желательно войти с ходатайством о сем тогда, когда выйдет еще несколько выпусков, кои ожидаются в скором времени, дабы можно было составить себе более ясное понятие об издании”³⁸⁸. Уже 25 марта 1874 г. Г.Е. Щуровский снова писал Кауфману: “Те небольшие денежные средства, коими лично располагала О.А. Федченко, были большей частью израсходованы во время прошлогодного пребывания за границей, так как оклад содержания ее мужа был недостаточен для покрытия всех расходов и по путешествию, и по редакции. Зная недостаточность средств О.А. Федченко, общество опасалось, что она будет вынуждена отказаться от редакции, и в таком случае окончание издания могло бы встретить еще большие трудности. Поэтому, если Ваше Высокопревосходительство изволите найти возможным обеспечить содержание для вдовы покойно-

---

³⁸⁷ 1874 г. марта 11. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко... С. 183.

³⁸⁸ Там же. С. 183.

го путешественника, общество будет убеждено в успешном ходе издания...”³⁸⁹. Резолюция Кауфмана, однако осталась без изменений (28 марта 1874 г.): “Представить по получении еще трех, четырех выпусков, кои ожидаются”³⁹⁰. 19 марта 1874 г., посылая запрошенную К.П. фон Кауфманом смету издания, Г.Е. Щуровский вновь напоминает о необходимости материального обеспечения О.А. Федченко, но решение Кауфмана (1 апреля 1874 г.) остается неизменным³⁹¹. По выходе из печати следующих пяти выпусков “Путешествия в Туркестан”, в январе 1875 г. ходатайства Г.Е. Щуровского были возобновлены. Как подробно упоминалось несколько выше, Кауфман запросил заключение Академии наук об этих выпусках, прежде чем принять решение. Несмотря на то, что само продолжение издания висело на волоске, президент ОЛЕАЭ ни на минуту не забывал об О.А. и, видимо дабы несколько подтолкнуть Кауфмана, привлек к решению ее проблемы некоторых влиятельных представителей ученого мира. Например, 9 марта 1875 г. А.П. Богданов записал в дневнике: “В 4 1/2 поехал на обед к Подгорецкому в честь Семенова Петра Петровича. Навел разговор на пенсию Федченко, и Семенов обещал похлопотать”³⁹². Сообщая об этой инициативе генерал-губернатору, Г.Е. Щуровский писал 17 марта 1875 г.: “Доводя ныне о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства, я вместе с сим обращаюсь письменно к П.П. Семенову с просьбой дать движение этой мысли и со своей стороны помочь о назначении правительственного пособия вдове Федченко”³⁹³. Но Кауфман не спешил. На это последнее сообщение Щуровского он отвечал 19 марта 1875 г.: “Ожидать сообщения П.П. Семенова и запрошенного мной отзыва от академии о достоинствах предпринятого издания путешествий А.П. Федченко. Тогда войти с представлением сначала об испрошении 21 т. р. на довершение начатого, а потом уже о пенсии вдове”³⁹⁴. Наконец, 22 апреля 1875 г. отзыв

---

³⁸⁹ 1874 г. марта 25. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко... С. 185–186.

³⁹⁰ Там же. С. 186.

³⁹¹ 1874 г. марта 29. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко... С. 187; Пометка делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора // Там же. С. 187.

³⁹² Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 18 об.

³⁹³ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко... С. 192.

³⁹⁴ Резолюция на письмо Г.Е. Щуровского К.П. Кауфману от 17 марта 1875 г. // Там же. С. 193.

Академии был получен, и вскоре вопрос о продолжении финансирования самого издания решился положительно. Но этого нельзя было сказать о проблеме Ольги Александровны. Только 18 декабря 1875 г. канцелярия Туркестанского генерал-губернатора подготовила подробный доклад о всех выплатах, делавшихся в пользу А.П. Федченко, о размере уже выделенной и не полученной им из-за внезапной гибели суммы жалования, о ходатайстве Г.Е. Щуровского и резолюции Кауфмана, а также приложила все необходимые справки и документы. Указывая на то, что “получен прекрасный отзыв конференции академии о достоинстве и научной важности вышедших в свет семи выпусков “Путешествия в Туркестан” исправляющий должность правителя канцелярии А. Матафин резюмировал: “Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству (на тот момент – исполняющему должность генерал-губернатора Г.А. Колпаковскому. – *О.В.*), канцелярия испрашивает указаний; благоугодно ли будет Вашему Превосходительству... испросить теперь же через г. военного министра всемилостивейшее государя императора соизволение на выдачу в пособие вдове г. Федченко 2496 руб. 67 коп., оставшихся от содержания А.П. Федченко и числящихся на депозите Московского интендантства, за труды по редактированию трудов своего мужа и о назначении пожизненной пенсии и в каком размере, – или же признаете, Ваше Превосходительство, более удобным вопросы эти представить на благоусмотрение г. главного начальника края”³⁹⁵. Колпаковский распорядился передать дело Кауфману. И только 17 февраля 1876 г. Кауфман наложил резолюцию: “Ходатайствовать, как изложено в докладе, определив цифру пенсии вдове в размере 2000/1500 руб. в год пожизненно”³⁹⁶. Однако прошло еще какое-то время, пока Главное интендантское управление Военного министерства разбиралось в том, о каких деньгах собственно идет речь, и что с ними делать. И только 30 сентября 1877 г. К.П. Кауфман обратился с официальным письмом к военному министру графу Д.А. Милютину с просьбой о назначении пенсии для Ольги Александровны. Поскольку предполагалось, что пенсия будет назначена за выдающиеся заслуги А.П. Федченко (несмотря на то, что он ее и не заслужил по выслуге лет), большая часть письма посвящена именно Алексею Павловичу и его работам. В завершение К.П. фон Кауфман писал: “Упомянутые заслуги А.П. Федченко

³⁹⁵ 1875 г. декабря 18. Доклад канцелярии Туркестанского генерал-губернатора – и. д. генерал-губернатора Г.А. Колпаковскому об исходатайствовании единовременного пособия и пожизненной пенсии О.А. Федченко // А.П. Федченко... С. 199–201.

³⁹⁶ Там же. С. 201.

дают мне надежду на то исключительное внимание со стороны правительства к судьбе осиротевшей семьи его, о котором я считаю своим долгом ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством, покорнейше прося вас, милостивый государь, не изволите ли вы признать возможным испросить всемилостивейшее соизволения Его Императорского Величества на назначение вдове титулярного советника Ольге Александровне Федченко, в виде изъятия за особые труды мужа, пожизненной пенсии в размере двух тысяч руб. в год и, сверх того, на выдачу г-же Федченко в виде единовременного пособия за безвозмездные работы в продолжении 4 лет по изданию “Путешествия в Туркестан” остатка от суммы, назначенной в 1872 г. по высочайшему повелению мужу ее, за смертью последнего сохранившегося в количестве 2496 руб. 67 к. Независимо от заслуг мужа, О.А. Федченко имеет и особое право на внимание правительства. Она делила с путешественником, сопровождая его всюду, все труды и опасности; успех его исследований во многом непосредственно зависел от этой деятельной помощи. Прекрасный туркестанский гербарий был собран ею преимущественно. Ей же принадлежат и лучшие иллюстрации к “Путешествию в Туркестан”, издающемуся под редакцией О.А. Федченко”³⁹⁷. Вскоре после этого пенсия наконец была назначена.

Таким образом около 6 лет (с 1872 г. и до начала 1878 г.) у Ольги Александровны не было никаких постоянных доходов несмотря на то, что она имела вполне постоянную работу. Надо сказать, что Г.Е. Щуровский и его коллеги не только хлопотали о пенсии для О.А. Финансовая отчетность ОЛЕАЭ свидетельствует о том, что несколько раз ей выплачивались некоторые суммы. Однако по сохранившимся документам трудно судить, выплачивались ли эти деньги лично О.А. или представляли собой средства для покрытия текущих расходов издания. Например, 7 сентября 1873 г. О.А. Федченко получила 1000 руб. “на основании постановления Совета” ОЛЕАЭ³⁹⁸; в 1874 г. “на расходы по редакции” О.А. Федченко получила 400 руб.³⁹⁹ И только сумма,

---

³⁹⁷ 1877 г. сентября 30. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана военному министру графу Д.А. Милютитну о значении трудов А.П. Федченко и ходатайство о выдаче пенсии и единовременного пособия О.А. Федченко // А.П. Федченко... С. 207–208.

³⁹⁸ Состояние счетов и отчет о приходе сумм Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии к 1 декабря 1873 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 45.

³⁹⁹ Годичный отчет кассы Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 декабря 1873 по 1 февраля 1875 года // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 9.

полученная Ольгой Александровной 13 октября 1875 г. в размере 810 рублей обозначена как “редакционный гонорар”⁴⁰⁰. Все эти выплаты шли из средств, отпущенных на издание “Путешествия в Туркестан”. Однако из-за того, что финансирование проекта было приостановлено, в то время как работы над ним продолжались, отпущенные средства иссякали, и по-видимому, ни в 1876, ни в 1877 гг. Ольга Александровна не могла рассчитывать на этот источник. В это время ей пришлось, отрывая время от научной работы, начать зарабатывать на жизнь для себя и своего маленького сына Бориса. “В 1876 г. переводила много с французского... и занималась счетной работой в санитарном бюро (имеется в виду Московское губернское земское санитарное бюро. – *О.В.*), а в 1877 г. в течение 8 месяцев работала в бюро постоянно”, – писала она в автобиографии⁴⁰¹. По-видимому, переводимая литература не имела особого отношения к науке, как замечала сама *О.А.*, “почти все переводы... печатались анонимно”⁴⁰².

Казалось бы, что в этот сложный период Ольга Александровна могла обратиться за помощью к своей семье, но, похоже, она не делала этого. Более того, все это время семья была для нее постоянным источником беспокойства, да и расходов тоже.

Семейные трудности. Судьбы братьев и сестры

К 1873 году семья Армфельд состояла из Анны Васильевны Армфельд, матери семейства, в 50-х – 60-х гг. XIX в. – одной из законодательниц московского “общества”, Александра Александровича Армфельда, старшего брата Ольги Александровны, а также двух младших членов – Натальи и Николая. Для младшей сестры Ольги Александровны Федченко, Натальи 1868–1873 гг. также оказались решающими. 1868 год вообще стал переломным для семьи Армфельд: 12 марта 1868 г. неожиданно для всех, в возрасте 62 лет умер Александр Осипович; Ольга вместе с мужем уехала вначале в Европу, а затем в Туркестан; Александр Александрович в 1869 г. получил должность приват-доцента в Новороссийском университете и переехал в Одессу; Наталья Александровна, закончив в 1867 г. Николаевский институт с дипломом

---

⁴⁰⁰ Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 18–19.

⁴⁰¹ *Богданов А.П.* Материалы... Л. 26.

⁴⁰² Там же. Л. 26.

“Домашней наставницы”⁴⁰³, решила продолжать формальное образование за границей и отправилась в Гейдельберг. Таким образом, в семейном гнезде осталась одна Анна Васильевна с младшим сыном Николаем, еще не успевшим закончить гимназию.

Александр Александрович Армфельд, поступивший в 1859 г. в Московский университет по физико-математическому отделению⁴⁰⁴ и успешно окончивший его, избрал для себя университетскую карьеру. Его научные интересы лежали преимущественно в области животноводства. 6 апреля 1868 г. его избрали действительным членом ОЛЕАЭ⁴⁰⁵, но вскоре после этого он покинул Москву и некоторое время работал в Новороссийском университете, заведя там с 1869 г. университетской фермой. К 1872 г. он состоял в должности приват-доцента агрономии Новороссийского университета⁴⁰⁶ и редактировал “Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России”⁴⁰⁷. Казалось, что его карьера складывалась удачно. Однако неожиданно все рухнуло. В том же 1872 г. в разгар борьбы между различными партиями профессоров Новороссийского университета А.А. Армфельда обвинили в неправильном и неумелом управлении фермой. Через много лет после описываемых событий супруга И.И. Мечникова О.Н. Мечникова, комментируя письма своего мужа, писала: “А[рмфельд] заведывал университетской фермой... настолько плохо и несоответственно ее назначению, что вследствие нападков на него вынужден был уйти из университета; в это именно время и велась кампания против Армфельда, которого, как и других плохих ученых, поддерживала реакционная группа Сабинина и К°, с которой боролась группа Мечникова, из-за чего он был вынужден подать в отставку”⁴⁰⁸. Сам И.И. Мечников, правда, ничего подобного не писал, хотя в то время и посчитал, что скандал, связанный с Армфельдом, усилит позицию его сторонников в университете. В письме к

---

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. Д. 306. Л. 93.

⁴⁰⁴ Дело № 229 1859 года совета Императорского Московского Университета о принятии в число студентов Александра Армфельда // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 28. Д. 229. Л. 1.

⁴⁰⁵ Тридцать второе заседание Общества 6 апреля 1868 г. Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 15 октября 1865 по февраль 1860 г. // Изв. ОЛЕАЭ. 1969. С. 192–193.

⁴⁰⁶ Борьба за науку в царской России. Неизданные письма И.М. Сеченова, И.И. Мечникова, Л.С. Ценковского, В.О. Ковалевского, С.Н. Виноградского, М.М. Ковалевского и других. М.; Л., 1931. С. 212.

⁴⁰⁷ Лисовский Н.М. Русская периодическая печать. 1703–1900 (Библиография и графические таблицы). Пг., 1915. С. 26.

⁴⁰⁸ Борьба за науку в царской России... С. 212.

А.О. Ковалевскому (как раз в это время надевавшемуся получить должность в Новороссийском университете) И.И. Мечников отмечал: “Я уже говорил вам, что благодаря делу о ферме мы, напротив, усилились, а не ослабели, так как противная нам партия разбилась на две фракции, из которых одна соединилась в нами. Армфельд сам подал в отставку; я же вовсе не хотел его преследовать; дело же торопил только для того, чтобы этим подвинуть решение вопроса о Карастелеве и Сабинине, двух подлецах, которых нам очень хочется обмазать грязью, в которой они толкуются”⁴⁰⁹. Таким образом, был ли виноват А.А. Армфельд или стал жертвой интриг, сегодня установить наверно уже не удастся.

После отставки Александр Александрович с женой вернулся в Москву, поселился в одном из подмосковных имений, принадлежавших семье, и постепенно начал заниматься разведением и выведением редких пород скота. Он возобновил свои связи в московской университетской среде и входил в тот же московский научный круг, что и Ольга Александровна. Они часто виделись, обменивались книгами, встречались у общих знакомых. А.П. Богданов отмечал в своем дневнике: “...потом поехал к А. Армфельд[у] и оттуда домой” (29 августа 1874 г.)⁴¹⁰; “Армфельд принес книги от Федченко” (27 мая 1875 г.)⁴¹¹; “Армфельд просил о секретарстве в Обществе сельск[ого] хозяйства” (8 ноября 1875 г.)⁴¹². Александр Александрович получил разрешение пользоваться некоторыми образцами из коллекций, привезенных Туркестанской экспедицией. (Например, 24 декабря 1873 г. Н.К. Зенгер писал Ольге Александровне: “Череп туркестанской коровы, находящийся в Зоологическом музее, без всякого сомнения можно дать А.А. Армфельду и благоволите распорядиться им по Вашему усмотрению”⁴¹³). В 1878 г. А.А. Армфельд основал в Москве газету “Скотоводство”, имевшую подзаголовок “Газета Московского Общества улучшения скотоводства в России”, выходившую, по сведениям Н.М. Лисовского, с 1 сентября 1878 г. по июль 1880 г.⁴¹⁴ Большая советская энциклопедия пишет о нем: “Издавал в Москве первый специальный журнал по животноводству, где большая часть статей по молочному скотоводству и разведению рабочей лошади написана им. Был одним из первых и очень деятельных членов Московского общества сельского

---

⁴⁰⁹ [Письмо И.И. Мечникова А.О. Ковалевскому 18 декабря 1872 г.] // Борьба за науку в царской России... С. 211–212.

⁴¹⁰ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

⁴¹¹ Там же. Л. 25.

⁴¹² Там же. Л. 39 об.

⁴¹³ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 1.

⁴¹⁴ Лисовский Н.М. Указ. соч. С. 89.

хозяйства”⁴¹⁵. Впоследствии А.А. Армфельд участвовал в нескольких экспедициях по обследованию состояния скотоводства в России, был известен как автор более 10 монографий и многих статей по проблемам скотоводства в России. О его научном сотрудничестве с Ольгой Александровной мы еще будем говорить в дальнейшем. Таким образом, несмотря на не очень удачное начало старший брат О.А. Федченко сумел наладить свою жизнь и добился значительных успехов на выбранном им поприще, но заново устраивать свою жизнь ему пришлось именно в 70-е гг., так что он не только не мог помочь сестре, но и сам нуждался в поддержке. Тем более что выбор жизненного пути, сделанный младшими Армфельдами, Натальей и Николаем, как раз в то же самое время доставил массу огорчений, хлопот и, наконец, настоящего горя их старшим родственникам.

1869 г. застал Наталью Армфельд в Гейдельберге в маленькой коммуне девушек-студенток, состоявшей из С.В. Ковалевской, ее старшей сестры А.В. Корвин-Круковской, Ю.В. Лермонтовой и А.М. Евреиновой. Все девушки были связаны не только общими идеями и стремлениями, но и узами родства, пусть и отдаленными. Эти пять женщин, одними из первых (вслед за Сусловой и Бокковой-Сеченовой) не только в России, но и в Европе, попытались проникнуть в научный мир, так сказать, с парадного входа. Наталья Армфельд, пожалуй единственная из них, чьей биографии не посвящено пока еще специального исследования. Возможно, поэтому неизвестно, каким образом она попала в этот тесный кружок. Л. Вороноцова, известный биограф С.В. Ковалевской, писала, что Н.А. Армфельд (а значит, и О.А. Федченко) была двоюродной сестрой Софьи Васильевны⁴¹⁶. Данное обстоятельство могло бы объяснить присутствие Армфельд в этой сплоченной компании, но никаких подтверждений этому факту обнаружить пока не удалось. Гейдельбергское сообщество просуществовало недолго и вскоре распалось (в 1870 г.): девушки разъехались по разным городам Европы, спеша продолжить образование, или, как в случае с Анной Корвин-Круковской, заняться революционной деятельностью. Трое из них: Ковалевская, Лермонтова и Евреинова впоследствии добились получения докторских дипломов и всю последующую жизнь занимались избранными ими науками. Две другие – Анна (в будущем Анна Жаклар) и Наталья Армфельд стали активными революционерками.

В Гейдельберге Наташа изучала математику, астрономию, занималась музыкой. По воспоминаниям людей, хорошо ее знав-

---

⁴¹⁵ Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 3. С. 404.

⁴¹⁶ См.: Вороноцова Л. Софья Ковалевская (1850–1891). М., 1957. С. 110.

ших, она проявляла в этих областях способности и даже талант⁴¹⁷. Но, видимо, там же она впервые познакомилась с запрещенной в России литературой и революционными теориями. Сколько времени провела Наташа за границей и куда направилась, когда маленькая коммуна распалась, установить не удалось. Но в 1872 г. ее уже можно встретить в Москве среди первых пропагандистов-народников.

В 1873 г., как мы помним, вернулись в Москву Ольга Александровна – после трагической гибели мужа и Александр Александрович – после своей вынужденной отставки. Таким образом, к 1873 г. семья Армфельд вновь собралась в Москве. И какими бы ни были прошедшие со дня смерти их отца пять лет, которые они провели в разлуке, но они решительно определили их последующую судьбу. Если старшие дети Ольга и Александр выбрали для себя научную карьеру, то младшие – Наталья и Николай с головой ушли в революционную деятельность.

Вернувшись из Европы, Наталья Александровна Армфельд вместе со своей ровесницей и старинной подругой Варварой Николаевной Батюшковой (В.Н. Батюшкова – единственная выжившая дочь очень богатого помещика Тверской губернии, окончив институт, поступила на математическое отделение Лубянских женских курсов “в организации которых, – по словам ее мужа, – она принимала деятельное участие в качестве делегатки от курсов”⁴¹⁸) вступает в так называемый кружок “чайковцев”. О точной дате говорить трудно, но по воспоминаниям Л. Тихомирова, присутствовавшего при зарождении кружка, это произошло еще до 1873 г.⁴¹⁹

«Совместно они (Армфельд и Батюшкова. – *О.В.*) занялись чтением, чтобы развить круг знаний, необходимый социалисту-народнику. Любимыми книгами были статьи Чернышевского, Флеровского-Берви, С.-Симона и Фурье. Процессы Нечаевский, Долгушина и Дмоховского, судьба Парижской Коммуны – все это имело для них важное значение. В 1873 г. они уже принимают деятельное участие в выработке тех способов пропаганды в народе идей социализма, которые разрабатывались в то бурное революционное время среди молодежи. Они сделались одними из ревностных сторонников “хождения в народ”», – вспоминал Н. Цвилленев, коллега по революционной работе и впоследствии муж Батюшковой⁴²⁰.

⁴¹⁷ *Брешко-Брешковская Е.К.* Указ. соч. С. 193.

⁴¹⁸ *Цвилленев Н. В.Н. Батюшкова-Цвилленева // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1930. Кн. 6 (67). С. 142.*

⁴¹⁹ *Тихомиров Л.* Воспоминания. М., 2003. С. 89.

⁴²⁰ *Цвилленев Н.* Указ. соч. С. 143.

Однако самообразованием дело не ограничивалось. Правда, Н.А. Чарушин (член Санкт-Петербургского отделения кружка “чайковцев”), побывавший в Москве в феврале 1873 г., несколько скептически отзывался о деятельности московских коллег, считая одной из причин их относительного бездействия отсутствие ярко выраженного лидера: “Из более старых членов кружка там была едва ли не одна Н.А. Армфельд, генеральская дочка, умная, образованная, остроумная, но она руководящей и объединяющей роли играть не могла”, – замечал он⁴²¹.

По воспоминаниям Л. Тихомирова, никакого кружка до этого визита Чарушина не существовало вовсе, а была всего лишь группа людей, разделявших некоторые взгляды: “мы... не составляли никакого кружка, и если что и делали, то по поручению..., да и, собственно, не делали ничего... мы сидели уже совсем смиренно”⁴²².

Тем не менее именно в доме Наташи Армфельд в Старо-Копенгольском переулке “состоялось первое заседание московского отдела нашего кружка”, – пишет в “Записках революционера” П.А. Кропоткин⁴²³. Лев Тихомиров не называя точной даты этого события, относит его к первым месяцам 1873 г.: “...самое собрание помню очень хорошо, – пишет он. – Маленькая комнатка Натальи Александровны, где 5–6 человек уже заполняли все уголки. Присутствующие – две барышни и нас трое или пятеро, да Чарушин. Все сидят как-то глупо, не то конфузясь, не то самодовольно...”⁴²⁴ (Этот вечер, видимо, действительно был одним из самых памятных, поскольку о нем же пишет в своих воспоминаниях и М.Ф. Фроленко, хотя, поскольку никто не называет точной даты, а состав участников в разных источниках несколько варьируется, нельзя исключать того, что речь идет о двух разных собраниях, проходивших на квартире Армфельд)⁴²⁵. Однако всякая неловкость вскоре прошла. Ко времени вступления в кружок Н. Морозова (весной 1874 г.) ничего подобного уже не наблюдалось⁴²⁶. К середине 1874 г. среди членов кружка можно встретить М. Антонову, Клячко, Иванчин-Писарева, Л. Тихомирова, Н. Морозова, М. Фроленко, Н.А. Саблина, В. Батюшкову, Т. Лебедеву и др.⁴²⁷

⁴²¹ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Ч. 1 и 2. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М., 1926. С. 118.

⁴²² Тихомиров Л. Указ. соч. С. 92.

⁴²³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 257.

⁴²⁴ Тихомиров Л. Указ. соч. С. 110–111.

⁴²⁵ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 308.

⁴²⁶ См.: Морозов Н. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1916. 163–171.

⁴²⁷ См.: Аптекман О.В. Общество “Земля и Воля” 70-х гг. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 69. Эти же имена фигурируют в воспоминаниях и других участников событий.

Итак, квартира Натальи Александровны служила местом встреч московских революционеров, сюда же приезжали коллеги из других городов. Сама она, по словам того же Л. Тихомирова, уже в 1872 г. была “сведущее” его “в разных конспирациях”⁴²⁸, а в 1873 г. уже устанавливала контакты с политическими заключенными, содержащимися в Московских тюрьмах, передавала им письма, участвуя таким образом в подготовке побегов⁴²⁹.

Весной же 1874 г. Наташа вовлекла в революционную деятельность своего брата Николая – младшего из Армфельдов, учившегося в то время в одном из старших классов гимназии. Николай Морозов подробно рассказывает об этом событии в своих воспоминаниях, поскольку оно стало его первым заданием в качестве полноправного члена куржка. Н.А. Морозов познакомился с Наташей Армфельд в день своего вступления в кружок, который он называет “Тайным обществом”. “В дополнение к этим знакомым уже мне людям, – пишет он, – здесь сидела и внимательно смотрела на меня еще девушка гигантского роста и соответствующей полноты, которой я никогда не видел ранее. Она отрекомендовалась мне Натальей Армфельд; как я узнал потом, она была дочерью известного профессора и педагога, умершего недавно перед этим, и со связями в московской аристократии. Она и ее семейство были, между прочим, хорошо знакомы со Львом Толстым, который время от времени бывал в их доме близ Арбата”⁴³⁰. Когда по окончании формальной процедуры вступления в общество Н.А. Морозов поинтересовался, в чем будут состоять его обязанности, Наталья Армфельд предложила ему поработать с ее братом и его одноклассниками. Вот как передает ее слова Н.А. Морозов в своих воспоминаниях: “А вот я предложила бы Вам одно очень полезное дело, если у Вас нет на примете в ближайшем будущем чего-нибудь своего, – сказала, в первый раз обращаясь ко мне, девушка-гигант. – У меня есть брат, гимназист седьмого класса Первой гимназии. Он с очень хорошими задатками. У него собирается по субботам целая компания товарищей гимназистов, читают Тургенева, обсуждают литературные вопросы, но совершенно чуждаются общественных дел и даже находят их для себя вредным занятием. Все это благодаря влиянию одного из товарищей, Карелина, который, кроме эстетики да искусства, ничего не признает. Они устраивают особые эстетические прогулки за город по праздникам с бутылками вина и пива, которые и распивают где-нибудь в живописном месте.

---

⁴²⁸ Тихомиров Л. Указ. соч. С. 91.

⁴²⁹ См.: Морозов Н. Указ. соч. С. 20.

⁴³⁰ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947. С. 160.

Я пробовала как-то говорить с ними, но они на мои слова не обратили ни малейшего внимания, на маму тоже, выслушали и даже не спорили. Но если бы Вы пошли к ним и поговорили, это, наверно, имело бы действие, потому что Вы почти того же возраста. С Вами стали бы спорить и, может быть, в конце концов, убедились бы, что общественные вопросы лежат в основе жизни”⁴³¹.

В тот же день Н.А. Морозов впервые побывал в доме Армфельдов: “Это был их собственный дом-особняк”, – пишет он. Наташа – “представила меня своей матери, тоже очень высокой, но не гигантской женщине, и та прямо пригласила меня пообедать у них. К обеду пришел и ее сын Николай, гимназист, тоже огромного роста, с которым мы и пошли потом толковать в его комнату”⁴³². Так началась дружба и сотрудничество между Николаем Армфельдом и Николаем Морозовым. В особняке Армфельдов вскоре была организована общественная библиотека нелегальной литературы и стал собираться кружок молодых людей весьма радикального настроения⁴³³.

К лету 1874 г. были готовы детальные планы “хождения” в народ. Наталья Армфельд поселилась в одной из деревень Елецкого уезда и провела некоторое время у знакомого врача, обучаясь оспопрививанию и фельдшерскому ремеслу, потом, выдавая себя за мещанку, жила в деревне, носила крестьянское платье и ходила на полевые работы. Но долго это, конечно, продлиться не могло. 2 сентября в Казани была арестована Надежда Дмитриевна Субботина⁴³⁴, которую, по словам ее квартирного хозяина, навещала “дочь или сестра какого-то доктора – женщина высокого роста”⁴³⁵, помимо этого у Субботиной при обыске нашли письмо, в котором, по мнению жандармов, упоминалось имя Натальи Армфельд в зашифрованном виде⁴³⁶.

24 сентября 1874 г. Ливенский уездный исправник составил донесение, уже 26 сентября отправленное помощнику начальника Орловского Губернского жандармского управления в Елецком уезде капитану Головину, расследовавшему дело Субботиной: “В дер[евне] [Семенки] учительницей живет девица Армфельд, дочь действительного статского советника, кончившая курс Московского Николаевского института; в настоящее время, по распоряжению Училищного Совета, она переводится на долж-

⁴³¹ Там же. С. 165.

⁴³² Там же. С. 166.

⁴³³ *Морозов Н.* Повести моей жизни. Т. 1. М., 1916. С. 189.

⁴³⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 306. Л. 29.

⁴³⁵ Там же. Л. 30.

⁴³⁶ Там же. Л. 36.

ность учительницы в с. Бородинку... Армфельд кажется мне подозрительной личностью, почему вчера мною сообщено о ней полковнику Рыкачеву. О чем, вследствие отношения Вашего от 22 сентября за № 42 имею честь уведомить”⁴³⁷.

25 сентября 1874 г. господин помощник начальника Орловского губернского жандармского управления в Елецком уезде обратился с запросом к исправнику Можайского уезда, в котором располагалось село Тропарево, принадлежавшее семье Армфельд, о юридическом положении Н.А. Армфельд. А уже 29 сентября можайский исправник поспешил направить в Елец следующий ответ: “На отношении Вашего Высокоблагородия от 25 сего сентября на № 46, имею честь уведомить, что было ли в настоящем году свидетельствование мною или удельным полицмейстерским управлением дозволение вдовы действительно статского советника Анны Васильевны Армфельд, данное ею своей дочери Наталье Александровне на ее свободное проживание отдельно от нея, из дел как моих, так и полицейского управления не видно; потому что подпись такого рода бумаг хотя и свидетельствуется полицеею, но самый документ никуда не записывается. Со всем тем, я почти уверенно могу сказать, что сказанного дозволения ни мною, ни полицейским управлением в сем году не свидетельствовалось. Уездник Исправы Рождественский”⁴³⁸.

27 сентября 1874 г. у Наташи произвели обыск, ничего особенного, правда, не нашли. В тот же день помощник начальника Орловского Губернского жандармского управления капитан Головин и прокурор Елецкого Окружного суда Миред-Имменецкий, провели первый допрос девицы Натальи Александровны Армфельд. Наталья держалась уверенно, отвечала только на очевидные вопросы, а о своих знакомых и делах говорить не спешила. Из протокола допроса:

“**Вопрос.** Объясните Ваше звание, происхождение, возраст и место учительства с начала настоящего года по сегодняшний день.

Дочь Действительного Статского Советника Наталья Армфельд, 24 лет, Домашняя Наставница. Зимой жила в Москве с матерью Анной Васильевной Армфельд, Арбат, Никольский переулок, дом Нечаева. Выехала в конце мая в деревню Измалково, к учительнице девице, дочери Действ[ительного] Статск[ого] Советника Варваре Николаевне Батюшковой, где пробыла около 3-х недель. Оттуда уехала гостить к знакомым. Пробыв там около месяца, вернулась в деревню к своей матери, в Можайский уезд в село Трепарево. В Москву переехала 26-го августа и пробыла там дней 13. Затем прямо поехала в с. Семенки (Орловс. губер. Ливен. уезд).

---

⁴³⁷ Там же. Л. 82.

⁴³⁸ Там же. Л. 80, 80 об.

Вопрос. К каким именно знакомым Вы уехали из Измалкова от девицы Батюшковой и куда именно. Назовите их имена и фамилии и местность их жительства?

На этот вопрос не считает удобным отвечать, потому что считает это не деликатным относительно их.

Вопрос: были ли Вы настоящим летом в с. Патриаршем, в с. [Пружинки] и в с. Спасском (Уприково то ж) Задонского уезда Воронежской Губернии?

Не была.

Вопрос: Знакомы ли Вам: врач Александр Иванович Славатинский, жена его Надежда Ивановна, урожденная Лермонтова...

Нет, не знакомы и нет не видала.

Вопрос: Проживая в Измалково у Батюшковой не знакомы ли Вы с кем-нибудь из семейства Субботиных?

Не знакома ни с кем и не видала.

Вопрос: Вами ли писано письмо, предъявленное Вам, которым Надежда Дмитриевна Субботина приглашалась приехать в с. Патриаршее Задонского уезда на 2 июня сего года, а также Вами ли написан адрес на предъявленном Вам разорванном в клочки конверте, на имя Александра Ивановича Славатинского?

Нет, не мною.

Вопрос: Когда именно Вы последний раз виделись с девицей Батюшковой, где и не известно ли Вам место ее проживания?

В последний раз я видала ее в Москве, в августе (она приходила ко мне от мачехи), а место жительства ее мне неизвестно, по приезду она жила у мачехи. А писать адрес ее не хочу.

Вопрос: Во время бытности вашей у Батюшковой в Измалкове, не проживала ли или не бывала ли в гостях у нее, какая-либо подруга ее?

Никто не проживал и не бывал. К сему протоколу Наталья Армфельд руку приложила⁴³⁹.

Результатом подобного поведения стал арест: “Постановление № 18 1874 г. сентября 27 дня. В дер. Сухого-Семенки Ливенского уезда. Помощника начальника Орловского Губернского жандармского управления капитана Головина по соглашению с г. прокурором Елецкого Округного суда Миред-Имменецим. Принимая во внимание, что девица Наталья Александровна Армфельд на предложенные ей вопросы дала или ответы идущие в разрез с фактами, обнаруженными дознанием о действиях девицы Субботиной, а на другие – отказалась отвечать, постановил: впредь до разъяснения всех обстоятельств настоящего дела подвергнуть дочь действительного статского советника девицу Армфельд аресту, отправив ее для содержания в особом помещении, согласно 10 ст. Закона Высочайше утвержденного в 7 день июня 1872 года, в Елецкий Тюремный замок. О чем ей и объявить”⁴⁴⁰. Как было уточнено несколько позднее Наталья Армфельд арестовали по подозрению в “распространении противу правительственной пропаганды в Орловской губернии”⁴⁴¹.

⁴³⁹ Там же. Л. 91, 91 об.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 92.

⁴⁴¹ Там же. Л. 204.

Таким образом Наталью поместили в тюремный замок в г. Ельце и приступили к тщательным допросам и выяснению сопутствующих обстоятельств ее противозаконной деятельности. Допросы велись неторопливо и обстоятельно: следователи выясняли каждый шаг трех девушек: Н. Субботиной, В. Батюшковой и Н. Армфельд, решивших летом 1874 г. “походить в народе”, а также их побудительные мотивы и цели.

Во время допроса 10 октября 1874 г. на вопрос: “Имея обеспеченное состояние и права, приобретенные воспитанием, вследствие каких побудительных причин Вы приехали в чуждую для Вас местность, проживали: в Подвиргольском, Патриаршем, Пружинках и дер. Семенках при более чем бедной обстановке. Искали места фельдшерицы и сельской учительницы, за труды которых весьма незначительное вознаграждение?”, – Наталья Армфельд отвечала: “Именно потому, что я имею средства, которыми могу пользоваться как подспорьем, я не искала большого вознаграждения за свой труд. А труд этот меня интересует потому, что интересует народное образование вообще. Фельдшерством я занималась для того, чтобы уметь лечить, когда буду учительницей (так как в этом отношении чувствуется большая потребность). На обстановку я обращала мало внимания и довольствовалась такой, какая складывалась случайно, потому что вообще считаю это несущественным и знаю что во всякое время могу изменить условия своей жизни”⁴⁴².

Несмотря на то что подобные ответы, учитывая обстоятельства, вряд ли могли быть полностью правдивыми, эта короткая беседа достаточно точно характеризует Н. Армфельд. Все подруги, разделявшие с ней впоследствии заключение в Карийской тюрьме, вспоминали о ее аскетизме, о стремлении взять на себя тяжелый повседневный труд: “В ней поражала постоянная самоотверженная готовность работать на тюрьму. Всякую тяжелую работу она брала на себя: носила воду со двора, таскала дрова, пекла хлеб и т.д. Одевалась она исключительно в казенное платье и белье, хотя по тогдашним тюремным правилам это было необязательно. В страшные забайкальские морозы Наташа, как звали ее в тюрьме, для своих продолжительных прогулок во дворе надевала или кофту, сшитую из казенного сукна на какой-нибудь истертой подкладке, или, в крайнем случае, казенный полушубок, который очень мало грел, и шапку, которая отказывалась служить вследствие продолжительного употребления. Нельзя сказать, что семья Н.А. была бедная или жалела снабжать ее деньгами. Наоборот, мать, любившая ее до такой степени, что

---

⁴⁴² Там же. Л. 118 об.

дважды совершала путешествие из Москвы на Кару для свидания с дочерью, не жалела для нее ничего и была бы рада выслать ей какую понадобится одежду. Но Н.А. просила, кроме денег, ничего не высылать, а деньги отдавала тюрьмам (т. е. заключенным. — *О.В.*) Было много аскетизма в ее образе жизни, вытекавшего из благородства характера. Н.А. чувствовала и считала себя физически сильнее своих товарок и с радостью отдавала им свои силы. Отказ с их стороны от жертвы не действовал на нее и не принимался ею в соображение”⁴⁴³.

Другие вопросы следователей касались разговоров с крестьянами, пропаганды разных идей в крестьянской среде, а также знакомых, разделявших эти идеи и образ мыслей:

“**Вопрос:** Проживая в вышеозначенной местности, не обращались ли к Вам крестьяне за разъяснением каких-либо вопросов относительно их быта, перемены его, или чего-либо другого и что Вы говорили им по этому поводу. Вообще часто ли и по долгу Вы беседовали с крестьянами и о чем. Не занимали Вы детей или детей их, чтением или рассказами, то что им читали и рассказывали? Обращались с разными вопросами, касающимися их быта, напр., вопросом о [передаче] земли...”

— Те вопросы, которые были мне знакомы, я им по возможности разъясняла; на помянутый вопрос отвечала всегда отрицательно. На жалобы о бедности крестьян говорила, что она обуславливается их невежеством и уговаривала их отдавать детей в школы как девочек, так и мальчиков (потому что они убеждали, что женщине грамотность не нужна). Рассказывала им, где была возможность, все что знала и что доступно их пониманию, из естественной истории, из сельского и народного хозяйства и т. п. Читала им некоторые народные книги...⁴⁴⁴, рассказы о земле и небе и т. п., но без большого успеха. К разговорам и рассказам своим никогда не старалась возбуждать в них недоверия к правительственным распоряжениям, и какие-нибудь ни на чем не основанные надежды.

Вопрос: Не известно ли Вам какое-либо общество, или кружок в Москве, или где-нибудь, члены которого старались бы взять на себя народное образование, хотели бы сблизиться с [народом], чтобы внушить им к себе более доверия, и не знаете ли Вы кого из них?

— Не известно никакого общества и ничего подобного я не слыхала...”⁴⁴⁵

Арест Наташи не мог оставить равнодушной ее семью, в том числе и Ольгу Александровну Федченко. Нам не удалось обнаружить документальных свидетельств того, что старшие брат и сестра предпринимали какие-либо усилия для освобождения Наташи, но, по-видимому, какие-то шаги были сделаны, поскольку весь тон следствия неожиданно изменился: характеристики, полученные от официальных лиц, вдруг стали положительными, а проступки, инкриминировавшиеся арестованной, незначитель-

⁴⁴³ *Прибылева-Корба А.П.* “Народная воля”. Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 105.

⁴⁴⁴ Неразборчиво.

⁴⁴⁵ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 306. Л. 118, 118 об.

ными. Так, на имя капитана Головина поступило уведомление Задонского уездного исправника, написанное 10 октября 1874 г., в котором сообщалось следующее: “относительно девиц Натальи Александровой Армфельд и Варвары Батюшковой, имею честь уведомить, как из собранных сведений оказалось: что Наталья Александрова и ее подруга, называвшаяся двоюродною ее сестрою, Варвара Николаева, действительно проживали в с. Пружинках; первая из них – около двух месяцев, а последняя, появившаяся после, с неделю; проживали обе вместе; образ жизни вели скромный; из них Наталья в село Пружинки, быв присланная от земского врача Славатинского к фельдшеру Петру Копылову, училась оспопрививанию; для чего и ездила с ним на хутора; кроме того она занималась полкою в поле проса; и затем обе вместе, Наталья и Варвара, когда поспел хлеб, ходили в поле учиться жать рожь, под руководством крестьянки Надежды Сергеевой [Одерихиной]. В нравственности их обеих, как Натальи, так и Варвары, во время нахождения их в с. Пружинках, ничего предосудительного не замечено; запрещенных книг, сочинений, прокламаций и т.п., они не распространяли; даже не было заметно, чтобы при них были какие-либо книги, тетрадки, или тому подобное; вообще не замечалось ничего дурного; и в среде населения, означенными лицами, никаких вредных идей распространяемо не было”⁴⁴⁶.

Вполне возможно, что в результате хлопот родственников 21 ноября 1874 г. капитан Головин получил предписание генерал-лейтенанта Корпуса жандармов Слезкина препроводить девицу Армфельд вместе со всеми материалами по ее делу в Орел, что и было сделано 24 ноября⁴⁴⁷. Несколько позднее Н. Армфельд была, по-видимому, вытребована в Москву. Здесь допросы продолжались, но следователей в первую очередь интересовали связи Наташи с московскими пропагандистами. Однако московским следователям повезло ничуть не больше, чем капитану Головину: Наташа упорно не желала называть никаких имен, а если уж имена были известны дознавателям, то вдаваться в какие бы то ни было детали. Например, на очередном допросе 27 ноября 1874 г. она говорила: “В 1873 г. я жила в Москве с матерью, на Пречистенке, в Гагаринском пер., ходила на женские курсы слушать лекции по русской истории. Знакомых у меня было очень мало. Иногда приходили слушательницы женских курсов. Фамилию Андреевой я слыхала на курсах; я ее считала страшной формалисткой. С Цакни я знакома. Тихомирова, Львова, Гамова и Бирю-

---

⁴⁴⁶ Там же. Л. 122, 122 об.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 172.

кова не знаю; Аносова, Фроленко и Князева не знаю. Ни о каких кружках, имеющих какую-либо специальную цель, я не слыхала. Журнала “Вперед”, или каких-нибудь заграничных изданий я не видала никогда”⁴⁴⁸.

Но то ли усилия семьи и друзей принесли свои плоды, то ли фортуна была благосклонна, но на этот раз все обошлось. 26 февраля 1875 г. майор Корпуса жандармов Чуйков, производивший дознание, отметил, что в деле имеются следующие доказательства: во-первых, “...у девицы Армфельд в 1873 году... собирались молодые люди, говорили о необходимости и средствах к достижению социальной революции и читали запрещенные заграничные издания”, – во-вторых, – “Лето 1874 года девица Армфельд провела частью в Елецком, частью в Задонском уездах Орловской и Воронежской губерний, где жила в селах как простая крестьянка, существуя на добываемые сельскою работой деньги; за все это время Армфельд окружала себя возможной таинственностью и скрывала свое имя”; “при этом, однако, не доказано, – писал майор Чуйков, – чтобы Армфельд пропагандировала между крестьянами и при обыске у нее найден только один экземпляр народной книжки”. На основании приведенных данных следователь сделал следующий вывод: “...Так как из вышеизложенного усматривается, что на девиц Армфельд и Батюшкову (обвинявшуюся по тому же делу. – *О.В.*) не может падать обвинение в прямой пропаганде преступных идей, то и принятая против них в начале дознания мера пресечения – содержание под стражей – представляется слишком строгой...”, – поэтому было принято решение об освобождении девиц под залог. С Натальи Армфельд следовало “взять денежного залога... в две тысячи рублей серебром” и “до предоставления залога содержать... под стражей”⁴⁴⁹. В тот же самый день Ольга Александровна предоставила справку о том, что она имеет счет в банке Московского купеческого общества на сумму в 3000 рублей и таким образом может заплатить за сестру необходимый залог. Как свидетельствует “Постановление об освобождении” от 26 февраля 1875 г., залог был внесен немедленно вдовой титулярного советника О.А. Федченко, проживавшей в Москве по адресу: Арбат, дом Сиротина, и Наталья Армфельд освобождена из-под стражи⁴⁵⁰.

Этот арест стал первым в биографии Натальи Александровны Армфельд, однако далеко не последним. Четыре месяца, проведенные в тюрьмах, ничуть не изменили ее взглядов и устремле-

---

⁴⁴⁸ Там же. Л. 203.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 204, 204 об.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 205–205 об.

ний. Она продолжала принимать участие в деятельности подпольных московских кружков, поддерживала связи с петербургскими коллегами⁴⁵¹, принимала активное участие в организации переписки с арестованными товарищами и попытках устройства их побегов из тюрем. Н.А. Морозов, например, вспоминая об организации побега Волховского, писал, что когда он еще только заговорил о необходимости этого, выяснилось, что “Наташа Армфельд уже давно установила сношения с тамошними политическими заключенными и тайно от начальства переписывается с ними каждую неделю через одного унтер-офицера из дежурящих там жандармских караулов”⁴⁵². Одной из основных ее целей по-прежнему оставалась пропагандистская работа среди крестьян. “... Н.А. Армфельд уехала к матери, обещаясь через несколько дней опять приехать, – описывал Н. Цвилленев события лета 1875 г. – В первых числах августа она приехала, и мы трое (Н. Армфельд, В. Батюшкова и Н. Цвилленев. – *О.В.*) решили выехать из Москвы в одну из губерний средней России. Этот район мы считали более подходящим для пропаганды, ввиду крайнего малоземелья у крестьян и общего обнищания. Было решено устраиваться недалеко друг от друга, чтоб иметь возможность сноситься между собой. ... В этих хлопотах время шло до самого 10-го августа, когда арест разрушил наши планы и началась тюремная жизнь...”⁴⁵³.

Наталья Александровна неоднократно задерживалась в Москве полицией. В сентябре 1875 г. ее арестовали снова и на этот раз привлекли к дознанию “по делу о пропаганде и по обвинению в близких сношениях с пропагандисткой Батюшковой, в покушении на распространение запрещенных книг и в крайней политической неблагонадежности”⁴⁵⁴. 19 февраля 1876 г. по высочайшему повелению следствие было прекращено, а Наталья Александровна отправлена в административную ссылку в г. Буй Костромской губернии под надзор полиции⁴⁵⁵. Е.К. Брешко-Брешковская, проведенная с Натальей Александровной впоследствии несколько лет в тюрьме на Каре писала: “Знаю также от самой Н.А., что за время ее деятельности в Москве она была шесть раз арестована. Содержалась в участках, выпускалась и снова туда попадала. Последний из московских ее арестов кончился адми-

⁴⁵¹ См.: Цвилленев Н. Указ. соч. С. 149–150.

⁴⁵² Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1918. С. 20.

⁴⁵³ Цвилленев Н. Указ. соч. С. 150–151.

⁴⁵⁴ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. А–Е / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М., 1929. Ст. 54–55.

⁴⁵⁵ Там же. Ст. 55.

нистративной высылкой ее в г. Буй, Костромской губернии. Она часто вспоминала о своем там пребывании и в шутливом тоне рассказывала о своих знакомствах с местными жителями и о том, как принимала участие в сельских работах, как ей нравилась жизнь среди простых бесхитростных людей, окруженных такою же безыскусственною природою⁴⁵⁶. Семья, однако, не прекращала своих усилий по вызволению Наташи из неприятностей. В 1877 г. ей было разрешено вернуться из ссылки “по болезни” и поселиться в подмосковном имении матери, селе Тропарево. Но уже в апреле 1878 г. Наталья Армфельд вновь покинула семью и перешла на нелегальное положение⁴⁵⁷.

Младший из Армфельдов, Николай, также окунулся в революционную деятельность. Весной 1876 г. его арестовали по делу о пропаганде в Москве и Вологодской губернии и обвинению “в распространении запрещенных книг, полученных от сестры”⁴⁵⁸. С. Мицкевич, занимавшийся изучением деятельности революционных кружков в Москве в 70-е гг. XIX в. писал: “Всего было арестовано по этому делу 49 лиц; из них главную роль играли, по-видимому, Николай Армфельд, семья Ивановских (четыре брата и сестра Евдокия Семеновна, потом жена В.Г. Короленко, студент Ардасенков и Валерьян Балмашев (отец известного террориста, Степана Балмашева, застрелившего министра Сипягина в 1902 г.). Вся эта группа названа жандармами “обществом пропагандистов”. Деятельность группы осталась мало раскрытой следствием; дело велось в течение всего 1876 и части 1877 года, причем все время арестованными поддерживались деятельные сношения с волей, част[ично] обнаруженные жандармами. В это время был организован побег Василия Ивановского из тюрьмы. По-видимому, арестами в 1876 году не вся организация была разбита, а у нее оставалось много отпрысков, которые продолжали революционную работу”⁴⁵⁹. С. Мицкевич, тщательно изучавший архивные материалы по этому делу, так и не смог установить, чем оно окончилось. “Чем кончилось дело, – писал он, – из переписки прокурора не видно, но, по-видимому, кончилось пустяками, в административном порядке, потому что через

---

⁴⁵⁶ *Брешко-Брешковская Е.К.* Из воспоминаний (С.А. Лешерн, Н.А. Армфельд, Т.И. Лебедева, М.К. Крылова, Г.М. Гельфман) // *Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы.* 1918. № 10–12. С. 193.

⁴⁵⁷ *Деятели революционного движения в России...* Ст. 55.

⁴⁵⁸ Там же. Ст. 54–55.

⁴⁵⁹ *Мицкевич С.* Московские революционные кружки 2-й половины 1870-х годов. (Вместо предисловия к ст. С.А.Викторовой-Вальтер “Из жизни революционной молодежи конца 1870-х годов”) // *Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник.* 1924. № 4 (11). С. 58.

короткое время мы встречаем некоторых из привлеченных по этому делу вновь на свободе в Москве, продолжающими революционную работу, напр., Николай Армфельд, Алексей Пругавин и Ефрон⁴⁶⁰. В время следствия Н. Армфельд провел три месяца в одиночном заключении⁴⁶¹.

Вообще, вся семья Армфельд так или иначе оказалась вовлеченной в нелегальную деятельность. Мы уже упоминали выше о библиотеке нелегальной литературы, открытой в доме Армфельдов на Арбате, о происходивших в нем собраниях и просто радикальной молодежи, и членов революционных кружков. Можайское имение семьи, Тропарево, также не избежало подобной участи. В 70-е гг. в нем, случалось, бывали А.И. Желябов, Н.А. Морозов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Г.В. Плеханов⁴⁶². В усадьбе хранилась запрещенная и нелегальная литература. Это привело к тому, что даже старший из Армфельдов, Александр Александрович, никогда не интересовавшийся революционной деятельностью, но постоянно живший в Тропареве, попал под подозрение полиции. В апреле 1877 г. его привлекли к дознанию по обвинению во владении книгами революционного содержания. Расследование длилось в течение года и было прекращено по высочайшему повелению 30 марта 1878 г. после “строгого внушения”⁴⁶³.

Революционная деятельность требовала значительных материальных трат. Дело не ограничивалось только выплатой залогов за арестованных членов семьи и, возможно, взятками для облегчения их участи. Так, например, сохранились сведения о 9000 рублей, данных Натальей Армфельд для организации побега И.Н.Мышкина, одного из подсудимых на знаменитом “процессе 193-х” (18 октября 1877 – 23 января 1878 гг.). Во время обыска у В.П. Чепурновой, бывшей свидетельницей “на процессе 193-х”, полиция конфисковала ряд писем, в том числе письмо Л.И. Сердюковой к В.Н. Фигнер, датируемое серединой декабря 1877 г., в котором содержалось следующее: “Не знаю, сумеем ли что-нибудь организовать прочное и солидное для освобождения. Деньги 9000 (рублей) надеемся взять под вексель у Армфельд, она, наверно, даст; Перовская поехала уже к ней”⁴⁶⁴. Во время допросов все заинтересованные лица категорически отрицали свою вину, говорили, что Н. Армфельд денег не дала, что С. Перовская в

---

⁴⁶⁰ Там же. С. 158.

⁴⁶¹ Деятели революционного движения в России... Ст. 54–55.

⁴⁶² См.: Подъяпольская Е.Н., Разумовская А.А., Смирнов Г.К. Памятники Архитектуры Московской области. Вып. 3. М., 1999. С 279.

⁴⁶³ Деятели революционного движения в России... Ст. 54.

⁴⁶⁴ Письмо Л.И. Сердюковой к В.Н.Фигнер // Красный архив. Исторический журнал. 1924. Т. 5. С. 135.

этот период вообще не выезжала из С.-Петербурга и пр. Тем не менее побег подготовили, хоть осуществить его и не удалось из-за бдительности жандармов⁴⁶⁵. Этот факт сам по себе говорит о том, что деньги были получены. Кроме того, сохранилось еще одно свидетельство. Во время последнего в жизни Н. Армфельд Киевского процесса, при опросе свидетелей 1 мая 1879 г., капитан московского жандармского дивизиона Гагман, вызванный для опознания личности Н. Армфельд, показал, что: “Слышал... о 9000 руб., данных ею на общее дело, но подробностей не знает”⁴⁶⁶. Поручик того же дивизиона Чурсил также сказал, что “о 9000 руб., данных ею на общее дело или потребованных от нее,... также слышал, но подробностей не знает”⁴⁶⁷. В любом случае, даже намерение обратиться к Наталье Александровне говорит о том, что если и не в этом конкретном случае, то в других подобных же, она не жалела денег “на общее дело”. Несмотря на то что семья была достаточно состоятельной, вряд ли Наташа единолично располагала подобными весьма значительными суммами, что означало, как минимум, поддержку со стороны матери. Когда П.Л. Лавров в очерке “Народники-пропагандисты. 1873–1878 гг.” писал о том, что деятельность молодых народников пользовалась поддержкой их старших родственников и знакомых, занимавших высокое положение в обществе, он приводил в пример семью Н. Армфельд: “Дочери действительных тайных советников Наталья Армфельд, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генерал-майора Софья Лешерн-фон-Герцфельд и многие другие шли в народ, занимались полевыми поденными работами, спали вместе с мужиками, товарищами по работе, и за все эти поступки, по-видимому, не только не встречали порицания со стороны некоторых своих родственников и знакомых, а, напротив, сочувствие и одобрение...”⁴⁶⁸. Из этого высказывания, из некоторых других отрывочных фраз, разбросанных по воспоминаниям участников событий, можно предположить, что Анна Васильевна Армфельд если и не разделяла идей своих младших детей, то во всяком случае сочувствовала их деятельности.

Покинув в 1878 г. имение матери, Наталья Армфельд какое-то время продолжала жить в Москве, принимая участие в деятельности московских нелегальных групп вместе с братом Николаем. Например, в 1878 г. она присутствовала на одной из сходов, на которой выступал Г. Плеханов: “На одной из... сходов по-

⁴⁶⁵ Подробнее об этом см.: Кантор Р.М. Письма участников процесса 193-х // Красный архив. Исторический журнал. 1924. Т. 5. С. 129–133.

⁴⁶⁶ Судебная хроника // Голос. 1879. № 174. 25 июня. С. 3.

⁴⁶⁷ Там же. С. 3.

⁴⁶⁸ Лавров П.Л. Народники-пропагандисты. 1873–1878 гг. Л., 1925. С. 205.

явился Г.В. Плеханов..., почему и собралось так много народа, что негде было стать, не только сесть: стояли даже на подоконниках. В этот вечер, кроме уже бывавших у нас раньше, пришли на сходку многие бывшие в Москве радикалы: Саблин, Ивановские, Александр и Прасковья, Наташа Армфельд с братом – длинным Колей, Гамов и много других”, – вспоминала С.А. Викторова-Вальтер, одна из хозяек этого вечера⁴⁶⁹. К этому времени Наталья Армфельд уже была не просто хорошо известна в революционной среде: младшее поколение народников относилось к ней буквально с благоговением. Один из таких молодых людей, встречавший Н. Армфельд в 1878 г. в Саратове, вспоминал: “Частой гостьей у Старого Гофа бывала Наталья Армфельд, всегда простая и серьезная, но окруженная в глазах молодежи некоторым обаянием благодаря известной нам по литературе близости ее семьи к выдающимся деятелям сороковых годов. Много бывало у Гофа и других представителей революционного мира..., – писал он и добавлял, – все эти люди, окруженные таким ореолом в наших глазах: – и Богданович, и Морозов, и Армфельдт...”⁴⁷⁰.

Однако оставаться в Москве и продолжать там свою деятельность Наташа больше не могла. Она отправилась в Киев, планируя получить диплом фельдшера (по подложным документам, поскольку официально она должна была пребывать в Тропарево), и продолжить пропагандистскую деятельность. В Киеве она, по одним источникам, присоединилась к революционному кружку В. Дебогория-Мокриевича, по другим – всего лишь ходила на их конспиративную квартиру ради приобретения фальшивых документов. Так, она писала уже с этапа своей подруге и соратнице В. Батюшковой, находившейся в ссылке: “Ты знаешь, я совершенно случайно попала в эту компанию, с которой сцепилась. Я хотела получить в Киеве фельдшерский диплом и уже приглашена была в одно место, к знакомым, когда заручусь им. Но мне нужен был фальшивый паспорт и я стала ходить в ту канцелярию, где они фабриковались. По бесшабашности, а также потому, что люди в канцелярии сидели хорошие и ласковые, я ходила туда чаще, чем следует, и сидела дольше, чем было благоразумно, ибо вся эта квартира уже была на вулкане”⁴⁷¹. В любом случае, за квартирой в доме Косаровской уже следила полиция, когда там стала появляться Наташа. Вечером 11 февраля 1879 г., во время

⁴⁶⁹ Викторова-Вальтер С.А. Указ. соч. С. 72.

⁴⁷⁰ Саратовец. Саратовский семидесятник // Минувшие годы: Журнал, посвященный истории и литературе. 1908. № 3. С. 194.

⁴⁷¹ Цит. по: Цвилленев Н. В.Н. Батюшкова-Цвилленева // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1930. Кн. 6 (67). С. 153–154.

одного из собраний, полиция предприняла попытку арестовать собравшихся. Присутствовавшие оказали вооруженное сопротивление, во время которого был убит жандарм Казанкин, а несколько человек ранены и впоследствии скончались.

30 апреля Киевский военно-окружной суд приступил к слушанию дела. В процессе участвовало несколько человек, и список обвинений был достаточно длинен, но Наталья Армфельд вместе с Л. Брандтнером, Стеблин-Каменским, Дебогорием-Мокриевичем, Орловым, четырьмя неизвестными, не открывшими своего звания и фамилии, М. Ковалевской и Е. Сарандович обвинялась “в участии в тайном революционном обществе”⁴⁷². Помимо вооруженного сопротивления при аресте и убийства жандарма участники “тайного общества” обвинялись в том, что они занимались “фабрикацией фальшивых видов и печатей для снабжения таковыми членов названного сообщества”, а также что среди них находился “разыскиваемый в продолжении нескольких лет, обвиняемый в государственных преступлениях дворянин Дебогорий-Мокриевич”⁴⁷³.

По установлении личностей и биографий подсудимых, перечислении всех обстоятельств дела и рассмотрении улик, суд уточнил обвинение, которое теперь в отношении Натальи Армфельд звучало следующим образом: “Армфельд, Ковалевская и Сарандович [обвиняются] – в том, что они принимали участие в противозаконном сообществе, имевшем целью, в более или менее отдаленном будущем, ниспровержение и изменение порядка государственного устройства”⁴⁷⁴. Наталья Армфельд не признала себя виновной и отказалась сотрудничать с судом⁴⁷⁵. Помимо этого, она заявила, что “выстрелы в жандармов, приписываемые Брандтнеру, сделаны не им, а ею, Армфельд”⁴⁷⁶, и несмотря на разъяснение председателя суда, сообщившего, что “...279 ст. (о смертной казни. – *О.В.*) распространяется одинаковым образом, как на мужчин, так и на женщин... осталась при своем заявлении, что стреляла она, а не Брандтнер”⁴⁷⁷. Но во время допросов свидетелей это заявление было опровергнуто и во время обвинительной речи прокурор заявил, что “находит это показание ложным, что и подтверждается ссылкой на свидетелей, удостоверявших, что ни одна из женщин не имела в руках оружия. По мнению прокурора, это показание обвиняемой объясняется ложным убеждением, что смерт-

⁴⁷² Судебная хроника // Голос. 1879. № 165. 16 июня. С. 3.

⁴⁷³ Там же. 16 июня. С. 3.

⁴⁷⁴ Судебная хроника // Голос. 1879. № 170. 21 июня. С. 3.

⁴⁷⁵ Там же. С. 3.

⁴⁷⁶ Там же. С. 3.

⁴⁷⁷ Судебная хроника // Голос. 1879. № 176. 27 июня. С. 3–4.

ная казнь, по нашим законам, не применяется к женщинам, и что выгораживая Брандтнера она ничем не рискует”⁴⁷⁸. 4 мая в 12.30 по полудни суд объявил судебные прения оконченными и удалился в совещательную комнату для вынесения приговора. В 18.30 того же дня приговор был объявлен. Наталью Армфельд признали виновной в “в принадлежности к тайному противозаконному социально-революционному сообществу, имевшего целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства, путем насилия...”⁴⁷⁹ и приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на заводах на 14 лет и 10 месяцев⁴⁸⁰. Л. Брандтнер (так же, как и все признанные виновными в стрельбе в жандармов в день ареста) был приговорен к смертной казни⁴⁸¹.

Процесс этот получил широкую огласку. Его материалы печатались не только в “Киевских губернских ведомостях”, но были полностью перепечатаны выходящим в С.-Петербурге и распространявшимся по всей России “Голосом”. Сам процесс, мотивы, двигавшие подсудимыми, и их судьбы широко обсуждались в обществе. Арест Наташи, процесс и приговор стали страшным ударом для Анны Васильевны и, конечно, не могли не затронуть чувств ее старших детей.

К несчастью, почти одновременно с Натальей Александровной в Москве арестовали Николая Армфельда. 26 февраля 1879 г. в Москве был убит провокатор из числа рабочих – Н.В. Рейнштейн. Как писал С. Мицкевич, основываясь на изучении архива Московской судебной палаты, “после убийства Рейнштейна в Москве начались большие аресты, и начавшаяся формироваться организация была ликвидирована. 25 лиц, подозревавшихся в намерении создать “центральный кружок, вроде распорядительного комитета”, были арестованы и в административном порядке высланы из Москвы на несколько лет”⁴⁸². В их число попал и Николай Армфельд. Правда, 15 июля 1879 г. его освободили из заключения, передав под гласный надзор полиции⁴⁸³. Однако где-то во время своих скитаний по тюрьмам Николай заболел чахоткой и 18 января 1880 г. умер в Тропарево⁴⁸⁴, не дожив до 23-х лет.

⁴⁷⁸ Судебная хроника // Голос. 1879. № 180. 1 июля. С. 4.

⁴⁷⁹ Судебная хроника (окончание) // Голос. 1879. № 181. 2 июля. С. 2.

⁴⁸⁰ Там же. С. 2.

⁴⁸¹ Там же. С. 2.

⁴⁸² Мицкевич С. Указ. соч. С. 62.

⁴⁸³ Деятели революционного движения в России... Ст. 55.

⁴⁸⁴ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А–И. [М., 1914]. С. 61. Некоторые источники указывают на то, что Николай Армфельд умер еще в 1879 г. (Деятели революционного движения в России... Ст. 55.).

Страшным для семьи Армфельд летом 1879 г. Анна Васильевна была поглощена единственной идеей: каким-нибудь образом устроить побег Наташи. Она не жалела ради этого ни сил, ни средств. Прибытие партии ссыльных, в которой следовала Наташа, ожидалось в Москве в начале осени 1879 г. Здесь, в Бутырской тюрьме, она должна была дожидаться санного пути, чтобы отправиться дальше в Сибирь. Этим обстоятельством и собиралась воспользоваться А.В. Армфельд. В.А. Анзимиров, которого Анна Васильевна привлекла к организации побега, подробно описал предпринятую попытку. В августе 1879 г. он получил приглашение к «старухе Армфельд». Она предложила прорыть подкоп под Бутырской тюрьмой и уже успела достать подробный план тюрьмы и привлечь к делу двух человек, в том числе одного инженера: «Кто хоть раз видел эту благородную мать-гражданку – никогда не забудет ее. Она всей душой сочувствовала деятельности младшего сына Коли и своей дорогой, чудной Наты... Она гордилась ими, жила одной с ними жизнью и была готова для них на все», – пишет В.А. Анзимиров⁴⁸⁵. Дело велось в строжайшей тайне. На подставное лицо купили участок земли, напрямую примыкавший к зданию тюрьмы, и строительные работы начались. «Предстояло прорыть 120 сажен туннеля и попасть в намеченную башню через пол. А там захватить кого надо, при 3–4 энергичных молодцах, было уже последней наиболее легкой частью задачи», – описывает план их Анзимиров. Однако при подобной стройке предстояло вынуть не меньше сорока кубических сажен земли, кирпичей и пр. Спрятать такое количество земли не представлялось возможным, поэтому, чтобы не привлекать внимания пришлось затевать на купленном участке некое фиктивное строительство. А на это надо было иметь разрешение. И несмотря на страшную спешку, оформить все документы не удалось быстрее, чем за две недели, и в итоге партия ссыльных уже прибыла в тюрьму, когда строительство подкопа только началось.

Общая приблизительная сумма работ должна была составить около 10 000 рублей, но это не беспокоило Анну Васильевну. Ничто, кроме скорости, ее не волновало. А работы продвигались медленно: «Анна Александровна⁴⁸⁶ каждый день спрашивала о ходе работ. И по мере того, как они затягивались, все более и более волновалась, торопя, прося, умоляя. Недели, однако, быстро

---

⁴⁸⁵ Анзимиров В.А. «Крамольники» (Хроника из радикальных кружков семидесятых годов). М., 1907. С. 95–96.

⁴⁸⁶ В.А. Анзимиров ошибочно называет Анну Васильевну Армфельд Анной Александровной.

бежали, а дело не спорилось. Измученная мать переходила от надежды к отчаянию. Разум подсказывал ей, что “доделать подкоп не успеть, что могила-каторга неизбежно поглотит ее жизнь, ее солнце, ее Натю”...»⁴⁸⁷, – вспоминал Анзимиров. Рабочие старались как могли: “выбивались из сил и часто пренебрегали даже предосторожностями”. Но все оказалось напрасно: подкоп прошел только половину необходимого пути, когда партия ссыльных была отправлена дальше, в Пермь⁴⁸⁸.

Анна Васильевна отправилась вслед за партией провожать дочь, надеясь, что удастся устроить побег с пути. Этой надежде также не было дано сбыться, хотя попытка и была предпринята. Н. Цвилленев впоследствии вспоминал: “В 1879 году к нам явился уголовный каторжанин с письмом от Н.А. Армфельд, которая следовала в партию с ее товарищами по Киевскому процессу. Письмо это сильно взволновало нас, а в особенности жену (В. Батюшкову. – *О.В.*), ибо в письме шла речь о предстоящем побеге из этой партии. Нужны были деньги, нужно было встретить партию политических на Московском тракте, у станции Залари. В письме не указано было число, но по времени явки этого уголовного можно было заключить, что партия могла уже пройти эту станцию. Надо было рискнуть. Уголовному дали деньги и записку к Армфельд, а знакомый крестьянин, А.П. Казулин, отвез его на ст. Залари... Когда крестьянин Казулин вернулся со станции, то рассказал, как этот уголовный, приехав на постоянный двор с. Залари, послал его за папиросами. Вернувшись с папиросами, Казулин не застал этого уголовного; осмотрел сани и не нашел своей дохи. Очевидно, что доха была украдена им, а сам он скрылся. Эта подробность привела нас к убеждению, что все его рассказы были не верны. Действительно, когда этот плут был у нас, то партия уже проследовала дальше этой станции к Иркутску. Было досадно, но в то время иначе нельзя было поступить, как только исполнить все, что требовалось письмом”⁴⁸⁹. Не удивительно, что этот побег организовать не удалось, поскольку по некоторым данным “5 женщин, в том числе Лешерн, Армфельд и Ковалевскую конвоировали 100 солдат при отправлении на каторгу”⁴⁹⁰.

Н. Цвилленев приводит также выдержку из письма Анны Васильевны Армфельд к В. Батюшковой, написанного 14 мая

---

⁴⁸⁷ Анзимиров В.А. “Крамольники”... С. 98.

⁴⁸⁸ Там же. С. 98.

⁴⁸⁹ Цвилленев Н. Указ. соч. С. 153–155.

⁴⁹⁰ Народная воля. Социально-революционное обозрение. 1882. № 8–9. 5 февраля. Тюрма и ссылка // Литература партии “Народная воля”: “Народная воля”, “Листок Народной воли”, “Рабочая газета”, документы. М., 1930. С. 16 (Ст. 172).

1879 г.: “Страшно подумать, что будет с ней. О себе я ни мало не горюю: охотно сейчас бы пошла под топор, только бы ей, моей голубушке, не страдать! Повезут, говорят, на Тюмень. Эта дорожка вам знакома, родная моя”⁴⁹¹. Не только родные любили Наташу и страшно переживали за нее, она платила им тем же. Е.К. Брешко-Брешковская, познакомившаяся с Наташей в Карийской тюрьме писала: “Свою семью она нежно любила, а маму уважала глубоко, как прекрасно просвещенного человека, как безгранично-любящую мать, умевшую по достоинству оценить благородные стимулы своей дочери и разделять любовь ее к товарищам. Любила она сестру свою, осиротевшую после трагической смерти своего мужа, естествоиспытателя Федченко, погибшего в швейцарских Альпах во время исследования им ледников. Кабинетный портрет, где изображена была госпожа Федченко со своим шестилетним сыном Борисом (впоследствии также ученым естествоиспытателем), доставлял Наташе большое наслаждение. Каждый раз, когда она заговаривала о своих родных, она вынимала из сокровенного места прекрасный портрет своей мамы и портрет сестры и, глядя на них, рассказывала эпизод за эпизодом из своей семейной жизни... Не так веселы были ее воспоминания о братьях. С старшим из них, знатоком и любителем сельского хозяйства, известным скотоводом Н. Армфельдом⁴⁹², у Наташи не много было общего, она уважала его, как честного человека и бескорыстного труженика, но он не принимал участия в ее идейной жизни. Совсем иные отношения у нее были к ее младшему брату, о котором она не могла говорить иначе, как с нежною грустью, всегда опечаленная его преждевременною смертью. С юных лет полиция его преследовала. Много раз арестовывала, вынуждала скрываться целыми месяцами и довела до того, что молодой человек впал в чахотку и умер, едва достигши двадцатилетнего возраста. Наташа рисовала его кротким, нежным, всегда мечтающим о благе человечества. Она, чувствуя в себе силу перенести всяческие гонения, точно сознавала себя виновною в том, что не смогла поддержать бодрость духа своего любимого брата, не уберегла его от чуждой злой воли. Воспоминания об этом брате были самые для нее печальные”⁴⁹³.

Таким образом 70-е гг. стали нелегким испытанием для Армфельдов. Дружная семья, члены которой искренно и преданно любили друг друга, пережила несколько страшных ударов. Один из членов семьи умер совсем молодым, другая оказалась заживо

---

⁴⁹¹ Цит. по: *Цвилленев Н.* Указ. соч. С. 157.

⁴⁹² Имеется в виду А.А. Армфельд.

⁴⁹³ *Брешко-Брешковская Е.К.* Из воспоминаний... С. 203–204.

похоронена на каторге. Смысл жизни А.В. Армфельд сосредоточился на Карийской тюрьме, и туда же направлялись все имевшиеся в ее распоряжении средства (не только для ее Наташи, но для вообще всех заключенных). Оказалось, что семья не только не могла оказать помощь Ольге Александровне Федченко, но наоборот – ее близкие нуждались в ее поддержке.

Исследования московской флоры в 80-е гг. XIX в.

1879–1880 гг. не могли не сказаться на настроении Ольги Александровны. Обычно энергичная, деятельная, неунывающая, она как-то писала своей доброй приятельнице Елене Васильевне Богдановой, супруге А.П. Богданова: “Начала вам на днях длинное письмо, но не привелось кончить, а теперь забрала за слишком безотрадный тон, не идущий к предполагаемой во мне твердости характера и способный нагнать на вас уныние...”⁴⁹⁴. Но, к счастью, не все было так мрачно в жизни О.А. в 80-е гг. XIX в. Получение пенсии сделало Ольгу Александровну финансово независимой и освободило от работы ради заработка, что позволило ей больше времени посвящать самым любимым своим занятиям: воспитанию сына и ботанике. Этому способствовало также и то, что издание “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” продолжалось без заметных осложнений и постепенно шло к своему завершению.

Пережив так много потерь, Ольга Александровна страшно боялась за сына, тем более что он не отличался крепким здоровьем, и старалась, чтобы он как можно больше времени проводил на природе. “Собираясь путешествовать по Средней России, не начнете ли своих исследований с р. Протвы, в обрывах которой есть окаменелости: она протекает ведь по Трепареву, где мы с Борисом опять вероятно проведем лето, постараясь начать его как можно раньше, – если позволит погода, то с конца апреля, – писала она 10 марта 1881 г. Ивану Васильевичу Мушкетову. – Он плохо себя чувствует нынешнюю зиму, и я рассчитываю поправить его, если удастся провести в деревне около 5 месяцев, по прошлогоднему. Таким образом нам Бог знает, когда придется увидеть Вас в Москве, разве только удастся приехать нарочно, если Вы напишете, когда будете в Москве. Если решитесь приехать в Трепарево, то предупредите жену свою, что у нас большой дом и отсутствие всяких удобств: надеюсь, что она этого не испугается – ведь ездила же с вами на Кавказ. И нас предупредите: мы

---

⁴⁹⁴ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 813. Л. 1.

захватим тогда с собою те минералы из Вашей коллекции, которые остались неопределенными вследствие потери каталога. Поблизости от нас знаменитые Бородино и бывшее местопребывание Годунова – Борисово”⁴⁹⁵.

К счастью, здоровье Бориса Федченко вполне поправилось. Мальчик подрастал, был определен в гимназию, и постепенно Ольга Александровна стала все больше вовлекать его в круг своих интересов, прививая любовь к естествознанию и, прежде всего, к ботанике. (При этом О.А. продолжала пристально следить за самочувствием сына). “... хотя я все продолжаю заниматься ежедневно с Борей и занятия его идут успешно, на здоровье свое он продолжает жаловаться, – писала она Елене Васильевне Богдановой. – А как и не хворать при той непомерной жаре и засухе, которые стоят у нас целый месяц: земля потрескалась, трава высохла на корню и хрустит под ногами. Боря с ужасом думает о гимназии, ради которой придется забираться в Москву с 6 августа. Правда, мы думаем после экзамена вернуться сюда до 16-го, но и это, может не удастся...”⁴⁹⁶. Однако несмотря на якобы слабое здоровье, юный Борис Федченко, сын знаменитых естествоиспытателей и путешественников, проявлял живой интерес к занятиям и еще больший – к путешествиям: “Борис мой просится на Урал или хотя бы на Волгу. Думаю, что сама невольно внушила ему страсть к путешествиям, а теперь боюсь удовлетворить ее, ввиду его молодости и недостаточной физической крепости”, – писала О.А. И.В. Мушкетову⁴⁹⁷.

Но и саму Ольгу Александровну, чья юность прошла в беспрепятственных путешествиях, сопровождавшихся научными открытиями, реальными опасностями, встречами с интересными людьми и пр., не меньше, чем ее сына, тяготила размеренная, налаженная и... однообразная жизнь, которую она теперь вела: “В Москве я пробуду недели три, а в начале мая, вероятно, уеду на лето в Трепарево (в 15 верстах от г. Можайска, по Московско-Брестской ж.д.) заниматься садоводством, за неимением лучшего и из опасения пускаться в более далекие поездки со своим Борисом, – пишет она И.В. Мушкетову 10 апреля 1881 г. – Заезжайте туда, если будете в Москве – что стоит 100 верст по ж.д. и 15 в. в тарантасе летом? А я очень рада буду вас видеть. Куда вы поедете в июле? Уж не опять ли в Туркестан? Вы, кажется, хотели заняться теперь подробной обработкой собранных в течение 10 лет материалов?”⁴⁹⁸

---

⁴⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 2 об., 3.

⁴⁹⁶ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 813. Л. 1.

⁴⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 3 об.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 8 об., 9.

Ольга Александровна скучала по Туркестану, по людям, разделявшим с ней любовь к этому краю, живо интересовалась их судьбами и вообще всем происходившим в тех краях: “Я так и думала, что Черняев будет уничтожать все Кауфмановское. Хоть бы свое-то заводил хорошее. Иванов⁴⁹⁹ не пропадет, а Хомутова⁵⁰⁰ мне очень жаль, и еще более Ошанина: стоит же жить в Ташкенте, чтобы учительствовать в женской гимназии!” – пишет она И.В. Мушкетову⁵⁰¹ и через месяц: “Как жаль Кауфмана! и неужели возможно, что его заменят Скобелевым? Коли будете писать Хомутовым, передавайте поклон и поздравление”⁵⁰². Описывая Е.В. Богдановой свою тропаревскую жизнь, О.А. не находила в ней почти никаких положительных сторон: “Саша⁵⁰³ хозяйничает здесь; сено при такой погоде убирается отлично, но его вдвое меньше прошлогоднего, рожь плохая, а яровое еще хуже – пожалуй совсем погибнет от засухи. Цветы мои, несмотря на самую усердную поливку, тоже плохи, особенно сеянные прямо в грунт; только и выручают привезенные из Москвы. Все болота высохли; на днях у нас горело болото в лесу, а перед тем выгорело целое село (говорят, от самовара) Сивково, в 7 верстах от нас; уцелел только барский дом, школа и церковь, а так как был полдень и скот загнали доить, то и скот погорел – у помещика все 40 коров и 2 лошади. Вот видите, какие у нас все неутешительные новости. Ну, а так как за сим, все-таки, надо полагать, что-нибудь да обстоит благополучно, то будем радоваться и благословлять Творца”⁵⁰⁴. Тем не менее не в характере Ольги Александровны было долго предаваться унынию. Проводя лето за летом вместе с сыном в Тропареве, Ольга Александровна в 1881–1887 гг. вернулась к сбору гербария и изучению флоры Московской губернии. По ее собственным словам, она “с 1881 по 1887 г., при участии сына, значительно пополнила гербарий Можайского у[езда]”⁵⁰⁵.

По воспоминаниям Б.А. Федченко, собранные материалы О.А. предоставила в распоряжение В.Я. Цингера (1836–1907),

---

⁴⁹⁹ Д.Л. Иванов, упоминавшийся нами во 2 главе настоящей книги.

⁵⁰⁰ П.И.Хомутов, туркестанский знакомый О.А., занимал разные административные посты в Ташкенте, в т. ч. был помощником губернатора Сырдарьинской области; переводчик; живо интересовался изучением края. Его супруга – Е.К. Хомутова, была сестрой Д.Л. Иванова и хорошей приятельницей О.А.

⁵⁰¹ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 3 об.

⁵⁰² Там же. Л. 9.

⁵⁰³ Речь идет об А.А. Армфельде, старшем брате О.А.

⁵⁰⁴ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 813. Л. 1 об, 2.

⁵⁰⁵ *Богданов А.П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

профессора Московского университета по кафедре математики⁵⁰⁶. Несмотря на свою основную работу, В.Я. Цингер был увлечен изучением флоры Средней России, считая эту задачу чрезвычайно важной: “Более или менее удовлетворительные сведения о флоре существуют для весьма немногих местностей этой обширной области, – писал он, имея в виду территорию, расположенную между Днестром и Волгой, и в районе от 59° до 52° северной широты, – пять лет тому назад их было еще меньше; о флоре некоторых губерний и до сих пор ничего не известно. Но и там, где судя по напечатанным спискам, были деланы наблюдения, они в большинстве случаев далеки от желательной полноты...”⁵⁰⁷. Мнение В.Я. Цингера хорошо согласовывалось со взглядами профессиональных ботаников. Так, например, почти через пятнадцать лет после опубликования приведенных выше слов и появления достаточного количества солидных работ, известный флорист, систематик и ботанико-географ, Н.А. Буш (1869–1941) говорил 11 мая 1903 г., почти дословно повторяя мысли В.Я. Цингера: “Хотя исследование флоры России продолжается уже 150 лет; несмотря на то, что ежегодно появляется в печати по несколько списков растений для разных местностей России; несмотря на существование таких обстоятельных трудов как “*Flora rossica*” Ледебура и “*Флора Средней и Южной России*” Шмальгаузена⁵⁰⁸, можем ли мы сказать, что флора России хорошо изучена? Нет, в сравнении с флорой Западной Европы, она изучена крайне слабо. В то время как для многих стран Западной Европы вполне известен видовой состав флоры и число видов ее составляющих, для России многие растения приводятся чисто гадательно...”⁵⁰⁹.

С конца 70-х гг. XIX в. В.Я. Цингер и его молодой коллега, флорист Д.А. Кожевников (1858–1882), начали работу над “Сборником сведений о флоре Средней России”⁵¹⁰. Объясняя их совместный замысел, В.Я. Цингер писал: “Лет восемь тому назад

---

⁵⁰⁶ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Изв. Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 86.

⁵⁰⁷ Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М., 1885. С. 4.

⁵⁰⁸ Имеется в виду следующая работа: Шмальгаузен И.Ф. Флора Средней и Южной России, Крыма и Северного Кавказа. Т. 1–2. Киев, 1895–1897. Помимо этого перу И.Ф. Шмальгаузена принадлежит также работа: Шмальгаузен И.Ф. Флора Юго-Западной России, т.е. губерний: Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской и смежных местностей. Киев, 1886 и др.

⁵⁰⁹ См.: Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 2. С. 145.

⁵¹⁰ См.: Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Флора и растительность Московской области (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. С. 30–31.

составитель этого сборника вместе с Д.А. Кожевниковым, интересуясь флорой Тульской губернии и убедившись в крайней недостаточности имеющихся о ней литературных сведений, сделали попытку, не ограничиваясь собственными экскурсиями, увеличить число флористических наблюдений и материалов посредством приглашения к содействию всех лиц местного населения, которые нашли бы возможность и пожелали бы заняться собиранием растений. Попытка не осталась без успеха... Сама собою затем возникла мысль применить тот же способ приобретения флористических данных в соседних малоисследованных губерниях, придерживаясь приблизительно границ Московского учебного округа...”⁵¹¹. Была составлена и разослана специальная анкета. В результате исследователи получили около 350 гербариев. После смерти Д.А. Кожевникова В.Я. Цингер обрабатывал присланные материалы в одиночестве, однако он сумел справиться с задачей и довел ее до благополучного завершения. В 1885 г. “Сборник сведений о флоре Средней России”, содержащий сведения о 1749 видах растений (исключая еще 150, в которых автор не был полностью уверен) увидел свет. В разделе “Материалы и литературные источники” В.Я. Цингер подробно перечислил всех, чьи материалы и коллекции были использованы во время работы. Однако это не относилось к материалам, полученным из Московской губернии: “Как одна из наилучше изученных, Московская губерния, – писал он, – не входила в программу исследований. Мы имели случай видеть несколько более или менее полных гербариев и получили довольно много любительских коллекций, но не составляли из них особых списков...”⁵¹². Как в свое время Н.Н. Кауфман, В.Я. Цингер не упоминает имени Ольги Александровны, хотя и указывает нескольких человек, чьими работами и (или) гербариями он пользовался, в том числе Н.Н. Кауфмана, И.Н. Горожанкина, А.Н. Петунникова, Д.И. Литвинова, П.П. Мельгунова, Н.А. Казанкина, а также “других лиц”, – пишет он⁵¹³. Однако указание Б.А. Федченко о том, что Можайский гербарий Ольги Александровны послужил “для новой капитальной флористической работы – “Сборника” проф. В.Я. Цингера” кажется заслуживающим внимания⁵¹⁴.

Помимо В.Я. Цингера Ольга Александровна предоставила свой Можайский гербарий в распоряжение профессора И.Н. Горожанкина. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904, ботаник,

---

⁵¹¹ Цингер В.Я. Указ. соч. С. 3.

⁵¹² Там же. С. 14.

⁵¹³ Там же. С. 14.

⁵¹⁴ Федченко Б.А. Указ соч. С. 86.

профессор Московского университета), в этот период заведовал Ботаническим садом и гербарием университета, а с 1877 г. еще и гербарием Московского общества испытателей природы, и активно занимался разборкой и приведением в порядок всех этих гербариев. По словам его ученика и биографа К.И. Мейера, «разборка и приведение в порядок гербариев возродили в И.Н. Горожанкине интерес к систематике и флористике. В лаборатории Ботанического сада, где около Горожанкина сгруппировалось довольно много молодых ботаников-ассистентов, оставленных при Университете, студентов старших курсов и частных лиц, началась оживленная работа по изучению флоры “Средней России”...»⁵¹⁵.

Ольга Александровна принимала участие в этой работе и проводила немало времени в университетском Ботаническом саду. В автобиографии она пишет: “В 1884 году и в 1885 г. занималась в Ботаническом саду Университета разборкой гербариев и определением растений. В 1885 и 1886 г. разбирала университетские гербарии...”⁵¹⁶. Одним из результатов этой коллективной работы стала публикация И.Н. Горожанкиным в 1888 г. “Материалов для флоры Московской губернии”⁵¹⁷. Объясняя насущную потребность подобного издания, И.Н. Горожанкин писал: “Со времени выхода в свет в 1866 году известного труда покойного профессора Н.Н. Кауфмана “Московская флора”, изучение Московской губернии в флористическом отношении не было предметом какого-либо специального исследования. Однако же, за последнее двадцатилетие нашлось немало лиц, заинтересованных местной флорой, которые экскурсировали и собирали растения в различных частях Московской губернии”. Таким образом “в настоящее время, когда все издание замечательной книги Кауфмана разошлось и когда чувствуется большая нужда в новом издании подобного рода, я считаю своевременным опубликовать следующие два списка”⁵¹⁸. В опубликованные И.Н. Горожанкиным списки вошли, во-первых, перечень видов растений Московской губернии, отсутствовавших в “Московской флоре” Кауфмана или таких, чье произрастание в Московской губернии ставилось Кауфманом под сомнение, но позже было подтверждено, во-вторых, перечень новых местностей Московской губернии, в которых находили редкие для данной территории виды⁵¹⁹.

⁵¹⁵ Мейер К.И. Ботаник Иван Николаевич Горожанкин и его школа (1848–1904). М., 1940. С. 27.

⁵¹⁶ Богданов А.П. Материалы... Л. 26.

⁵¹⁷ Горожанкин И.Н. Материалы для флоры Московской губернии. М., 1888.

⁵¹⁸ Горожанкин И.Н. Указ. соч. С. 1.

⁵¹⁹ Там же. С. 1.

Во время составления указанных списков И.Н. Горожанкин использовал гербарий Московского университета, гербарии частных лиц, подаренные университету, в том числе гербарий Н.Н. Кауфмана, собранный последним в 1866–1869 гг., гербарий И.Д. Чистякова (1843–1877), занявшего кафедру морфологии и систематики растений Московского университета после смерти Н.Н. Кауфмана в 1870 г. и др. Помимо этого использовались гербарии коллег, переданные в распоряжение И.Н. Горожанкина: “...5. Гербарий О.А. Федченко. 6. Гербарий А.Н. Петунникова”, гербарий самого Горожанкина и др. – всего более 14 различных коллекций⁵²⁰. Таким образом, впервые после долгого перерыва в опубликованной научной работе упоминалось имя и ботанические коллекции Ольги Александровны Федченко. По словам современных исследователей, “Горожанкин широко использовал гербарные материалы и наблюдения В.И. Беяева, Д.П. Сырейщикова, С.Н. Милютина, И.Д. Чистякова, Н.Ф. Золотницкого, С.Г. Навашина, О.А. Федченко, А.Н. Петунникова, Н.Н. Кауфмана, найденные Горожанкиным три тома гербария Максимовича, собственные сборы и, наконец, гербарий редких видов, собранный экскурсиями студентов в 1884–1887 гг.”⁵²¹

Однако Ольгу Александровну, по-видимому, перестало удовлетворять то, что ее материалами пользуются другие, часто даже не упоминая ее имени. Возможно также, что ее подтолкнула настойчивость американского исследователя мистера Болларда (Bollard), председателя “Agassiz Association for advancement of Science”, членом которой состояла Ольга Александровна. Но что бы ни послужило причиной, в 1891 г. “Boston Journal (Popular Science News)” поместил на своих страницах работу Ольги Федченко “List of the plants of the district of Moshaisk, Government of Moscow, Russia” (“Список растений Можайского уезда Московской губернии”)⁵²². Список содержал 573 вида растений, произраставших в Можайском уезде Московской губернии. Это была первая работа Ольги Александровны, увидевшая свет после опубликования в 1875 г. ее статьи “От Кашгара до Кала-Пянджа. (Извлечение из писем полковника Гордона и гг. Биддольфа и Троттера)”⁵²³. Если быть еще более точным – это было первое опубликованное ботаническое исследование Ольги Александровны Федченко.

⁵²⁰ Там же. С. 2.

⁵²¹ Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Указ. соч. С. 29.

⁵²² Fedtschenko O. List of the Plants of the District of Moshaisk, Government of Moscow, Russia // Boston Journal. (Popular Science News). 1891. Vol. 25. № 5, 6, 7, 8.

⁵²³ Изв. Императорского Российского Географического общества. 1875. Т. XI. Вып. 1. С. 9–15.

Издание привлекло внимание специалистов. А.Н. Петунников (1842–1918), например, упоминает его в первой части своего “Критического обзора Московской флоры”, хотя и замечает, что работа содержит много ошибок и неточностей в определении⁵²⁴. Это, правда, не помешало ему использовать работу О.А. при подготовке второй и третьей частей своего обзора⁵²⁵. Исторически сложилось, что исследование флоры московского региона развивалось не по территориальному признаку. Работ, посвященных растительности отдельных уездов или районов Московской губернии, практически не существовало. Среди подобных исследований можно назвать работу Ф.В. Бухгольца “Естественно-историческая коллекция графини Е.П. Шереметьевой в с. Михайловском Московской губернии. I. Гербарий. Список семенных и высших споровых растений”, представляющую собой список растений Подольского уезда Московской губернии⁵²⁶, работу Н. Мосолова “Дополнения к флоре Подольского уезда Московской губернии”⁵²⁷ и может быть еще несколько. Таким образом, подробный список растений отдельно взятой местности, в данном случае Можайского уезда, был достаточно редким явлением в России того времени. Поэтому неудивительно, что исследователи московской флоры использовали его в своих работах, а последующие библиографии содержат упоминание об этом издании⁵²⁸.

Историки науки XX в. очень высоко оценивали роль небольшого любительского кружка флористов, сложившегося в 80-е гг. при Московском университете, в который так или иначе входила и О.А., с членами которого она была знакома и сотрудничала. “Наряду с университетскими ботаниками развитию флористики и ботанической географии много содействовала московская группа флористов – “любителей”, – пишет С.Ю. Липшиц, –

---

⁵²⁴ *Петунников А.Н.* Критический обзор московской флоры. [Ч. 1] // Ботанические заметки, издаваемые при Ботаническом саде С.-Петербургского университета. 1896. Т. 6. Вып. 13.

⁵²⁵ *Петунников А.Н.* Критический обзор московской флоры. СПб., [1899]. С. 5; *Петунников А.Н.* Критический обзор Московской флоры (окончание). СПб., [б. г.]. С. VI.

⁵²⁶ *Бухгольц В.Ф.* Естественно-историческая коллекция графини Е.П. Шереметьевой в с. Михайловском Московской губернии. I. Гербарий. Список семенных и высших споровых растений. М., 1897.

⁵²⁷ *Мосолов Н.* Дополнения к флоре Подольского уезда Московской губернии // Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. Т. I. Вып. III. С. 121–124.

⁵²⁸ См., например: *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Флора и растительность Московской области (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. С. 75 (№ 131).

названная так потому, что в ее состав входили лица, не бывшие дипломированными учеными или непосредственно не связанные с Московским университетом. Многие из этих “любителей” с детства интересовались изучением родной природы, были натуралистами-автодидактами. Своими трудами они доказали плодотворность и важность любительского труда в флористике, некоторые из этих самоучек выработались в крупных ученых”⁵²⁹. Среди наиболее известных представителей этого сообщества были В.Я. Цингер, Д.А. Кожевников, Д.И. Литвинов, П.Ф. Маевский, Д.П. Сырейщиков. С.Ю. Липшиц указал на несколько характерных особенностей развития ботанических исследований в Москве того периода. “Подводя итоги деятельности Московского университета и группы “любителей-флористов” в области интересующих нас дисциплин (систематики, флористики и географии растений. – *О.В.*), – пишет он, – необходимо особо подчеркнуть: 1) роль Московского университета в создании русских кадров ботаников; 2) концентрацию внимания на изучении флоры, а впоследствии и растительности Средней России, в частности Московской губернии; 3) создание серии образцовых флор последней (подобных критических сводок не имел ни один университетский центр); 4) большую роль любительского труда в создании этих сводок и привлечении целых коллективов для собирания материалов...”⁵³⁰. Можно предположить, что О.А., которая в будущем стала автором целого ряда “образцовых флор”, хоть они по преимуществу и не относились к Средней России или Московскому региону, прошла прекрасную школу, работая в Ботаническом саду Московского университета.

Надо заметить, что помимо изучения флоры Можайского уезда (летом) и разбора университетских гербариев (зимой), в зимние месяцы в 80-е гг. XIX в. Ольга Александровна разбирала и приводила в надлежащий порядок свои старые гербарии. Например, она писала И.В. Мушкетову 10 марта предположительно 1881 г.: “Почти одновременно с вашим письмом от 6-го февраля я получила обратно из Московского университета свой Итальянский гербарий, который был отдан на хранение покойному профессору Кауфману на время нашего путешествия в Туркестан, и только теперь разыскался. Я так обрадовалась, что не могла оторваться от него, пока не разобрала и не привела в порядок. Вот почему только вчера отправила Вам наконец те брошюры и заметки покойного мужа моего, касающиеся Туркестана, которые

---

⁵²⁹ Липшиц С.Ю. Систематика, флористика и география растений // Очерки по истории русской ботаники. М., 1947. С. 43.

⁵³⁰ Там же. С. 45.

нашлись у меня и в изданиях Общества любителей естествознания...”⁵³¹.

В 1884 г. Ольга Александровна начала составлять полный каталог своего Туркестанского гербария, о котором мы упоминали выше. Эта сложная и кропотливая работа была окончена к 1886–1887 гг., хотя опубликованы результаты этого труда были значительно позже. “Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 г. О.А. Федченко”, содержащий 1527 видов растений, увидел свет только в 1902 г.⁵³² Тем не менее эта работа поддерживала в О.А. интерес к изучению флоры Туркестана и во многом определила направление ее будущих исследований.

В 1883 г.–1884 гг. А.А. Армфельд, старший брат О.А., был приглашен принять участие в экспедиции, организованной Министерством государственных имуществ с целью изучения состояния скотоводства в северных российских губерниях. Руководителем экспедиции стал знаменитый исследователь и путешественник А.Ф. Миддендорф. В 1883 г. экспедиция работала в Архангельской, Пермской, Вятской, Вологодской, Ярославской губерниях. Это была последняя экспедиция А.Ф.Миддендорфа – в 1884 г. из-за ухудшения состояния здоровья ему пришлось отказаться от этой работы, хотя деятельность экспедиции продолжалась, на этот раз на Урале⁵³³. Во время пребывания на Урале Александр Александрович не упустил случая собрать коллекцию растений для своей сестры. Так что в 1886–1887 гг. О.А., по ее собственным словам, “занималась определением растений Уральской области, собранных братом ее А.А. Армфельдом”⁵³⁴. Эта небольшая работа пробудила в О.А. интерес к флоре данного региона и, как и работа с Туркестанским гербарием, определила направление ее дальнейших исследований.

Таким образом, если летом О.А. можно было застать в Тропареве за разведением цветов, занятиями с сыном или сбором гербариев, то зимой ее можно было найти в Московском университете: в его Ботаническом саду и Зоологическом музее за разбором гербариев, установкой коллекций и пр. (так, она пишет, что осенью 1887 г. она “занималась установкой учебной коллекции Московского Зоологического музея”⁵³⁵) или во вновь построенном Политехническом музее, ставшем своеобразной штаб-квартирой ОЛЕАЭ.

⁵³¹ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 1.

⁵³² См. гл. 2, 3 наст. кн.: *Федченко О.А.* Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования.

⁵³³ См.: *Леонов Н.И.* Александр Федорович Миддендорф. М., 1967. С. 116–117.

⁵³⁴ *Богданов А.П.* Материалы... Л. 26.

⁵³⁵ Там же. Л. 26.

Но если научная жизнь Ольги Александровны в этот период складывалась достаточно успешно, хоть и несколько однообразно (если сравнивать с ее юностью), то этого нельзя сказать об обстоятельствах ее личной жизни, точнее, жизни ее семьи. После преждевременной смерти Николая Армфельда все помыслы семьи Армфельд были направлены на то, чтобы добиться облегчения участи Натальи Александровны Армфельд, заключенной в Карийскую каторжную тюрьму для политических ссыльных, в которой она находилась с начала 1880 г.⁵³⁶ После неудачи с организацией побега дочери Анна Васильевна Армфельд начала писать и подавать прошения с просьбой оказать снисхождение Наталье Александровне или хотя бы позволить ей самой поселиться поблизости от тюрьмы. 10 марта 1881 г. О.А. писала И.В. Мушкетову: “Очень жалею, что матери не удалось в прошлом году познакомиться с Вами и с Вашей женой. Может быть ей скоро опять придется ехать в Петербург, так как в прошлом году ей отказали в разрешении ехать на Кару и теперь она вновь подала прошение о том же. Она бы приехала и сама к Вам, если Вы были больны: жаль, что Вы поцеремонились”⁵³⁷.

Анна Васильевна подавала прошение генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину (1833–1900) – 9 марта 1882 г.; прошение на имя министра внутренних дел графа Д.А. Толстого (1823–1889) – 20 июня 1883 г. – и получила в ответ два отказа. 13 мая 1883 г. она подала прошение на имя государя, но ответа не дождалась. Но Анна Васильевна не прекращала попыток добиться разрешения на поездку к дочери. В апреле 1884 г. она рассказала о своей беде Л.Н. Толстому, который взялся помочь ей. “Я здесь столкнулся с старухой Армфельд, – писал Лев Николае-

---

⁵³⁶ Карийская каторжная тюрьма получила название по имени реки Кары, неподалеку от которой была расположена – Нерчинско-заводской округ Забайкальской области. Листок “Народной воли” за 1882 г. описывал это место следующим образом: “За 7.000 верст от нас, среди диких гор, покрытых непроходимой тайгой, расположены в котловине один за другим Карийские промыслы. Они следуют в таком порядке: Усть-Кара, где имеется телеграф и женская уголовная тюрьма; тут же и карцер для политических. В этом карцере побывали: Армфельд, Кравцов, Стеблин-Каменский, Давиденко, Янковский, Красовский и Феохари. За Усть-Карой – тюрьма для уголовных, потом Нижняя Кара; здесь живет заведующий рудниками и помещаются уголовные арестанты и политические женщины...” (Народная воля. Социально-революционное обозрение. 1882. № 8–9. 5 февраля. Тюрьма и ссылка // Литература партии “Народная воля”: “Народная воля”, “Листок Народной воли”, “Рабочая газета”, документы. М., 1930. С. 17–18). См. также: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. А–Е. М., 1929. Ст. 54–55.

⁵³⁷ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 3, 3 об.

вич 17 апреля 1884 г. графине А.А. Толстой⁵³⁸, – был у нея, расспрашивал про ее дочь, смотрел ее горе, и она рассказала мне, что она просилась жить подле дочери на Каре, но ей отказали (она подала прошение Государю), и что она хочет просить об этом Государыню. Я одобрил этот план; мне кажется, что если затронуть Императрицу, мог бы быть успех”⁵³⁹.

Л.Н. Толстой познакомился с опубликованными материалами по процессу Натальи Александровны, с ее письмами к матери и проникся искренней симпатией к молодой женщине: “Читал до 4 процесс Армфельд, – записал он в дневнике 10 апреля 1884 г. – Понял я тоже, что деятельность революционеров воображаемая, внешняя – книжками, прокламациями, к[оторые] не могут поднять. – И деятельность законная. Если бы ей не препятствовали, в ней не было бы вреда. Им задержали эту деятельность – явились бомбы”⁵⁴⁰. И продолжал 11 апреля 1884 г.: “Читал переписку Н[атальи] Арм[фельд]. Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый. – Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры. – Мы так одурели, что это выражение своих мыслей нам кажется преступлением”⁵⁴¹.

Таким образом, Лев Николаевич написал графине А.А. Толстой (после двухлетнего перерыва в их отношениях) и переслал ей очередное прошение Анны Васильевны с просьбой передать его Евгении Максимилиановне, принцессе Ольденбургской (1845–1925) с тем, чтобы она, в свою очередь, передала его Императрице⁵⁴². А.А. Толстая согласилась помочь, однако хлопоты долго ни к чему не приводили. В начале июня 1884 г. Л.Н. Толстой снова писал ей: “Очень благодарю вас и люблю за все, что вы делали для Армфельд. Я живо себе представил ваши труды и ваше разочарование... Благодарю вас от всей души”⁵⁴³.

Надо сказать, что сама Наталья Александровна ни в коей мере не пыталась облегчить свою участь. Примерно в это же самое время – в 1883 г. – несколько карийцев и в том числе Н.А. Армфельд получили предложение от властей “не желают ли они высказать раскаяния в своем прошлом ради возвращения им всех

---

⁵³⁸ Графиня Александра Андреевна Толстая (1817–1904) – двоюродная тетья Л.Н. Толстого, с 1874 г. служила статс-дамой при дворе императрицы Марии Федоровны.

⁵³⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 163.

⁵⁴⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 48. С. 80.

⁵⁴¹ Там же. С. 81.

⁵⁴² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 163.

⁵⁴³ Там же. С. 180.

прав”⁵⁴⁴. Н.А. Армфельд категорически отказалась: “Она искренно недоумевала, как могли обратиться к ней с подобным предложением”, – вспоминала ее подруга по каторге Е.К. Брешко-Брешковская⁵⁴⁵. 21 мая 1884 г. Л.Н. Толстой записал в дневнике: “Поехал к Армфельд. Дочь писала, что просьбы за нее оскорбляют ее. Это так и должно быть”⁵⁴⁶. Н.А. Армфельд произвела сильное впечатление на Льва Николаевича. И.М.Ивакин, работавший преподавателем в доме Толстых, 5 августа 1885 г. описал разговор, происходивший за обедом: “Не знаю, почему в конце вечера зашла речь о женских курсах. Лев Николаевич говорил, что хорошо то, что они дают девушкам оттенок простоты: в них уже нет заботы только о воротничках и тряпках. Я возразил, что они возбуждают другие, по-моему, худшие интересы, с подкладкой – Поссарт, Сальвини, книжки. Он согласился и сказал, что если между курсистками и заслуживают внимания, так это – Армфельд, Перовская и подобные им, но что другие, как только коснется дела, так и сходят на нет”⁵⁴⁷.

Тюрьма поглощала также немалую долю средств семьи, поскольку Анна Васильевна не ограничивалась помощью исключительно своей дочери, да и Наталья Александровна не согласилась бы ни на что подобное: “Всегдашняя забота Анны Васильевны Армфельд не только о своей дочери, но и об ее товарищах была известна и женской и мужской тюрьме, а потому все без исключения называли ее мамой, и это величание переходило от одних к другим заключенным. Анна Васильевна собирала в Москве деньги, книги, теплое белье – все необходимое как в тюрьмах, так и в вольной команде. Все свои личные средства она употребляла на улучшение жизни карийских каторжан”, – писала Е.К. Брешко-Брешковская, вспоминая в то же время, что сама Наташа вела крайне аскетический образ жизни и отказывалась практически от всего присланного из дома в пользу своих товарищей. – «Ей никогда ничего не хотелось, кроме чая и черного хлеба. Она даже уверяла, что ее организм лучше себя чувствует при такой постной пище. От молока, от сахара к чаю она всегда отказывалась... Что же касается одежды, то кроме арестантского холста и сукна она ничего не носила. Все, что присылала ее “мама”, а присылала она часто и помногу, Наташа преподносила товарищам, себе оставляя лишь

---

⁵⁴⁴ Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний... С. 199.

⁵⁴⁵ Там же. С. 199.

⁵⁴⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 48. С. 85.

⁵⁴⁷ Ивакин И.М. Толстой в 80-е годы // Литературное наследство. Лев Толстой. Кн. 2. М., 1961. С. 67.

английские книги, карандаши, рисовальную бумагу и краски, пока их не запретили»⁵⁴⁸.

Наконец, в начале 1885 г. Анна Васильевна получила долгожданное разрешение на поездку к дочери. Не побоявшись сложностей и трудностей пути, летом 1885 г. она отправилась в Сибирь. «От матери мы, время от времени, получаем известия; последнее было вчера, из Красноярска, от 12 июня: дорога отвратительная и она измучилась», – писала Ольга Александровна Е.В.Богдановой 8 июля 1885 г.⁵⁴⁹ По дороге на Кару Анна Васильевна не поленилась сделать приличный крюк и навестить давнюю подругу и соратницу Натальи Армфельд В.Н. Батюшкову-Цвилленеву, также отбывавшую ссылку вместе со своим мужем Н. Цвилленевым в Сибири, в с. Балаганск в 200 верстах от Иркутска. «Не могу обойти молчанием эпизод, который имел существенное значение в жизни В[арвары]Н[иколаевны], – вспоминал Н. Цвилленев. – Это приезд матери Наташи Армфельд, Анны Васильевны, в июне 1885 г. Через шесть лет после отправки дочери своей на Кару А.В. решила ехать к своей Наташе, чтоб хотя несколько летних недель пожить с ней вместе в так. наз. “вольной команде”⁵⁵⁰. И вот, совершив переезд в шесть тысяч верст, она, несмотря на усталость, решилась сделать еще сто шестьдесят верст лишних, чтоб повидать Варю Батюшкову с семьей, а потом, на Каре, рассказать своей Наташе о житье-бытье ее друга Вари. Анна Васильевна пробыла у нас несколько дней, отдохнула, даже побывала с женой моей у Евгении Николаевны Сажиной-Фигнер, которую В.Н. очень любила. На другой день А.В. отправилась в Иркутск, чтобы оттуда безостановочно доехать до Кары»⁵⁵¹.

Тем временем здоровье Натальи резко ухудшалось. Суровый климат, плохая одежда и еще худшее питание не могли не сказаться на здоровье даже такого сильного человека. «Совсем истощенная за время долгой тюрьмы, где она отказывалась питаться чем бы то ни было другим, кроме казенного обеда, состоявшего из похлебки и “дубовой” каши (грубая ячменная каша) и черного хлеба, Наташа сильно ослабела, – вспоминала Е.К. Брешко-Брешковская. – Еще до моего отъезда из тюрьмы (в 1884 г. – О.В.) внешний вид ее внушал серьезные опасения. Она сильно

---

⁵⁴⁸ Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний... С. 195.

⁵⁴⁹ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 813. Л. 1 об.

⁵⁵⁰ Как раз в 1885 г. Н.А. Армфельд выпустили из Карийской тюрьмы жить в так называемую “вольную команду”, т.е. в небольшой поселок здесь же, на Каре.

⁵⁵¹ Цвилленев Н. В.Н. Батюшкова-Цвилленева... С. 157–158.

похудела, цвет ее лица стал желтый, выглядела она много старше своих лет. Мы усиленно убеждали ее отказаться от ригоризма по отношению к питанию, но никакие просьбы, мольбы и даже упреки не могли подействовать на нее»⁵⁵². Анна Васильевна застала Наталью Александровну уже в вольной команде. Она купила для нее избушку, вместе со всем самым необходимым и корову, надеясь, что свежее молоко поможет восстановлению здоровья Наташи. Анна Васильевна прожила на Каре несколько месяцев. Как раз в это время в тех краях путешествовал американский журналист Кеннон, собиравший материал о положении политических ссыльных и каторжан в России для своей книги. Он тайком от властей посетил Наталью Армфельд в ее жилище, застав там и А.В. Армфельд. Кеннон подробно описывает эту встречу: Наталья Армфельд была единственным на всю Сибирь человеком, с которым он мог свободно говорить на своем родном языке. (См.: *Kennan G. Siberia and the exile system*. New York; Washington; London, 1970. P. 183–195).

По-видимому, летом следующего, 1886 года Анна Васильевна вновь навещала дочь (точную дату этой второй ее поездки в Сибирь установить не удалось). К этому времени Н.А. Армфельд уже вышла замуж за такого же, как и она, каторжанина, выпущенного в “вольную команду”, А.И. Комова. А.И. Комов был осужден по знаменитому процессу 193-х. «Анна Васильевна застала Наташу в вольной команде уже замужем за Комовым, судившимся по большому процессу 193-х и вторично по другому процессу, когда его приговорили к каторге, которую он отбыл и вышел в вольную команду почти одновременно с Наташей. “Мамá” устроила молодую чету со всем доступным там комфортом и вернулась в Москву в полной уверенности, что Наташа оправится, принесет ей внука, и счастливая бабушка последние дни своей многострадальной жизни узнает, наконец, что такое отдых от страданий и радость от счастливых событий», – писала Е.К. Брешко-Брешковская. Этому, однако, не суждено было сбыться.

Наталья Александровна действительно ждала ребенка. Но ее здоровье было слишком сильно подорвано, чтобы вынести еще и дополнительную нагрузку. Туберкулез легких стремительно развивался, забирая последние силы. А.В. Армфельд вновь хлопотала об облегчении участи дочери. В конце января 1887 г. Л.Н. Толстой писал графине А.А. Толстой: “Теперь просьба. У меня сидит А.В. Армфельд, которая едет в Петербург хлопотать о дочери. Помогите ей, что можете”⁵⁵³. Но эти хлопоты ни к чему не при-

---

⁵⁵² Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний... С. 206.

⁵⁵³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 64. С. 6.

вели. Здоровье самой Анны Васильевны оставляло желать лучшего.

В конце лета 1887 г. Н.А. Армфельд-Комова родила дочь. Опасаясь за жизнь ребенка, семья решила забрать девочку домой, в Москву, и послала для этого на Кару старую няню, Ларису Васильевну, которая когда-то нянчила юных Армфельдов. “Случилось нечто необычайно трагическое, – пишет Е.К. Брешко-Брешковская. – Не доехала Лариса Васильевна до Кары, как Наташа уже скончалась, по признанию докторов, от горловой чахотки. Вслед за нею больная Анна Васильевна умерла в Москве, не узнав о смерти своей дочери. Малютка же была настолько слаба, что едва Лариса Васильевна взяла ее на свое попечение и отъехала с нею от Кары два-три станка, как девочка скончалась, и пришлось вернуться с трупом на Кару, чтобы похоронить его рядом с матерью”⁵⁵⁴.

Н.А. Армфельд умерла на Каре в сентябре 1887. Точная дата ее смерти остается неизвестной⁵⁵⁵. А.В. Армфельд скончалась 7 февраля 1888 г.⁵⁵⁶ Не стоит и говорить о том, сколько горя эти события принесли последним оставшимся в живых членам семьи Армфельд. Как раз осенью 1887 г. вышел из печати 20-й юбилейный выпуск “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко”. Коллеги из ОЛЕАЭ, глубоко уважавшие и ценившие Ольгу Александровну, 15 октября 1887 г. поднесли ей “особо для нее изготовленный, с благодарственной надписью, экземпляр 20-го выпуска “Путешествия в Туркестан” как выражение глубокого уважения и признательности за ее почтенные, многолетние труды на пользу отечественного знания”⁵⁵⁷. Но уважение и поддержка друзей не могли облегчить горе и боль потери. “Вы меня извините, что Вам раньше не писала – много горя было”, – писала Ольга Александровна И.В. Мушкетову 7 ноября 1888 г.⁵⁵⁸

---

⁵⁵⁴ Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний... С. 206–207.

⁵⁵⁵ См.: Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. А–Е. М., 1929. Ст. 55.

⁵⁵⁶ См.: Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А–И. [М., 1914]. С. 61.

⁵⁵⁷ 25-летие ученой деятельности О.А. Федченко // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1889. Т. 35 (январь, февраль, март). С. 772.

⁵⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 10 об.

**Возвращение к активной
экспедиционной деятельности
в 90-е гг. XIX в.**

**Первая и вторая
южно-уральские экспедиции (1891–1892).
Изучение флоры Уфимской губернии**

В январе 1889 г. научное сообщество отметило 25-летие научной деятельности Ольги Александровны. По этому случаю “Исторический вестник” опубликовал краткую биографию О.А., с глубоким уважением перечислив ее научные заслуги⁵⁵⁹. 17 января 1891 г. по предложению М.А. Мензбира и Е.Д. Кислаковского О.А. была избрана действительным членом Московского общества испытателей природы – немалое достижение для любого российского натуралиста⁵⁶⁰. Однако несмотря на отношение к ней почти как к ветерану научной деятельности, Ольга Александровна считала, что еще рано уходить на покой и подводить итоги. Ее сын, Борис Федченко почти вырос: “Мой Борис – длинный гимназист, скоро с меня ростом будет”, – писала О.А. И.В. Мушкетову еще в 1888 г.⁵⁶¹ (здесь, однако, стоит учитывать, что О.А. и сама была роста немаленького, да и Алексея Павловича Федченко в этом отношении Бог не обидел); здоровье его поправилось, а детская страсть к путешествиям не иссякла. Лето 1890 г. стало последним, которое Ольга Александровна и Борис Алексеевич Федченко провели в Подмоскovie в тишине и спокойствии. “В начале 90-х годов, – пишет, видимо, Б.А. Федченко, – Ольга Александровна начала новый ряд поездок, с целью ботанических исследований в недостаточно исследованных местностях, уже в сопровождении сына. На первую очередь был поставлен Южный Урал...”⁵⁶². Тот самый Урал, откуда А.А. Армфельд привез для Ольги Александровны небольшой гербарий в середине 80-х гг. XIX в.

⁵⁵⁹ 25-летие ученой деятельности О.А. Федченко... С. 771–772.

⁵⁶⁰ Журнал заседания Императорского Московского Общества Испытателей Природы 17 января 1891 г. // Архив МОИП. Д. 647. Л. 3.

⁵⁶¹ ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 10 об.

⁵⁶² *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 93.

Начало исследования флоры Уфимской губернии относится к 30-м годам XVIII в. Первая работа, в которой упоминается данный предмет, появилась в печати в 1739 г.⁵⁶³ и представляла собой описание растений, собранных И.Г. Гейнцельманом во время его участия в Оренбургской экспедиции 1735–1737 гг. Амман, обработавший гербарий Гейнцельмана, упоминает четыре вида, несомненно встречающиеся на территории Уфимской губернии. Академик П.С. Паллас провел в этом краю осень и зиму 1769 г. и раннюю весну 1770 г., а также был проездом в 1773 г., на обратном пути из Сибири. В опубликованной работе “Reise durch verschiedene Provinzen”⁵⁶⁴. Паллас назвал более 80 редких и характерных видов, встречающихся на территории губернии. “Если прибавить к этому его общие замечания о характере растительности и вспомнить, что до Палласа было указано всего 4 вида растений Уфимской губернии, то будет понятно, как велико значение путешествия Палласа для истории изучения интересующей нас флоры”, – писала Ольга Александровна⁵⁶⁵. В XVIII в. ботанические исследования на территории губернии предпринимали также академик И. Лепехин (1769 г.) и адъютант академии Георги (1773 г.). Следующее значимое исследование принадлежит Х.Ф. Лессингу, посетившему Уфимскую губернию летом 1832 г. и совершившему восхождение на гору Иеремель. Ольга Александровна очень высоко отзывалась о результатах его работы: “В свое время работа этого ученого⁵⁶⁶ имела очень большое значение, но и теперь не потеряла своей цены, так как представляет деление всего Южного Урала на растительные области; вообще, Лессинг изучал нашу флору не только с точки зрения систематического ее состава, но также обращал внимание и на распределение растений”⁵⁶⁷. Г.Е. Шуровский внес свой вклад в изучение предмета во время своего уральского путешествия, посвященного, правда, главным образом исследованию геологии Урала⁵⁶⁸. В последующие годы сбором гербариев и изучением флоры губернии занимались как любители, так и профессионалы (отечественные и зарубежные), в том числе А. Леман, доктор Базинер,

⁵⁶³ *Amman J.* Stirpium rariorum in imperio rutheno sponte provenientium icons et descriptions. Petropolitae, 1739.

⁵⁶⁴ *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. B. 1–3. St.-Petersburg, 1771–1776.

⁵⁶⁵ *Федченко О.А., Федченко Б.А.* Материалы для флоры Уфимской губернии. М., 1893. С. 8.

⁵⁶⁶ Имеется в виду: *Lessing C.F.* Beitrag zur Flora des südlichen Urals und der Steppen // *Linnaea*. 1834. B. IX. N. 2. P. 145–213.

⁵⁶⁷ *Федченко О.А., Федченко Б.А.* Указ. соч. С. 9.

⁵⁶⁸ *Шуровский Г.Е.* Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. М., 1841.

К.Ф. Мейнсгаузен, доктор Герман, В.С. Лосиевский, академик Ф.И. Рупрехт, Ю. Шелл. В 80-е – начале 90-х гг. здесь работали С.И. Коржинский, А.А. Антонов, А.А. Морозов, Н.А. Буш, Д.И. Литвинов и А.Я. Гордягин. Тем не менее некоторые из собранных данных так никогда и не были опубликованы или по разным причинам издания эти не были доведены до конца, другие относились к более обширным областям нежели Уфимская губерния, а для этой последней содержали только несколько видов, третьи содержали сомнительные сведения. Многие собиратели растений не указывали точное место и время сбора, что сильно снижало ценность полученных ими результатов. Таким образом, к 1891 г. перед ботаником, пожелавшим изучать флору и растительность Уфимской губернии, лежало широкое поле деятельности.

29 мая 1891 г. Ольга Александровна и Борис Алексеевич Федченко, запасшись рекомендательными письмами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, выехали из Москвы, а “4 июня, – пишет Ольга Александровна, – уже изучали флору окрестностей г. Бирска, Уфимской губернии, именно в высшей степени замечательный состав флоры заливных лугов р. Белой”⁵⁶⁹. Пробы в окрестностях Бирска до 8 июня, путешественники отправились в Уфу. В течение 3-х дней – 9–10 июня они исследовали флору окрестностей Уфы, после чего направились в Златоуст. По дороге они сделали остановку и провели три дня на станции Миньяр Самаро-Златоустовской железной дороги, изучив окрестности Миньярского завода. Две недели – с 15 по 28 июня – мать и сын Федченко прожили в Златоусте. За это время они совершили восхождение на горы Косотур (15–16, 19, 21 июня), Сорочья (22 июня), Большой Таганай (23 июня); экскурсировали в парке Фрейденталь (17 июня), на покосах, расположенных по реке Тесьма (18 июня), в хвойных лесах за этой же рекой (20 июня), возле станции железной дороги (21 июня) и в окружающих ее лесах (25–26 июня), в окрестностях самого Златоуста (24 июня), а также в Ветлуге, предместье Златоуста (27–28 июня). 29 июня было совершено восхождение на Александровскую сопку, после чего путешественники отправились обратно в Уфу, по дороге останавливаясь для проведения экскурсий на станциях Тундуш (30 июня), Бердяуш (1 июля) и Усть-Катав, обследовав окрестности Усть-Катавского завода (2–6 июля). Прибыв в Уфу, они провели еще шесть дней, собирая гербарные коллекции в самом городе и его окрестностях (7–12 июля), и, наконец, 13 июля, уже по дороге в Самару, оста-

---

⁵⁶⁹ Федченко О.А., Федченко Б.А. Указ. соч. С. 1.

новились на сутки на станции Белебей-Аксаково. 14 июля путешественники покинули пределы Уфимской губернии.

Таким образом, в целом экспедиция заняла около полутора месяцев. Следует однако учитывать, что это была первая длительная поездка Ольги Александровны после 1873 г., а Борис Алексеевич все еще учился в гимназии и не мог опаздывать к началу учебного года. Несмотря на краткость, путешествие оказалось весьма результативным. За время, проведенное в Уфимской губернии, О.А. с сыном собрали весьма значительный гербарий и сделали целый ряд фотографий. Московские ученые с доброжелательной заинтересованностью восприняли возвращение Ольги Александровны к экспедиционной деятельности. Д.Н. Анучин, избранный в 1890 г. президентом ОЛЕАЭ, например, писал ей 8 октября 1891 г.: "...15-го октября, в годичном собрании Общ[ества] л[юбителей] е[стествознания], выставляются коллекции, собранные членами Общества за год. Нынешний год имеют быть также выставлены коллекции, собранные зоологич[еским], антропол[огическим] и этногр[афическим] отделениями, но кроме того я имею в виду выставить еще и коллекции, собранные географ[ическим] отделением. ...именно: фотографии и некот[орые] коллекции, собранные А.П. Павловым (Кавказ); Г.И. Куликовским (Олонецкая губ.); ... А.А. Ивановским (Москов. губ.)... Было бы очень желательно если бы и Вы нашли возможным выставить собранные Вами фотографии, гербарий и т. д., чем заявили бы о Ваших трудах и, возможно тем, сделали бы честь [Обществу] и его географ[ическому] отделению"⁵⁷⁰.

Сама же Ольга Александровна считала, что собранных материалов было недостаточно для того, чтобы делать какие-либо выводы или обобщения. "Флора Уфимской губернии настолько богата и разнообразна, что в 6 недель мы слишком мало могли ознакомиться с нею", – писала она⁵⁷¹. Поэтому на лето следующего, 1892 г., О.А. запланировала еще одну, на этот раз более длительную, экспедицию для изучения флоры Уфимской губернии. Планировалось исследование местности не только в районах, соприкасавшихся с железной дорогой, но и менее доступных территорий. Таким образом, после зимы, проведенной за разбором собранных коллекций, Ольга Александровна и Борис Алексеевич в сопровождении энтомолога С.Г. Григорьева (будущего профессора Московского университета), который потом помимо энтомологических исследований, случалось искал (и находил) редкие растения, выехали из Москвы 3 июня 1892 г. и при-

---

⁵⁷⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 8. Л. 3, 3 об.

⁵⁷¹ Федченко О.А., Федченко Б.А. Указ. соч. С. 1.

были в Уфимскую губернию 7 июня. Остановившись на три дня в г. Белебей, они сделали несколько экскурсий в его окрестностях (7–9 июня). Место заинтересовало О.А. в частности потому, что здесь, как она отмечала, “сходится степь с листовными лесами”⁵⁷². Из г. Белебея экспедиция направилась на север, к деревне Кармалы (10 июня), а оттуда через деревню Колны к озеру Асли-куль (11 июня). “Возле озера Асли-куль раскинулась чудная луговая и ковыльная степь, которая в то время находилась в полном цвету”, – пишет О.А.⁵⁷³ От озера путешественники повернули к станции Давлеканово и по железной дороге добрались до Уфы.

Экспедиция задержалась в Уфе на 4 дня, за которые она обзавелась необходимыми для разъездов документами. Тогдашний уфимский губернатор Л.Е. Норд, а также Уфимская Земская управа сделали все необходимое, и уже 16 июня экспедиция продолжила путь. “Из Уфы мы поехали на юг, на лошадях, в д[еревню] Кармаскалы и Табынск, где ознакомились с флорой долины р. Белой, затем на Богоявленский завод, – здесь граничит листовный лес с форпостами степей. То же можно сказать и о д[еревне] Макарово, откуда мы доехали до д[еревни] Колгунино, углубившись таким образом в лесную область. Затем мы повернули назад, доехали до Стерлитамака, обследовали крайне интересную флору горы Туратау (по местному “Шихан”) в окрестностях этого города и продолжали ехать дальше на запад до станции Раевки, откуда по железной дороге вернулись в Уфу”, – рассказывает О.А.⁵⁷⁴ Путешественники вернулись в Уфу 29 июня, проведя в разъездах тринадцать дней. А уже в ночь на 2 июля О.А., Б.А. и сопровождавший их на этот раз Л.П. фон Берггольц выехали по железной дороге к Златоусту, вышли на станции Вязовой и оттуда отправились в сторону горы Иеремель. 4 июля 1892 г. было совершено восхождение на нее. Ольга Александровна относила ее к Оренбургской губернии, из-за чего описание этого восхождения впоследствии не вошло в изданную работу, посвященную исключительно флоре Уфимской губернии.

“В Уфимской же губернии, – продолжает О.А., – мы осмотрели окрестности деревень Тюлюк и Александровки, а затем направились к Катав-Ивановскому заводу, совершив по дороге восхождение на Зигальгу. Из Катав-Ивановского переехали в Юрезанский завод и затем на станцию Вязовую и в Златоуст. Возле Златоуста сделали несколько экскурсий, между прочим, восхож-

---

⁵⁷² Там же. С. 1.

⁵⁷³ Там же. С. 2.

⁵⁷⁴ Там же. С. 2.

дение на Голую гору в хребте Уренги, вместе с Д.И. Литвиновым и А.Я. Гордягиным. Из Златоуста съездили в Мисск (Оренб[ургской] губернии), а затем проехали по лесостепной области, именно, от станции Мурсалимкино до д[еревни] Лагирево, на горящую гору Янган-тау, в д[еревни] Мосегутово, Дуван-Мечетлино, Медятово, Леузы и на станцию Сулею, откуда вернулись в Уфу”⁵⁷⁵. Пробыв в Уфе два дня (29–30 июля), О.А. и ее спутники снова отправились в путь. Добрались по железной дороге до станции Раевка, откуда проследовали далее верхом до деревни Мекашево. В этом районе исследователи изучали солончаки в окрестностях озера Каталагаз – “небольшого степного озера с солоноватогорькой водой, лежащего в котловине между холмами”, – как отмечала О.А.⁵⁷⁶ Далее их путь лежал на Усень-Ивановский завод и, наконец, на станцию Белебей-Аксаково, куда экспедиция прибыла 4 августа 1892 г. В тот же день они покинули пределы Уфимской губернии, проведя в ней почти два месяца, преодолев верхом на лошадях, по подсчетам Ольги Александровны, 1063 версты⁵⁷⁷ и совершив несколько восхождений. Вернувшись домой, Ольга Александровна приступила к обработке и описанию собранных материалов. Хочется отметить лаконичность стиля О.А. В нем нет ничего лишнего. Она сообщает маршрут экспедиции, иногда указывает на наиболее интересные особенности местной растительности, но никаких деталей, отступлений или пространных описаний в ее работах не найти.

О.А. была довольна как самой поездкой, так и полученными результатами. Действительно, имея за плечами 47 прожитых лет, она держалась наравне со своими молодыми спутниками, не только не отставая от них, но и задавая им темп, преодолевала даже самые сложные участки пути и совершила несколько восхождений. При этом оказалось обследованным практически все многообразие растительности Уфимской губернии и некоторых прилегающих к ней территорий, в том числе флора и растительность степей, лесостепей, лесов, а также высокогорий. Почти пятнадцать лет спустя и еще после нескольких не менее сложных экспедиций Б.А. с гордостью писал об их с мамой поездках на Южный Урал: “Особенно подробно была обследована Уфимская губерния, где исследования производились во всех уездах (кроме Мензелинского), от степей до вершин высочайших гор – Таганая, Уреньги (и, уже в соседней Оренбургской губернии, Иеремеля). Результатом явился полный свод сведений по флоре Уфимской

---

⁵⁷⁵ Там же. С. 2.

⁵⁷⁶ Там же. С. 2.

⁵⁷⁷ Там же. С. 16.

губернии, причем исследованиями Ольги Александровны были внесены существенные дополнения”⁵⁷⁸.

По возвращении Ольга Александровна предполагала выступить на заседании ОЛЕАЭ с изложением результатов экспедиции. “...Позволяю себе осведомиться у вас, остались ли Вы при прежнем намерении сделать сообщение о Вашей последней поездке на Иеремель и т. д., и притом где, в географическом ли отделении или в заседании Общества, – интересовался у нее Д.Н. Анучин 11 февраля 1893 г. – Если сообщение будет иметь, по преимуществу, географический характер, то, конечно, лучше в отделении, если же оно более ботанического содержания, то можно было бы и в Обществе. ...Если надумаете, благоволите уведомить, сообщив заглавие, приблизительное содержание и величину реферата, а также к какому времени он у Вас будет готов, чтобы принять все это в соображение”⁵⁷⁹. Однако работа над книгой о флоре Уфимской губернии настолько поглотила внимание О.А., что она не хотела оторваться от нее даже на несколько дней, тем более, что у нее уже имелись планы на будущее лето: “Уже весна на дворе, и мысли невольно обращаются к будущему лету и предстоящей в течение его новой экскурсии, – отвечала она Дмитрию Николаевичу, – а между тем обработка ботанического материала, собранного нами за два последние лета, даже еще не закончена. При всем желании и старании покончить со всеми недочетами по этой части не знаю, успею ли это сделать до отъезда из Москвы, даже посвящая этому делу, как теперь, все свое время; прерывать же его на несколько дней, необходимых для приготовления сообщения о поездке на Иеремиль, в настоящее время не вижу возможности. Надеюсь, что Вы не посетуете на меня за это, потому что в рефератах для заседаний как Общества, так и географического] отд[еления] его, недостатка, разумеется, быть не может...”⁵⁸⁰.

Обрабатывая собранный ею и ее сыном ботанический материал, Ольга Александровна изучила всю существующую литературу по флоре Уфимской губернии, провела немало времени, справляясь с гербариями Московского университета. Профессор И.Н. Горожанкин оказывал ей помощь и поддержку в этих исследованиях. Она также обращалась за содействием и консультациями к специалистам-ботаникам. Так, семейство *Rosa* из коллекции О.А. было определено господином Ф. Крепиным (F. Crepin) из Брюсселя, С.И. Коржинский (С.-Петербург) определил часть

---

⁵⁷⁸ Липский В.И. Указ. соч. С. 93.

⁵⁷⁹ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 12, 12 об.

гербария и проверил некоторые определения, сделанные О.А., Д.И. Литвинов просмотрел большую часть собранных цветковых растений и высказал свои замечания; определением мхов занимался Э.В. Цикендрат, определение *Characeae* взял на себя А.П. Артари, а паразитных грибов – проф. Магнус (Берлин). Ольга Александровна была искренне признательна и благодарна за оказанную помощь. Тем не менее она с грустью признавала, что в настоящее время не имела возможности “издать ботанико-географический очерк Уфимской губернии”⁵⁸¹.

Однако уже в 1893 г. она совместно с Борисом Алексеевичем выпустила в свет работу под названием “Материалы для флоры Уфимской губернии”⁵⁸². Книга представляла собой список растений Уфимской губернии. Кроме растений, собранных самой О.А. и ее сыном – около 900 видов, из которых до 150 указывались впервые, – список содержал “все имеющиеся в литературе указания на растения Уфимской губернии”⁵⁸³. В целом 1014 видов растений, “которые представлялись нам достоверными”, – писала О.А., объясняя, что оставила незанумерованными те растения, которые вызывали сомнения, “желая обратить особое внимание будущих исследователей флоры Уфимской губернии на формы, оставшиеся незанумерованными, существование которых в Уфимской губернии представляется более или менее сомнительным”⁵⁸⁴. Хотя О.А. и не написала ботанико-географический очерк Уфимской флоры, она не могла не составить некоторых примечаний и пояснений к списку. Для каждого упомянутого вида она указала места распространения (по уездам), место и время сборов, а также имена коллекторов. Она скрупулезно отметила те растения, которые они сами собрали в указанных местах, и те, которые видели только в гербариях. Она также привела время цветения растений, исходя из своих личных наблюдений, и распределение растений по областям. При этом О.А. принимала следующее деление растительности Уфимской губернии по областям: 1) альпийскую область, расположенную выше лесного предела и наблюдающуюся на горах Зигальге, Нургуше, Голой, Таганае и “может быть на некоторых других”; 2) лесную область, состоящую из двух полос: полосы хвойных лесов и полосы лиственных лесов; 3) лесостепную область, являющуюся, по мнению О.А., продолжением такой же области Пермской губернии и распространяющуюся на северо-западную часть Златоустовского

⁵⁸¹ Федченко О.А., Федченко Б.А. Указ. соч. С. 3.

⁵⁸² Федченко О.А., Федченко Б.А. Материалы для флоры Уфимской губернии. М., 1893.

⁵⁸³ Там же. С. 2.

⁵⁸⁴ Там же. С. 3.

уезда; 4) степную область, расположенную “к югу от линии, проведенной Коржинским, через д[еревню] Ляки (Менз[елинский] у[езд]), к р. Белой, вдоль Белой, к югу”, – писала О.А. и добавляла: “но дальше, в Стерл. у[езде], эта линия переходит, по нашему мнению, через р. Белую и идет параллельно этой реке. Нам удалось найти в степной области (и притом, близ границы лесов) формацию солончаков, что придает этой области еще больше типичности”⁵⁸⁵. Списку также предшествовал подробный критический очерк истории изучения флоры Уфимской губернии, перечень существовавшей литературы по данной проблеме, а также подробный, снабженный точными датами “список местностей Уфимской губернии”, посещенных авторами книги в 1891 и 1892 гг.

Эта первая совместная работа О.А. и Б.А. Федченко стала уникальной сводкой по флоре Уфимской губернии. При этом в ней продемонстрированы те качества, которые впоследствии так высоко ценились во всех флорах Ольги Александровны: неизменная тщательность и скрупулезность в определении растений, внимательная работа с литературными источниками, неизменная щепетильность в отношении места и времени сбора растений, периода цветения и пр. В этом проявились не только присущие Ольге Александровне добросовестность, тщательность и внимание к самым мелким деталям, но и, по нашему мнению, влияние научной традиции, сложившейся при участии ботаников-любителей, собиравшихся вокруг Ботанического сада Московского университета. “Материалы для флоры Уфимской губернии” считаются совместной работой О.А. и ее сына, только что (в 1892 г.) закончившего с золотой медалью 1-ю московскую гимназию и поступившего в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где он проводил большую часть времени в лаборатории профессора И.Н. Горюжанкина. Это была первая из целого ряда их совместных работ. Ниже мы будем говорить о том, что научное сотрудничество Ольги Александровны и Бориса Алексеевича всегда было на редкость успешным: они прекрасно понимали и дополняли друг друга. Тем не менее, иногда трудно оценить степень участия каждого из них в том или ином исследовании. Особенно это относится к их ранним работам. Так, не подлежит сомнению, что ботанические коллекции, легшие в основу “Материалов для флоры Уфимской губернии”, собирались ими совместно, но определить степень участия каждого автора в обработке и описании материала достаточно трудно. Например, характерный стиль предисло-

---

⁵⁸⁵ Там же. С. 3.

вия выдает руку Ольги Александровны. В то же время следует учесть, что сам объем работы, точность и тщательность с которой она была проделана, указывают на исследователя более опытного и имеющего больше свободного времени, чем занятый учебой студент первого курса. Ведущую роль О.А. в этом исследовании трудно подвергнуть сомнению. Тем более несправедливым кажется небрежное упоминание об этом Р.Ю. Рожевица, биографа Б.А. Федченко: “Начиная с... 1891 г., Б.А. начинает свои исследования в более отдаленных районах: в 1891–1892 гг., вместе с Ольгой Александровной, он предпринимает ботаническую поездку в Поволжье и Южный Урал. Результатом этих двух поездок, ознакомивших его с Башкирией, явилась его первая и притом крупная, вызвавшая одобрение академика С.И. Коржинского, ботаническая работа: “Материалы для флоры Уфимской губернии”, написанная совместно с О.А. Федченко. Кроме того, ознакомление с Уралом явилось поворотным моментом в научной работе Б.А., так как с этого времени он почти полностью отходит от энтомологии и переключается на ботанику”⁵⁸⁶. Работа действительно вызвала интерес у научного сообщества, причем не только отечественного, но и зарубежного. Уже в 1894 г. она была переиздана в серийном издании Московского общества испытателей природы “Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи”⁵⁸⁷. “Материалы для флоры Уфимской губернии” – одна из двух работ О.А. Федченко, включенных в знаменитую, издававшуюся в Кембридже “The Bradley bibliography: A Guide to the literature of the woody plants of the world published before the beginning of the twentieth century”⁵⁸⁸. Современные ботаники также находят нужным включать ее в библиографические пособия по отечественной ботанике, как, например, С.Ю. Липшиц в работе “Литературные источники по флоре СССР” (№ 1132)⁵⁸⁹.

---

⁵⁸⁶ *Рожевиц Р.Ю.* Борис Алексеевич Федченко (Биографический очерк) // Советская ботаника. 1940. № 3. С. 5.

⁵⁸⁷ *Федченко О.А., Федченко Б.А.* Материалы для флоры Уфимской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отделение ботаническое. 1894. Вып. 2. С. 55–437.

⁵⁸⁸ The Bradley bibliography: A Guide to the literature of the woody plants of the world published before the beginning of the twentieth century / Compiled at the Arnold Arboretum of Harvard University under the direction of the Charles Sprague Sargent by Alfred Render. Vol. I: Dendrology. Part. I. Cambridge, MCMXI. P. 366.

⁵⁸⁹ *Липшиц С.Ю.* Литературные источники по флоре СССР. Л., 1970. С. 103.

Исследования флоры Крыма и Кавказа (1893–1894)

Лето 1893 г. О.А. и Б.А. Федченко провели в Крыму, отправившись туда по поручению Московского общества испытателей природы и обследовав практически весь полуостров. Их коллегой и спутником в этих путешествиях был С.Н. Милютин, начавший свои исследования еще до приезда О.А. и Б.А. Ольга Александровна и ее коллеги смогли “познакомиться с флорой всех растительных зон практически всего [полу]острова и собрать гербарий, содержащий более 1000 экземпляров местных растений”⁵⁹⁰, причем путешественники старались посещать мало обжитые районы. Борис Алексеевич Федченко впоследствии упоминал, что было собрано всего 1120 видов растений⁵⁹¹. По результатам наблюдений растительности различных обследованных местностей Ольга Александровна выделила следующие области, растительность которых имела свои характерные признаки: 1) крымские степи, хотя коллекции степной растительности оказались неполными и не были включены в последующую публикацию; 2) северные склоны Крымских гор, на которых О.А. различала зону дубовых рощ и зону буковых рощ с постепенным переходом к степи; 3) окрестности Севастополя, растительность которого выказывала признаки сходства с растительностью северных горных склонов, в то время как флора некоторых его районов, в т.ч. Балаклавы, окрестностей монастыря Святого Георгия, показывала сходство с растительностью Южного берега Крыма; 4) плоские, лишенные деревьев, плато (Ла Йаила) и вершины гор, которые протянулись от Ласпи до Судака; 5) Южное побережье, территория от Ласпи до Алушты, по мнению О.А., могла быть разделена на несколько зон: зоны буковых рощ, зоны сосновых рощ, зоны дубовых рощ, а также зоны различной зеленой растительности; и, наконец, 6) Судак и Феодосия – Восточная часть южного склона гор, которая, по наблюдениям исследователей, “своей растительностью отличается от зоны, которую мы называем южным побережьем”⁵⁹².

Обработка и определение собранных в Крыму материалов несколько задержались. Начало списка крымских растений увидело свет только в 1899 г. под названием “*Matériaux pour la flore de*

⁵⁹⁰ *Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Tire a part du Bulletin de L’Herbier Boissier. Seconde série. Année 1901. Tome I. Genève, 1901. P. 799.*

⁵⁹¹ [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко // Изв. Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 98.

⁵⁹² *Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée. P. 799.*

la Crimée” в издававшемся в Женеве журнале “Bulletin De l’Herbier Boissier”; издание продолжалось в течение шести лет, вплоть до 1905 г.⁵⁹³ Кроме растений, собранных лично О.А. и Б.А., в нем были указаны некоторые экземпляры, привезенные из Крыма в 1895–1898 гг. А.Н. Арсеньевым и весной 1897 г. Чебриковым. В списке приводится место и время сбора каждого растения, цветение или наличие плодов, имя коллектора. Во время обработки гербария Ольга Александровна проводила много времени в Ботаническом саду Московского университета, что позволило ей использовать крымские растения, хранившиеся в его коллекциях. В свою очередь Московский университет получил возможность включить эту работу в библиографию исследований, выполненных в Ботаническом саду университета⁵⁹⁴. К сожалению, “Matériaux pour la flore de la Crimée” никогда не издавались в России, что сильно затруднило их использование для отечественных ботаников, хотя и не делало его совершенно невозможным, о чем свидетельствует включение работы в различные библиографические списки как текущей ботанической библиографии XIX в., так и ретроспективных работ века XX⁵⁹⁵.

Ранней весной 1894 г. Ольга Александровна направилась в окрестности подмосковного Серпухова, где и провела шесть недель, исследуя местную флору. Вообще так называемая “окская флора”, под которой подразумевалась флора “остепененных прибрежных участков Оки, резко отличающаяся от флоры окружающих районов и всей остальной территории Подмосковья”⁵⁹⁶, в этот период привлекала внимание многих московских ботаников. И.Н. Горожанкин направлял на ее исследование своих учеников, что способствовало развитию исследований в данной области. Современные историки науки считают, что исследования “окской флоры”, развернувшиеся в конце XIX – начале XX в., имели “большое значение для изучения растительного покрова

---

⁵⁹³ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Bulletin De l’Herbier Boissier. 1899. Т. VII. № 11 (Novembre). P. 799–816; Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Tire a part du Bulletin de l’Herbier Boissier. Seconde série. Т. I. Genève, 1901. P. 367–394; Т. II. Genève, 1902. P. 1–23, 783–800; Т. IV. Genève, 1904. P. 373–388, 564–579, 1181–1196; Т. V. Genève, 1905. P. 621–638.

⁵⁹⁴ См.: Ботанический сад Московского университета. 1706–1981. (Библиография) / Сост. И.И. Кропотова, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров. М., 1981. С. 30.

⁵⁹⁵ См., например: Библиография // Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 1. С. 82; *Липищи* С.Ю. Литературные источники по флоре СССР... С. 139.

⁵⁹⁶ Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Флора и растительность Московской области (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. С. 33.

Московской области с фитогеографической стороны”⁵⁹⁷. Впервые на особенности флоры данного района обратил внимание еще Н.Н. Кауфман, позднее этим вопросом интересовались Ф.И. Рупрехт, Д.И. Литвинов, В.Я. Цингер, С.Н. Милютин, А.Ф. Флеров и др.⁵⁹⁸ Ольга Александровна не осталась в стороне от изучения этой темы. Весной 1894 г. ей удалось выявить и записать около 400 видов флоры, распространенной в окрестностях Серпухова, а также засушить растения, время цветения которых приходится на этот период. Между этими растениями, по мнению как самой О.А., так и ее коллег, “наиболее интересными для Окской флоры являются *Isatis tinctoria* L. и *Populus nigra* L., не указанные раньше в ботанической литературе по Московской губернии”⁵⁹⁹.

Но, казалось, ничто не могло удержать Ольгу Александровну в Подмоскowie на целое лето. Июнь и июль 1894 г. О.А. и Б.А. Федченко провели, путешествуя по Кавказу и Закавказью. “В период лета 1894 года у нас появилась возможность совершить довольно продолжительную поездку на Кавказ и посетить места с очень разнообразной и характерной флорой”, – писала О.А. в предисловии к опубликованной впоследствии флоре Кавказа⁶⁰⁰. Поездка началась с подробного изучения растительности предгорий Северного Кавказа. Особенно внимательно были осмотрены окрестности различных минеральных источников, в частности, вблизи Кисловодска. Здесь же путешественники исследовали горные луга и, затем, буковые леса на Черных горах неподалеку от Владикавказа. Далее Ольга Александровна с сыном направились в окрестности Петровска (Петровск-Порт)⁶⁰¹, расположенного на побережье Каспийского моря. По замечанию О.А., растительность в этом месте ко времени их экспедиции “сохранилась, главным образом, на дюнах по берегу Каспийского моря”⁶⁰². Вернувшись во Владикавказ, они направились по Военно-Грузинской дороге, через Кавказский хребет в Тифлис. Во время этой поездки О.А. и Б.А., по их собственным словам, “имели возможность наблюдать альпийский район Кавказа (на

---

⁵⁹⁷ Там же. С. 33.

⁵⁹⁸ Подробнее об этом см.: Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Указ. соч. С. 33–39.

⁵⁹⁹ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1893–1894 год. М., 1894. С. 14.

⁶⁰⁰ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Tire a part du Bulletin de L’Herbier Boissier. Seconde série. T. I. Genève, 1901. P.765.

⁶⁰¹ С 1923 г. – Махачкала.

⁶⁰² Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1893–1894 год... С. 14.

леднике Девдорак и около ущелья Крестовый)»⁶⁰³. Ольга Александровна позднее отмечала в отчете, что она получила возможность «ознакомиться довольно обстоятельно с флорой попутных мест и близлежащего Девдоракского ледника»⁶⁰⁴. Время, проведенное в Закавказье, по мнению участников экспедиции, «тоже было очень интересным и плодотворным»⁶⁰⁵. Ко времени их прибытия в Мцхет и Тифлис растительность в этих местах уже сильно выгорела. Поэтому из Тифлиса они совершили поездку на Гокчайское озеро. В пути они собрали обширный и интересный гербарий как по дороге к озеру, так и на альпийских лугах, раскинувшихся вокруг него. После посещения озера Ольга Александровна предприняла несколько поездок в Западном Закавказье: посетила и обследовала районы вокруг Боржома и Батума, закончив экскурсии в Новороссийске⁶⁰⁶. Эти поездки оказались особенно успешными, поскольку во время них, как с гордостью отмечала О.А., было «найденно несколько растений, еще недавно указывавшихся только для Крыма, например: *Sideritis taurica* M.B.»⁶⁰⁷

Во время экспедиции был собран обширный гербарий, составлявший по подсчетам О.А. более 1000 видов, в том числе несколько видов ранее не указывавшихся для Кавказа⁶⁰⁸. Борис Алексеевич Федченко впоследствии упоминал, что всего было собрано 1430 видов⁶⁰⁹. В целом Ольга Александровна осталась довольна результатами этой поездки. Ей удалось посетить «все области и губернии, кроме Карской»⁶¹⁰. Она отмечала, что «Обширный гербарий, собранный на Кавказе и в Закавказье... представляет хороший материал как для сравнения флоры Кавказа с флорой Крыма, так и для более подробной обработки некоторых отдельных групп»⁶¹¹. Понадобилось несколько лет, чтобы обработать и опубликовать собранные во время этой экспедиции материалы. Первая

---

⁶⁰³ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase... P. 765.

⁶⁰⁴ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1893–1894 год... С. 14.

⁶⁰⁵ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase... P. 765.

⁶⁰⁶ И О.А.Ф. (см. выше), и В.И. Липский относят Новороссийск к Закавказью. См.: Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. // Тр. Тифлисского ботанического сада. 1899. Вып. IV. С. 557–558.

⁶⁰⁷ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1893–1894 год... С. 14.

⁶⁰⁸ Там же. С. 14–15.

⁶⁰⁹ [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко... С. 98.

⁶¹⁰ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 93.

⁶¹¹ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1893–1894 год... С. 14–15.

часть списка “Matériaux pour la flore du Caucase”, подготовленная совместно Ольгой Александровной и Борисом Алексеевичем, увидела свет в 1899 г. в том же самом Женевском журнале “Bulletin De l’Herbier Boissier”, что и “Matériaux pour la flore de la Crimée”⁶¹². Как и для “Matériaux pour la flore de la Crimée” в “Matériaux pour la flore du Caucase” для каждого вида указывалось место и время сбора, имя коллектора, наличие плодов. Помимо собственноручно собранных растений, при подготовке этой работы было использовано несколько небольших коллекций, находившихся в распоряжении исследователей, в том числе растения, собранные г-ном Анисимовым в Дагестане в 1888 г., в районах Авары и Темирхан-Куры; растения, собранные А.Ф. Флеровым во время его похода на ледник Тсеи в 1893 г.; растения из Алагеза, предоставленные господином Горошченко; растения Ивановского с Арарата и озера Гокча, сбора 1893 г.; а также В.Ф. Капелькина, собранные им в 1894 г. в окрестностях Владикавказа и на леднике Бат. При определении видов, как обычно, Ольга Александровна использовала дублиеты, предоставленные ей Ботаническим садом Московского университета⁶¹³. Список “Материалов для флоры Кавказа” печатался на французском языке несколькими выпусками в течение 1899–1902 гг.⁶¹⁴ Впоследствии Б.А. отмечал, что была опубликована только часть списка⁶¹⁵, по мнению О.А.,— половина⁶¹⁶. Работа эта не осталась не замеченной ботаническим сообществом. В.И. Липский включил сведения о собранной Федченками коллекции в раздел “Рукописи и неизданные работы” своей “Флоры Кавказа”, отметив под № 95, что “Федченко (Ольга Александровна и ее сын Борис Алексеевич) собирали в Предкавказье. Частный гербарий (Москва)”, забыв упомянуть Закавказье⁶¹⁷. В том же издании он поместил реферат на самый первый выпуск “Matériaux pour la flore du Caucase”⁶¹⁸. На В.И. Липского работа не произвела осо-

---

⁶¹² Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Bulletin De l’Herbier Boissier. 1899. Т. VII. № 10. P. 765–780.

⁶¹³ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Tire a part du Bulletin de l’Herbier Boissier. Seconde série. Т. I. Genève, 1901. P. 765–766.

⁶¹⁴ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Bulletin De l’Herbier Boissier. 1899. Т. VII. № 10. P. 765–780; Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Tire a part du Bulletin de l’Herbier Boissier. Seconde série. Т. I. Genève, 1901. P. 213–244, 765–766, 945–972; Т. II. Genève, 1902. P. 583–601.

⁶¹⁵ [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко... С. 98.

⁶¹⁶ Липский В.И. Указ. соч. Пг., 1915. С. 93.

⁶¹⁷ Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. // Тр. Тифлисского ботанического сада. 1899. Вып. IV. С. 152.

⁶¹⁸ Там же. С. 557–558.

бенного впечатления, впрочем как и многие другие работы Ольги Александровны, что расходилось с мнением других ученых. Возможно, по каким-то причинам он не был полностью беспристрастным. В данном случае он счел возможным написать следующее: “Работа не представляет особенного значения, так как содержит голое перечисление растений, которые собраны по наиболее торным местам”⁶¹⁹. Учитывая, что он недостаточно внимательно изучил маршрут экспедиции, подобное мнение кажется не совсем обоснованным. Впоследствии В.И. Липский если не извинился, то счел необходимым “исправить неточные сведения относительно их коллекций (Федченко О.А. и Б.А. – О.В.), помещенных во “Флоре Кавказа” стр. 152... Именно, растения ими собраны не только на Сев[ерном] Кавказе, но и в Закавказье”⁶²⁰. Тем не менее мнения В.И. Липского о работе в целом это не изменило. Однако другие ученые не считали работы О.А. и Б.А. Федченко по флоре Крыма и Кавказа такими уж бесполезными. Во всяком случае, Б. Гриневский, помощник директора Юрьевского Ботанического сада и заведующий библиотекой сада, считал их достаточно интересными, чтобы внести в “Библиографию”, регулярно публикуемую в “Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета”⁶²¹. Как и исследование, посвященное флоре Крыма, “Matériaux pour la flore du Caucase” никогда не издавалась в России, что не помешало включить ее в “Библиографию” работ Ботанического сада Московского университета⁶²², так же как и в другие библиографии, составленные в XX в. (см., например: Липшиц С.Ю. Литературные источники по флоре СССР. № 1556)⁶²³.

Зима 1894 г. прошла не так спокойно и плодотворно, как лето. В Московском университете случились очередные волнения студентов, в которых оказался замешан и Борис Алексеевич Федченко. 20 октября 1894 г. неожиданно умер император Александр III. В Московском университете В.О. Ключевский произнес речь, посвященную его памяти. Студенты подвергли выступление обструкции, сочтя его льстивым и подхалимским. М.В. Сабашников, однокурсник и товарищ Б.А., так описывает это событие: “За годы моего студенчества я оказался прикосновенен, насколько помню, лишь к одному замешательству. Не могу восста-

---

⁶¹⁹ Там же. С. 558.

⁶²⁰ Липский В.И. Флора Кавказа. Дополнение I // Тр. Тифлисского Ботанического сада. Приложение к вып. V. СПб., 1902. С. 30.

⁶²¹ См.: Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 1. С. 82.

⁶²² Ботанический сад Московского университета. 1706–1981. (Библиография)... С. 30.

⁶²³ Липшиц С.Ю. Литературные источники по флоре СССР... С. 139.

новить в памяти, в чем было дело, но состоялась сходка в химической аудитории. Полиция оцепила здание университета. Она студентов выпустила, но переписала тех, кто выходили последними, очевидно, считая их наиболее упорными. Некоторые были затем исключены. Другие отделались выговором в правлении...”⁶²⁴. Группа профессоров попыталась заступиться за исключенных студентов: 42 человека подписали петицию на имя генерал-губернатора, в их числе Д.Н. Анучин, Виноградов, Герье, Зелинский, Остроумов, Столетов, Стороженко, Тимирязев, Фортунатов и др. Несмотря на это заступничество студенты были исключены, а профессора удостоились выговоров от Министерства просвещения, что не помешало нескольким из них в новом 1895 г. вновь ходатайствовать за своих провинившихся учеников⁶²⁵. Ольгу Александровну, которая по вполне понятным причинам переживала за сына, очень беспокоила сложившаяся ситуация. 23 января 1895 г. она писала Григорию Александровичу Мачтету, своему старинному знакомому, помогавшему ей и Б.А. еще во время их поездок в Уфимскую губернию: “Только теперь могу ответить на Вашу записку, переданную мне нашим зарайским знакомым, потому что раньше ничего не было известно о результатах интересующего вас ходатайства. Теперь же, по слухам, которые можно считать достоверными, некоторым студентам разрешено будет теперь же вернуться в Московский университет, другим дозволено будет поступить в другие университеты осенью, наконец для *третьей* категории – высылка на три года остается без перемен. Опасаются, что пострадают сами профессора, вступившиеся за студентов, или по крайней мере некоторые из них; но достоверно ничего не известно, потому что Комиссия, которая заседает по этому поводу в Петербурге (с участием Капниста), еще не окончила своих занятий. Вообще настроение такое, что хорошего ничего не ждут”⁶²⁶. Но для самого Б.А. все закончилось относительно благополучно. Единственным неприятным последствием всей истории стало неполучение высшей оценки по поведению при окончании университета. Правда, именно из-за этого ему было отказано в зачислении на службу в Московский университет или в какое-либо другое учреждение Москвы. Таким образом, закончив в 1896 г. Московский университет, Борис Алексеевич был вынужден переехать в Петербург, где он и устроился на работу в Ботанический сад, а с 31 декабря 1896 г. был приписан к Департаменту земледелия “для

---

⁶²⁴ Сабашников М.В. Записки. М., 1995. С. 149.

⁶²⁵ См.: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 357–358.

⁶²⁶ ОР РГБ. Ф. 162. П. 9. Д. 77. Л. 1, 1 об.

научной работы по ботанике”⁶²⁷. (В скобках заметим, что эти сведения, приводимые Р.Ю. Рожевицем в биографическом очерке, написанном еще при жизни Б.А., противоречат автобиографии Бориса Алексеевича, в которой он заявляет: “Сдав экзамен на степень магистра ботаники, был принят (в 1900 г.) в число приват-доцентов Московского университета. В том же году поступил на службу в Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад, где и состоит в настоящее время главным ботаником”⁶²⁸.) Однако не подлежит сомнению, что в 1896–1900 гг. Ольга Александровна оставалась жить в Москве, хотя имеющиеся данные указывают на то, что она посещала Петербург осенью 1896 г., возможно, приглядывая за тем, как ее сын устроился на новом месте⁶²⁹. Если данные, приводимые Р.Ю. Рожевицем (и вслед за ним другими биографами Б.А.⁶³⁰), соответствуют действительности (что, к сожалению, нам не удалось проверить), то в 1896 г. мать и сын Федченко разлучились впервые со дня рождения Б.А. в 1872 г. А 9 июня 1897 г. в Тропареве умер последний оставшийся в живых брат Ольги Александровны – Александр Александрович Армфельд⁶³¹. В любом случае, Ольга Александровна со своей обычной твердостью не позволила себе раскиснуть и спокойно приняла все эти печальные события. Возможно, ей помогло одно из самых любимых занятий – работа в Ольгинском ботаническом саду, к созданию которого она приступила еще в 1895 г. Об этом ее начинании мы будем говорить ниже.

Туркестанская экспедиция 1897 г. Возобновление активных работ по изучению флоры Туркестана

Как вспоминала хорошая знакомая и коллега О.А. О.Э. Кнорринг: “Несмотря на большой научный интерес, привлекательность и живописность таких мест, как Урал, Крым и Кавказ, Ольгу Александровну все же более всего притягивает Туркестан,

---

⁶²⁷ Рожевиц Р.Ю. Борис Алексеевич Федченко... С. 5–6.

⁶²⁸ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 453–454.

⁶²⁹ См. письмо О.А. Федченко к Д.Н. Анучину от 31 октября 1896 г.: “В Петербурге мне, по болезни, к сожалению не удалось лично повидаться с г. Никольским...”, – писала О.А. (ОР РГБ. Ф. 10. П. 13. Д. 418. Л. 1).

⁶³⁰ См., например: Бобров Е.Г. Памяти Б.А. Федченко (К 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1973. № 5. С. 754.

⁶³¹ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И. [М., 1914]. С. 61.

который остается ее призванием...”⁶³². Когда весной 1897 г. Русское географическое общество командировало Бориса Алексеевича в Среднюю Азию⁶³³, Ольга Александровна решила не упустить счастливый случай и отправилась вместе с ним. Кроме них в путешествии участвовали П.Е. Волярович и А.Н. Арсеньев, окончившие курс в Московском университете. П.Е. Волярович занимался собиранием горных пород, метеорологическими наблюдениями и ведением дневника. А.Н. Арсеньев собирал энтомологические коллекции, в основном бабочек. Кроме того, к экспедиции был прикомандирован землемер областного правления В.Р. Крашков, а также чиновник особых поручений при военном губернаторе И.И. Гейер, несколько позже к ним присоединился командированный Туркестанским генерал-губернатором бароном А.Б. Вревским младший чиновник особых поручений по горной части Г.Б. Леонов⁶³⁴. Основной задачей экспедиции было исследование практически не изученных и не нанесенных на карты ледников хребта Таласского Алатау. Под этим именем, вслед за Д.Л. Ивановым, Б.А. понимал «горную цепь, входящую в состав “срединной дуги Тянь-Шаня”», начинающуюся “на западе за хребтом Каратау”, продолжавшуюся “хребтом Таласский Алатау, далее горами Сусамыр и Каракол” и доходившую “до Терскей-Алатау”⁶³⁵.

Экспедиция выехала из Ташкента 15 июля 1897 г. “Из Ташкента мы направились сначала в Чимган, который лежит в горах, уже на высоте 4700 (футов над уровнем моря. – О.В.), верстах в 90 к северо-востоку от Ташкента. Закончив свои приготовления к экспедиции, мы направились к нашей цели”, – писал Б.А. Федченко⁶³⁶. Ольга Александровна на этот раз отпустила молодых людей одних, а сама осталась в окрестностях Чимгана, исследуя местную растительность, собирая гербарий, а также семена и луковицы для того, чтобы попытаться затем посадить их в своем ботаническом саду в Ольгино. За ботаническую часть отправившейся дальше экспедиции отвечал Б.А. Как ни трудно в это поверить, но во время путешествия, когда Б.А. и его коллеги посещали верховья Пскема, Ассы, Таласа и др., Б.А. поддерживал переписку с Ольгой Александровной, обмениваясь впечатлениями, уточняя, что именно им хотелось бы отобрать для коллекции, и

---

⁶³² *Кнорринг О.Э.* Памяти Ольги Александровны Федченко // Изв. Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 93.

⁶³³ *Федченко Б.А.* Поездка в Западный Тянь-Шань для изучения ледников Таласского Алатау (Предварительный отчет) // Изв. Императорского Русского географического общества. 1898. Т. XXXIV. Вып. 4. С. 403.

⁶³⁴ Там же. С. 405–406.

⁶³⁵ Там же. С. 403.

⁶³⁶ Там же. С. 406.

пересылая собранные образцы. Ольга Александровна, в свою очередь, тщательно сушила их, по мере возможности занималась их определением и подготавливала к перевозке домой. Так, О.А. писала Б.А. 15 июля 1897 г.: “Милый Боря, вчера вечером получила с Филипповым присланные луковицы, растения и камни... Растения, присланные тобой, переложила в эти сутки два раза – хорошо будет...”⁶³⁷.

Ольга Александровна поселилась в юрте, в обстановке более чем скромной. Несмотря на присутствие в окрестностях войск или как раз благодаря ему, в Чимгане было не очень спокойно и имели место некоторые неприятные происшествия. Например, 12 августа О.А. писала сыну: “Юрту свою я перенесла и поставила рядом с юртой Е.Л.⁶³⁸, пот[ому] что ко мне забрался солдат и перерыл у меня мелкие вещи в сумке и др. мелочи”⁶³⁹. Тем не менее она ни на что не жаловалась, относилась ко всему со своим обыкновенным хладнокровием, хотя и замечала, что “определять (растения. – О.В.) в юрте – удовольствие [умеренное]”⁶⁴⁰.

Ольга Александровна регулярно совершала экскурсии по окрестностям, иногда в сопровождении кого-либо из жен местных служащих, иногда в одиночестве. К сожалению, ко времени ее прибытия в Чимган стоял разгар лета, и большая часть растительности уже выгорела. Но это не смущало О.А., поскольку конец лета – период созревания – предоставлял свои возможности, а некоторые растения она успела застать в цвету: “По Чимганскому ущелью протекает река Чимганка, берущая начало из ключей, на высоте около 5000 фут[ов], – писала она в отчете о поездке. – Ущелье покрыто растительностью, роскошною в весеннее время, но к половине июля по большей части уже выгоревшею. Правда, *Lycoris sewerzowii*, оригинальная красная *Linaria*, *Rosa beggeriana* и крупная розовая *Cuscuta*, во множестве обвивавшая кусты, были еще в цвету; *Dipsacus azureus* только еще зацвел, а высокий синий *Echinops* цвел уже в августе; но большинство растений было уже в плодах”⁶⁴¹. Основное внимание О.А. было сосредоточено на сборе клубней и семян. Особенно ее интересовали *Eremurus*, изучению которых в последующие годы она посвятила много времени и сил: “... Я вырыла еще 2 *Eremurus* (высоких, но не *Robustus*) в дополнение к 4 *Robustus*’ам, да немножко ирисов, нарою еще *Iris*’ов, – писала он Б.А. 1 августа, –

637 СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 2.

638 Имеется в виду Е.Л. Хомутова, супруга П.И. Хомутова.

639 СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 12.

640 Там же. Л. 6.

641 Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1896–1897 год. М., 1897. С. 17.

... Фил[липов] сейчас доставил пионовых клубней. Мне они оч[ень] интересны, пот[ому] что я в Турк[естане] пионов не находила, в моем герб[арии] есть *P[aeonia]. anomala var hybrida Frautv.*, друг[ие] авт[оры] указ[ывают] *P[aeonia]. intermedia C.A.* ... Не знаю – одно ли это и то же или разные виды? ... Я стараюсь собирать семена. Растений мало ужасно: все одно и то же, да и выгорело страшно. Ходила я тут в ближайший овраг, ходила на Красную гору специально с целью найти тюльпанов; измучилась, пот[ому] что очень круто и где есть трава – скользко, но тюльпанов не нашла”⁶⁴². Вообще сбор семян и особенно клубней шел нелегко: “... Я нашла наконец *Fxiolirion tataricum* (в плодах) и вырыла 3 луковицы, из кот[орых] 2 попортила – сидят глубже 1/4 арш[ина], а земля как камень”, – замечала она 7 августа⁶⁴³.

Из отчета, написанного Ольгой Александровной для Московского общества испытателей природы и представлявшего собой краткий очерк растительности Чимганской долины, можно заключить, что О.А. поднималась на некоторые горы, окружающие Чимганскую долину, в частности, посетила Песочный перевал. “Песочный перевал лежит между Большим и Малым Чимганом. Из этих двух гор в ботаническом отношении наибольший интерес представляет Большой Чимган, достигающий высоты 10000 фут[ов]. Близ вершины его до осени остается снег в щелях горы; на высоте около 9000 фут[ов] появляется уже альпийская флора”, – пишет она⁶⁴⁴. Из числа этой альпийской флоры Ольге Александровне удалось, как отмечает она не без гордости, “получить, между прочим, *Hedysarum fedshenkoanum*, открытый ею впервые в Туркестане еще в 1870 году; низкорослый *Allium* с крупными малиновыми цветами, два вида *Acantholimon*, альпийскую *Campanula* и неск[олько] др.”⁶⁴⁵. В целом Чимганский гербарий О.А. составил от 300 до 400 видов, не считая семян, клубней и луковиц. Кроме того, иногда она собирала насекомых, которыми могли бы заинтересоваться ее московские коллеги: “Насекомых очень мало, и то больше кузнечики и все одно и то же. Я их не беру. Несколько пауков взяла – Фрейберг порадуетя”, – пишет она Б.А. 1 августа⁶⁴⁶.

К середине августа оживление, царившее в Чимгане, превратившемся на лето во что-то вроде дачного поселка для семей служащих, обосновавшихся в Ташкенте, начало спадать. Ольга Алек-

⁶⁴² СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 5, 6, 6 об.

⁶⁴³ Там же. Л. 8 об.

⁶⁴⁴ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1896–1897 год. М., 1897. С. 18.

⁶⁴⁵ Там же. С. 18.

⁶⁴⁶ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 6 об.

сандровна также готовилась к отъезду и готовила многочисленные собранные коллекции. Подсчитав количество вещей, она решила, что надо заказать почтовых лошадей из Ташкента: "...Под вещи придется взять арбу, кот[орую] тоже вернее прислать из Ташкента. Гербарий, рыхло связанный, займет в вышину (в одну пачку) 2 1/2 – 3 арш[ина]. У меня есть для него пустой чемоданчик... и мал[енький] ящик...", – писала О.А. 12 августа⁶⁴⁷ и просила сына позаботиться обо всем необходимом. Однако Б.А. задерживался. Изначально предполагалось, что экспедиция Б.А. Федченко вернется прежним маршрутом и захватит О.А. на обратном пути. Однако уже возвращаясь, спустившись с гор в Аулиеатинскую степь, Б.А. и его спутники решили сделать еще одну экскурсию, "причем, – пишет Б.А., – нам пришлось степью сделать около 80 верст и затем пройти на юг по ущелью Кумыш-таш, от самого выхода его на равнину и до перевала через водораздельный хребет"⁶⁴⁸. Их интересовали истоки реки Кумыш-таш, поскольку существовало предположение (оказавшееся неверным), что река берет начало из ледника. Эта непредвиденная задержка сильно обеспокоила Ольгу Александровну, тем более что письма доходили до нее нерегулярно и с большими, по ее мнению (в несколько дней!), перерывами. Ее письма становились все настойчивее, наконец, 17 августа О.А. писала: "Милый Боря. Пишу тебе с последней, вероятно, оказией: едет в Ташкент заведующий; почта снята в Ташкенте еще 12-го и мы отрезаны от всяких известий из внешнего мира. Жду ужасно тебя, извозчика и арбу... здесь полный разгром: все уезжают и русские, и киргизы. 28 уходят и солдаты. Отсюда почта тоже больше не ходит. 19-го едут лошади за Е[катериной] Л[ьвовной] сюда, напиши с ними, если не поедешь сам"⁶⁴⁹. Однако все закончилось благополучно. На обратном пути из Чимгана (так же, как и по дороге туда) О.А. и Б.А. продолжали собирать гербарий, в том числе в окрестностях Самарканда, песках по Закаспийской железной дороге и особенно на Военно-Грузинской дороге, что, как писала в отчете О.А. "дало... возможность пополнить... Кавказский гербарий 1894 г."⁶⁵⁰

Таким образом, после двадцатипятилетнего перерыва Ольга Александровна в общей сложности провела в Туркестане два с половиной месяца с 24 июня по 9 сентября. Отчет об этой ее поездке был включен в "Годичный отчет МОИП за 1896–1897 г."⁶⁵¹,

⁶⁴⁷ Там же. Л. 10 об., 11.

⁶⁴⁸ Федченко Б.А. Поездка в Западный Тянь-Шань... С. 421.

⁶⁴⁹ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 13.

⁶⁵⁰ Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1896–1897 год. М., 1897. С. 18.

⁶⁵¹ Там же. С. 17–18.

а также опубликован в журнале “*Botanisches Centralblatt Cassel*” под названием “Сообщение о ботаническом путешествии в Туркестан”⁶⁵². В.И. Липский счел необходимым поместить подробный реферат этой публикации в своей “Флоре Средней Азии”⁶⁵³. Ольга Александровна никогда не теряла интереса к Туркестану, его природе и людям, влюбленным в этот край. Как писал Д.Л. Иванов: “Туркестан для О.А. был областью, которую забыть и от которой отказаться, хотя бы временно, она была не в силах...”⁶⁵⁴. Но в течение многих лет у нее не было реальной возможности заниматься исследованиями непосредственно в этом дорогом для ее сердца месте. После 1897 г. все изменилось. И хотя О.А. не потеряла интереса и изучению флоры самых разных регионов Российской империи, с этого времени Туркестан всегда присутствовал в списке ее научных интересов, занимая в нем первые строчки.

Однако логика продолжения исследований требовала от О.А. не только поездок по собственно Туркестанскому краю, но и изучения существующего гербарного материала. В 1898 г., приняв участие в X Съезде естествоиспытателей, проводившемся в Киеве, О.А. вместе с сыном отправилась в поездку по Западной Европе. (Борис Алексеевич был официально командирован за границу Министерством земледелия для обработки коллекций, собранных во время экспедиции 1897 г.) Прежде всего они направились в Вену, где и провели около двух недель осенью 1898 г. Борис Алексеевич пишет, что в это время О.А. “занималась осмотром ботанических учреждений Вены и различными справками в них”⁶⁵⁵. За это время О.А. посетила Естественноисторический музей, Венский ботанический сад, а также прекрасные венские парки. “Был посещен тогда великолепный парк в Шенбруне, – пишет Б.А., – не говоря уже о парке Пратер”⁶⁵⁶. Б.А. также отмечает, что “был завязан ряд личных знакомств с венскими ботаниками, что и нашло широкое отражение в переписке”⁶⁵⁷. Далее путь О.А. и Б.А. лежал в Швейцарию. Они остановились на несколько дней в Цюрихе, где О.А. занималась в Цюрихском ботаническом саду, и отправились далее, в Женеву. “Дальнейшая остановка была в Женеве, – пишет Б.А., – городе, являющемся

---

⁶⁵² *Botanisches Centralblatt Cassel*. 1898. Bd. LXXIII. P. 60–61.

⁶⁵³ Липский В.И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. С. 203.

⁶⁵⁴ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об О.А. Федченко // Изв. Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 104.

⁶⁵⁵ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. (Черновик) // СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 7.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁵⁷ Там же. Л. 7.

средоточием растительных коллекций и флор Ближнего Востока, собранных Э. Буасье и хранившихся в то время в специально выстроенном помещении в местечке [Шамбези] в 10 км от Женевы, в живописной местности на берегу Женевского озера”⁶⁵⁸. Б.А. пишет, что Ольга Александровна ездила туда ежедневно и даже по два раза в день по железной дороге. Это был знаменитый частный “Herbier Boissier”, место издания известного журнала “Bulletin de l’Herbier Boissier”, в котором, как упоминалось выше, О.А. считалась желанным автором и опубликовала несколько крупных работ. Начало же знакомству и плодотворному сотрудничеству было положено во время поездки 1898 г. Кроме того, в Женеве было еще несколько частных гербариев и ботанических садов, которые с удовольствием посетила О.А., везде встречая дружественный прием, заводя научные связи⁶⁵⁹. Из Женевы О.А. и Б.А. направились в Париж, куда и прибыли в декабре 1898 г. Это была вторая поездка О.А. в Париж. Первую она совершила еще со своим мужем А.П. Федченко. На этот раз она могла уже не только знакомиться с этим потрясающим городом и его научными учреждениями, но и уделить время собственно научной работе. Б.А. пишет, что О.А. работала по систематике растений в гербарии Парижского музея Естественной истории, а также в некоторых других местах⁶⁶⁰. В конце декабря 1898 г., по дороге из Парижа в Лондон путешественники на некоторое время задержались в Брюсселе. О.А. познакомилась тогда лично как с научными учреждениями Брюсселя, так и со своими коллегами-ботаниками. Со многими из них ее впоследствии связывала интенсивная переписка. Наконец, О.А. и Б.А. добрались до Англии. Впервые О.А. посетила Лондон осенью 1872 г., тогда же она познакомилась со многими лондонскими учеными. На этот раз О.А. поселилась в лондонском пригороде Кью, рядом со всемирно известным Ботаническим садом Кью, где и работала ежедневно, готовя к печати список среднеазиатских растений, собранных ею во время экспедиций 1869–1871 гг.⁶⁶¹, а также монографическое исследование рода *Eremurus*, о котором подробнее мы будем говорить ниже. Посещение Кью, знакомство с его руководителями и сотрудниками имело особое значение для О.А. Впоследствии она многие годы поддерживала с ними научную переписку, обменивалась семенами. До сегодняшнего дня в научной библиотеке гербария имеется достаточно полное собрание научных работ

⁶⁵⁸ Там же. Л. 43.

⁶⁵⁹ Там же. С. 44–47.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 55.

⁶⁶¹ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 гг. М., 1902.

О.А., а в его архиве сохранилась коллекция ее писем. Борис Алексеевич писал о той роли, которую Кью сыграл в научной деятельности О.А.: “Совершенно исключительное значение для успеха работ О.А. как во время ее пребывания в Лондоне, так и на все последующие годы ее деятельности, имел тот радушный прием, который мы встретили в Ботаническом саду Кew. Пользуясь всеми научными средствами этого крупнейшего ботанического учреждения наравне со всеми научными работниками сада, О.А. в то время завязала ряд научных связей со всеми ботаниками, состоявшими на службе в Кew, начиная с директора сада... Все ботаники Кew старались помочь О.А. в ее работе, и не было случая отказа от кого-либо из них...”⁶⁶² Помимо Ботанического сада Кью О.А. посещала и крупнейшие лондонские научные учреждения: Британский музей и его библиотеку, Британский музей Естественной истории, Лондонский ботанический сад, Линнеевское общество “с его классическим сокровищем – гербарием Линнея”⁶⁶³. Ольга Александровна возобновила некоторые свои старинные связи и заводила новые. Она посещала заседания научных обществ, например, Англо-русского литературного общества и др. Простившись с Англией, уже в 1899 г., Ольга Александровна с сыном направилась в Германию. Это была последняя остановка на пути домой. Собственно в Берлине они останавливались проездом, всего на несколько дней. “Тем не менее, – пишет Б.А., – О.А. успела ознакомиться с крупнейшими научными учреждениями, а также завести связи с известными учеными”⁶⁶⁴. О.А. посетила Берлинский ботанический сад, располагавшийся тогда еще в своем старом помещении в старой части города, а также его новую часть, находившуюся в Берлинском предместье. Ольга Александровна посетила также Зоологический сад Берлина, директором которого состоял известный зоолог д-р Мартенс, давний друг О.А., обрабатывавший еще часть коллекций Туркестанской экспедиции А.П. Федченко. На этом завершилось заграничное путешествие Ольги Александровны. За несколько месяцев осени 1898 – зимы 1899 гг. она успела побывать в Австрии, Швейцарии, Франции, Англии, Германии. Она работала в крупнейших ботанических садах Вены, Женевы, Парижа, Лондона (Кew), Берлина, получив в свое распоряжение значительное количество ценнейшей информации, необходимой для продолжения ее научных исследований. Она также познакомилась со многими крупнейшими систематиками и флористами

⁶⁶² Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными... Л. 33.

⁶⁶³ Там же. Л. 31–32.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 23.

Европы, руководителями ботанических научных учреждений и издателями научных и научно-популярных журналов. Подобные знакомства позволили ей в будущем печатать свои труды в Европе, дали возможность своевременно знакомиться с новинками ботанической литературы, а также предоставили уникальную возможность консультироваться с зарубежными коллегами при возникновении непонятных или спорных случаев, при необходимости в уточнениях и пр.

Предпринятые усилия оказались не напрасными. Уже в 1899 г. Ольга Александровна совместно с Борисом Алексеевичем выпустила в свет целый ряд исследований, посвященных флоре Туркестана и написанных как на основании собственных коллекций и наблюдений, так и с использованием материалов других исследователей. Одним из первых в этом списке было исследование “*Ranunculaceen des russischen Turkestan*”, опубликованное в Лейпцигском журнале “*Engle’s Botanische Jahrbücher*”⁶⁶⁵. Как следует из названия, это был список *Ranunculaceae*, встречающихся на территории Туркестанского края: “В основание предлагаемого списка легли коллекции, собранные нами в пределах Туркестанского края и определенные покойным д-ром Э. Регелем в С.-Петербурге и покойным д-ром Huth во Франкфурте на Оudere, отчасти же лично нами”, – отмечали авторы⁶⁶⁶. Основу списка составили преимущественно гербарии О.А., времен еще их совместной в Алексеем Павловичем Федченко Туркестанской экспедиции: растения из долины Зеравшана (1869 и 1870 гг.); растения из окрестностей Ташкента и других территорий Сырдарьинской области (1869, 1871 гг.); растения из пустыни Кызылкум, собранные О.А. во время весенней экспедиции 1871 г., а также растения Ферганы (в тот период Коканского ханства), Алайского хребта и Алая (1871 г.). Все эти гербарии составляли Гербарий Туркестанской ученой экспедиции ОЛЕАЭ и принадлежали Московскому университету. Их дублиеты находились в Ботаническом саду С.-Петербурга, Лондона (Kew), Женевы (Herbier Boissier) и др. европейских стран. Помимо этого были использованы сборы О.А., сделанные летом 1897 г. по дороге от Красноводска до Ташкента, а также в долине Чимгана. Сюда же вошли коллекции Б.А. Федченко, собранные им во время путешествия по Западному Тянь-Шаню летом 1897 г. Помимо этого авторы имели возможность использовать коллекцию П. Назарова, собранную в

⁶⁶⁵ *Fedtschenko O., Fedtschenko B. Ranunculaceen des russischen Turkestan // Engle’s Botanische Jahrbücher. 1899. Bd. XXVII. S. 390–431.*

⁶⁶⁶ *Федченко О.А., Федченко Б.А. Ranunculaceae Русского Туркестана // Тр. Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1899. Т. XXXIII. Вып. 3. С. 1.*

1892 г. на Памире и в Алайском хребте; растения, собранные весной 1897 г. И.И. Гейером в Бухарских владениях, некоторую часть дублетов туркестанского гербария А. Регеля 1876 г. Но, разумеется, наибольшей полнотой отличались именно старые коллекции О.А. Для каждого вида в работе давалось полное перечисление всех местонахождений, при этом авторы постарались (по возможности) приводить указания абсолютных высот и других местных условий сбора, включая точное время. Далее приведена сравнительная таблица 38 альпийских видов, наглядно демонстрирующая их распространение на территории горного Туркестана и других горных местностей, а также в арктической области. Также составлена таблица 43 эндемических видов. “Список видов, встречающихся в альпийской области Туркестанского нагорья, и список эндемических видов, представляет, полагаем, интерес для многих ботанико-географов”, – писала О.А. Помимо этого в работе помещены дихотомические таблицы для определения видов всех 20 родов: “Имея в виду несколько облегчить определение Туркестанских *Ranunculaceae* тем, кто пожелал бы этим заняться, мы дали таблицы для определения родов и видов, – отмечала О.А. – Мы должны, однако, оговориться, что в некоторых случаях таблицы наши могут оказаться недостаточными, ввиду малой изученности многих видов туркестанских растений. Впрочем, это может лишь вызвать новые исследования и наблюдения, в которых все еще ощущается недостаток”⁶⁶⁷. Помимо этого в работе представлен полный список всех туркестанских *Ranunculaceae*. “Мы решили – пишет О.А. в предисловии, – ...составить... полный список всех поныне известных из Туркестана видов *Ranunculaceae* и для каждого из них указать... вкратце их распространение, как в пределах Туркестана... так и вне его... Таким образом мы надеемся, наш список может служить для справок по флоре Туркестана, касательно *Ranunculaceae*”⁶⁶⁸. Всего было перечислено 158 видов *Ranunculaceae*, встречавшихся в следующих областях: Уральской (расположенной к востоку от реки Урал), Тургайской, Акмолинской (полностью), Семипалатинской (к западу от Иртыша), Семиреченской, Ферганской (с Памиром), Самаркандской, Закаспийской, а также в Хиве, Бухаре и Кульдже.

В том же 1899 г. несколько более подробный вариант этой работы был опубликован в “Трудах Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете”⁶⁶⁹ на русском

⁶⁶⁷ Там же. С. 5.

⁶⁶⁸ Там же. С. 5.

⁶⁶⁹ Федченко О.А., Федченко Б.А. *Ranunculaceae* Русского Туркестана // Тр. Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1899. Т. XXXIII. Вып. 3. С. 1–82.

языке. В.И. Липский не преминул поместить реферат и свою оценку обеих этих работ во “Флоре Средней Азии” (№ 265, 266)⁶⁷⁰, будучи недоволен сразу несколькими вещами: использованием непроверенных литературных данных, что, по его мнению, “к существующей уже путанице вносит еще новую”⁶⁷¹ (во что, зная щепетильную точность О.А., просто невозможно поверить), слишком широким географическим охватом – от Урала до Кульджи, описанием не существующих, с его точки зрения, видов. В целом, В.И. Липский пришел к выводу относительно немецкого варианта, что “это не критическая научная работа, а скорее список всех непроверенных имен запутанных туркестанских Лютиковых”, а относительно российского, что “работа эта представляет излишнее повторение предыдущей, но на русском языке и в два раза длиннее”⁶⁷². Правда, другие исследователи не разделяли столь резких оценок. Действительно, скрупулезность работы О.А. никогда не подвергалась сомнению. Она всегда точно указывала источник своих сведений; если была не согласна с мнениями, высказанными в литературе, она это обосновывала, если была в чем-то не уверена, то упоминала об этом. Например, описывая *Callianthemum* (*C. rutaefolium* С.А.М., *C. alactavicum* fren.), она замечает: “Вполне соглашаясь в этом случае с д-ром Фрейном, и мы думаем, что в русской Средней Азии встречается только 1 вид *Callianthemum*, но не можем с точностью сказать, насколько вид этот уклоняется от других форм того же рода”⁶⁷³. Или при описании *Ranunculus aquatilis* L.: “Мы приводим здесь отдельные формы этого очень полиморфного вида под теми названиями, под которыми они значатся в источниках для туркестанской флоры. В настоящее время невозможно еще с точностью дифференцировать встречающиеся в нашей области расы”⁶⁷⁴. Или: “75. *Ranunculus refossepalus* Franchet. ... одно из самых обыкновенных и очень характерных растений нашей альпийской зоны. *R. lasiocarpus* Regel, L. С., non С.А.М., принадлежит, по нашему мнению, к этому же виду. Предположение это находит себе подтверждение в двух цветущих экземплярах, собранных Кушакевичем в Тянь-Шане на высоте 8000–12000' (' – футы на уровне моря. – О.В.), и определенных Регелем как *R. lasiocarpus*, которые хранятся в Туркестанском гербарии (1868–1871 г.) О.А. Федченко в Московском Ботаническом саду, и становится еще более вероятным, если принять во внимание, что Корольков имел случай

⁶⁷⁰ Липский В.И. Флора Средней Азии... С. 204–205.

⁶⁷¹ Там же. С. 204.

⁶⁷² Там же. С. 205.

⁶⁷³ Федченко О.А., Федченко Б.А. *Ranunculaceae* Русского Туркестана... С. 17.

⁶⁷⁴ Там же. С. 42.

собирать растения в той же местности, где Франше и Б. Федченко нашли *R. rufosepalus*. *R. rufosepalus* не приводится для Туркестана, кроме Регеля, ни одним из известных нам авторов. Алтайский вид этот отсутствует и в таблице для определения Туркестанских видов *Ranunculus*, составленной самим Регелем, которую приводит Комаров (I. с. р. 65)⁶⁷⁵. Определение “путаница” – последнее наименование, возможное по отношению к работам О.А. Широкий географический охват также признавался другими авторами скорее положительным признаком, чем отрицательным⁶⁷⁶. Зарубежные исследователи также не отрицали научную значимость данной работы⁶⁷⁷.

В том же 1899 году вышли в свет еще две небольшие работы О.А. и Б.А., посвященные флоре Туркестана. Первая из них – “*Potentillae nonnullae eregionibus turkestanicis allatae et a cl. Siegfried determinatae Auctoribus Olga et Boris Fedtschenko*” – опубликованная в Женевском “*Bulletin de l’Herbier Boissier*”⁶⁷⁸ представляла собой список 18 видов *Potentilla*, собранных во время поездки 1897 г. в отрогах Тянь-Шаня и долине Чимгана. Авторы использовали также памирский гербарий Назарова. Определял растения г-н Зигфрид. В работе было приведено несколько редких видов, например, *P. fallacina Blocki*, *P. pannosa Boiss. et Hausskn.*, описан новый вид *P. fedtschenkoana Siegf.*, но без подробностей, и новая форма *P. polyschista Boiss. f. monstrosa Siegf.* Вторая работа – “*Note sur quelques plantes de Bokhara*”, – опубликованная там же⁶⁷⁹, являла собой список 48 растений, которые в 1897 г. собрал в западной части Бухары И. Гейер. В этой работе также был намечен новый вид – *Prangos bucharica*. Наконец, в 1901 г. в “Трудах Общества естествоиспытателей Императорского Казанского университета” увидело свет монографическое исследование О.А. и Б.А. “Высшие Тайнобрачные Русского Туркестана”⁶⁸⁰. Ольга

---

⁶⁷⁵ Там же. С. 53–54.

⁶⁷⁶ См.: Марголина Д.Л. Флора и растительность Таджикистана: Библиография. М.; Л., 1941. С. 242.

⁶⁷⁷ См.: The Bradley bibliography... Cambridge, MCMXII. Vol. II: Dendrology. Part. II. P. 19–196; Catalogue of Scientific Papers. Fourth Series. (1884–1900). Cambridge, 1915. Vol. XIV. P. 948 (причем и там, и там упоминаются оба издания).

⁶⁷⁸ Fedtschenko O., Fedtschenko B. *Potentillae nonnullae eregionibus turkestanicis allatae et a cl. Siegfried determinatae Auctoribus Olga et Boris Fedtschenko* // *Bulletin de l’Herbier Boissier*. 1899. T. VII. S. 182–184.

⁶⁷⁹ Fedtschenko O., Fedtschenko B. *Note sur quelques plantes de Bokhara* // *Bulletin de l’Herbier Boissier*. 1899. T. VII. S. 111–113.

⁶⁸⁰ Федченко О.А., Федченко Б.А. Высшие Тайнобрачные Русского Туркестана // *Тр. Общества естествоиспытателей Императорского Казанского университета*. 1901. Т. XXXVI. Вып. 3. С. 1–36.

Александровна с помощью и участием Бориса Алексеевича просмотрела, обработала и проанализировала как обширный гербарный материал, находившийся в ее распоряжении, так и все имеющиеся литературные источники. Авторы разделили исследуемую ими территорию на 17 областей, из которых 12 – низменных и 5 – горных. Специальная таблица наглядно показывала распространение видов. В отдельных таблицах содержались ключи для определения родов и видов. Давался критический обзор сосудистых споровых Средней Азии с указанием всех известных местонахождений как по гербарным, так и по литературным источникам. Всего было перечислено 39 видов и описана новая разновидность *Ophioglossum vulgatum* L. var. *bucharicum*. Эта работа не вызвала такого негативного отклика со стороны В.И. Липского, как предыдущие. Помещая ее описание во “Флоре Средней Азии” (№ 264), вечный оппонент О.А. ограничился упоминанием того, что: «Авторы ошибочно называют “Русским Туркестаном” то, что принято называть просто Средней Азией или просто Туркестаном (так как Бухара вовсе не относится к русскому Туркестану, равно как и Кульджа)»⁶⁸¹. Однако исследователей XX в. изменение политических границ территорий не смущает⁶⁸².

Здесь следует сделать небольшое отступление по поводу взаимоотношений О.А. и В.И. Липского. Вообще В.И. Липский, кажется, единственный, кто так строго (и не особо справедливо) судил ее работы. О.А. никогда не была честолюбива или амбициозна в общепринятом смысле этого слова: ее мало волновали награды, звания или почести, которые в разное время выпадали на ее долю, хотя она искренне гордилась своими научными достижениями, не забывая отмечать, что вид такой-то впервые найден ею, или введен в культуру, или описан. Она также не отличалась злорадством: обладая острым умом, привычкой к самодисциплине, добросовестностью в работе, О.А. быстро отмечала отсутствие этих качеств в других людях, но не в ее обычае было рассказывать об этих своих наблюдениях и выводах публично. Таким образом, кажется, что В.И. Липский – единственный, кто удостоился некоторых ответных действий со стороны Ольги Александровны. В 3-м выпуске “Трудов Ботанического сада Императорского Юрьевского университета” за 1903 г. она поместила заметку под названием “Два новых рода. Восстановление приоритета”⁶⁸³, в которой содержались замечания на книгу В.И. Липского

⁶⁸¹ Липский В.И. Флора Средней Азии... С. 205.

⁶⁸² Ср.: Марголина Д.Л. Указ. соч. С. 242.

⁶⁸³ Федченко О.А. Два новых рода. Восстановление приоритета – заметка вторая // Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 3. С. 192–193.

“Горная Бухара”. И тут-то сразу стало понятно, что обычно добродушная и добросердечная Ольга Александровна при необходимости (или желании) может стать жесткой и бескомпромиссной. Хотя, если подумать, трудно ожидать иного от женщины, проводившей немало времени в путешествиях по диким, труднопроходимым, малонаселенным или недружественным землям. Итак, в своей заметке О.А. привела следующую цитату из 1-го тома сочинения В.И. Липского, в которой он подводил итоги своего первого крупного путешествия: «Из коллекций были собираемы непрерывно во время путешествия: 1) ботаническая, давшая десятки новых видов и два новых рода (“Материалы для флоры Средней Азии”)), – и заявила далее следующее: “Считаю необходимым, в интересах истины, сделать некоторое дополнение и разъяснение этой фразы”⁶⁸⁴. О.А. отметила, что в самой “Горной Бухаре” не упоминается о том, какие это новые роды, однако в другом сочинении В.И. Липского, а именно в “Материалах для флоры Средней Азии”, содержится описание только двух родов – *Galagania* и *Korshinskia*. “Итак, мы установили, что это за новые роды, – пишет О.А. – Посмотрим теперь, кто же нашел впервые эти новые роды? Г[осподин] Липский или же кто-нибудь другой? (Разумеется, я говорю здесь не о том, кто установил впервые данные родовые группы, а лишь о том, кто впервые собрал представителей этих родов)”⁶⁸⁵. Изучая местонахождения, приведенные в “Материалах” В.И. Липского, О.А. обнаружила, что он упоминает целый ряд местонахождений, где он видел *Korshinskia*, утверждая, что растение было собрано А. Регелем и В. Комаровым. “Жаль только, – отмечает О.А., – что г. Липский не упомянул о том, что *растение это было впервые собрано в Фергане еще в 1871 г. мною* и через несколько лет названо Э. Регелем *моим* именем и описано по моим экземплярам”⁶⁸⁶. «Посмотрим теперь, что говорит г. Липский о другом своем “новом роде”, – продолжает О.А. – После очень подробного описания автор сообщает, что “это растение собственно было найдено уже давно еще А. Регелем” и немного ниже приводит те местонахождения, где растение это было найдено А. Регелем в 1883, 1882, 1880, 1879, 1876 и 1871 г. Последнее показание представляет грубую ошибку, так как известно, что в 1871 г. в Туркестане А. Регель еще не был. Справка в гербарии Императорского Ботанического сада сразу разъясняет, в чем дело: это растение было в 1871 г. собрано в Туркестане (близ Шахимардана и Оша) не А. Регелем,

---

⁶⁸⁴ Там же. С. 192.

⁶⁸⁵ Там же. С. 192.

⁶⁸⁶ Там же. С. 192–193.

а мною»⁶⁸⁷. Подводя итоги своих рассуждений, О.А. кратко и четко резюмировала: «Итак, в итоге наших справок оказывается следующее: 1) “Новые роды” г. Липского были открыты мною за четверть века до него. 2) Липский совершенно умолчал в своей книге о том, что эти растения были открыты мною. 3) Липский ложно приписал А. Регелю открытие одного из этих родов, по небрежности (?) утверждая, что образцы *Galagania fragrantissima* были собраны в 1871 г. близ Шахимардана А. Регелем»⁶⁸⁸. Как видим, при необходимости О.А. могла быть исключительно жесткой и совершенно безжалостной. И как подлинному ученому ей была дорога истина. Следует также отметить, что после этой маленькой публикации резкие или пренебрежительные отзывы В.И. Липского о работах О.А. постепенно сошли на нет.

Однако вернемся к нашему рассказу. Несмотря на сильное увлечение Туркестаном, О.А. не отказывалась от других исследований. В 1896 г. О.А. при помощи сына подготовила и опубликовала “Список *Orobanchaceae* гербария”⁶⁸⁹. В этот список вошли все виды *Orobanchaceae* (всего 17), собранные О.А. и Б.А. на Урале, в Крыму (совместно с С.Н. Милютиным) и на Кавказе. Имея в виду распространенную точку зрения о том, что *Orobanchaceae* является одним из наиболее трудных для определения видов, О.А. полагала, что опубликование подобного списка “будет иметь некоторое значение”. Список был проверен и частично определен Гюнтером Бекком (Вена), которому О.А. выражала свою искреннюю благодарность⁶⁹⁰. В 1898 г. Ольга Александровна (без участия Б.А.) опубликовала “Материал к флоре Архангельской губернии” в одном из самых престижных естественнонаучных журналов страны – “Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou”⁶⁹¹. Эта работа была выполнена на материале двух небольших гербариев, собранных двумя членами МОИП летом 1896 г. и переданных для обработки О.А. Первый из этих исследователей – А.П. Иванов, занимался геологическими исследованиями в Печорском крае, второй – В.Ф. Капелькин, интересовался зоологией Белого моря и Ледовитого океана. Оба попутно занимались сбором растений. Ольга Александровна, считая что два гербария удачно дополняют друг друга, объединила их в

---

⁶⁸⁷ Там же. С. 193.

⁶⁸⁸ Там же. С. 193.

⁶⁸⁹ Федченко О.А., Федченко Б.А. Список *Orobanchaceae* гербария // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Серия ботаническая. 1896. Вып. 3; отд. оттиск (М., 1996).

⁶⁹⁰ Там же. С. 1.

⁶⁹¹ Федченко О. Материал к флоре Архангельской губернии // Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou. 1897 (1898). Nouv. Sér. T. 11. № 3. P. 469–483.

одной работе. А.П. Иванов, к большому сожалению О.А., не отмечал точное место сбора, пометив только, что все растения были найдены на реке Ухте, левом притоке Ижмы, пересекающей Тиман и впадающей в Печору. В.Ф. Капелькин оказался более точным, но он собрал всего 60 видов, хотя, по мнению О.А., “и это число нельзя считать незначительным, принимая в соображение географическое положение посещенных им местностей: собирал он растения в половине июня на мысе Цып наволоок, на Айновских островах, в Печенгской губе и в окрестностях Печенгского монастыря”⁶⁹². В отличие от А.П. Иванова В.Ф. Капелькин сообщил самые точные сведения о местонахождениях собранных им растений, включая географическую широту и долготу. Всего в списке перечислен 171 вид, с упоминанием литературных источников и местонахождения растения, если таковое известно. Издание привлекло внимание. В том же году работа была опубликована в “Allgemeine Botanische Zeitschrift für Systematic, Floristik, Pflanzengeographie”⁶⁹³, а также выпущен отдельный русскоязычный оттиск⁶⁹⁴. Royal Society of London сочло его достойным помещения в своем каталоге⁶⁹⁵, так же, как и современные исследователи⁶⁹⁶. В том же 1898 г. О.А. и Б.А. выпустили в свет работу “Материал к флоре южного Алтая”⁶⁹⁷, являющуюся описанием гербария Е.И. Луценко, собиравшего его летом 1896 г., и содержащую 153 вида с указанием мест сбора. Статья тут же была опубликована по-немецки под названием “Beitrag zur Flora des südlichen Altai” в Лейпцигском “Engler’s Botanische Jahrbücher”⁶⁹⁸. Д.И. Литвинов поместил развернутый реферат этой работы в “Библиографии флоры Сибири” (№ 1009)⁶⁹⁹. В том же году О.А. начала сотрудничать с популярным изданием “Сад и огород”, напечатав в нем две небольшие заметки “Ирис Винклера” и “*Leontice alberti*”⁷⁰⁰.

---

⁶⁹² Федченко О. Материал к флоре Архангельской губернии. М., 1898. С. 1.

⁶⁹³ Fedtschenko O. Beitrag zur Flora des Gouvernements Archangelsk // Allgemeine Botanische Zeitschrift für Systematic, Floristik, Pflanzengeographie, ets. Herausg. von A. Kneucker. 1898. P. 91–92; 112–113.

⁶⁹⁴ Федченко О. Материал к флоре Архангельской губернии. М., 1898.

⁶⁹⁵ Catalogue of Scientific Papers. Fourth Series. (1884–1900). Cambridge, 1915. Vol. XIV. P. 948.

⁶⁹⁶ См., например: Липшиц С.Ю. Литературные источники... С. 102 (№ 1131).

⁶⁹⁷ Федченко Б.А., Федченко О.А. Материал к флоре южного Алтая // Землеведение. 1898. Кн. 1–2. С. 38–51.

⁶⁹⁸ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Beitrag zur Flora des südlichen Altai // Engler’s Botanische Jahrbücher. 1898. Bd. XXV. P. 483–494.

⁶⁹⁹ Литвинов Д.И. Библиография флоры Сибири // Тр. Ботанического музея Императорской Академии наук. 1909. Вып. V. С. 327.

⁷⁰⁰ Федченко О. Ирис Винклера // Сад и огород. 1898; Она же. *Leontice alberti* // Сад и огород. 1898.

Однако главные научные планы и замыслы О.А. были связаны преимущественно с Туркестаном. В 1900 г. Ольга Александровна, для того чтобы иметь возможность работать в более богатом (с точки зрения туркестанской флоры) гербарии Императорского С.-Петербургского Ботанического сада, переехала в Петербург. Борис Алексеевич Федченко впоследствии вспоминал: “О.А. убедилась, что вне Ленинграда работа по флоре Туркестана невозможна – и результатом явился наш переезд в Ленинград, что удалось совмещать с акклиматизационной работой под Москвой и исследовательской работой в Туркестане”⁷⁰¹. Это подтверждает, между прочим, дату переезда в Петербург и Бориса Алексеевича (1900 г.) и тот факт, что он искал работу в Петербурге не потому, что его не принимали на работу в Москве, а поскольку не хотел расставаться с матерью, научные интересы которой потребовали переезда в Петербург. Сам переезд оказался делом нелегким: “9 ч. вечера, вещи уложены, ... и их перевязывают веревками. Возчики наняты и завтра утром Мосолов отправляет наши товары. Он рассчитывает, что если они пойдут завтра, ты их получишь и препроводишь на новую квартиру в субботу, 15-го, так, что если я выеду почтовым в субботу, то приеду на готовое”, – писала О.А. сыну 11 января 1900 г.⁷⁰² Прощание с московскими друзьями также оказалось грустным, несмотря на то, что О.А., предполагая проводить каждое лето хотя бы часть времени в своем имении Ольгино Можайского уезда, неизбежно должна была посещать Москву: “Была Богданова, – писала О.А. сыну в том же письме, – очень трогательно прощалась, вчера...”⁷⁰³. Наконец все было готово: “Вещи погружены в вагон и отправлены сегодня; в СПб. могут быть получены в субботу утром. В субботу же утром рассчитываю я быть в СПб...” – пишет она 12 января 1900 г.⁷⁰⁴ С тех пор О.А. бывала в Москве только проездом, почти никогда не задерживаясь. К несчастью, еще в самом начале весны 1900 г. О.А. повредила ногу, что очень беспокоило Б.А. и исключало длительные летние экскурсии: “...Обо мне не беспокойся и ради меня не торопись, – пишет О.А. сыну 15 апреля 1900 г., – нога почти прошла, хотя я все еще продолжаю сидеть в постели и вызывать сочувствие и посещения...”. Таким образом, лето 1900 г. О.А. проводила в Ольгино, занимаясь садоводством, приглядывая за хозяйством и... работая. Лето 1901 г. прошло, однако, совершенно иначе.

---

⁷⁰¹ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87.

⁷⁰² СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 20.

⁷⁰³ Там же. Л. 23 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 22.

Памирская экспедиция 1901 г. Исследование флоры Памира

Во время своей знаменитой Туркестанской экспедиции 1871 г. О.А. и А.П. Федченко не довелось путешествовать по Памиру. Они дошли до Заалайского хребта и остановились, не вступив на землю собственно Памира. Супруги планировали продолжить свои исследования в ближайшем будущем, но трагическая гибель Алексея Павловича положила конец этим планам. Однако у Ольги Александровны осталась мечта посетить Памир. Ей пришлось ждать 30 лет, прежде чем эта мечта могла исполниться, однако терпение было вознаграждено. Летом 1901 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии командировало своего почетного члена О.А. Федченко “на Памиры для изучения флоры”⁷⁰⁵, которая, по ее словам, “столь мало известная в то время, очень ее привлекала своими характерными особенностями”⁷⁰⁶. Кроме изучения памирской флоры, О.А. намеревалась собирать корни, клубни, семена и пр. для “производства опытов культуры туркестанских растений в Ольгинском саду”⁷⁰⁷. В свою очередь, Б.А. Федченко был командирован в Туркестан Русским географическим обществом⁷⁰⁸. Б.А. считал своей целью “специальные флористические и ботанико-географические исследования, изучение растительных формаций, рас-

⁷⁰⁵ Краткий отчет Московского университета за 1901 г. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1902 года. М., 1902. С. 313.

⁷⁰⁶ *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 93.

⁷⁰⁷ *Федченко Б.А.* Памир и Шугнан (Предварительный отчет) // Изв. Императорского Русского географического общества. 1902. Т. XXXVIII. Вып. IV. С. 273.

⁷⁰⁸ Краткий отчет Московского университета за 1901 г. ... С. 314.

пределения и биологических особенностей важнейших растений⁷⁰⁹. Помимо этого, Б.А. предполагал провести некоторые наблюдения над ледниками, вести метеорологический журнал, фотографировать и пр. Таким образом, Ольга Александровна и Борис Алексеевич оба готовились путешествовать по Памиру. К ним присоединилось еще несколько человек: С.Г. Григорьев, планировавший заняться сбором насекомых и, по возможности, других животных⁷¹⁰; кандидат Московского университета и студент Сельскохозяйственного института М.И. Тулинов, занимавшийся исследованием почв и местных сельскохозяйственных условий, а также помогавший в сборах растений и фотографировании⁷¹¹; Б.А. Вараскин, помогавший всем при наблюдениях, сборе коллекций и фотографировании⁷¹². Небольшой отрезок пути вместе с экспедицией О.А. и Б.А. Федченко прошли Ф.Н. Алексеенко и А.Я. Дзейверс, командированные в Ферганскую область С.-Петербургским Обществом естествоиспытателей⁷¹³. По распоряжению начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Сахарова к экспедиции были прикомандированы два казак Малиханов и Рахметулинов “оказавшиеся, – по словам Б.А., – в высшей степени полезными людьми”⁷¹⁴. Зоологический музей Императорской Академии наук снабдил экспедицию необходимыми для коллекционирования животных приборами, а также нужным для их консервации спиртом; Московский сельскохозяйственный институт передал в их распоряжение прибор Ризположенского, использовавшийся для взятия особых больших образцов почв, с сохранением всей структуры почвенного и верхнего подпочвенного слоев. Министр путей сообщения М.И. Хилков исходатайствовал высочайшее соизволение на выдачу участникам экспедиции бесплатных билетов для проезда от С.-Петербурга до Ташкента и Андижана и обратно.

Путешественники прибыли в Ташкент 7 июня 1901 г. и пробыли там десять дней – до 17 июня, завершая необходимые приготовления. 21 июня они уже прибыли в Ош (Ферганская область). Город Ош располагался на обоих берегах р. Ак-бура, в месте выхода ее из ущелья, на высоте около 3.100–3.300'. Рядом с городом по берегам реки протянулись ровные поля, но на левом берегу можно было также увидеть “довольно значительную и

---

⁷⁰⁹ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 273.

⁷¹⁰ Там же. С. 274.

⁷¹¹ Федченко О.А. Флора Памира. Собственные исследования 1901 года и свод предыдущих. СПб., 1903. С. 7.

⁷¹² Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 274.

⁷¹³ Там же. С. 274.

⁷¹⁴ Там же. С. 274.

очень крутую горную массу – Тахти-Сулейман”⁷¹⁵. Остановившись в доме уездного начальника, полковника В.Н. Зайцева, О.А., Б.А. и их спутники занялись окончательным снаряжением экспедиции, не упустив возможности в то же время ознакомиться с природой Оша. 25 июня, верхами, экспедиция выступила из Оша⁷¹⁶: “Закончив все приготовления, 25 июня под сильным ливнем и грозой, выступили мы из Оша”, – пишет Б.А.⁷¹⁷ Первая ночевка была в кишлаке Мады в верстах 12 от Оша. Б.А. отмечал, что к этому времени большая часть растений уже успела отцвести и засохнуть, но кое-что все-таки удалось собрать в цвету или же в плодах. 26 июня был сделан переход от кишлака Мады до рабата (место отдыха, специально устроенное для путешественников) Лянгар (Лангар) и далее до рабата, расположенного у поворота к перевалу Чигирчик. Б.А. писал: “Немного далее Мадов, по дороге к Лянгару, мы имели случай наблюдать массу красивых *Eremurus olgae* в цвету, на лесовоконгломератовых холмах. Другие растения этих холмов уже почти совсем выгорели. Влево от дороги тянулись поля со сжатым уже ячменем, вправо – посевы льна, который был тогда в полном цвету... немного дальше мы увидели поля еще зеленой пшеницы, сафлор в бутонах, сорго”⁷¹⁸.

В 1898 г. часть того же маршрута, каким двигались Федченки, была пройдена экспедицией в составе доктора Н.П. Головина, его супруги Ю.Д. Головиной, фотографа экспедиции Н.П. Бартеңевой и еще нескольких человек. Их путь лежал из Тифлиса в Баку, далее в Ташкент и Ош и затем – до Памирского поста. Ю.Д. Головина вела подробный дневник путешествия, который и опубликовала в 1902 г., под названием “На Памирах. Записки русской путешественницы”⁷¹⁹. Поскольку она часто описывает места, пройденные и экспедицией О.А. и Б.А. Федченко практически в то же самое время года, но четырьмя годами позднее, то мы считаем возможным воспользоваться некоторыми ее описаниями. Экспедиция Головиных вышла из Оша 24 июня 1898 г. и так же, как и группа Федченко (в 1901 г.) переночевала в Мадах

⁷¹⁵ Там же. С. 275.

⁷¹⁶ Подробный маршрут экспедиции был опубликован в: Маршрут Памирской экспедиции 1901 года И.Р. Географического общества под начальством Б.А. Федченко // Ежегодник Зоологического Музея Императорской Академии Наук. 1902. Т. VII. С. 1–3; *Липский В.И.* Флора Средней Азии, т.е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. III: Ботанические коллекции из Средней Азии. СПб., 1905. С. 540–543; О.А. также достаточно подробно описывает маршрут в: *Федченко О.А.* Флора Памира... С. 7–8.

⁷¹⁷ *Федченко Б.А.* Памир и Шугнан... С. 277.

⁷¹⁸ Там же. С. 277.

⁷¹⁹ *Головина Ю.Д.* На Памирах. Записки русской путешественницы. М., 1902.

и проследовала в Лянгар. “Приблизительно на полпути от Мадов до Лангара, – пишет Ю.Д. Головина, – начинается широкое ущелье, по дну которого течет река Талдык; оно окаймлено невысокими горами, покрытыми травой. Из-за этих ближайших гор, рисуются вдаль снежные вершины, которые на ясном голубом небе кажутся рисованными по фарфору. Местами дорога совсем размыта и приходится переправляться вброд по этой, теперь еще мелкой и разделенной на небольшие рукава речонке”⁷²⁰. Б.А. так описывает этот отрезок пути: “На 23 версте от г. Оша дорога входит в долину р. Талдык и ею идет почти до самого Чигирчикского перевала. Общее направление долины – с с.-з на ю.-в.; дорога идет долгое время по левому берегу реки и потому все время приходится видеть перед собой растительность северо-восточных склонов, бывшую в то время в полном цвету”⁷²¹. Перед тем как войти в Лянгар, О.А. и Б.А. сделали небольшую остановку, для того чтобы познакомиться с флорой этих склонов. На них почти не было кустарников, ученым удалось рассмотреть только несколько кустов миндаля и какую-то жимолость. Зато травянистая растительность оказалась чрезвычайно разнообразной. По выходе из рабата Лянгар дорога шла по тому же левому берегу реки Талдык, “склоны которого, – по описанию Б.А., – были покрыты ярко-зеленым ковром травянистой растительности, среди которой было немало злаков...”⁷²². К вечеру 26 июня экспедиция доехала до рабата, расположенного перед поворотом на Чигирчикский перевал.

27 июня 1901 г. Федченки достигли перевала Чигирчик, преодолели его и прибыли в укрепление Гульшу (Гульчу). Это был переход в 23 версты с достаточно крутым подъемом к перевалу. По дороге они встретили несколько новых для них растений и прежде всего два вида *Eremurus*: высокий *E. robustus* и желтый *E. turkestanicus*. Оказалось, что этот последний встречался в двух формах, отличавшихся друга от друга окраской всего растения (желтоватой или буро-коричневой). Вскоре после этой примечательной находки дорога повернула влево “по ущелью небольшого ручья идет довольно крутой подъем, в конце которого зигзагами дорога выходит к Чигирчикскому перевалу”, – пишет Б.А.⁷²³ Он также отмечает, что при подъеме к перевалу растительность сильно менялась. При спуске же с перевала сначала шли сильно выбитые скотом травянистые луга, потом появились

---

⁷²⁰ Там же. С. 61.

⁷²¹ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 277.

⁷²² Там же. С. 277.

⁷²³ Там же. С. 278.

скалы с растущей на них богатой растительностью, в том числе кустами арчи. Головина также посвятила несколько строк этому месту: “Взобравшись по довольно крутому подъему, – пишет она, – мы около 10 часов утра были на перевале Чигирчик и перед глазами нашими лежала картина такой красоты, которая забудется не скоро. Глубокое ущелье круто понижается по обе стороны перевала, ярко-зеленые горы окаймляют его; иные из них точно разрублены посредине и поднимаются к чистому, непривычно для нас яркому небу, обнажив составляющие их глины, кирпично- и фиолетово-красного цвета. Здесь наверху дул резкий, холодный ветер; трава нежная, очевидно, еще недавно зазеленевшая, цветут незабудки. ... По дну ущелья... злится и пенится река с нешироким, но довольно глубоким руслом, густо поросшим по берегам травой; вода в реке – кристально-чистая, зеленоватого оттенка и падает целым рядом водопадов”⁷²⁴. Чтобы попасть в укрепление Гульча, экспедиции пришлось переправляться вброд через реку Гульчи со стремительным течением. Гульча, по описанию Головиной, представляла собой военное укрепление, состоявшее из небольшой “крепостцы” и крошечной деревушки подле нее. “Лежит крепостца в ущелье, окруженном мягкими зелеными горами; климат довольно влажный, с перепадающими, но редко продолжительными дождями, больших жаров не бывает, зимы суровые, с обильным снегом; деревьев мало и почти исключительно тополи”, – замечает она⁷²⁵. Переночевав в Гульче, утром 28 июня О.А. и Б.А. выступили в дальнейший путь “вверх по дороге реки Куршаб, именуемой здесь Гульчинкой, а выше Талдык”⁷²⁶ в Кызыл-курган (18 верст) и далее – в Суфи-курган. Дорога в Суфи-курган шла по ущелью, дно которого постепенно повышалось. “Характер этого ущелья, – пишет Головина, – постоянно меняется: горы, то мягкие, с густою зеленою травой и голубоватыми тонами, то глиняные, кроваво-красные, то скалистые и почти лишенные растительности, с залежавшимся в лощинах снегом. Дорога в общем прекрасно обработана и была бы годна даже и для колесного пути, если бы можно было избежать размывов, ежегодно портящих дорогу на десятки верст”⁷²⁷. В Кызыл-кургане путешественники сделали небольшую остановку, поскольку Б.А. заинтересовался одним из полей ячменя, на котором встречалось большое количество сорных трав. “Дальше, – пишет Б.А., – дорога идет одно время очень узкой

---

⁷²⁴ Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы... С. 63–64.

⁷²⁵ Там же. С. 66.

⁷²⁶ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 279.

⁷²⁷ Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы... С. 82–83.

тесниной по карнизу и здесь встретили мы несколько новых для нас растений – *Prunus prostrata*, *Asperula dianthus*, *Eurotia ceratoides*. По мосту переехали мы снова на правый берег Куршаба. Тут погода резко изменилась, пошел дождь и гроза. Вместе с тем изменилась и природа местности – мы поднялись почти до 6000' (' – футы над уровнем моря. – О.В.) появились сурки, громким криком своим нарушавшие горную тишину. Немного выше по берегам реки увидели мы березу, боярышник, ломонос (*Clematis songorica*) и др. Далее подъем стал менее заметным, но зато дорога четыре раза переходит с одного берега реки на другой и нам четыре раза пришлось переправляться вброд через Куршаб, что было несколько затруднительно, так как от таяния снегов и от ливня к вечеру в реке было довольно много воды. К вечеру только, под дождем, прибыли мы в Суфи-курган и там в рабате заночевали”⁷²⁸.

29 июня путешественники вышли из Суфи-кургана, прошли через Ольгин луг и добрались до Акбосага (Ак-Басага). “Никогда не приходилось мне до сих пор видеть таких сочных красок, – пишет об этом отрывке пути Головина, – горы, состоящие из глин самых ярких цветов, обнажены осыпями и размывами почти по вертикальному разрезу; сверху они покрыты нежной густой зеленью... ущелье раздвинулось, – продолжает она, – и образовало длинную овальную поляну с прекрасной травой”⁷²⁹. Б.А. также уделяет внимание этому отрезку пути: “Спустившись с перевала Кызыл-белес и переехав вброд реку, мы попадаем в урочище, называемое Ольгин луг. То очень ровное расширение долины реки, тянущееся верст на 5 в длину. Травянистая растительность этого луга была уже почти выбита скотом: здесь останавливались все те киргизские аулы, которые за две недели до нас прошли на Алай... Наша стоянка предполагалась в урочище Акбосага, в самом конце Ольгина луга, перед началом подъема на перевал Талдык. Чтобы лучше ознакомиться с интересной природой этой местности, мы сделали там дневку”⁷³⁰. В Акбосаге О.А. и ее спутники провели целый день и 1 июля отправились к перевалу Талдык и затем в урочище Сары-таш, расположенное в верхней (восточной) части Алайской долины. Перевал Талдык начинался примерно в 7 верстах от Акбосаги на высоте 11.200'. “Вскоре вошли мы в ущелье, – пишет Б.А., – вслед за тем подъем стал довольно крут, но все же его нельзя назвать трудным”⁷³¹.

---

⁷²⁸ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 280.

⁷²⁹ Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы... С. 84–86.

⁷³⁰ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 280.

⁷³¹ Там же. С. 282.

Здесь путешественники внимательно наблюдали за изменениями растительности, в частности арчи. Они отметили, что вначале она встречалась в виде довольно большого дерева, постепенно становилась все меньше и меньше, превращалась в крупный кустарник, затем в стелющийся кустарник и, наконец, совсем исчезла на высоте около 11.000'. Выше начиналась настоящая альпийская область и характер растительности сильно менялся. На перевале Талдык путники остановились и предприняли экскурсию вверх от перевала, поднявшись на 200–300 футов. Под самим перевалом еще лежал снег, О.А. и Б.А. смогли собрать в цвету не более 20 видов растений. Б.А. замечает, что здесь “еще была настоящая весна”⁷³². Господствующей растительной формацией у перевала и на северных склонах в альпийской области были альпийские лужайки. Южный склон перевала оказался более “урожайным”, подарив луговины, полные ядовитой травы, поскольку караваны не останавливались в этом месте на ночлег. Здесь удалось собрать два или три вида осоки, злаки, “а главное, – пишет Б.А., – лютиковое *Oxygraphis glacialis*, которое очевидно и ядовито”⁷³³. После спуска с перевала Талдык вновь начался, на этот раз некрутой, подъем к перевалу Хатын-арт, на котором экспедиция попала под тучу, из которой внезапно пошла снежная крупа. Спустившись с этого перевала, они вскоре достигли урочища Сары-таш, где решено было остановиться на ночлег. Но перед этим О.А. и Б.А. “успели однако сделать еще экскурсию”⁷³⁴. Сары-таш расположен уже в Алайской долине. “Поднявшись на небольшую горку, – пишет Б.А., – мы могли любоваться чудной панорамой – на первом плане, вправо и влево, под нами расстилалась широкая долина Алая, а перед нами – виднелась белоснежная стена – Заалайский хребет с его пиками: Кауфмана, Кызыл-агын, Горумды”⁷³⁵. 2 июля Федченки вышли из Сары-таш и, сделав небольшой для себя переход в 22 версты, пересекли поперек Алайскую долину и остановились в урочище Бордаба, расположенном на северном склоне Заалайского хребта⁷³⁶. Как замечает Б.А.: “Резкий холодный западный ветер сделал этот переход весьма неприятным и утомительным для нас”⁷³⁷. В описываемый период Алайская долина являлась центром для кочевых киргизов Ферганской долины. Они приходили сюда в июне, откармливая свои стада как в самой долине, так и в щелях

⁷³² Там же. С. 282.

⁷³³ Там же. С. 283.

⁷³⁴ Там же. С. 283.

⁷³⁵ Там же. С. 283.

⁷³⁶ Федченко О.А. Флора Памира... С. 7.

⁷³⁷ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 284.

Алайского и Заалайского хребтов. Но уже к концу августа долина пустела – киргизы расходились по своим зимовкам. О.А. и Б.А. отмечали, что растительность Алайской долины была чрезвычайно бедной, хотя здесь встречалось несколько видов ценных злаков, что делало ее таким привлекательным пастбищем. Однако при подъеме к предгорьям Заалайского хребта, к урочищу Бордаба, по наблюдениям путешественников, степная растительность, преобладавшая в долине, становилась богаче и разнообразнее. Появлялись небольшие озерца, которые, помимо собственно водной растительности, питали растительность прибрежную. До Бордабы экспедиция добралась рано, и остаток дня и вечер посвятили изучению флоры и фауны долины реки Кызыл-Арт при ее выходе из Заалайского хребта, а также склонов самого хребта.

“3 июля, – пишет Ольга Александровна, – через перевал Кызыл-Арт (14.600') вступили на Памир (Памир-Харгоши, т.е. заячий). Ночевали в урочище Маркансу... (Кок-су. – О.В.)”⁷³⁸. Головина совсем не так лаконична: “Подъем к перевалу Кызыл-Арт, – пишет она, – идет пологими зигзагами прекрасно разработанной дороги, которая приводит на высшую точку его почти незаметным образом... Высочайшая точка перевала обозначена грудями камней, а самое место киргизы, очевидно, почитают священным... Еще задолго до перевала почва покрыта большим количеством альпийских цветов, скромных, маленьких, но удивительно милых; все они растут крошечными кустиками, на которых, словно звездочки, мелькают белые, розовые, бледно-лиловые цветки. За перевалом картина резко меняется: перед нами развернулась обширная долина, всю ширину которой от края и до края занимало русло реки Кок-Су (или Кок-Сай – зеленый ручей), в настоящее время почти пересохшее... Горы, окаймляющие эту долину, представляют странную, не лишённую своеобразной красоты, но дикую и пустынную картину: здесь лишь кое-где небольшими куртинами растёт редкая, чахлая травка, все остальное пространство голо и пусто. Здешние горы лишены тех резких, ярких, бьющих в глаза красок, которые поражали нас ещё недавно: на всем лежали мягкие, полинялые, серовато-желтые тона. Та же мягкость и неопределенность видна в самых очертаниях их куполообразных вершин, на которых кое-где залежавшийся снег выделяется ярким пятном. Сверху печет солнце, сзади с снегового хребта дует резкий ледяной ветер. Сухость воздуха чрезвычайно велика: пересыхают горло и губы, стягивает кожу лица и рук. Топлива нет совсем...”⁷³⁹. Б.А. также описал

⁷³⁸ Федченко О.А. Флора Памира... С. 7.

⁷³⁹ Головина Ю.Д. На Памирах... С. 104–106.

этот участок дороги, несколько более подробно, чем О.А., но далеко не так романтично, как Головина: “Дорога от рабата в Борбаде к перевалу Кызыл-Арт идет вверх по ущелью реки Кызыл-Арт. Затруднение могут представить лишь очень глубокие – по временам – броды. Подъем сначала незаметный, но верст через 8 дорога сворачивает в боковое ущелье, где подъем уже гораздо круче. Красные песчаники обоих берегов сходятся довольно близко, давая множество обломков, образующих осыпи в ущелье. Местами ущелье расширяется, по берегам ручья появляется галька и на таких местах флора несколько разнообразится: появляются такие формы, как *Lagotis decumbens*, *Oxytropis sp.*, *Saussurea sp.* и др.”⁷⁴⁰. На вершине перевала Кызыл-Арт экспедицию встретили памирские киргизы. “Здесь, – пишет Б.А., – начинается уже настоящая пустыня внутреннего Памира”⁷⁴¹. Однако прежде чем спускаться с перевала, исследователи предприняли экскурсию, для того, чтобы детально познакомиться с природой его окрестностей и, конечно, чтобы полюбоваться открывающимся видом. “С перевала открывается довольно обширный вид на внутренний Памир, – пишет Б.А. – еще лучший, еще более обширный вид представляется с небольшого возвышения вправо над перевалом. Оттуда мы могли наблюдать снеговую стену Заалайского хребта, видели спускающиеся с него ледники с их моренами, видели Памирские пустыни и в отдалении, прямо на юге, еще снеговые хребты”⁷⁴². Растительность возле перевала и выше него оказалась крайне бедной и, хотя уже было начало июля, еще только зацветала. Спустившись с перевала, путешественники стали лагерем на реке Кок-сай в месте, с которого она получает название Маркан-су. Это была типичная область внутреннего Памира, высокогорная пустыня, которую Б.А. называет “отголоском Тибета”⁷⁴³. “Природа этой пустыни, – пишет Б.А., – отличается необычайной бедностью и унылостью; скалы и хребты величественны, но безжизненны и потому мрачны; животных не видно, растений очень мало; иногда едешь целых 2–3 версты и не видишь буквально ни кустика, ни травки; где и попадаются растения, то это отнюдь не деревья, не кустарники, а лишь многолетние травы и полукустарники, растущие отдельными особями, обыкновенно далеко друг от друга. В систематическом отношении флора Памира отличается чрезвычайной бедностью – на всем внутреннем Памире встречается всего лишь около 300 ви-

---

⁷⁴⁰ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 285.

⁷⁴¹ Там же. С. 285.

⁷⁴² Там же. С. 285.

⁷⁴³ Там же. С. 286.

дов растений. В биологическом и фитогеографическом отношении Памирская флора представляет однако выдающийся интерес, так как всякое растение является хорошо приспособленным к жизни при столь исключительных условиях, какие существуют на Памире”⁷⁴⁴. Таким образом, уже с первых шагов по Памиру были сделаны некоторые наблюдения и выводы относительно характера его растительности.

4 июля экспедиция Федченко через небольшой перевал Уй-булак добралась до озера Каракуль, осмотрев по дороге еще одно небольшое, усыхающее озеро и собрав несколько не попадавших ранее растений, в частности, Астрагал Мушкетова (*Astragalus muschketowi* M.) из числа бобовых. О.А. так описывает вид с перевала Уй-булак на юг: “Типичная Памирская каменистая пустыня с чрезвычайно жалкой растительностью: на расстоянии нескольких сажен друг от друга растут кое-где кустики *Astragalus alatavicus* var. *pamirensis*, *Oxytropis poncinsii*, *Parrya exscapa*, *Braea pamirica*, *Tanacetum tenuifolium* и немногие другие... На заднем плане видны озеро Каракуль и высокая цепь снеговых гор Восточно-Каракульского нагорья”⁷⁴⁵. Около озера остановились на дневку, чтобы обследовать его окрестности. 5 июля исследовали восточный берег, а уже 6, – пишет О.А. – “мы были на покрытой снегом реке Мускол и ночевали в рабате того же имени”⁷⁴⁶. В свою очередь Головина пишет: “С гребня перевала Уй-булак нам бросилась в глаза ярко-синюющая на горизонте полоса. Словно по желтоватому пыльному фону, громадную кистью проведен мазок ярким кобальтом: перед нами лежало озеро Кара-Куль...”⁷⁴⁷. Однако окрестности озера не показались ей такими уж живописными: “Вблизи оно производит впечатление морского залива: тот же шум прибоя, только более частого, тот же живительный своеобразный запах, тот же горько-соленый вкус воды. ... По мере приближения к берегу, под копытом лошади слышатся пустоты, в которые нога ее нередко и проваливается; часто встречаются углубления, по-видимому провалы, на дне которых стоит вода. На самом берегу громоздятся обширные бугры, подмываемые водою с одной стороны и отлого спускающиеся к суше с другой; поверхность их состоит из того же ила с еще большим количеством водорослей... Сойдя с лошади, чтобы пробраться поближе к воде, мне с удивлением пришлось убедиться, что весь этот высокий, бугристый берег состоит из мощного

---

⁷⁴⁴ Там же. С. 286.

⁷⁴⁵ Федченко О.А. Флора Памира... С. [247].

⁷⁴⁶ Там же. С. 7.

⁷⁴⁷ Головина Ю.Д. На Памирах... С. 107.

(в несколько метров толщины) пласта льда, прикрытого грунтом лишь аршина на полтора...”⁷⁴⁸. Головина описывает здесь так называемый почвенный лед, природа которого в то время не была ясна и вызывала различные гипотезы. Далее пути экспедиций Головиных и Федченко расходились. И те, и другие направлялись к Памирскому посту, но разными маршрутами. После морозной ночи 6 июля, 7 июля 1901 г. О.А., Б.А. и их спутники сделали небольшой переход до подошвы перевала Ак-Байтал, на котором, как отмечала Ольга Александровна, “чрезвычайно интересный сбор (между прочим новый вид *Androsace*) был сделан на берегу небольшой речки, текущей из ледника”⁷⁴⁹. 8 июля перевалили через Ак-Байтал (15.700’), “альпийская растительность которого, – по наблюдениям О.А., – в это время едва тронулась в рост”⁷⁵⁰ и дошли до урочища Гурумды, расположенного на реке Ак-Байтал, где и заночевали. Подъем к перевалу Ак-Байтал, по словам Б.А., “сначала довольно крут и идет зигзагами, но вскоре становится пологим. Растительность довольно бедная”⁷⁵¹. О.А. отмечала, что “растительности не видно почти никакой: однако, в наиболее защищенных местах в половине августа расцветает свыше 20 видов... каковы и были собраны”⁷⁵², т.е. на обратном пути. По поводу урочища Гурумды О.А. пишет: “Типическое Памирское сухое пастбище (со стадом яков – *Bos gruniens*) на каменистой равнине и на крутых горных склонах. На сером фоне бесплодной пустыни заметны в виде темных пятен отдельные растения...”⁷⁵³. В долине реки, возле воды еще лежал снег.

9 июля экспедиция была в урочище Чичекты, а 10 – прибыла на Памирский пост, расположенный на реке Мургаб, в части Памира, называвшейся Памир-Серез. Памирский пост существовал с 1892 г., когда впервые было решено оставить на Памире отряд на зимовку. Сначала отряд размещался в юртах, позднее построили более прочные сооружения. За время своего существования укрепление несколько раз переносилось с места на место. По описанию Головиной, Памирский пост представлял собой укрепление, сооруженное на “высокой насыпи, окруженной глинобитными стенами и широким рвом”, внутри которого находились казармы и жилые дома. “Все здания одноэтажные, из серой глины, под цвет окружающей природы”⁷⁵⁴. Заметим для сравнения, что

⁷⁴⁸ Там же. С. 111–112.

⁷⁴⁹ Федченко О.А. Флора Памира... С. 7.

⁷⁵⁰ Там же. С. 7.

⁷⁵¹ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 288.

⁷⁵² Федченко О.А. Флора Памира... С. [247].

⁷⁵³ Там же. С. [247].

⁷⁵⁴ Головина Ю.Д. На Памирах... С. 140.

экспедиция Головиных, двигавшаяся почти тем же маршрутом, что и Федченки, и занимавшаяся в основном отстрелом животных и фотографированием, потратила месяц, добираясь до Памирского поста. О.А. и Б.А. Федченко и их спутники, занятые ботаническим сбором и прочими исследованиями, сделали это за 16 дней – настолько стремительно они двигались. Благодаря такой скорости, вместо того чтобы повернуть назад от Памирского поста, как это сделали Головины, они имели возможность, пользуясь быстро уходящими остатками короткого Памирского лета, пройти еще очень значительный маршрут. Экспедиция О.А. и Б.А. Федченко воспользовалась гостеприимством офицеров и врачей Памирского отряда, во главе с его тогдашним начальником полковником Бодрицким.

Проведя 11 июля в окрестностях Памирского поста, 12 июля путешественники направились на экскурсию по кочкарным болотам, протянувшимся по берегу реки Мургаб. Описывая долину реки Мургаб в окрестностях Памирского поста, О.А. пишет: “Солончаковый кочкарный болотистый луг – наиболее типичный образчик луговой Памирской растительности, встречающейся по долинам рек и отчасти у озер. На кочках и между ними произрастают злаки: *Calamagrostis tianschanica*, *Poa tianschanica*, *Poa alpina*, *Hordeum pratense* и др., – осоки: *Carex microglochis*, *C. rigida*, *C. regelii*, а также некоторые другие растения... Между кочками во многих местах застаивается вода и в таких лужах мы встречаем водяную растительность...”⁷⁵⁵. 13 июля спутники вновь провели в окрестностях Памирского поста, а 14 – экскурсировали вверх по долине Мургаба, за рекой Ак-Байтал, представлявшей собой каменистую степь. О.А. даже называла ее “пустыней близ реки Ак-Байтал”, замечая, что растительность этого места в основном состоит из кустиков терскена “(*Eurotia ceratoides* С.А.М.), кустарничка, имеющего очень большое значение для Памира, так как это есть главнейшее Памирское топливо. Кроме терскена, здесь растут и другие представители Памирской пустыни”, – добавляла она⁷⁵⁶. Впоследствии О.А. определила эти экскурсии как “интересные”⁷⁵⁷. 15 июля экспедиция покинула Памирский пост и направилась сначала вниз по Мургабу “с тем, чтобы переправиться через него и пройти на юг, в долину реки Аличур на так называемый Аличур-Памир”⁷⁵⁸. Переправа через Мургаб оказалась непростым делом: из-за июльского половодья

---

⁷⁵⁵ Федченко О.А. Флора Памира... С. [248].

⁷⁵⁶ Там же. С. [250].

⁷⁵⁷ Там же. С. 7.

⁷⁵⁸ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 290–291.

уровень воды был очень высок. “Пришлось перегружать... вьюки с лошадей на верблюдов, – пишет Б.А., – и таким образом переправлять вещи; сами мы переправились на лошадях, но разумеется, измокли. Эта ванна была впрочем не слишком неприятна, так как температура воды была почти 15° Cels. При переправе нам помогли местные памирские киргизы”⁷⁵⁹. Дальше их путь лежал через небольшой увал, вниз по узкой промоине в конгломерате к урочищу Джаман-тал, расположенному в долине реки Карасу (“единственном месте на Памире, где нам встретилась древесная растительность – кусты *Salix*”, – замечает О.А.⁷⁶⁰). Впоследствии О.А. вернулась к описанию урочища Джаман-тал, уточнив: “Это одно из немногих мест на Памире, где под защитой окружающих гор, существует хотя и жалкая древесная растительность – заросли ивняка, *Salix oxycarpa*. Вместе с тем и травянистая растительность гораздо богаче, чем в Памирской, пустыне, и содержит немало необычных для Памира форм”⁷⁶¹.

На следующий день, 16 июля, экспедиция преодолела “высокий (14.300’), но отлогий перевал Найза-таш”⁷⁶² (О.А. отмечает, что с этим перевалом не следует путать другой памирский перевал Найза-таш, расположенный около реки Шинда, далее на юго-восток⁷⁶³) и перешла в урочище Чатыр-таш в верховьях реки Аличур. Б.А. пишет, что “подъем к перевалу чрезвычайно легок, почти незаметен, тем более, что во время пути попадалось много интересного. Надо сказать однако, – замечал Б.А., – что зимой этот же перевал бывает иногда совершенно непроходим, такая масса снега скопляется на нем”⁷⁶⁴. Во время пути к перевалу было сделано несколько интересных ботанических находок. К вечеру они вышли к урочищу Чатыр-таш (“Шатер-камень”), в верховьях Аличура, где и остановились на ночлег.

17 июля оправались дальше по долине Аличура и вышли на берег оз. Сассык-куль. Растительность долины оказалась не такой богатой, как в долине реки Мургаб, но на каменистых склонах было найдено несколько новых для исследователей форм и даже новый вид – *Astragalus alischuri*. Каменистая пустыня, по наблюдениям путешественников, была типично выражена и имела редкую растительность. К концу долины она начинала сужи-

---

⁷⁵⁹ Там же. С. 291.

⁷⁶⁰ Федченко О.А. Флора Памира... С. 7.

⁷⁶¹ Там же. С. [249].

⁷⁶² Там же. С. 7–8.

⁷⁶³ Там же. С. 8. прим.

⁷⁶⁴ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 292.

ваться, появились громадные валунные увалы. Тропинка то поднималась на один из них, то снова спускалась. “С одного из таких увалов, – пишет Б.А., – увидели мы ближайшую цель нашего пути – озеро Сассык-куль; добравшись до него, мы и расположились на ночлег”⁷⁶⁵. О.А. также описала этот момент: “17 июля пришли мы на озеро Сассык-куль, вполне оправдывающее свое название (вонючее озеро), на берегу стоял тяжелый запах гнилья; озеро горько-соленое, вода отвратительна на вкус; но вид оно представляло великолепный: при сильном ветре это маленькое озеро бушевало, как море; белая пена, срываема с гребней волн, разносилась далеко по плоскому берегу, состоявшему из ...⁷⁶⁶ базальта. [Кругом были дюны. Чьи виды были не менее интересны]⁷⁶⁷. С трех сторон озеро окружено невысокими горами”⁷⁶⁸. 18 июля сделали переход до озера Яшиль-куль (зеленое озеро), от которого, по замечанию О.А., следовало отличать другое озеро Яшиль-куль, расположенное в Каратегине (Горной Бухаре)⁷⁶⁹. По дороге они проводили сбор “в [маленьких оврагах] на пути, в каменистой пустыне и на лугах, к сож[алению] сильно стравленных *скотом по Яшиль-кулю*”⁷⁷⁰. Экспедиция расположилась на ночлег на западном конце озера, недалеко от горячих сернистых ключей. До наступления темноты ее участники успели ознакомиться с берегами Яшиль-куля и даже найти кое-что новое. 19 июля О.А., Б.А. и их спутники пришли в урочище Ходжа-назар (через Булюнь-куль и реку Сулу-тагар-кокты). “Мы свернули с Яшиль-куля прямо на юг, – пишет Б.А., – и шли, все время любуясь величественными снеговыми вершинами, уже находящимися на границе Шугнана. Дорога шла сначала берегом озера Яшиль-куль, где было необычайное изобилие комаров и мошек, а в воде озера – много рыбы и несколько видов водных растений... Дальше мы шли вдоль небольшого сравнительно озера Булюнь-куль, отличающегося чрезвычайно красивой окраской воды. Пройдя еще немного, мы вступили в долину реки Сулу-тагар-кокты и этой рекой пошли вверх, к перевалу Кой-тезек”⁷⁷¹. До перевала, однако, в первый день не дошли и остановились на ночлег в урочище Ходжа-назар. Вечером успели собрать кое-что по берегам реки: “сбор производился на берегу речки,

---

⁷⁶⁵ Там же. С. 294.

⁷⁶⁶ Слово неразборчиво.

⁷⁶⁷ Фраза, помещенная в [ ], зачеркнута автором.

⁷⁶⁸ Федченко О. Описание экспедиции на Памир и Шугнан с участием Б.А. Федченко. 12 ноября 1902 // СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁷⁶⁹ Федченко О.А. Флора Памира... С. 8. прим.

⁷⁷⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁷⁷¹ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 295.

очень богатой рыбой, оказавшейся по определению Никольского, обыкновенным на Памире видом, *Schizopygopsis stoliczkaei Steud*⁷⁷². Ночевали на берегу этой самой речки “обильной форелью”⁷⁷³.

20 июля поднялись на перевал Кой-тезек. Этот подъем оказался нетрудным: “Перевал Кой-тезек (13.500') в это время не представляет никаких затруднений для путника. В сущности, это даже и не перевал, так как с Памирской стороны к нему почти нет подъема, тогда как в Шугнанскую сторону сразу идет крутой спуск”, – пишет Б.А.⁷⁷⁴ Борис Алексеевич отвлекся от общего маршрута и проделал боковую экскурсию, которая “дала несколько интересных образцов с альпийских лужаек и каменистых россыпей, лежащих выше перевала Кой-тезек, до 16.000’”⁷⁷⁵. На перевале О.А. и А.Б. застали расцвет местной весенней растительности. Цвели *Primula*, *Chorispora*, *Draba*. В некоторых местах лежал снег и около него цвела *Gagea*. “Перевал Кой-тезек мы застали в лучшую его пору: все было в цвету, и богатство растительности нас прямо поражало, – писала О.А. – С перевала Кой-тезек мы спустились в Шугнан, где и провели 11 дней вне пределов Памира. Когда мы снова вернулись на Кой-тезек 1 августа – короткое памирское лето уже кончилось: все отцвело и мы не без труда разыскивали уже известные нам растения на знакомых местах, чтобы собрать их в [плодах]”⁷⁷⁶.

С перевала экспедиция спустилась в ущелье Уч-кол, расположенное уже в Шугнани. “По мере спуска растительность стала меняться и вскоре показались первые кусты ивняка”, – пишет О.А.⁷⁷⁷ Спуск с перевала был довольно крутой. В этот день ночевали в урочище Джиланды, а на следующее утро (21 июля) выступили вниз по реке Тогуз-Булак и в тот же день дошли до реки Гунт, остановившись на ночлег в урочище Ванкала, неподалеку от селения Сардым. Б.А. отмечает, что: “Характер долины реки Тогуз-Булака, по которой идет тропа, резко отличается от Памирского пейзажа: всюду груды камней, больших и мелких, ручьи с быстрым течением, к вечеру надуваются они так, что переправа через некоторые из них представляет серьезные затруднения”⁷⁷⁸. От урочища Джиланды до Сардыма дорога шла долиной реки Тогуз-булак то по каменистым склонам гор, то

---

⁷⁷² Федченко О.А. Флора Памира... С. 8.

⁷⁷³ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁷⁷⁴ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 296.

⁷⁷⁵ Федченко О.А. Флора Памира... С. 8.

⁷⁷⁶ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁷⁷⁷ Федченко О.А. Флора Памира... С. 8.

⁷⁷⁸ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 296.

пойменным лесом, протянувшимся по всей долине. По наблюдениям путешественников, этот лес состоял из ивняков, осокорей и облепихи. “Во многих местах, – пишет Б.А., – эти деревья достигают довольно значительных размеров и едешь *в тени* ивняков, осокорей... Это особенно непривычно действует после Памирских пустынь. К сожалению, во многих местах этот лес выжжен: таков варварский шугнанский способ пользования лесом”⁷⁷⁹. В Сардыме экспедицию встретили посланцы Шугнанского бека и дальнейшее путешествие по Шугнану прошло в их сопровождении. Из урочища Ванкала (около Сардыма) экспедиция вышла 22 июля и два дня шла долиной реки Гунт вплоть до укрепления Хорог. “На 22 июля, – пишет Б.А., – был назначен чрезмерно большой переход – до кишлака Ривак; к тому же, по дороге приходилось делать много остановок, так как встречалось много интересного. Сделав переход почти в 60 верст, мы все-таки не дошли до кишлака Ривак и таким образом, вынуждены были ночевать частью в палатке, частью под открытым небом”⁷⁸⁰. На следующее утро, 23 июля, путешественники выступили раньше обычного, надеясь в тот же день добраться до Хорога. На подступах к Хорогу экспедицию встречали Шугнанский бек и начальник русского поста в Хороге. Хорог, небольшой кишлак, расположенный при впадении реки Гунт в Пяндж. Когда в 1895 г. после русско-английского разграничения было решено оборудовать несколько пограничных постов, один из них разместили в Хороге. Здесь же находилась штаб-квартира Памирского отряда, состоявшего из шести постов. Хорогский пост запирает дорогу из Бадахшана на Памир по реке Гунт, здесь проходила граница с Афганистаном, “как известно абсолютно недоступным”⁷⁸¹.

Во время пребывания О.А. и Б.А. на территории поста, в гостях у его начальника, поручика П.М. Яремеенко, там же, в своей летней резиденции, проживал и бек Шугнана, Рошана и Вахана Ишан-куль. Как это было принято, Федченки нанесли беку визит вежливости. “С восточной любезностью и с восточными угощениями принял нас бек и затем отдал нам визит, все время стараясь обратить наше внимание на то усердие, с которым он служит, как он выразился, двум Государям. Он имел в виду высокого покровителя Бухары, Государя Императора и своего непосредственного повелителя, Бухарского Эмира”⁷⁸². 25 июля экспедиция покинула Хорог и отправилась вверх по реке Пяндж к Ишкашим-

---

⁷⁷⁹ Там же. С. 297.

⁷⁸⁰ Там же. С. 298–299.

⁷⁸¹ Краткий отчет Московского университета за 1901 г. ... С. 314.

⁷⁸² Там же. С. 300.

скому посту, расположенному около кишлака Мульводж, примерно в 120 верстах от Хорога, собираясь более подробно познакомиться с природой долины реки Пяндж. “Тропинка идет, лепясь по крутым склонам и подъемам над Пянджем, местами поднимаясь футов на 1.000 над уровнем реки, местами спускаясь к самой реке и даже приходилось много раз ехать водою, по руслу Пянджа, – пишет Б.А. – Кое-где тропинка идет по узким карнизам и только внизу, почти под ногами виднеется река, а то карниз этот идет у самой воды, и разливом реки бывшим во время нашей экскурсии (25–27 июля), карниз этот подмыло, местами совсем залило водой и приходится с трудом и не без опасности пробираться по бурной реке, стараясь прижиматься к скалистому берегу. Река, обыкновенно, довольно широка, местами же суживается до нескольких сажен, а устройство постоянного моста не могло бы представить никаких затруднений”⁷⁸³. Экспедиция поднималась вверх по Пянджу, наблюдая смену растительности и опоздание в развитии некоторых видов. Здесь, впервые для флоры Туркестана, было найдено сложноцветное *Iphiaona radiata Benth.* – растение с ярко-желтыми цветами и мясистыми листьями. Вечером 25 июля путники достигли Ишкашимского поста – крайнего пункта своего путешествия. “Осмотрев окрестности, собрав все, что было можно, долго любовались мы на видневшийся на юге Гиндукуш с его снеговым гребнем, – пишет Б.А. – Пройти через Гиндукуш на южные его склоны, как мне хотелось, нам не удалось вследствие отказа англо-индийского правительства дать разрешение пройти через лежавшие перед нами перевалы. Пришлось отправляться из Ишкашима в обратный путь почти тою же дорогой, какой мы шли в передний путь, с небольшими лишь видоизменениями”⁷⁸⁴. Однако это обстоятельство позволило О.А. и Б.А. более подробно изучить растительность некоторых особо интересных мест, что было важно, поскольку по пути туда многие виды только-только всходили, а на обратном пути их можно было наблюдать в цвету. 27 июля экспедиция вернулась в Хорог, провела в его окрестностях один день и 28 отправилась в Ривак и, далее в Ванкалу (30 июля) и Джиланджи (31 июля). “1-го августа мы вернулись на Памир через тот же перевал Койтезек, где к этому времени уже все отцвело”, – пишет О.А.⁷⁸⁵, проведя в Шугнанае 11 дней.

Экспедиция отправилась в обратный путь. Не заходя на озеро Яшиль-куль, они сразу же проследовали к Сассык-кулью; 3 августа

---

⁷⁸³ Там же. С. 302.

⁷⁸⁴ Там же. С. 303.

⁷⁸⁵ Федченко О.А. Флора Памира... С. 8.

дошли до Чатыр-таша, 4 – через перевал Найза-таш дошли до урочища Чарасу и 5 августа 1901 г. прибыли на Памирский пост. Провели там день и уже 7-го тронулись дальше, в сторону Чичекты и дошли до Горумдов. 8 перевалили через Ак-Байтал, причем “на этот раз мы застали тут полный расцвет растительности, – отмечает О.А., – и Б.А. Федченко поднимался выше перевала, до 16.400’, для сбора альпийских растений”⁷⁸⁶. 9 экспедиция вышла к озеру Кара-Куль: “9-го августа пришли на оз. Кара-Куль и в последний раз полюбовались на чудесную панораму окружающих его гор: дорога тянется по плоскому берегу почти 39 верст, и все время видно озеро и за ним цепь [снежных] гор, особенно красивых при солнечном освещении”⁷⁸⁷, – пишет О.А. А уже на следующий день они покинули территорию Памира, пройдя через перевал Кызыл-Арт. “На перевале Кызыл-Арт мы распростились с Памиром и на северном склоне Заалайского хребта сразу попали в снежный буран (10 августа)”, – пишет Б.А.⁷⁸⁸ Ночевали уже в Бордабе, “откуда, с небольшими изменениями прежнего маршрута, через озеро Каплан-куль в Алайском хребте, вернулись 16-го августа в Ош”⁷⁸⁹. Эта дорога через перевалы Шильбели и Така, мимо небольшого усыхавшего озера Каплан-куль, была знакома Ольге Александровне: еще в 1870 г. она прошла по ней вместе с Алексеем Павловичем, а вот для Б.А. этот путь был незнаком. “И здесь, – пишет он, – ботаническая добыча, в травяных лугах и в кустарниках, была обильна”⁷⁹⁰. Б.А. в обществе казака сделал несколько боковых экскурсий, в итоге немного опередив остальных спутников и прибыв в Ош 15 августа. Ольга Александровна и Борис Алексеевич провели в Оше 3 дня, затем отправились в Новый Маргелан и, наконец, 24 августа прибыли в Ташкент, где пробыли еще три дня перед поездкой домой. Их спутник, М.И. Тулинов остался в Фергане до сентября 1901 г. и за это время успел посетить еще несколько мест.

“Таким образом, – пишет О.А., подводя итоги, – мы провели на Памире в общей сложности 28 дней. В этот короткий срок мы использовали, однако, все Памирское лето: проводил нас на Памир снег, заставший нас 2-го июля в Бордабе (на сев[ерном] скл[оне] Заал[айского] хр[ебта]) и возвращались мы с Пам[ира] 10 авг[уста] под снежным бураном, застигшем нас на пер[евале] К[ызыл]-А[рт] и не прекращавшемся до ночлега в той же Борда-

---

⁷⁸⁶ Там же. С. 8.

⁷⁸⁷ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁷⁸⁸ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 304.

⁷⁸⁹ Федченко О.А. Флора Памира... С. 8.

⁷⁹⁰ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 305.

бе. Ночные морозы же не прекращались до 1–2 июля и в начале августа начались утром снова”⁷⁹¹. Путешествие было не из легких: около 1500 верст верхом караванным путем по горным тропам, ущельям, карнизам, в сложных климатических условиях, большей частью на высоте более 10.000', наравне с гораздо более молодыми и сильными спутниками-мужчинами. Друзья и коллеги восхищались Ольгой Александровной: ее мужеством, выносливостью, силой воли. В.Л. Комаров, близко знавший и О.А. и Б.А. Федченко, вспоминал: «Остановившись в это свое путешествие в преддвериях Памира (имеется в виду Туркестанская экспедиция А.П. Федченко. – *О.В.*), загадочной в то время “Крыши мира”, важность исследования которой была так заманчиво выдвинута еще А. Гумбольдтом, О.А. долго лелеяла мечту обследовать и эту трудно доступную местность. Мечта эта осуществилась в 1901 г., когда ей было уже 56 лет. Рейд по Памиру продолжался 52 дня (в общей сложности. – *О.В.*), в течение которых О.А., можно сказать, не сходила с лошади, питаясь все это время исключительно чаем и сухарями»⁷⁹². “Уже не в молодых годах она (Ольга Александровна. – *О.В.*) едет в большую экспедицию с Борисом Алексеевичем, – пишет О.Э. Кнорринг. – Эта трудная экспедиция в высокогорную пустыню Памира, ущелья и высокие перевалы Шугнана показала еще раз настойчивость Ольги Александровны: она проехала до самой границы Афганистана – поста Хорога на Пяндже. Напомним, что только недавно туда была проложена русскими саперами сносная дорога, в те же дни туда вели головоломные тропы и карнизы”⁷⁹³. Отчет об этой поездке Ольги Александровны – краткий маршрут и некоторые выводы по флоре Памира – был включен в отчет, прочитанный в Торжественном собрании Московского университета 12 января 1902 г.⁷⁹⁴ Его автор (к сожалению, неизвестный) также не мог удержаться от упоминания выдающегося достижения О.А.: “... и 16 августа вернулась в г. Ош, – пишет он, – сделав верхом около 1500 верст, после того как не садилась на лошадь 30 лет (со времени своего путешествия в Туркестан в 1868–1871 гг. с покойным мужем, А.П. Федченко)”⁷⁹⁵. Это последнее утверждение

⁷⁹¹ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.

⁷⁹² *Комаров В.Л.* Ольга Александровна Федченко. Некролог // Изв. Российской академии наук. VI серия. 1921. Т. 15. С. 247–248.

⁷⁹³ *Кнорринг О.Э.* Памяти Ольги Александровны... С. 93.

⁷⁹⁴ Краткий отчет Московского университета за 1901 г. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1902 года. М., 1902. С. 313–314.

⁷⁹⁵ Там же. С. 314.

вообще-то не соответствовало действительности, если вспомнить хотя бы поездку О.А. на Южный Урал в 1892 г.

Ботанические результаты экспедиции были весьма интересными. Прежде всего была собрана громадная ботаническая коллекция. Сборы на территории Алайского хребта, на Памире и Шугнани составили более 1000 видов цветковых (переданных впоследствии в Гербарий Императорского Ботанического сада в С.-Петербурге) и около 50 видов споровых⁷⁹⁶; всего 10000–12000 экземпляров; до 90 видов семян, а также клубни и луковицы. Помимо этого, были собраны зоологическая коллекция, коллекция образцов почв и небольшая коллекция образцов горных пород⁷⁹⁷. Даже В.И. Липский, вечный оппонент О.А., отметил: “Результатом экспедиции была значительная коллекция растений свыше 1000 видов в 10–12.000 экземплярах”⁷⁹⁸. Вообще в этот период флора Памира была изучена крайне мало. Если говорить о существовавших к этому времени коллекциях памирских растений, то их было известно всего несколько. Старейшая из них – гербарий полковника А.А. Кушкаревича, состоявшего в должности ботаника Ферганской ученой экспедиции 1878 г. под руководством Н.А. Северцова. Ольга Александровна считала, что эта экспедиция так много сделала для ботанического изучения Памира, что могла с “одинаковым правом называться Памирской”⁷⁹⁹. Этот гербарий впоследствии был передан Императорскому Ботаническому саду в С.-Петербурге и долго оставался большей частью необработанным. Следующей по времени являлась коллекция Д.Л. Иванова 1883 г. Этот гербарий небольшой – около 150 видов для Памира и Алая, но, по мнению О.А., он “интересен и по времени сбора... как один из первых для Памира, и по обширности пройденного автором маршрута, и по точному указанию местонахождений”⁸⁰⁰. Этот гербарий находился в коллекции Императорской Академии наук. В 1888 и 1889 г. капитан (позднее – генерал-майор) Б.Л. Громбчевский во время своего пребывания на Памире собрал несколько растений и передал их Императорскому Ботаническому саду. В 1891 и 1892 гг. капитан К.А. Бржезицкий “исколесил... Памир по всем направлениям”⁸⁰¹ и заходил в Гиндукуш. Его сборы также составили часть коллекции Импера-

⁷⁹⁶ [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко... С. 98.

⁷⁹⁷ Федченко Б.А. Памир и Шугнан... С. 305.

⁷⁹⁸ Липский В.И. Флора Средней Азии, т.н. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч.II: История ботанического исследования Средней Азии. СПб., 1903. С. 332.

⁷⁹⁹ Федченко О.А. Флора Памира... С. 4.

⁸⁰⁰ Там же. С. 5.

⁸⁰¹ Там же. С. 5.

торского Ботанического сада. В 1892 г. П.С. Назаров собирал на Памире гербарий, хранившийся впоследствии в Московском университете. В следующем 1893 г. французский исследователь М.Е. de Poncins собирал растения на Памире, по сведениям О.А., этот гербарий хранился в Музее Естественной истории в Париже. 1895 г. оказался более урожайным: зоолог экспедиции графа А.А. Бобринского Н.В. Богоявленский собрал несколько растений; академик С.И. Коржинский впервые посетил Памир, провел там три дня, однако успел кое-что собрать; наконец, в тот год на Памире работала русско-английская разграничительная Комиссия, приписанный к английскому отряду г-н Alcock при этом нашел время для сбора гербария. В 1897 г. С.И. Коржинский вновь посетил Памир, на этот раз задержавшись там значительно дольше – почти на три недели. О.А. считала, что: “Гербарий Коржинского представляет очень ценный материал для флоры Памира как по полноте и прекрасному состоянию растений, так и по точности указания местонахождений и характера местностей”⁸⁰². Этот гербарий принадлежал Академии наук, хотя некоторые дублиеты попали и в гербарий Императорского Ботанического сада. Наконец, в 1898 и 1899 гг. на Памире побывала Датская экспедиция О. Олуфсена, один из членов которой – Паульсен – занимался сбором гербария, и в том же 1899 г. г-жа Н. Вельман, дочь врача Памирского отряда, Э.Г. Вельмана, собрала небольшую коллекцию преимущественно в окрестностях Памирского поста. Таким образом, учитывая совсем недавно начавшееся изучение этой страны и скромные объемы уже существовавших коллекций (как по количеству, так и по охвату территории), вклад сборов Ольги Александровны и Бориса Алексеевича был очень существенен. Хотя сама Ольга Александровна отмечала бедность собранного на Памире гербария: “Растительность в общем очень бедна и однообразна: за 4 недели своего пребывания на Памире мы вдвоем собрали лишь 260 видов, тогда как в соседнем Шугане, за 12 дней, число собранных нами видов достигло 315”⁸⁰³. Эти данные несколько расходятся с теми, которые приводит Б.А. Федченко, однако цитируемая работа Ольги Александровны увидела свет всего лишь через год после экспедиции, впоследствии данные могли уточняться.

По возвращении из Памирской экспедиции Ольга Александровна принялась за разбор и определение собранных гербариев, а также за изучение более ранних коллекций, точнее тех из них, которые оказались для нее доступными. Прежде всего Ольга

---

⁸⁰² Там же. С. 6.

⁸⁰³ Там же. С. 10.

Александровна взялась за подготовку списка растений, собранных во время экспедиции. К этому времени было опубликовано всего три небольших списка растений Памира. Список А. Франше “Note sur une collection de plantes, rapportees du Pamir en 1894 par M.E. de Poncins”⁸⁰⁴, составленный на основе гербария М.Е. де Понсина. В нем было перечислено 106 видов из четырех местностей “из которых одна (перевал Талдык в Алайском хребте, исключительно на нем собрано 33 вида), – замечала О.А., – не относится, однако, к Памиру, а другая (перевал Кызыл-Арт) относится к нему лишь отчасти: северный склон перевала с более богатой растительностью – Алайский, а южный – Памирский”⁸⁰⁵. Список А. Франше был переиздан в Париже в 1897 г. с добавлением одного вида⁸⁰⁶. Второй опубликованный список стал результатом обработки гербария Alcock’a и вышел в свет в 1898 г. в Калькутте⁸⁰⁷. Этот список содержал также 106 видов, однако его научную ценность сильно уменьшало почти полное отсутствие точных указаний мест сбора. О.А., однако, отмечала: “Ценны в этом списке указания на характер местностей, в которых собраны образцы растений”⁸⁰⁸. Третий и последний список был опубликован в 1900 г. Б.А. Федченко под названием “Материал для флоры Памира и Алайского хребта”⁸⁰⁹. Борис Алексеевич обработал и определил гербарий П.С. Назарова. Этот список содержал уже 226 видов, из которых треть были алайскими и две трети – до 150 видов – памирскими. Существовало еще несколько небольших заметок, разбросанных по разным периодическим журналам, но в целом сказать, что флора Памира была подробно и тщательно исследована, было бы сильным преувеличением.

Первой работой Ольги Александровны, подготовленной на материалах Памирской экспедиции, стали “Растения Памира, собранные в 1901 г. Б.А. и О.А. Федченко”. О.А. подготовила ее к печати уже к концу 1902 г., однако из-за издательских проволочек “Растения Памира” увидели свет только в 1904 г.⁸¹⁰ В 1905 г.

⁸⁰⁴ *Franchet A.* Note sur une collection de plantes, rapportées du Pamir en 1894 par M.E. de Poncins // Bulletin du Museum d’Histoire naturelle. Paris, 1896. N 7. P. 342–347.

⁸⁰⁵ *Федченко О.А.* Флора Памира... С. 4.

⁸⁰⁶ См.: Chasses et explorations dans la région des Pamirs, par le Vicomte Edmond de Poncins. Paris, 1897.

⁸⁰⁷ *Duthie J.F.* A list of plants collected on the Pamirs // *Alcock.* Report on the natural history results of the Pamir Boundary Commission. Calcutta, 1898. P. 72–83.

⁸⁰⁸ *Федченко О.А.* Флора Памира... С. 4.

⁸⁰⁹ *Федченко Б.А.* Материал для флоры Памира и Алайского хребта // Землеведение. Приложение. 1900. Кн. 1. С. 1–10.

⁸¹⁰ *Федченко О.А.* Растения Памира, собранные в 1901 г. Б.А. и О.А. Федченко. М., 1904.

Анна Васильевна Армфельд
(мать О.А. Федченко)

Алексей Павлович Федченко
(1872 г.)

Билет для входа на Политехническую выставку О.А. Федченко (1872 г.)

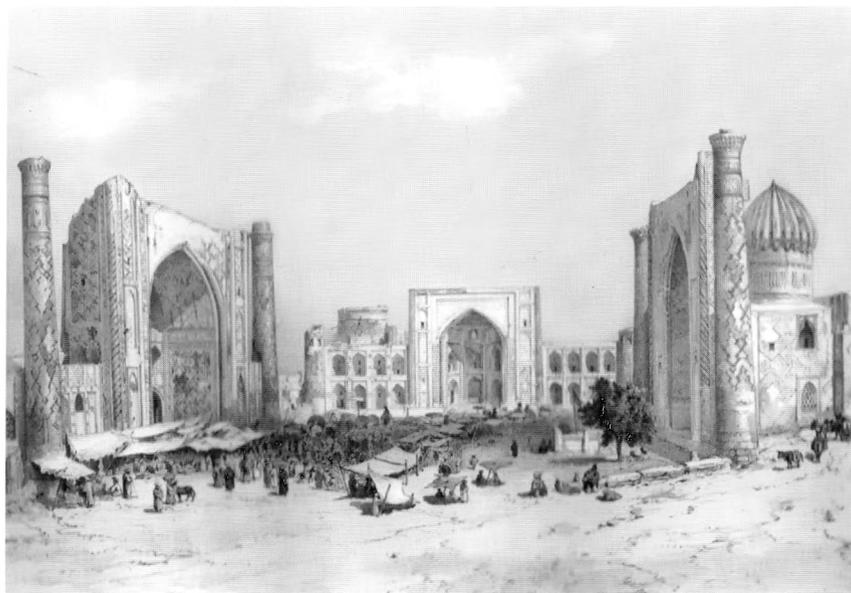
Ледник Щуровского и истоки реки Исфары (иллюстрация к книге А.П. Федченко
“В Коканском ханстве”; литография по рисунку О.А. Федченко)

Озеро Кутбан куль близ Шахимардана (иллюстрация к книге А.П. Федченко
“В Коканском ханстве”; литография по рисунку О.А. Федченко)

Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам (иллюстрация к книге А.П. Федченко
“В Коканском ханстве”; литография по рисунку О.А. Федченко)

Ригистан, главная площадь в Самарканде (из альбома “Виды Русского Туркестана
по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко”)

Растительность в Кизил Кумах (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

Дюсебай, колодезь в Кизил Кумах (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

Озеро Искандер Куль (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

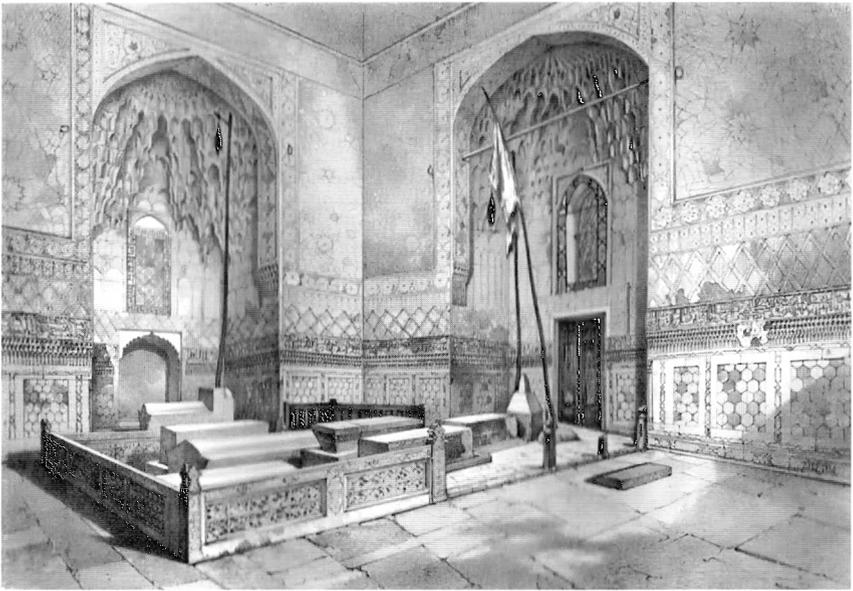
Горы Аксай Тау, к югу от Самарканда (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

Ишрат Хана, развалины увеселительного дворца Тимура
(из альбома “Виды Русского Туркестана
по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

Биби Ханым, мечеть времени Тимура (из альбома “Виды Русского Туркестана
по рисункам с природы Ольги Александровны Федченко”)

Гробница Тимура (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко”)

Шах Зинда в окрестностях Самарканда (из альбома “Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко”)

Стеверской Кавказ
Между Копраунами Ви
летской и Девдогавиной
26. VI. 94 О. и Б. Федченко

Гербарий Туркест. Учен. Экспед. Имп. О. Л. Е

Taraxacum officinale Wulfen
s. *Turpicum*
s. *fabrioides*

Мѣстное названіе:

Оврагъ близъ Самаркандской цитадели, 2 апрѣля
1869.

Высота п. у. м.

О. Федченко

Собирала О. Федченко.

Herbarium Horti Petropolitani.

Anchusa arvensis Mks.

Водонадъ близъ арена Сизда
въ окрестн. Самарканде, Марч. 69.

О. Федченко.

Этикетки к растениям, написанные О.А. Федченко (Туркестанский гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада)

СЗ
ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XI, выпускъ 7.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ

ЧЛЕНА-ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА

А. П. ФЕДЧЕНКО,

СОВЕРШЕННОЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ
ПО ПОРУЧЕНІЮ
Туркестанскаго Генераль-Губернатора К. П. Фельд-Кауфмана.

Изданіе, предпринятое на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ 7.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ II.

ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

ТЕТРАДЬ I.

обработана съ П. Федченко.

(съ ПОРТРЕТОМЪ, 3 КАРТАМИ, ОЦЕНОГРАФИЕЙ, 4 ЛИТОГРАФИЯМИ И 9 ПЛАТИНКАМИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. МОСКВА.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лав., 7.

1875.

КОММИССИОНЕРЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ:

въ С.-Петербургѣ:
Географическій магазинъ,
А. Ф. Вауновъ и А. А. Чернышевъ.

въ Москвѣ:
И. Г. Соловьевъ.

Цѣна 3 р. 50 к. = 11 м. 55 кф. = 14 фр.

Обложка книги "Путешествие в Туркестан А.П. Федченко.
В Коканском ханстве"

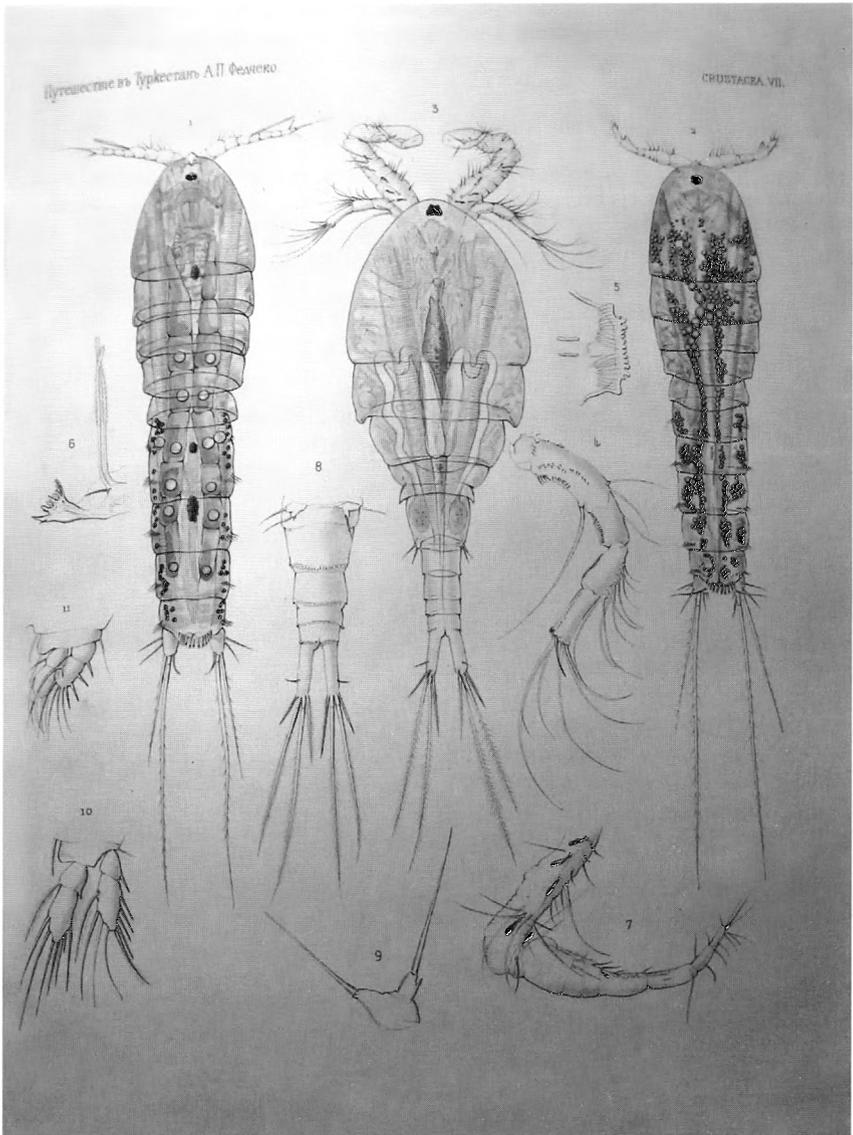

Рисунок О.А. Федченко из книги В.Н. Ульянина “Ракообразные”
(Серия: “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”)

Константин Петрович фон Кауфман,
в 1868–1882 гг. –
Туркестанский генерал-губернатор

Григорий Ефимович Шуровский,
президент Общества любителей
естествознания, антропологии
и этнографии

Наталья Александровна Армфельд,
младшая сестра О.А. Федченко

Борис Алексеевич Федченко,
сын О.А. Федченко

Вид с перевала Уй-булак на юг
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

Вид в урочище Гурумды в верховьях р. Ак-Байтал
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

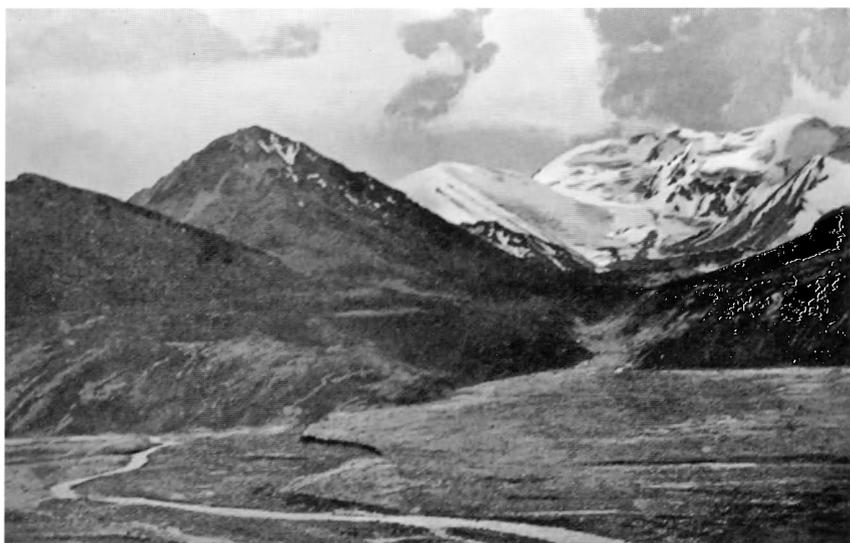
Долина р. Мургаб близ Памирского Поста
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

Спуск с перевала Ак-Байтал на южную сторону
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

Урочище Джамантал на р. Карасу, впадающей в Мургаб
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

К западу от перевала Кизыл-арт, южный склон Заалайского хребта
(Пик Кауфмана) (фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

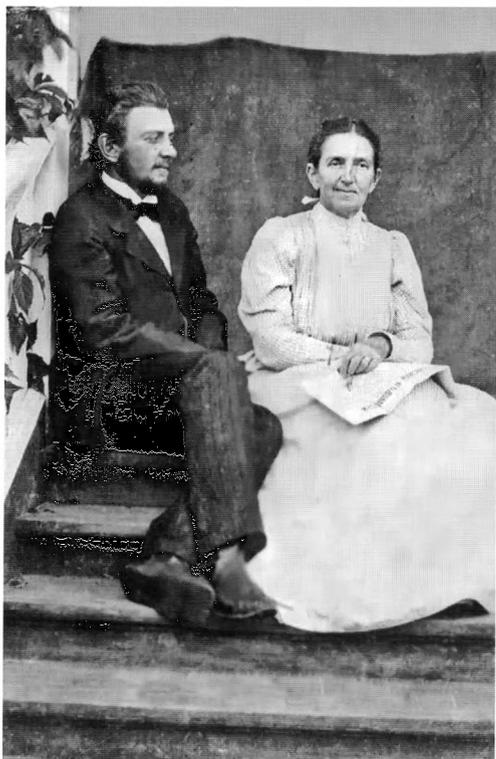
Вид на юг от перевала Кизыл-арт
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

Пустыня близ р. Ак-Байтал
(фотография из книги О.А. Федченко “Флора Памира”)

Дом О.А. Федченко
в ее имени Ольгино
Можайского уезда
Московской губернии

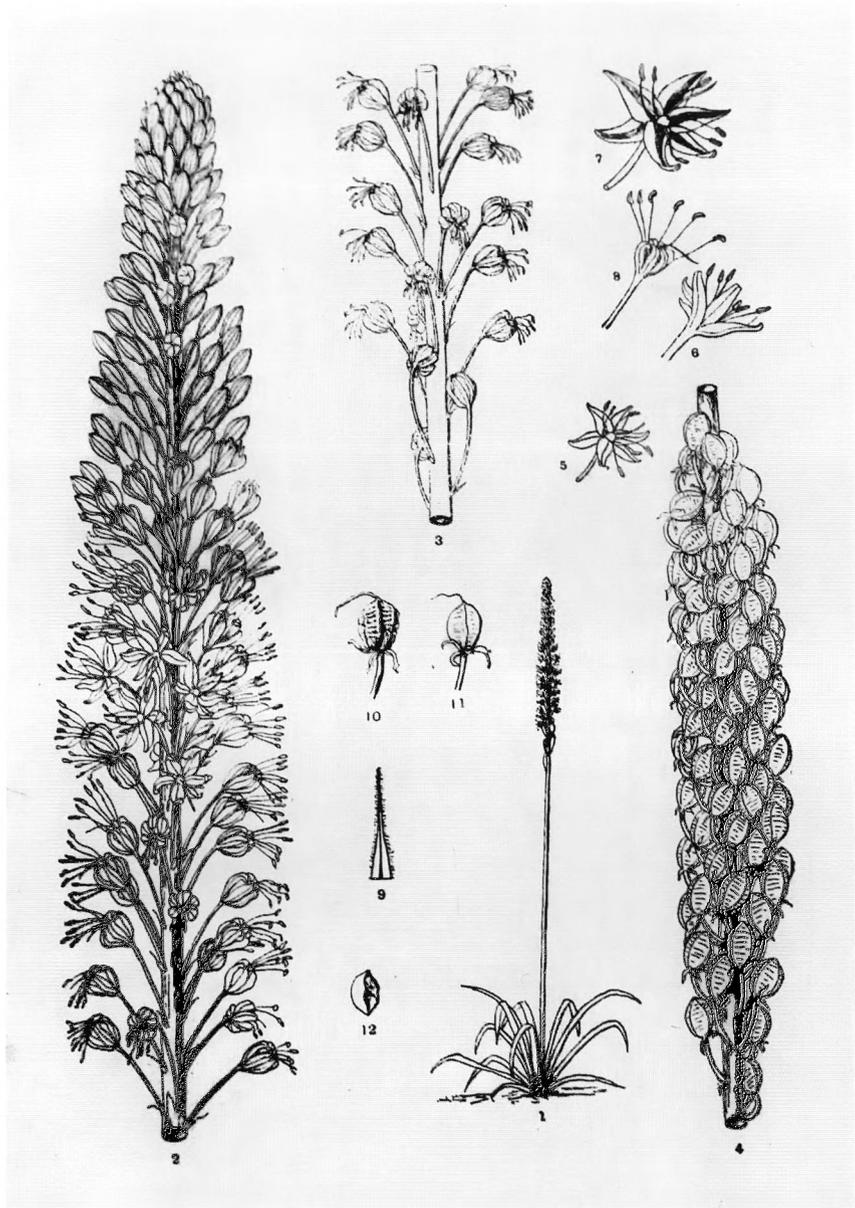
О.А. и Б.А. Федченко
на крыльце своего дома
в Ольгине

О.А. Федченко на Съезде естествоиспытателей и врачей в Петербурге в 1902 г.

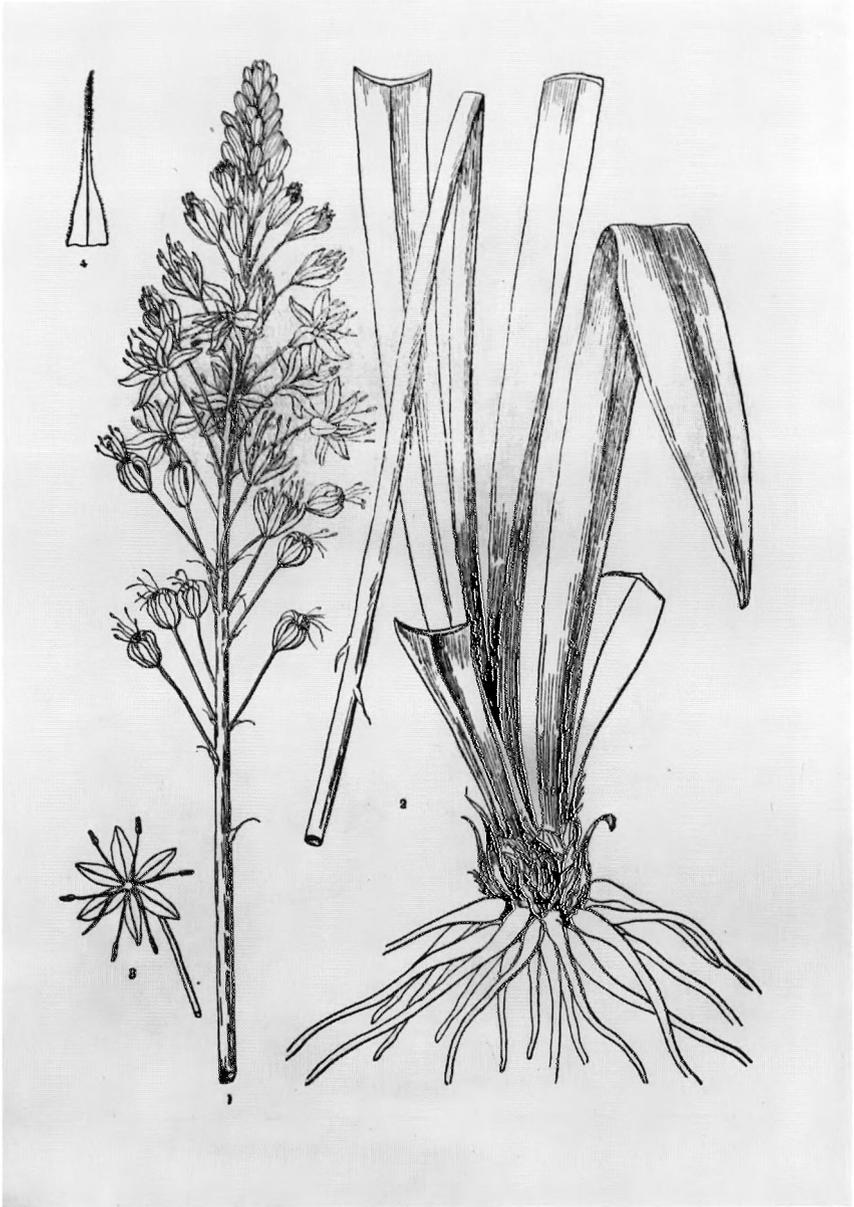

О.А. Федченко среди членов Совета Ботанического сада при проводах Новопокровского в 1918 г.

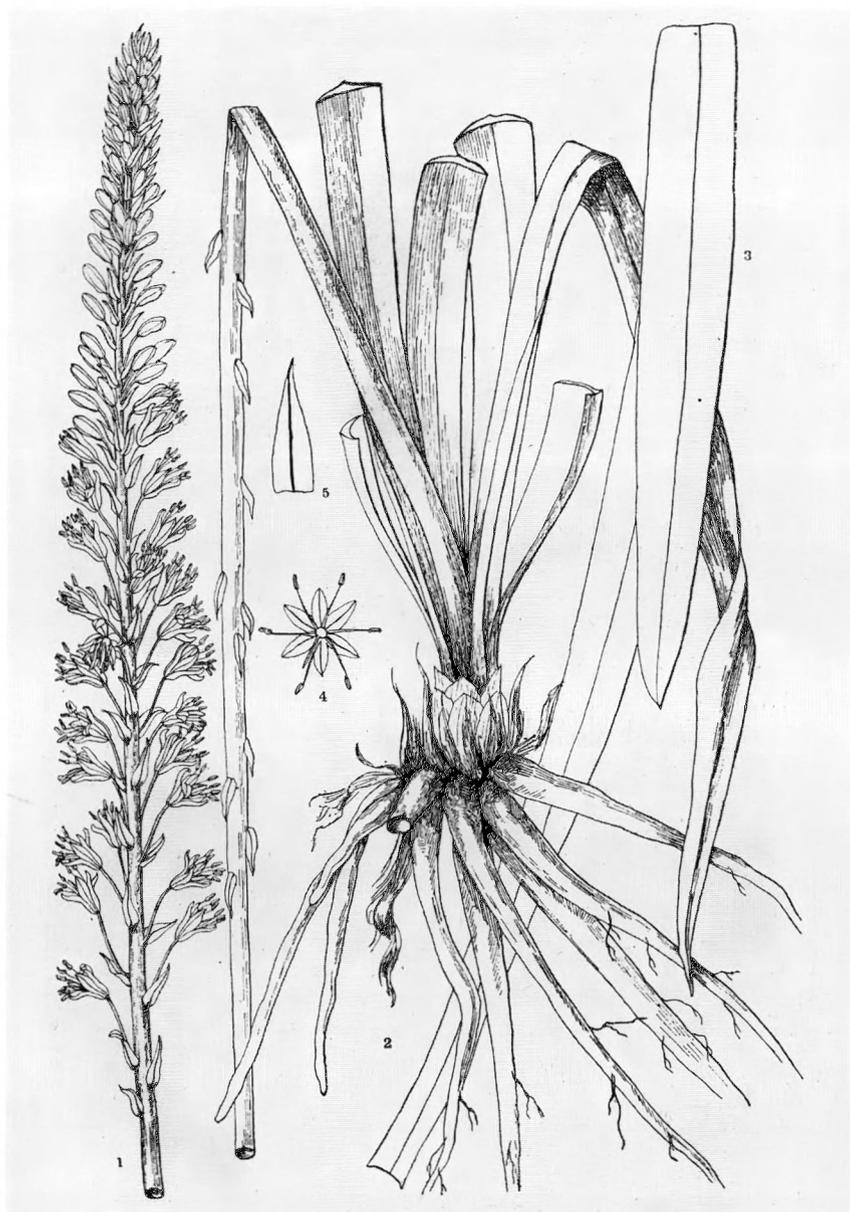
Eremurus spectabilis M.B. var *marginatus* O.Fedtsch.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

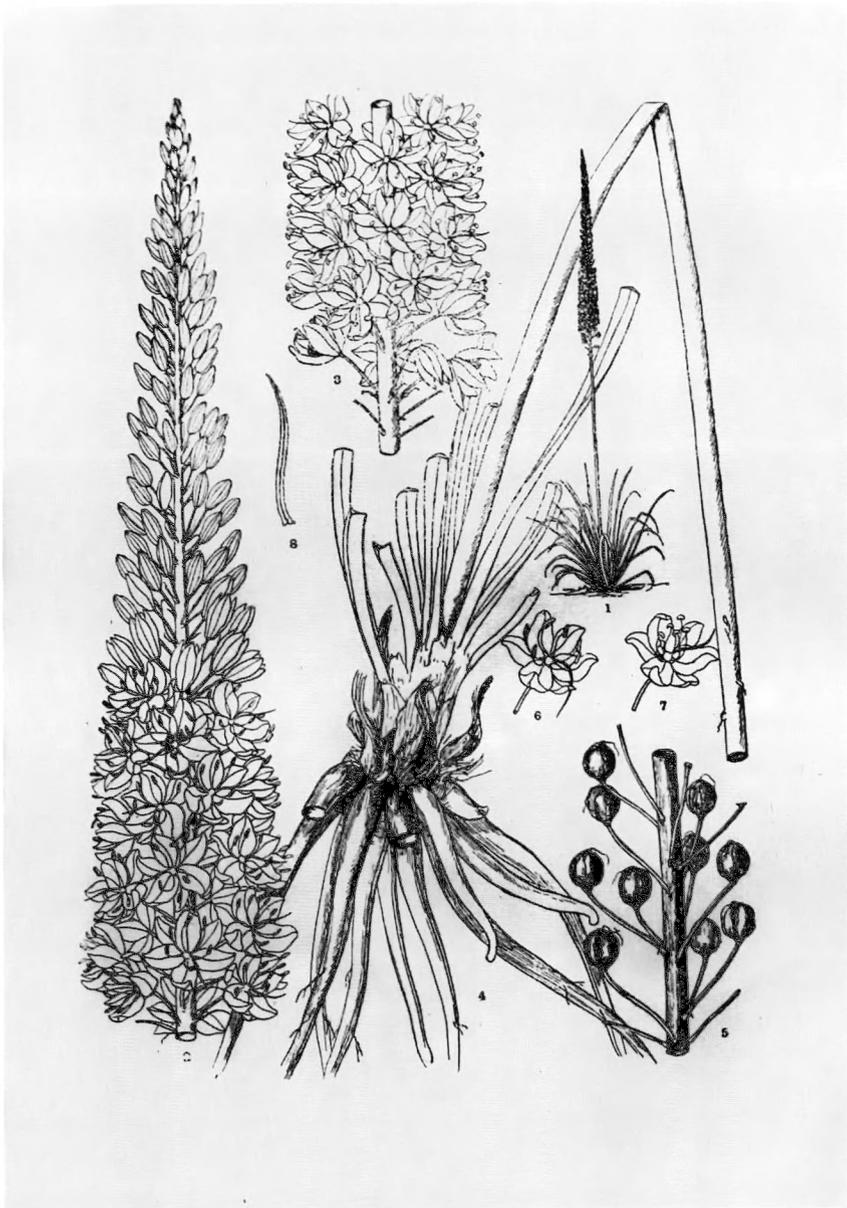
Eremurus korshinskii O.Fedtsch.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

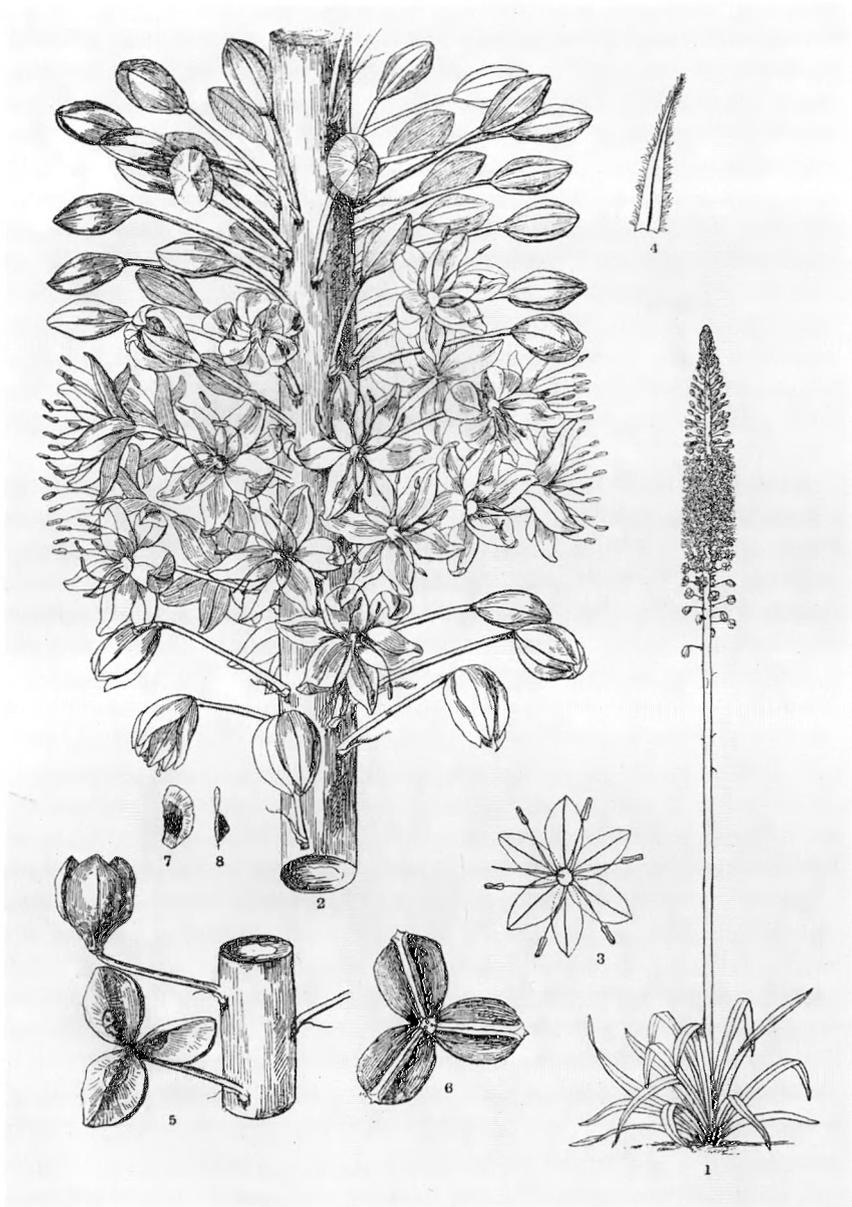
Eremurus comosus O.Fedtsch.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

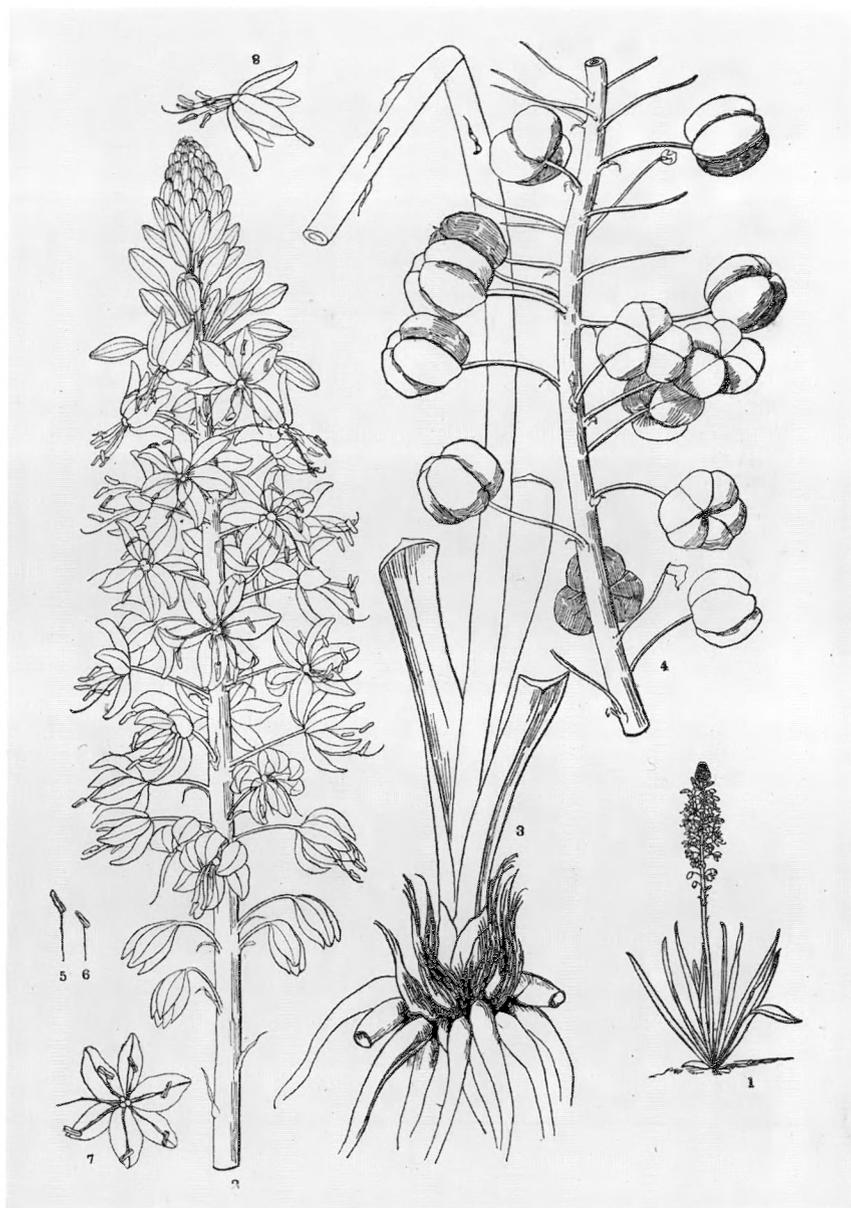
Eremurus olgae Rgl.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

Eremurus robustus Rgl.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

Eremurus lactiflorus O. Fedtsch.

(таблица из книги Б.А. Федченко "Флора Азиатской России. Лилейные (*Liliaceae*)".
Обработала О.А. Федченко)

они были опубликованы еще раз в известном серийном издании МОИПа “Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи”⁸¹¹. В этой работе О.А. поместила маршрут Памирской экспедиции, а также критический перечень 262 видов “с экологической характеристикой и указанием местонахождений”⁸¹². В ней также описано семь новых видов, собранных в долине Аличура, озер Сассык-куль и Яшиль-куль, перевала Ак-Байтал и др., в т.ч.: *Oxytropis bella* B. Fedtsch. (С. 21–22), *Astragalus tulinoovii* B. Fedtsch. (С. 27), *A. alitschuri* B. Fedtsch. (С. 28–29), *Pyrethrum pamiricum* O. Fedtsch. (С. 37), *Tanacetum kuschakewiczii* O. Fedtsch. (С. 40–41), *Androsace akbajtalensis* Derganc (С. 50), *Eritrichium pamiricum* B. Fedtsch. (С. 53–54); также упоминается о новом виде *Alopecurus micronatus* Hackel (С. 79). Помимо этого приводится список из 60 растений, собранных в 1899 г. Н. Вельтман.

Вообще, 1902–1903 гг. выдались у Ольги Александровны чрезвычайно напряженными. Покончив с “Растениями Памира”, она без промедления приступила к работе над “Флорой Памира”, точнее, эта работа шла параллельно. Весной 1902 г. Борис Алексеевич был командирован в Европу для знакомства с крупнейшими тамошними ботаническими садами. Они с Ольгой Александровной почти ежедневно переписывались (впрочем, как всегда, когда им приходилось разлучаться, что случалось все чаще и чаще), она сообщала ему о том, как продвигается ее работа, а также давала поручения, которые он выполнял для нее в ботанических садах. О.А. в это время занималась не терпящими отлагательства текущими делами, связанными с корректурами Б.А. Например, 26 марта 1902 г. О.А. отсылает Б.А. список сделанных для него дел, состоящий из четырех пунктов, в том числе за № 4 идет следующее: “Отправила в Канцелярию рукописи Флерову, что вчера... не могло быть сделано”⁸¹³. 30 марта 1902 г. О.А. пишет: “Сижу за корректурой; Липский хочет набрать до отъезда вчерне все, а ехать завтра. Сабашников требует рукопись Маевского телеграммой...”⁸¹⁴. 4 апреля: «Опять сижу за грудой корректур... Затребую сверстанное для составления алф[авитного] указателя, – и добавляет. – Чувствую себя прекрасно, как всегда,

⁸¹¹ Федченко О.А. Растения Памира, собранные в 1901 г. Б.А. и О.А. Федченко // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отделение ботаники. М., 1905. Вып. 5. С. 1–87.

⁸¹² Марголина Д.Л. Флора и растительность Таджикистана... С. 243 (№ 1215).

⁸¹³ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 34; А.Ф. Флеров однокурсник, друг, коллега и неоднократный соавтор Б.А.

⁸¹⁴ Там же. Л. 37. В данном случае речь, видимо, идет о третьем издании “Флора Средней России” П. Маевского или его же, и тоже третьем, издании “Осенняя флора Средней России”. Обе книги вышли в свет в 1902 г.

когда столько дела, чтодохнуть некогда. Вчера, в бескорректурный день, переписала кусочек Памира и почитала “Мир Божий”. А уж киснуть не согласна»⁸¹⁵. Примерно 18 апреля (письмо датировано по дате получения) О.А. обращается с просьбой: “Если будешь в гербарии Kew и иметь время... посмотри, нет ли там такого *Corispermum*, как наш памирский – судя по всему, что есть здесь, это новый вид: карликовый (все-[же меньше 10]) экз[емпляров] укладываются на 1 ярлык, однолетний, корень нитевидный и верхняя часть его в трубочке, усаженной песчинками, листья мясистые, тугие, узкие...”⁸¹⁶.

Результатом этой напряженной деятельности стал выход в свет уже в 1903 г. исследования О.А. Федченко “Флора Памира. Собственные исследования и свод предыдущих” с 8 таблицами и картой. Работа начиналась очерком истории изучения флоры Памира. Далее приводился список 509 видов с указанием точного места и времени сбора (включая точные высоты) и критическими замечаниями. Перечень основывался не только на личных наблюдениях Ольги Александровны, но также на тщательном изучении литературных данных и нескольких доступных ей гербариев памирской флоры, в том числе коллекции полковника А.А. Кушкаревича, Д.Л. Иванова, К.А. Бржезицкого, П.С. Назарова, графа А.А. Бобринского, частично гербария С.И. Коржинского, а также Н.Э. Вельман. О.А. очень внимательно относилась к точности данных, как своих, так и почерпнутых из литературы. В предисловии к изданию она отмечала: “Если данный вид указан для Памира неверно, или местность неправильно отнесена к Памиру, или неточно определение, он приводится в моей работе не жирным шрифтом, а простым... После названия вида и цитат из тех авторов, которые дали его описание, из флор Ледебера (*Flora Rossica*), Буасье (*Flora Orientalis*) и Гукера (*Flora of British India*) и из монографий, я привожу... и ссылки на те сочинения, в которых он указан для Памира (если есть такие указания); если указание неверно, привожу тут же поправку”⁸¹⁷. Также О.А. составила сравнительную таблицу распространения памирских видов в других частях Азии и Европы. “Как видно из прилагаемой таблицы, – писала О.А., – наиболее сходна флора Памира с флорой Тянь-Шаня (63%) и Памироалая (62%), затем с флорой Афганистана, Гиндукуша и Гималаев (54% общих видов); за ними следует Северная Азия (47%), Джунгарский Алатау с Тарбагатаем (40%), Европа (39%), Персия, Передняя Азия и Кав-

---

⁸¹⁵ Там же. Л. 38, 38 об.

⁸¹⁶ Там же. Л. 45.

⁸¹⁷ Федченко О.А. Флора Памира... С. 9.

каз (38%). С другими, кроме перечисленных горных, равнинными местностями Туркестана Памир имеет 32% общих видов; во внутреннем Тибете видов общих с Памиром, 25%, что при бедности Тибетской флоры, уже представляет заметную величину; в Китайском Туркестане и Монголии их тоже 25%. Наименее сходен с Памиром – Китай с Японией и Кореей (21%), что и естественно при разнице в климате и влажности. Кроме того значительное количество памирских растений имеет очень широкое распространение, встречаясь не только в Туркестане, Средней и Северной Азии и Европе, но и в других странах (Америке, Африке, Австралии), не выделенных особо в нашей таблице; таких растений тоже насчитывается до 32%”⁸¹⁸. В таблице также были отмечены эндемические виды, найденные на момент выхода книги только на Памире, таких насчитывалось 29 видов, то есть около 7% от общего числа. Ольга Александровна, однако, была уверена, что все эти данные в будущем будут уточняться. “Само собою разумеется, – писала она, – что данные эти имеют лишь временное значение: при дальнейших исследованиях Памира число видов, свойственных ему, конечно, возрастет, хотя и не особенно значительно; некоторые из видов, которые для него теперь указываются, может быть окажутся собранными в местностях не памирского характера, и наоборот, могут подтвердиться для собственно Памира такие указания, достоверность которых теперь подвергается сомнению”⁸¹⁹. Ольга Александровна указала также на причины видовой скудости памирской флоры и дала краткую характеристику растительности края: “Высота местности (12.000' – 23.000') над уровнем моря, малое количество осадков, сухость климата, постоянный ветер, палящие лучи солнца, морозы, продолжающиеся по ночам по крайней мере большую часть года – вот условия, при которых развивается растительность Памира, по своему ксерофильному характеру имеющая мало общего с Тибетской; это по большей части, многолетние травы или полукустарники, образующие прижатые к земле подушки, низкорослые, с толстыми корнями, с листьями узкими, колючими или покрытыми густыми волосками, уменьшающими испарение. Возле воды, по берегам рек и озер, она сменяется тоже травянистыми растениями, свойственными солонцеватым кочкарным болотам, и только изредка по руслу рек встречаются жалкие кустики тамариска (*Myricaria*), и в виде исключения, в хорошо защищенных местах, кусты ивняка. Растительность в общем очень бедна и однообразна...”⁸²⁰. В работе был

---

⁸¹⁸ Там же. С. 239.

⁸¹⁹ Там же. С. 239.

⁸²⁰ Там же. С. 9–10.

описан новый вид *Astragalus kuschakewitschi* В. Fedtsch. и несколько новых разновидностей.

“Флора Памира” вызвала широкий отклик среди ботанического сообщества. С. Григорьев, например, писал: «Выход в свет “Флоры Памира” представляет выдающееся явление в ботанической литературе. До последнего времени по флоре этого любопытного и в последнее время сравнительно часто посещаемого уголка земного шара существовало всего 3 кратких списка растений с краткими обозначениями местонахождений... – и только. ... Настоящая книга совмещает в себе как все уже существующие литературные указания по флоре Памира..., так и целый ряд интереснейших гербарных сведений... Лежащая перед нами книга представляет критическую сводку всего этого материала... При новых видах приведены, как и полагается, диагнозы на латинском и русском языках»⁸²¹. Внимательно изучив предложенные данные, С. Григорьев предположил, что “быть может, и флору Памира тоже следует считать пришлой из соседних горных стран, как это уже предполагается теперь относительно фауны”⁸²². В. Талиев посвятил более страницы подробному описанию работы О.А. в своем очерке “Русская ботанико-географическая литература в 1903 г.”. Он особенно отмечает скудность памирской растительности и восклицает: “Во всей флоре Памира насчитывается в настоящее время всего 485 видов цветковых и сосудистых споровых растений, причем для некоторых из них показания сомнительны. Приведенная цифра поразительно мала, если принять во внимание, что даже во флоре Московской губ[ернии] Кауфмана приводится 941 вид”⁸²³. Остановившись особо на общих географических и климатических условиях, приведших к бедности памирской флоры, Талиев отмечал: “При общей бедности флоры Памира, конечно, и отдельные семейства представлены в ней слабо. Только некоторые из них, как то: крестоцветные, мотыльковые, сложноцветные – сравнительно богаты отчасти вполне оригинальными представителями. Зато из орхидных, например, приводится единственный вид – *Orchis turcestanica*”. Единственное, что вызвало неудовольствие критика – это строго-научный характер исследования: «“Флора Памира” О. Федченко, к сожалению, преследует узкоспециальные цели, представляя собой исключительно критический сводный

---

⁸²¹ Григорьев С. Ольга Федченко. Флора Памира // Естествознание и география. 1904. № 3. С. 79.

⁸²² Там же. С. 80.

⁸²³ Талиев В. Русская ботанико-географическая литература в 1903 г. (продолжение) // Естествознание и география. 1904. № 6. С. 36.

список растений...»⁸²⁴. В письме от 15 января 1905 г. О.А. пересказывала сыну найденное с опозданием послание одного из зарубежных коллег: «В гербарии я неожиданно нашла подкидышей: и каталог Мейера, и письмо О...⁸²⁵ Paulsen от 8 (их) января. ... Оно совсем любезное; он очень огорчен..., что его *Compositae* и пр., вышедшие в апреле, не попали в мою книгу, которая будет “a standard-list” Памирской флоры», – не без гордости пишет О.А.⁸²⁶ Современные исследователи вполне разделяют высокое мнение об этой работе. Например, С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко, говоря о научном значении “Трудов Императорского С.-Петербургского ботанического сада”, называют несколько наиболее важных сочинений, опубликованных в этом издании: «Именно в “Трудах”, – пишут они, – опубликованы капитальные монографии, флоры, флоры, описания растительности и другие сочинения. Так, из... крупных флор (отметим. – О.В.) – И.В. Палибина “*Conspectus florae Koreae*” (I–III, 1889–1901), В.И. Липского “Материалы для флоры Средней Азии” (I–III, 1901, 1904, 1909), В.Л. Комарова “Флора Маньчжурии (I–III, 1901, 1904, 1905, 1907), О.А. Федченко “Флора Памира” (1903) с 5 дополнениями (1905–1915), Б.А. Федченко “Флора Западного Тянь-Шаня” (1904), А.Ф. Флерова “Окская флора” (I–III, 1907, 1908, 1910)»⁸²⁷. Таким образом, “Флора Памира” О.А. стоит в одном ряду с крупнейшими флорами, созданными в России в начале XX в.

В последующие годы О.А. выпустила в свет пять “Дополнений к Флоре Памира”. “Первое дополнение к Флоре Памира”⁸²⁸ было опубликовано в 1905 г. Оно представляло собой перечень 150 видов памирских растений, составленный на основании коллекций Н.Л. Корженевского и О. Паульсена. В том же году появилось “Второе дополнение к Флоре Памира”⁸²⁹. В этой работе содержался перечень 198 памирских видов с указанием их местонахождений. Она была выполнена с использованием сборов, сделанных Б.А. Федченко во время экспедиции 1904 г. (в которой О.А. его не сопровождала). Здесь описывался новый вид *Astragalus akbaitalensis*, найденный на перевале Ак-Байтал. “Тре-

---

⁸²⁴ Там же. С. 37.

⁸²⁵ Неразборчиво.

⁸²⁶ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 71 об.

⁸²⁷ Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР: Исторический очерк. Л., 1968. С. 45–46.

⁸²⁸ Федченко О.А. Первое дополнение к Флоре Памира // Тр. С.-Петербургского Ботанического сада. 1905. Т. XXIV. Вып. 2. С. 123–154.

⁸²⁹ Федченко О.А. Второе дополнение к Флоре Памира // Тр. С.-Петербургского Ботанического сада. 1905. Т. XXIV. Вып. 3. С. 313–355.

тье дополнение к Флоре Памира”⁸³⁰ появилось в 1908 г. В нем содержался перечень 151 вида, сделанный по гербариям Л.В. Хорева и Д.Л. Иванова, а также с учетом поправок ряда авторов. Параллельно О.А. работала над “Определителем Памирских растений”⁸³¹, вышедшим в конце концов двумя изданиями и содержащим таблицы для определения семейств, родов и видов памирской флоры. Всего в нем упоминается 181 вид. Вначале О.А. предполагала, что он может быть издан в качестве 4-го “Дополнения” и советовалась об этом с сыном, так же как и о картах, которые предполагалось разместить в 3-м “Дополнении”: «Корректурой Определителя пам[ирских] раст[ений] еще не получала, – пишет она Б.А. 3 июля 1907 г. – Надеюсь, что ты для *Taraxalum...* воспользуешься монографией Handel-Mazzetti. Предисловие же к “3-му Дополнению” уже написано; вставь, пожалуйста, дополнительно, что тут же дается “Определитель”, если не думаешь, что лучше “Определитель” пустить в качестве 4-го Дополнения. Это очень хорошо, что можно будет издать таблицы рисунков; а как на счет Карты географического распространения? Составлять ли их и издавать ли, и в каком виде, на мал[еньких] и больших картах, каждый вид отдельно или все или по несколько видов на одной карте? Или же об них отложить попечение?»⁸³². “Четвертое дополнение к Флоре Памира”⁸³³ вышло в 1909 г. Это перечень 260 видов, часть из которых прежде не указывалась в работах О.А., для некоторых указанных ранее, были даны новые местонахождения. Реферат этой работы, видимо написанный Б.А., был помещен в № 6 “Русского ботанического журнала” за 1909 г.: «Автор составил свод новых данных по флоре Памира, – пишет референт, – преимущественно на основании той части гербария Ф.Н. Алексеенко, которая была получена для обработки от Императорской Академии наук. Кроме того, приняты во внимание опубликованные материалы по флоре Памира, опубликованные Паульсенем и Danguy. В результате получились новые данные (сравнительно с “Флорой Памира” и первыми тремя к ней дополнениями) о распространении 260 видов, из коих 252 относятся к числу сосудистых. Значительное число видов приводится для Памира впервые, а один (*Silene karaczukuri* B. Fedtsch.) описывается

---

⁸³⁰ Федченко О.А. Третье дополнение к Флоре Памира // Тр. С.-Петербургского Ботанического сада. 1908 (1912). Т. XXVIII. Вып. 1. С. 97–126.

⁸³¹ Федченко О.А. Определитель Памирских растений. Юрьев, 1907; Федченко О.А. Определитель Памирских растений // Тр. С.-Петербургского Ботанического сада. 1908 (1912). Т. XVIII. Вып. 1. С. 127–190.

⁸³² СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 166, 166 об.

⁸³³ Федченко О.А. Четвертое дополнение к Флоре Памира // Тр. С.-Петербургского Ботанического сада. 1909 (1912). Т. XXVIII. Вып. 3. С. 453–514.

как новый»⁸³⁴. Наконец, в 1914 г. О.А. опубликовала последнее, пятое дополнение: “Пятое дополнение к Флоре Памира”⁸³⁵. Это систематический перечень 216 памирских видов, с указанием местонахождений. В работе описано четыре новых вида: *Draba korshinskyi Pohle* (найден на перевалах Ак-Байтал, Кой-Тезек, около озера Яшил-куль и др.); *D. pamirica Pohle* (собиран на Каратегине, хребте Сарыкол и др.), *D. tianschanica Pohle* (распространен на реках Кок-Сай, Чатыр-Таш и др.) и, наконец, *Potentilla pamirica Th. Wolf* (найденный в долине Аличура). Ольга Александровна также привела здесь подробные маршруты нескольких памирских экспедиций, в том числе Б.А. Федченко (1911 г.), Д. Букинич (1913 г.), О.Э. Кнорринг (1913 г.). В воспоминаниях, посвященных Ольге Александровне, Борис Алексеевич упоминал о том, что существовала еще одна не опубликованная при жизни рукопись О.А., посвященная памирской флоре: “В рукописи имеется новая сводка по Памиру, которую и постараемся напечатать”, – пишет Б.А. в 1924 г.⁸³⁶ Однако это намерение не было исполнено.

23 января 1908 г. О.А. выступала на заседании Физико-математического отделения Академии наук, позднее она опубликовала текст этого выступления в виде небольшой заметки: “О некоторых растениях Памира”⁸³⁷. Заметка содержала критические замечания о некоторых памирских растениях из семейства губоцветных и норичниковых, собранных О. Паульсеном и описанных им и И. Брике в качестве новых видов, с чем О.А. была категорически и строго обоснованно не согласна. Но помимо тщательного разбора нескольких спорных случаев, в своем выступлении и, позднее, в статье О.А. сформулировала задачи, стоящие перед исследователями, изучающими флору Памира. Она не могла не упомянуть тот факт, что некоторые важнейшие гербарии, содержащие образцы памирской флоры и принадлежащие Академии наук, в частности гербарии Коржинского и Алексеенко, длительное время оставались необработанными, в то время, как эти ученые посетили местности, никем другим не обследованные. (В предисловии к первому изданию “Флоры Памира” О.А. не раз отмечала, что не могла использовать тот или иной гербарий, принадлежащий Академии наук, что не могло ее не расстраивать.) Вообще, изучение местностей Памира, еще не затронутых исследова-

⁸³⁴ Русский ботанический журнал. 1909. № 6. С. 112.

⁸³⁵ Федченко О.А. Пятое дополнение к Флоре Памира // Тр. Ботанического сада. 1914 (1915). Т. XXXI. Вып. 3. С. 441–490.

⁸³⁶ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87.

⁸³⁷ Федченко О.А. О некоторых растениях Памира // Изв. Академии наук. 1908. Сер. VI. № 3. С. 275–280.

дователями, по мнению О.А., несомненно стояло на повестке дня: подобная работа должна была принести “некоторое число форм еще не известных из этой области”⁸³⁸, однако не это было главным. “Дальнейшая задача исследования Памира в ботаническом отношении..., – писала О.А., – состоит, главным образом, в более детальном изучении растительных формаций или сообществ, по местностям различного характера: каменистые пустыни, горные склоны, берега речек, альпийские лужайки, солонцеватые болота, песчаная пустыня. Для этого необходимы, кроме сборов, возможно детальные записи на месте”⁸³⁹. Как раз для того, чтобы облегчить возможность предварительного определения живых растений на местности О.А. и предназначала свой “Определитель Памирских растений”. Подобное определение прямо на местности, по мнению О.А., могло избавить от сборов излишних экземпляров уже известных видов, облегчить изучение географического распространения этих видов, а также выделить то, что может оказаться новым для Памира. Далее, О.А. считала необходимым “установить точнее границы области, занимаемой флорой Памирского характера”, поскольку граница, которую О.А. сама нанесла на карту, “является лишь предварительной”⁸⁴⁰. Наконец, О.А. считала, что “очень важно выяснить более детально экологические условия растительности Памирских хребтов, сравнивая их, по растительности, с высокогорными областями Бухары, Алая и Гиндукуша, а для полного изучения Памирских долин необходимо сравнивать их с Монголией и Тибетом”⁸⁴¹. Таким образом, перед нами целая программа подробного исследования растительности Памира, частично исполненная самой О.А. в последующие годы, частично выполнявшаяся ее более молодыми коллегами во время их экспедиций в указанные районы.

---

⁸³⁸ Там же. С. 279.

⁸³⁹ Там же. С. 279.

⁸⁴⁰ Там же. С. 279–280.

⁸⁴¹ Там же. С. 280.

Продолжение работ по флоре Туркестана в начале XX в.

Сотрудничество с Императорским С.-Петербургским Ботаническим садом

Однако флора Памира не являлась единственным увлечением О.А. 1897–1921 гг. – наверно, самые напряженные годы в жизни Ольги Александровны. Именно в этот период она публикует большинство своих научных работ (в целом около 100), часто работая параллельно над несколькими изданиями; в своем подмосковном имении она создает акклиматизационный сад, который быстро приобретает, без преувеличения, всемирную известность; она посвящает много времени разбору и приведению в порядок гербариев С.-Петербургского ботанического сада, находит время для того, чтобы помогать сыну, который все чаще отсутствует, проводя время в экспедициях, сама совершает несколько научных поездок в Туркестан, а также в Европу. Ее трудоспособность поражает.

Зимой Ольга Александровна жила в Петербурге, снимая вместе с сыном квартиру по адресу ул. Песочная, д. 19. Здесь хранились ее личные гербарные коллекции, здесь она проводила время за разбором гербариев. Здесь собирались ее друзья и коллеги. Л.В. Ошанин, сын В.Ф. Ошанина, друга юности О.А., переехавшего в Петербург из Ташкента после своей отставки в 1906 г., вспоминал: “У своих друзей – ботаников Ольги Александровны и Бориса Алексеевича Федченко – отец встречался с ботаниками и другими естествоиспытателями, там бывал и наш знаменитый писатель Владимир Галактионович Короленко... Однако и Бартольд⁸⁴², и мать и сын Федченко, да и сам Василий Федорович, будучи людьми очень занятыми, встречались относительно редко, никак не чаще одного раза в месяц, а то и реже”⁸⁴³. Во время

⁸⁴² Имеется в виду В.В. Бартольд, историк, друг В.Ф. Ошанина.

⁸⁴³ Ошанин Л.В., Азатьян А.А. Василий Федорович Ошанин. Очерки жизни и деятельности. М., 1961. С. 36.

пребывания в Петербурге большую часть времени О.А. проводила в гербарии С.-Петербургского Ботанического сада. Старое помещение гербария-библиотеки сада располагалось здесь же на Песочной улице. В.И. Липский в историческом очерке, приуроченном к 200-летию юбилею сада, писал: “Выстроено новое здание для гербария и библиотеки. Оно построено внутри Сада на углу между р. Карповкой и Аптекарским проспектом. Трудно себе представить, какое это имеет значение для тех, кто в последние годы работал в старом помещении гербария-библиотеки (на Песочной ул.), которое было так загромождено и завалено, что повернуться было негде. Достаточно сказать, что из всего персонала лишь двое имели нечто вроде кабинетов. Все же прочие работающие, и служащие, и только занимающиеся (а их прибавилось очень много, особенно благодаря переселенческим почвенно-ботаническим экспедициям), размещались кое-как в промежутках между шкапами гербария и библиотеки. Доступ к гербарии в некоторых местах сделался совершенно невозможным”⁸⁴⁴. Только в конце августа 1911 г. состоялась закладка нового здания гербария и библиотеки, построенного, правда, в кратчайшие сроки: уже летом 1913 г. гербарий переехал из старого здания в новое. В.И. Липский, надо полагать, также проводивший в старом, захламенном помещении немало времени, не мог скрыть своего восторга: “Событие это – громадной важности для Императорского Ботанического Сада и это здание, где начнется новая эра научной жизни, нужно считать одним из лучших подарков Ботаническому Саду ко дню его юбилея”⁸⁴⁵. Заметим в скобках, что это прекрасное и величественное здание благополучно пережило все, что ни послало на его долю XX век, и сегодня, так же, как и в 1913 г., открывает свои двери перед исследователями.

Можно предположить, что с постройкой нового здания гербария все его сотрудники, включая О.А., вздохнули с облегчением. До революции 1917 г. Ольга Александровна не являлась официальной сотрудницей С.-Петербургского Ботанического сада. Но фактически она ею, несомненно, была. Поэтому неудивительно, что историки науки XX в. причисляют ее к официальному штату Сада: “Нашим долгом является перечислить главнейших работников Гербария, отдавших ему много сил и труда в эти годы (1871–1917. – О.В.) (перечисляем их в алфавитном порядке с оговоркой, что некоторые лица юридически числились сотруд-

---

⁸⁴⁴ Липский В.И. Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 1. СПб., 1913. С. 350.

⁸⁴⁵ Там же. С. 351.

никами других отделов Сада, хотя основную работу вели в Гербарии): Н.А. Буш, К.Ю. Винклер, В.А. Дубянский, М.И. Ильин, И.Г. Клинге, О.Э. Кнорринг, В.Л. Комаров, С.И. Коржинский, К.К. Косинский, И.М. Крашенинников, И.В. Кузнецов, Н.И. Кузнецов, В.И. Липский, З.А. Минквиц, А.И. Михельсон, И.В. Новопокровский, И.В. Палибин, Р.Р. Пле, Р.Ю. Рожевиц, С.Ю. Туркевич, Б.А. и О.А. Федченко, А.Ф. Флеров, Н.В. Шипчинский, И.Ф. Шмальгаузен”, – пишут С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко⁸⁴⁶. Подобная ошибка неудивительна: во всем, кроме названия (и заработной платы), О.А. не отличалась от сотрудников Сада. Ее научные исследования, несомненно, находились в общем русле работ, предпринимаемых Садам в этот период. Время с 1871 по 1917 г. современные историки считают вторым периодом в истории развития С.-Петербургского Ботанического сада. «Это было время дальнейшей усилившейся работы над приведением в порядок Гербария, превращения его из склада труднодоступных, хаотически расположенных отдельных коллекций в целостный “организм”, отвечающий научным требованиям. Одновременно – это период создания сильного коллектива флористов и систематиков, обеспечивающих пополнение Гербария и научную разработку накопленных им богатств», – отмечают С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко, одновременно замечая, что: “С 1897 г. деятельность Гербария начинает развиваться особенно оживленно”⁸⁴⁷. Ольга Александровна провела немало времени, разбирая и приводя в порядок гербарные коллекции Императорского Ботанического сада: “Говоря о научных работах Ольги Александровны, необходимо упомянуть также о весьма обширных работах по приведению в научный порядок различных коллекций, принадлежащих Императорскому Ботаническому Саду. Даже при основательном знании растений русской флоры и умении узнавать эти растения подчас по совершенно недостаточным экземплярам – требовалась большая затрата времени и силы, чтобы выполнить всю массу принятой на себя работы”, – пишет Б.А. в биографии О.А. в 1915 г.⁸⁴⁸ Умение О.А. определять чрезвычайно редкие, или неудачные, или попорченные растения и семена со временем стало цениться очень высоко среди ее коллег-ботаников. Например, практически каждое письмо из “Помологического сада и питомника д-ра Э. Регеля и Я.К. Кессельринга”, с владельцами которого Ольга Александровна в 1900-е гг. состоя-

---

⁸⁴⁶ Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР... С. 46.

⁸⁴⁷ Там же. С. 45.

⁸⁴⁸ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим Садам. Пг., 1915. С. 94.

ла в постоянной переписке, начиналось (или заканчивалось) примерно такими словами: “Приношу вам мое искреннее извинение за ошибку в неточном определении сортов *Iris*. ...Ваши сведения относительно этих сортов оказались вполне верными. Приношу Вам за Ваши любезные сведения относительно этих сортов мою глубокую благодарность и надеюсь, что Вы и впредь не откажете мне в Вашем просвещенном содействии...”⁸⁴⁹ (1903 г.); или: “Приношу нашу искреннюю благодарность за столь любезное определение интересных семян, которые мы приняли сперва за какой-нибудь вид из семейства *Aroideae*; внешнее сходство действительно большое... В. Кессельринг”⁸⁵⁰ (1908 г.) и пр.

Основные проблемы, разрабатывавшиеся в Саду в это время, были следующие: “1. Монографическое изучение отдельных, различного ранга и объема, таксономических групп растительного мира. Это был вклад в развитие систематики растений в целом. Особенно потрудились в этом деле К.И. Максимович, Э.Л. Регель, С.И. Коржинский, К.Ю. Винклер, Н.И. Кузнецов, В.Л. Комаров, Б.А. Федченко, О.А. Федченко, В.И. Липский. 2. Планомерная обработка флор как России, так и прилегающих к ней стран. Именно к первой половине данного периода относится начало углубленного познания богатых, едва затронутых исследованием флор Дальнего Востока, Туркестана, Центральной Азии, в меньшей степени Сибири и Кавказа. Постепенно, по мере накопления материалов и увеличения числа специалистов, работа в этом направлении расширялась и углублялась”, – как считают С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко⁸⁵¹. В этом последнем также нельзя было бы не упомянуть имени О.А.

Надо отметить, что О.А. не только раскладывала, определяла и приводила в порядок гербарные коллекции сада, что было просто необходимо для проведения ее научных исследований: “Сейчас кончила наклеивать вновь присланный гербарий, который мне очень надоел, потому что много в нем было растений и чрезмерных”, – пишет, например, О.А. сыну 15 января 1904 г.⁸⁵² Ее сборы существенно дополнили эти коллекции и даже положили начало некоторым из них. “Справедливость требует упомянуть об одном весьма ценном приобретении, сделанном Гербарием..., – пишет В.И. Липский. – В начале 70-х годов поступил туркестанский гербарий, собранный Ольгой Александровной Федченко. Гербарий этот нигде в наших книгах не числился, поэтому,

---

⁸⁴⁹ СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 16.

⁸⁵¹ Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР... С. 45–46.

⁸⁵² СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 71.

вероятно, что собственно говоря нельзя было указать момента, когда он поступил. Э. Регель, обрабатывая этот туркестанский гербарий (принадлежащий Имп. Моск. Общ. Люб. Ест., Антропол. и Этногр.), постепенно откладывал дублиеты и для Императорского Ботанического Сада и в течение нескольких лет, с окончанием обработки, образовалась ценная коллекция около 1500 видов в 4000–5000 экземплярах. Собственно эта коллекция и положила начало Туркестанскому гербарию⁸⁵³. Окончательно Туркестанский гербарий оформился как отдельная коллекция Гербария С.-Петербургского Ботанического сада примерно к 1907 г., после того как Б.А. Федченко был назначен заведовать всем Гербарием сада. “Это внушительный гербарий (более 200 разных коллекций), – пишет В.И. Липский. – ...он занимает целую верхнюю линию (налево от входа) Общего гербария и включает 400 пачек... вмещает в себе свыше 3000 видов и особенно замечателен огромным количеством дублетных экземпляров. Столь полно представленной флоры я не видал ни в одном европейском или американском гербарии. Есть виды, представленные сотней экземпляров; а между тем еще существовало и существует множество дублетных экземпляров, предназначенных для обмена. Некоторые отделы Туркестанского гербария разработаны монографически: *Cousinia* – К. Винклером, *Astragalus* и *Oxytropis* – мной и Б.А. Федченко; целый ряд *Umbelliferae*, *Boraginaceae*, *Labiatae* и др. – мной, *Eremurus*, – О.А. Федченко и т.д.”⁸⁵⁴. Современные историки не оспаривают тот факт, что основой одного из самых ценных в Европе гербариев растительности Туркестанского края, послужили сборы О.А., сделанные ею еще во время экспедиций 1868–1871 гг.: “Туркестанский, или Среднеазиатский гербарий... был основан Э.Л. Регелем. Ядром его явились сборы О.А. Федченко, к которым постепенно присоединялись коллекции как старых исследователей (А. Лемана, Г.С. Карелина и И.П. Кирилова, Л.И. Шренка, П.П. Семенова и многих других), так и более новых”, – пишут С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко⁸⁵⁵. Помимо этих коллекций, в 1904 г. О.А. передала в дар Гербарию С.-Петербургского Ботанического сада коллекцию, собранную ею в Крыму, – 160 видов, а также (совместно с Б.А.): в 1906 г. – коллекцию *Carices* Можайского уезда Московской губернии (12 видов); в 1907 г. – гербарий растительности Ферганской области и Алая – собранный в 1901 и 1904 гг.

---

⁸⁵³ Липский В.И. Гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада (1823–1908). Юрьев, 1908. С. 15–16.

⁸⁵⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵⁵ Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР... С. 50.

(244 вида); в 1908 г. – гербарий Туркестанский, преимущественно Алая, сборы 1901, 1904 гг. (131 вид)⁸⁵⁶. В.И. Липский также упоминает как частично переданный Б.А. гербарий, собранный на Памире в 1901 г. (262 вида, 1000 номеров), в Шугнанах, тоже 1901 г. (320 видов, 1000 номеров), в то время как эти коллекции собирались Б.А. и О.А. совместно, и некоторые другие⁸⁵⁷. Таким образом Ольга Александровна внесла весьма значительный вклад в том числе и в пополнение гербарных коллекций С.-Петербургского Ботанического сада и этот вклад был оценен по достоинству: “Среди многих чрезвычайно важных коллекций, добавленных к гербариям в 1800-е и ранние 1900-е гг., – пишет, например, Shetler Stanwyn G., – коллекции К.Ф. Ледебур (1785–1851)...., К.А. Мейера, Траутфеттера, Ф. Фишера, Турчанинова, Комарова и Б.А. и О.А. Федченко несомненно наиболее значительны”⁸⁵⁸.

Вместе со всеми работниками сада О.А. пережила тревожные январские дни 1905 г. Так, 8 января 1905 г. она пишет Борису Алексеевичу: “Общая стачка наборщиков. Сегодня не вышло ни одной газеты, кроме Прав[ительственного] Вестн[ика]... Вчера забастовали рабочие Эйлера (кроме истопников) (и приглашали к этому же рабочих Бот[анического] Сада, кот[орые], однако, продолжают работать. На нашем дворе рабочих заставили прекратить работы, против их желаний, но бунтовать они все-таки не пошли”⁸⁵⁹. Нельзя сказать, чтобы О.А. вообще не обращала внимания на политические события. Скорее наоборот: она интересовалась происходящим в мире, выписывала газеты, обсуждала наиболее интересные новости с сыном даже в письмах, просто все это каким-то образом отходило на второй план перед ее научной работой, и никакая забастовка не могла помешать О.А. пойти в Гербарий или отложить свои исследования. Например, в том же самом письме от 8 января она пишет о своих текущих делах: «Сегодня приносили в гербарий мои оттиски, но 2 странички в предисловии все-таки не вставлены; я их не приняла и, по совету Г.И., написала об этом директору, дабы не рассылались в так[ом] виде “Труды”. Оттиски взяли обратно в типографию. ...встала поздно и провозилась с посылками, кот[орые] дворник повез на большую почту, а потому просидела утром в герб[арии] до 2 часов. Начала наклеивать, но не все разложено, и я думаю продолжать раскладку”⁸⁶⁰.

---

⁸⁵⁶ Липский В.И. Гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада... С. 168–169.

⁸⁵⁷ Там же. С. 168–169.

⁸⁵⁸ Shetler Stanwyn G. The Komarov Botanical Institute: 250 years of Russian Research. Washington, D.C., 1967. P. 30.

⁸⁵⁹ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 108.

⁸⁶⁰ Там же. Л. 108 об., 109.

Ольгинский акклиматизационный сад. Монографическое изучение рода *Eremurus*

В конце марта – начале апреля Ольга Александровна обычно переезжала в свое подмосковное имение. Ольгино, небольшое имение с крохотной деревней при нем, находилось в нескольких верстах от Можайска. По воспоминаниям Б.А. Федченко, еще в начале 90-х гг. XIX в. у О.А. возникла идея “не ограничиваться сбором растений, изучением их – предварительным, на месте, и детальным по гербарным образцам, а приступить к акклиматизации южных и восточных растений под Москвой, с тем, чтобы подробнее и лучше изучать эти растения в живом виде. Эту мысль, – пишет Б.А., – привелось О.А. осуществить не сразу и только в 1895 г. ей удалось в Можайском уезде (Московской губ.) устроить небольшой акклиматизационный Сад, который и стал ее излюбленным местом работы в течение последовавших 25 лет”⁸⁶¹. Работа по разбивке сада оказалась нелегкой. О.А., конечно, нанимала помощников из окрестных крестьян, но и сама работала с ними наравне. Б.А. вспоминал: «Сколько усилий, начиная с чисто физической работы, при отсутствии садовника, при неопытности и недостатке рабочих, приходилось выносить О.А., не говоря уже о затрате ее более чем скромных средств, это известно только тем, кто мог ближе видеть О.А. во время ее летнего “отдыха”. Результаты этой неустанной работы давали ей высокое наслаждение. Видеть у себя дома своих туркестанских любимцев – эремурусы, ирисы, тюльпаны, вводить новые растения, описывать или давать другим ученым материалы для критического исследования, – вот, что доставляло О.А. наивысшее наслаждение»⁸⁶².

Интерес Ольги Александровны к эремурусам восходит еще к ее первой Туркестанской экспедиции 1869–1871 г. Еще в 1870 г. она прислала из Туркестана в Ботанический сад Московского университета клубни *E. robustus* Rgl. Этого, по словам О.А., “самого высокого... и самого красивого вида”. Клубни были посажены, и в 1871 г. растения не только взошли, но и зацвели⁸⁶³. Рисунок цветущего *E. robustus*, впервые введенного в культуру О.А., в 1873 г. был помещен в журнале “Вестник Садоводства”. В том же 1870 г. О.А. открыла еще один вид эремурусов – *E. turkestanicus*. Во время поездки в Чимган в 1897 г. О.А. активно собирала клубни и семена эремурусов, а также ирисов и тюльпанов, в надежде,

⁸⁶¹ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 86.

⁸⁶² Там же. С. 86.

⁸⁶³ Федченко О.А. Культура Эремурусов. СПб., 1904. С. 3–4.

что впоследствии удастся вырастить их в Ольгине. То же самое она делала во время Памирской экспедиции 1901 г. Впоследствии, когда Б.А. отправлялся в Туркестан (или куда-либо еще) без нее, она всегда просила его присылать или привозить ей живые образцы, семена и клубни тех или иных растений. “Скажи своему спутнику, чтобы нарыл мне всех Эремурусов, каких у меня нет (не беда, если прибавится и тех, какие есть)...”, – пишет О.А. сыну 13 июня 1904 г.⁸⁶⁴ Б.А., в свою очередь, выполнял пожелания матери и изо всех своих экспедиций регулярно присылал ей интересовавшие ее редкости. “В субботу вечером получила твою посылку и была в большом смущении: сажать ли теперь же присланное, или хранить в комнате до осени? За ночь надумалась и решила все посадить, а часть семян посеять теперь же...”, – пишет О.А. 9 июля 1904 г.⁸⁶⁵ О.А. также покупала и обменивала семена. Очень быстро ее сад и коллекция живых эремурусов стали хорошо известны. Еще в письме к сыну, датированном 3 ноября 1899 г., О.А. писала: “...Некто Leo Derganc в Вене желает получить в обмен всяких *Primulaceae* для своего гербария; лести не пожалел...”⁸⁶⁶. Впоследствии Б.А. писал, что Лео Дерган был известным австрийским специалистом по семейству *Primulaceae* и обычно обрабатывал сборы О.А. по этому семейству. Он также регулярно присылал семенной материал для Ольгинского Ботанического сада. “Будучи весьма скромным ученым, увлекавшимся своей научной работой и питавшим особое уважение к О.А., – писал Борис Алексеевич, – Дерган оставил в сохранности [переписку]: очень большое количество весьма интересных по своему содержанию писем”⁸⁶⁷. К сожалению, сегодня судьба этой переписки не известна. О.А. лично никогда не встречалась с Л. Дерганом, а вот Б.А. удалось познакомиться с ним в Вене в 1927 г. О.А. получала семена из самых разных мест, например, в “Каталоге Ботанического сада в Ольгине” за 1902 г. она упоминает, что посеяла семена, полученные из Ташкента, из сада в Можайске, с Кавказа, из Крыма, из С.-Петербургского Ботанического сада, из Шугнана, от Дергана (L. Derganc), Гриневского, Бородина, а также семена своего сбора 1901 г.⁸⁶⁸ В свою очередь, она сама посылала семена, выращенные в Ольгино друзьям и коллегам, а иногда часть даже продавала. Вот, например, отрывок записи из “Каталога Ботанического сада в Ольгине”:

⁸⁶⁴ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 80 об.

⁸⁶⁵ Там же. Л. 92.

⁸⁶⁶ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 17 об.

⁸⁶⁷ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными (Черновик) // СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 5.

⁸⁶⁸ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 14 об.

Продано в 1903 г. *Eremurus robustus*

2-х лет	Мейеру	7 экз.	по 1 р. 75 к.	12.25
"	Ростовцеву	3 экз.	"	5.25
"	Миандеру	1 экз.	"	1.75

Бесплатно послано

2-х лет	А. Флерову	3 экз.		
4	Бот. Сад. СПб. Ун.	1 (Ниману)		
"	Миандеру	2		
"	Degeanc	2		
"	Кузнецову	1		
3-х лет	Имп. Бот. Сад	1 экз.		
"	М.В. Враской	1		
"	А.В. Враской	1		
"	Мушкетовой	3		
4-х лет	Доктору Симановскому	1 экз.		
"	Мушкетовой	2 ⁸⁶⁹		

Как видно из приведенного отрывка, О.А. больше дарила или обменивала семена, чем продавала, хотя недостатка в потенциальных покупателях у нее не было. “Принося мою глубокую благодарность за любезно присланный список семян, я позволяю себе запросить Вас, не могу ли я у Вас купить в большом количестве те семена, где я сделал приписку, а также *Parrya flabollata*, которая для меня очень желательна, – пишет О.А. В. Кессельринг 23 марта 1910 г. – Я за все охотно заплачу. Если же Вы только отпускаете... в обмен не за деньги, то я Вас прошу благосклонно извинить мой запрос и мне любезно указать, чем я Вам могу быть полезным в свою очередь...”⁸⁷⁰. Сотрудничество с “Помологическим садом и питомником д-ра Э. Регеля и Я.К. Кессельринга” в С.-Петербурге было продолжительным и взаимовыгодным и оказалось приостановленным, по-видимому, только из-за начавшейся войны. (Во всяком случае, в январе 1914 г. обмен семенами между ними все еще продолжался)⁸⁷¹ С просьбой о присылке или продаже семян к О.А. обращались многие, как государственные учреждения, так и частные лица. Среди них: Московский сельскохозяйственный институт⁸⁷², Ботанический сад Императорского Юрьевского университета⁸⁷³, Императорский С.-Петербургский Ботанический сад⁸⁷⁴, Ставрополь-Кавказская сельско-

⁸⁶⁹ Там же. Л. 26.

⁸⁷⁰ СПб АРАН Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

⁸⁷¹ См. письмо В. Кессельринга к О.А.Ф. от 4 января 1914 г. // Там же. Л. 28–31.

⁸⁷² Там же. Л. 8.

⁸⁷³ Там же. Л. 14.

⁸⁷⁴ Там же. Л. 18 об.

хозяйственная станция Ставропольского городского общественного управления⁸⁷⁵, Общество любителей садоводства и древонасаждений г. Омска⁸⁷⁶ и др. В 1911 г. к О.А. обращался за семенами смотритель дворца их императорских высочеств великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича Иосиф Петржак (Абас-Туман)⁸⁷⁷. О.А., случалось, дарила семена достаточно высокопоставленным лицам, например, графине Шереметьевой, хотя гораздо чаще она делала это в пользу учебных заведений или научных обществ, например, Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I, из благодарственного письма которого (датированного 30-м октября 1915 г.) мы узнаем, что О.А. подарила Институту целую коллекцию семян: «Милостивая государыня, Ольга Александровна. Совет Воронежского сельскохозяйственного Института Императора Петра I-го в заседании 10 октября сего года постановил выразить Вам свою глубокую благодарность за ценную коллекцию семян, пожертвованных Вами для Ботанического сада названного Института...»⁸⁷⁸. Случалось, что частные лица и даже учреждения, узнав из какой-либо статьи О.А. о разводимых ею растениях и заинтересовавшись ими, обращались к ней за помощью и информацией, не зная ее лично и даже не подозревая о том, что она женщина: «Милостивый государь, – пишет, например, безымянный представитель Одесской школы садоводства 19 марта 1905 г. – В только что полученной книжке № 11–12 журнала “Вестник Императорского Рос[сийского] Общ[ества] Сад[оводства]” меня заинтересовала Ваша статья “Новый исполинский лук” и я решил обратиться к Вам, Милостивый государь, с покорнейшей просьбой сообщить, где можно достать семена и штук 5 луковиц *Allium aflatunense n.sp. B. Fedtsch.* Введение новых разновидностей вообще полезно, а в школе – необходимо...»⁸⁷⁹. О.А. не оставляла без внимания даже такие, не очень-то вежливые послания: “...препровожаю Вам 1 пакет семян... для школы садоводства. Молодых луковиц могу доставить Вам осенью...”, – отвечает она 27 апреля 1905 г.⁸⁸⁰ Некоторые из ее корреспондентов, особенно те из них, которые занимались бизнесом, а не наукой, случалось, бывали очень настойчивы, как, например, господин Д. Кашкаров, владелец “Питомника Д.Д. Кашкарова” в местечке Суходол Тульской губернии: “...почему не высылаете просимые семена, которые я жду с

⁸⁷⁵ Там же. Л. 34.

⁸⁷⁶ Там же. Л. 35 об.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 23–23 об.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 33.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 11.

⁸⁸⁰ Там же. Л. 12.

большим нетерпением...”, – возмутился этот господин 14 марта 1911 г.⁸⁸¹ Из числа зарубежных партнеров и корреспондентов О.А. по обмену семенным материалом наиболее постоянным был Королевский Ботанический сад Кью⁸⁸². Списки семян, собранных в Ботаническом саду в Ольгине (“*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutua commutatione offert*”), регулярно публиковались в профессиональных периодических изданиях⁸⁸³ вместе с объявлением О.А. о том, что: “Учреждения и лица, желающие получить, в обмен или покупку, означенные семена, благоволят обращаться к О.А. Федченко (С. Петербург, Песочная ул. 19)”⁸⁸⁴.

Кроме интересных научных результатов, Ольгинский сад поражал окружающих яркой и изысканной красотой, которую Ольга Александровна с радостью делила со своими друзьями. “...Наташе (Субботиной. – О.В.), кот[орая] была здесь... в 1-й раз, – пишет О.А. сыну 11 июня 1907 г., – все страшно понравилось: и река, и кувшинки, и местоположение, а от эремурусов она пришла в такой восторг, что не могла оторваться от двери на балкон и в немом умилении стояла перед плантацией на огороде. Ну, словом, я ей срезала зацветающую стрелку, она же удивлялась, как мне не жаль: она бы ни за что этого не сделала, хотя бы у нее их и было 142 (как я думала по первому подсчету; по сегодняшнему, еще не законченному, их – с морожеными – не менее 165). Помирились на том, что Нине (Субботиной. – О.В.) и она бы дала, а я даю ей, пот[ому] что ее любит Нина”⁸⁸⁵. О.Э. Кнорринг вспоминала, что “в Саду Ольги Александровны *Eremurus*’ы достигли необыкновенно пышного развития и даже превзошли по красоте *Eremurus*’ы Туркестана”⁸⁸⁶. Помимо экзотических цветов, в Ольгинском ботаническом саду культивировались различные сорта яблонь, слив, черной и красной смородины, крыжовников, разные сорта малины, клубники, различные овощи (капуста, морковь, салаты). Иногда сюда же попадали такие экзотические для Подмосковья растения, как, например, пихта, привезенная в 1902 г. Б.А. из Западного Тянь-Шаня⁸⁸⁷. По оценкам

---

⁸⁸¹ Там же. Л. 21 об.; а так же: Л. 26, 29, 32.

⁸⁸² См.: СПб АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 5–8 об.

⁸⁸³ Семена, собранные в Ботаническом саду в Ольгине (Можайского у. Московской губ.) в 1909 г. (*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutua commutatione offert*) // Русский ботанический журнал. 1909. № 6. С. 114–115; 1910. № 4–6. С. 70–72; 1911. № 6. С. 24–25; 1913. № 1–2. С. 11–15.

⁸⁸⁴ Там же. 1909. № 6. С. 115 и др.

⁸⁸⁵ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 140–140 об.

⁸⁸⁶ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 94.

⁸⁸⁷ СПб. АРАН. Ф. 808. Ф. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 31.

О.Э. Кнорринг, в Ольгинском саду культивировалось свыше 1000 растений⁸⁸⁸.

В 1902 г. “Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета” сообщали, что: “О.А. Федченко обрабатывает ныне флору Памира по материалам, собранным ею и Б.А. Федченко во время путешествия их на Памир, и по литературным данным. При этом О.А. не ограничивается изучением сухих растений, но в имении своем... она культивирует среднеазиатские растения и затем изучает их в живом виде. Весною нынешнего года в саду г-жи Федченко цвели *Colchicum alberti* (первый раз в культуре) и *Crocus crociflorus*, в конце апреля, в мае же – один из лучших туркестанских тюльпанов – *Tulipa greigi* и чудесный белый *Eremurus anisopterus*, впервые в 1897 г. введенный О.А. Федченко в культуру. Выращенные из семян, привезенных из Туркестана, *Eremurus robustus* и *E. spectabilis* тоже впервые цвели в этом году в Ольгино, что тем удивительнее, что первый в Ташкенте зацветает только всего на 5-м году. О.А. Федченко предполагает, что такому успешному цветению *E. robustus* в Московской губернии способствовало жаркое лето прошлого (1901) года”⁸⁸⁹.

Однако лето 1902 г., холодное и дождливое, не способствовало разведению теплолюбивых растений. “Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета” за 1903 г. сообщали: “О.А. Федченко продолжает деятельно заниматься культурой туркестанских и других растений в имении своем Ольгино... Прошлом лето (1902 г.) было, однако, в Московской губернии такое дождливое и холодное, заморозки начались так рано, так поздно выпал снег и мало его было, что г-жа Федченко очень опасалась за судьбу своих туркестанских питомцев. Приехав сюда весною 1903 г. на несколько дней, она могла убедиться, однако, что дело обстоит лучше, чем можно было ожидать. Снег сошел очень рано; было тепло и уже 3 апреля были в цвету *Leontice alberti* (в первый раз цвели и экземпляры, выращенные из семян, посеянных в 1898 году), *Iris reticulata*, *Colchicum alberti*... *Potentilla carniolica*, *Puschkinia scilloides*, *Scilla cernua*, *Corydalis solida*”⁸⁹⁰. В течение следующих десяти дней расцвело еще около 25 видов. Особо отмечалось, что были посеяны, взошли и дали бутоны некоторые из корней и луковиц, привезенных Б.А. в 1902 г. из Западного Тянь-Шаня, в том числе «очень крупный и едкий

⁸⁸⁸ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 94.

⁸⁸⁹ Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1902. Т. III. Вып. 2. С. 216.

⁸⁹⁰ Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 3. С. 222.

Allium, лекарственное растение “Мурза Ахмат” (по-видимому, из семян *Borragineae*)» и др. Взошли даже семена эремурусов, посеянные в конце сентября в мерзлую землю при температуре $-0,5^{\circ}$. “К этим растениям, – пишет корреспондент, – г-жа Федченко питает особенную слабость и теперь имеет их уже 10 видов, а *Eremurus robustus* разведен у нее в очень большом количестве. Один экземпляр последнего прислан был ею любезно в дар Юрьевскому Ботаническому Саду. Для опыта часть клубней продержана была зиму в подвале, и когда они внесены были в комнату, на солнце, то *E. robustus* быстро развернул листья, которые через 5 дней были уже в $\frac{1}{2}$ аршина, а через 10 дней, уже в 1 аршин длины. На воздухе они короче и шире и дали 14 апреля уже бутоны. *E. anisopterus*, который только у О.А. Федченко и имеется, дал в то время уже большие стрелки, но он довольно нежен; еще более чувствительны к московскому климату *E. olgae* и *aurantiacus*”⁸⁹¹. Те растения, что были посеяны ранее 1902 года, также благополучно пережили тяжелую зиму и начали давать всходы.

Таким образом, начиная с 1895 г. (возможно, и несколько ранее) О.А. занималась подробным и всесторонним изучением рода эремурусов. Уже в 1900 г. она опубликовала небольшую заметку “Эремурусы моего сада” в журнале “Сад и огород”⁸⁹². В 1904 г. более основательная статья “Культура эремурусов” была опубликована в “Вестнике Императорского Российского Общества Садоводства”⁸⁹³. “Род *Eremurus*, из семейства *Liliaceae*, – писала О.А., – включает около 30 видов, в том числе несколько, по красоте своей, заслуживающих разведения в саду каждого любителя. Этот род имеет своих представителей в Крыму, на Кавказе, в Сибири, Индии, Гималаях, но главным образом распространен в западной Азии (Персии, Палестине) и особенно в Средней Азии, где мы встречаем одни виды – в барханах песков Кызылкум, Каракум и в глинистой степи, другие – в предгорьях и горах, до высоты в 8000–9000' включительно. Вот эти-то горные виды, как показал мой многолетний опыт, могут быть с успехом разводимы и в Средней России на открытом воздухе”⁸⁹⁴. О.А. подробно описывала внешние отличительные признаки растения, способы разведения, условия всхода. Она давала рекомендации по тому, как необходимо сеять (при разведении семенами, что, по мнению О.А., было “более верным способом” по сравнению с клубнями), как хранить в течение зимы. Какие обстоятель-

⁸⁹¹ Там же. С. 223.

⁸⁹² Федченко О.А. Эремурусы моего сада // Сад и огород. 1900. № 14. С. 209–211.

⁸⁹³ Федченко О.А. Культура эремурусов // Вестник Императорского Российского Общества Садоводства. 1904. № 9–10, а также отдельным оттиском.

⁸⁹⁴ Федченко О.А. Культура Эремурусов. СПб., 1904. С. 1.

ства благоприятствуют их росту, какие, наоборот, вредны. О.А. также перечисляла и описывала 16 из наиболее красивых имеющих в культуре эремуросов. В завершение она отмечала: “Как мы видели, большинство разводимых эремуросов родом из Средней Азии. Крайне интересно было бы ввести в культуру также растения из других местностей: гималайские, индийские и особенно персидские: они довольно разнообразны и недостаточно изучены; изучение же их только по сухим образцам в гербариях вообще затруднительно и не может дать точного и верного представления о живом растении”⁸⁹⁵. Издание статьи потребовало от О.А. немало времени, поскольку она настаивала на помещении рисунка: “...Мою корректуру (*Eremurus*), ввиду многих поправок, прислали еще раз, – писала О.А. Б.А. 26 июня 1904 г. – Рисунок не могли издать как есть и сделали политипаж – вышло грубо”⁸⁹⁶. Эта небольшая статья вызвала интерес среди ботаников, и в 1906 г. Г. фон Эттинген поместил ее реферат в “Трудах ботанического сада Императорского Юрьевского университета”⁸⁹⁷. В 1904 г. заметка о трех новых видах эремуросов была опубликована в “Bulletin de l’Herbier Boissier”⁸⁹⁸; в 1905 г. статья О.А. об эремуросах вышла в английском журнале “Gardeners Chronicle”⁸⁹⁹. В том же 1905 г. О.А. обратилась к владельцу Петербургского журнала “Прогрессивное садоводство и огородничество” П.П. Сойкину с предложением о сотрудничестве. Издательство было польщено ее предложением. “Милостивая государыня Ольга Александровна! – писал его редактор. – Спешу выразить Вам бесконечную благодарность за присылку Вашей [удивительной] статьи. Вы вполне изволили понять направление нашего журнала, а потому я буду печатать все от Вас с удовольствием. Если наша Контора замедлила Вам выслать гонорар (а это иногда случается), – благоволите послать Конторе требование. Гонорар вручается раз в месяц, – в первой половине следующего месяца по напечатании статьи. Рисунок непременно поместится... Люди науки у нас держат авторскую корректуру сами, посему не откажите разрешить послать таковую на Ваше заключение”⁹⁰⁰. Сотруд-

---

⁸⁹⁵ Там же. С. 5.

⁸⁹⁶ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 87 об., 88.

⁸⁹⁷ Эттинген Г. фон. Федченко О.А. Культура эремуросов // Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 108–109.

⁸⁹⁸ Fedtschenko O. Trois espèces nouvelles du genre *Eremurus* // Bulletin de l’Herbier Boissier. Sér. 2. 1904. Tome. IV. N 8. S. 771–774.

⁸⁹⁹ Fedtschenko O. The species of *Eremurus* // Gardeners Chronicle. 1905. Vol. XXXVII (June 10). P. 385.

⁹⁰⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

ничество с этим изданием действительно оказалось приятным: уже в 1905 г. О.А. опубликовала в нем целый ряд материалов о культивировании тех или иных растений.

К концу 1905 г. О.А. подготовила рукопись монографического обзора рода *Eremurus*. 22 марта в Общем собрании Императорской Академии наук академик И.П.Бородин «представил, с одобрением для напечатания статью Ольги Александровны Федченко, под заглавием: “*Eremurus, kritische Uebersicht der Gattung*” (“Еремурус, критический обзор рода”))⁹⁰¹. И.П. Бородин дал подробную характеристику представляемой им работы. Отметив, что рукопись состоит из введения, списка литературы и специальной части, он перешел к описанию содержания исследования. Во введении О.А. давала общую характеристику рода эремурусов, подробно рассматривала отдельные органы, а также описывала историю их изучения. Она также перечисляла 42 описанных на момент рассмотрения рукописи вида эремурусов в хронологическом порядке их описания и добавляла, что, по ее мнению, их все можно свести к 20 видам и нескольким разновидностям. “Трудность изучения этих растений по гербарным образцам заставила О.А. обратить особенное внимание на наблюдения над живыми растениями на родине их, в Туркестане, и на культуру их в своем саду (в Моск. губ.), где ею разводится не менее 12 видов”, – говорил И.П. Бородин⁹⁰². Во введении же О.А. приводила сводную таблицу распространения отдельных видов эремурусов по разным странам. В специальной части О.А. поместила таблицу для определения видов и для каждого вида отдельно: 1) латинский диагноз критически исправленный и дополненный на базе гербариев С.-Петербургского Ботанического сада, Императорской Академии наук, собственных коллекций и др.; 2) подробные литературные указания; 3) перечень имеющихся для данного вида рисунков; 4) подробный список местностей, где данный вид собран или для которых указан в литературе. При этом, по мнению И.П. Бородина, “литературные указания критически проверены и сличены с имеющимися гербарными образцами”⁹⁰³. Список местностей располагался по странам. При этом Туркестан О.А. разделила на две части: Памиро-Алай и Тянь-Шань – места наибольшего распространения эремурусов – и далее на еще более мелкие области. “Таким образом, – отмечал академик, – можно эти местности легко нанести на карту и получить наглядное представле-

---

⁹⁰¹ Изв. Императорской академии наук. V серия. 1906. Т. XXIV. № 3. (март). С. XXX.

⁹⁰² Там же. С. XXX.

⁹⁰³ Там же. С. XXX.

ние о районе распространения каждого вида”⁹⁰⁴. В самом же предполагаемом издании карт и рисунков не планировалось, чтобы не увеличивать его стоимость. Для некоторых видов были помещены сведения об их биологических особенностях, замеченных отклонениях, возможности употребления в пищу и (или) для технических производств, а также данные о культуре наиболее редких и красивых видов. Общее собрание Академии постановило «напечатать эту работу в “Записках” Отделения»⁹⁰⁵.

Однако печатание этой книги растянулось почти на четыре года. Но уже 2 декабря 1906 г. Общее собрание Императорской Академии наук утвердило избранного по биологическому разряду физико-математического отделения члена-корреспондента – Ольгу Александровну Федченко⁹⁰⁶. Как сообщал 4-й выпуск “Трудов Ботанического сада Императорского Юрьевского университета” за 1906 г.: “О.А. Федченко избрана в члены-корреспонденты Императорской Академии наук за ее многочисленные работы по флоре Средней Азии”⁹⁰⁷. Таким образом Ольга Александровна стала седьмой женщиной в истории Императорской академии, удостоившейся чести быть избранной. Из предыдущих шести: Е.Р. Дашкова была назначена в 1783 г. на должность директора Академии; графиня П.С. Уварова (в 1894 г.), принцесса Е.М. Ольденбургская (в 1895 г.) и королева Румынии Елизавета Полина Оттилия Луиза (известная также под псевдонимом Кармен Сильва) (в 1898 г.) были избраны почетными членами; С.В. Ковалевская (в 1889 г.) была избрана иностранным членом-корреспондентом и О.И. Срезневская удостоилась избрания членом-корреспондентом в 1895 г., наконец, Ольга Александровна Федченко стала второй женщиной в истории академии, избранной членом-корреспондентом. Это было, безусловно, признание, возможно, наивысшее признание, которого может удостоиться российский ученый. Однако оно не заставило О.А. почивать на лаврах. Хотя, конечно, она получила возможность публиковать свои работы в периодических изданиях Академии, использовать ее гербарные коллекции (чего О.А. часто сильно не хватало раньше), выступать на ее заседаниях – всему этому О.А. искренне радовалась.

Между тем издание “Критического описания рода Эремурус” продвигалось медленно. Как уже упоминалось, решение о публи-

⁹⁰⁴ Там же. С. XXX.

⁹⁰⁵ Там же. С. XXXI.

⁹⁰⁶ Изв. Императорской Академии наук. V. серия. 1906. Т. XXV. № 5 (декабрь). С. XXX.

⁹⁰⁷ Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 4. С. 257.

кации было принято весной 1906 г. И только к весне 1908 г. дело дошло до гранок. 25 мая 1908 г. О.А. пишет сыну: “Получена корректура *Eremurus* в гранках (конец видов и все гибриды); исправив, послала в Тип[ографию] Ак[адемии] Наук, а второй экземпляр посылаю одновременно и по одинаковому адресу с этим письмом тебе: если она тебя застанет в Ташкенте и ты ее увидишь просмотришь и возвратишь мне со своими поправками, то этот лист можно будет печатать, а иначе буду ждать тебя. Там одно сомнение: мороз в Англии в VI (в июне. – О.В.)! За справкой обратилась к Е.Ю. Рожевиц”⁹⁰⁸. 13 июня того же года О.А. сообщает Б.А.: «Вчера был день неудач: сломанными бурей оказались *Iris florentina* (до корня, хорошо что есть другая стрелка), прекрасный *Eremurus* перед балконом, лужа в коридоре – крыша течет (над нами [капель!]), а хуже всего, что с утр[енней] почтой привезли оттиски рисунков *Eremurus*, с надписью типографии: “Надписи не умещаются, так как таблицы сделаны очень велики. Для наглядности посылаем чистый лист вашей работы”. – Что же теперь делать? Положительно целых 4 года печатать одну работу, всякую сообразительность потеряешь. На досуге примеряю, – нельзя ли втиснуть хоть 1 строчку...»⁹⁰⁹. Однако, в конце концов, в 1909 г. работа О.А. “*Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung*”⁹¹⁰ увидела свет.

Книга имела ошеломляющий успех. “Mottet в восторге от моей книги (*Eremurus*)”, – с удовлетворением сообщает О.А. сыну 20 августа 1909 г.⁹¹¹ Сразу несколько зарубежных журналов поместили развернутые рецензии. Так, английский журнал “*The Gardeners Chronicle*” опубликовал рецензию В. Хемсли “*The Genus Eremurus*”⁹¹² на целую полосу, в то время как обычно объем рецензий в этом издании не превышал одного абзаца. «Под лаконичным названием..., которое можно перевести как “Критическое описание Рода Эремурус”, – писал Hemsley, – миссис Федченко подарила миру всеобъемлющую и исчерпывающую монографию этого самого любимого и замечательного рода Лилейных». Рецензент представил О.А. Федченко, как “талантливого автора, хорошо известного лондонским ботаникам, ботаника, культиватора и исследователя, трижды посетив-

---

⁹⁰⁸ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 197.

⁹⁰⁹ Там же. Л. 230.

⁹¹⁰ Fedtschenko O. *Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung*. St.-Pbg., 1909. (Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. VIII сер. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1–210).

⁹¹¹ СПб АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 307 об.

⁹¹² Hemsley W.B. *The Genus Eremurus // The Gardeners Chronicle*. 1909. Vol. XLVI. Third Ser. N 11 (September). P. 181–182.

шего Русский Туркестан, – место наибольшей концентрации видов Эремурусов”. Описав далее экспедиции О.А. в Туркестан, как совершенные еще в обществе ее мужа, так и более поздние, рецензент отметил, что “эти визиты позволили ей изучить не менее половины всех известных видов Эремурусов в естественных условиях, и не менее 13 видов, не считая различных разновидностей, культивируются в ее собственном саду в Можайске. В дополнение к этим преимуществам, она смогла изучить большинство гербарных образцов, наиболее важных для определения видов. Это дало ей возможность истолковать темные места и устранить путаницу в номенклатуре”. “Монография миссис Федченко, – продолжает Хемсли, – является настоящей сокровищницей информации: исторической, библиографической, географической, биологической и культурной”. Немалую радость рецензента вызвал язык издания – помимо обязательных для ботанической литературы диагнозов, написанных на латыни, исследование было написано по-немецки: “к счастью, не по-русски”, – восклицает Хемсли. Подробное описание содержания самой работы также выдержано в превосходной степени. Единственное неудовольствие касалось карт распространения рода и видов (несмотря на дороговизну все-таки присутствовавших в издании), поскольку названия некоторых мест были написаны русскими буквами, а географическая долгота рассчитывалась от Москвы. “Однако, – заключал Хемсли, – в тексте даны настолько полные географические подробности, что это имеет сравнительно небольшое значение”⁹¹³. Помимо вышеизложенного “The Gardeners Chronicle” счел необходимым здесь же поместить английский перевод написанных на латыни ключей для определения видов из книги О.А.⁹¹⁴ Также, по просьбе О.А., редакция сообщала о том, что г-жа Федченко будет рада вступить в обмен растениями, семенами или сухими гербарными образцами из Афганистана, Белуджистана, Индии и Китая с читателями “The Gardeners Chronicle”, предлагая взамен семена из своего сада в Ольгино⁹¹⁵. Конечно, Ольге Александровне была приятна такая оценка ее работы, однако она воспринимала похвалы, слегка насмешливо, со своим обычным чувством юмора: “...Похвалы, кот[орые] рас- точает мне и моей работе Botting Hemsley, в Gard[eners] Chron[icle] занимают целую страницу”, – пишет она сыну 5 сентября 1909 г.⁹¹⁶ Кроме “The Gardeners Chronicle”, рецензии помести-

---

⁹¹³ Hemsley W.B. The Genus Eremurus... P. 181.

⁹¹⁴ Ibid. P. 181–182.

⁹¹⁵ Ibid. P. 182.

⁹¹⁶ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 312 об.

ли “Allgemeine botanische Zeitschrift” и “Bulletin de l’Académie Internationale de géographie botanique” (известный также как “Le Monde des plantes”)⁹¹⁷. Об этой последней О.А. писала Б.А. 4 ноября 1909 г.: «...Léveillé оч[ень] доволен моей “belle Lenographie” и будет ее реферировать в январском № “Monde des Plantes”, так как ноябрьский уже в печати. Особенно поздравляет за обилие латыни. Пишет, что мои данные будут высоко цениться»⁹¹⁸. В этом Левейле был одновременно и прав, и не прав. Например, академик В.Л. Комаров (тогда еще только что избранный) в 1921 г., говоря о научной деятельности О.А. заметил: «Особенно выделяется крупная ее работа “Монография рода *Eremurus*”, исчерпывающее исследование по этой столь характерной для Туркестана группе растений»⁹¹⁹. С одной стороны, в 1968 г. книга О.А. об Эремурусах была переиздана в Нью-Йорке (репринтным способом), в серии, посвященной монографическим исследованиям различных родов⁹²⁰. Надо сказать, что это была единственная работа российского ботаника, удостоенная такой чести. С другой стороны, книга никогда (ни полностью, ни частично) не переводилась на русский язык и не переиздавалась в России, давно став библиографической редкостью.

Публикация фундаментального исследования и его полный успех не уменьшили, однако, интерес О.А. к роду *Eremurus*. Ольга Александровна продолжала заниматься изучением этих растений и впоследствии опубликовала еще несколько посвященных им работ. Среди них “Лилейные (*Liliaceae*). Род *Eremurus m.b.*”⁹²¹, эта работа вошла в состав “Флоры Азиатской России” Б.А. Федченко, издаваемой Переселенческим управлением Главного управления Землеустройства и Земледелия; “Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г.”⁹²² и др.

Летняя жизнь в Ольгине протекала вполне размеренно. В те дни, когда ее не поднимали на прополку или ради других хозяйст-

⁹¹⁷ См. упоминание об этих рецензиях в реферате на книгу О.А., помещенном в: Русский ботанический журнал. 1910. № 1–2. С. 18.

⁹¹⁸ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 312. Л. 361.

⁹¹⁹ Комаров В.Л. О.А. Федченко // Изв. Российской академии наук. VI серия. 1921. Т. 15. С. 248.

⁹²⁰ Fedchenko O.A. *Eremurus*. Kritische Übersicht über die Gattung. Von O. Fedtschenko (Mit 24 Tafeln.). Reprint. Sankt Petersburg, 1909. New York. № 4. 1968. 210 p.

⁹²¹ Федченко Б.А. Флора Азиатской России. Вып. 3: Лилейные (*Liliaceae*). Род *Eremurus* M.V. Обработала О.А. Федченко. СПб., 1912.

⁹²² Федченко О.А. Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г. // Ботанические материалы Гербария Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. II. Вып. 3. С. 11–12.

венных дел, О.А. вставала около 8 часов утра. В 8.30 ее единственная помощница Мари ставила самовар и начинала варить кофе. В 12 часов обедали, в 4 – пили чай с молоком и, наконец, в 8 вечера снова пили чай и ужинали⁹²³. Кроме Мари (или какой-нибудь другой деревенской девушки), в доме жила еще Митевна – кажется, кухарка. Две, иногда три женщины составляли весь штат О.А. Большой деревянный дом представлял собой более чем скромное жилище, но О.А. часто и охотно принимала в нем гостей. Живая и общительная, она не жалела для соседей и друзей выращенных в саду фруктов и ягод: “...Клубнику, конечно, мальчики расхватали, [какую] Нина от меня привезла, и Над[ежде] младшей на варенье не досталось, – рассказывает О.А. сыну 3 июля 1907 г., – я ей предложила набрать самой и никому уже не давать, или и сварить самой у нас. Идея ей очень понравилась; впрочем, я ее предупредила, что живу без прислуги; только едва ли она понимает, что значит при этих условиях варить варенье. (О.А., конечно, варила варенье сама. – О.В.). Она хочет купить и спрашивала цену? Цену я сказала, а ты все-таки напиши, продавать ли или и на сей раз подарить?”⁹²⁴ Тем не менее, случалось, она вздыхала с облегчением, когда гости разъезжались по домам: “Осиповы... вчера уехали и я рада, пот[ому] что совсем не хватает времени на все дела”, – пишет она 9 августа 1904 г.⁹²⁵ Действительно, помимо ботанического сада и научной работы, на попечении О.А. было еще и ольгинское хозяйство.

О.А. и Б.А. содержали при имении хоть и небольшое, но вполне настоящее хозяйство. При нем, обыкновенно, нанимался управляющий. Однако управляющие часто менялись: найти толкового человека было нелегко, случались целые месяцы, когда такового вообще не удавалось нанять. Поскольку Б.А. почти всегда отсутствовал (ведь лето – сезон экспедиций), заботы о хозяйстве сами собой ложились на О.А. Она следила за покупкой семенного материала, проведением посевной, наймом поденных рабочих, покупкой новых механизмов, как, например, молотилки, сбором и продажей урожая. Хозяйственная деятельность доставляла О.А. массу хлопот: “Овес убрали благополучно, хотя я волновалась ужасно: барометр падает, крапал даже дождь, а косили – три дня. Однако вчера был чудный день и все свезли сухое”, – сообщает она сыну 20 августа 1900 г.⁹²⁶; “...Ржи достать

---

⁹²³ См. письмо О.А. к Б.А. от 18 июня 1907 г.: СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 153 об.

⁹²⁴ Там же. Л. 164, 164 об.

⁹²⁵ Там же. Л. 103 об.

⁹²⁶ Там же. Л. 25.

нигде не могли и потому сажали одну десятину; мягки и зелены не только зерна, но и солома, но делать нечего – и так запоздали с севом”, – пишет О.А. 9 августа 1904 г.⁹²⁷; “Вспахали между яблонями для клубники – заросло дерном, – но разработать едва ли успеют осенью: ни погоды, ни народа; у всех столько своего и сена, и пашни, и ржи, что деревенские все на себя работают и по праздникам, если только погода”, – пишет О.А. 12 августа 1908 г.⁹²⁸ Отношения с управляющими у О.А. не всегда складывались просто, случались недоразумения и ярко выраженное недоверие. В этих случаях О.А. старалась прибегать к третейскому суду Бориса Алексеевича, только удавалось это редко, поскольку застать его в имении было трудно: «Очень досадно, что хлеб пришлось продавать [цена все растет: вторую партию в 30 п[удов] мы продали по 1 р. 5 к., а затем нам давали по 1 р. 10 к., но нельзя больше... как бы не пришлось самим платить еще дороже] без тебя, из опасения, что созреет, что уже началось с тем, который лежал в “кладушке”. Наш премьер с хлебной операцией юлит и внушает к себе недоверие. Постараюсь овес не продавать до тебя, а тебя попрошу велеть весь урожай при себе перевесить. Молотьба закончилась третьего дня, вчера перевесили последний овес, но сколько его всего, так и не узнала в точности – И.С. всякий раз отвечает, что у него записано на дверях мастерской», – пишет О.А. сыну 11 сентября 1911 г.⁹²⁹ и пр. Вообще хозяйство сильно обременяло О.А., тем более, что никаких особых доходов оно не приносило – скорее наоборот. (Документов финансовой отчетности почти не сохранилось, но из того, что удалось обнаружить, известно, что к 1915 г. имение было заложено и даже выставлялось на торги из-за неуплаты недоимок⁹³⁰.) Поэтому иногда Ольге Александровне казалось, что общее количество хлопот и разных неприятностей, создаваемых хозяйственной деятельностью, перевешивает извлекаемую из этой самой деятельности пользу: “...Здесь же что делается: обо всех мелочах пишу тебе подробно, а о существенном удобнее говорить лично, как относительно личных дел, так и относительно хозяйства: масса денег, которая изводится и на ольгинское хозяйство, заставляет поневоле призадуматься: стоит ли делать крупные затраты и надевать себе петлю на шею, вновь закладывая Тропарево, чтобы выкупить его из пожизненного владения, и не

---

⁹²⁷ Там же. Л. 103.

⁹²⁸ Там же. Л. 286.

⁹²⁹ Там же. Л. 411.

⁹³⁰ Государственный дворянский земельный банк. Уведомление о назначении имения в продажу с публичных торгов // СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

следует ли и здешнее-то хозяйство прекратить, пользуясь Ольгиным только как дачей?хлопот много, доходов нет...”, – пишет О.А. Б.А. 14 июля 1908 г.⁹³¹ Но на это она так и не решилась – ведение хозяйства в Ольгине продолжалось до самой революции и даже после нее.

Что же касается Тропарева, то оно доставляло немало огорчений О.А. Изначально имение принадлежало, видимо, А.О. Армфельду, отцу О.А. Позднее его унаследовал А.А. Армфельд – старший брат О.А. Возможно, мать Ольги Александровны, ее младшие сестра и брат также получили какую-то часть, но может быть, их доля отцовского наследства была выплачена деньгами. Никаких данных на этот счет не сохранилось. Ольга Александровна хорошо знала и любила это место: здесь она, ее братья и сестры в детстве проводили каждое лето, здесь прошли дни ее юности, сюда же она приезжала с маленьким сыном в тяжелые для нее и всей семьи годы. Именно в окрестностях Тропарева О.А. собирала свой первый гербарий и здесь же она учила этому искусству своего сына; в Тропареве был сад ее матери, цветы, за которыми впоследствии продолжала ухаживать она сама. Пока был жив ее брат Александр, О.А. была желанной гостьей в имении. Но, кажется, отношения с женой брата Е.В. Армфельд у нее не сложились. После смерти А.А. Армфельда имение осталось в пожизненном владении его вдовы (так как у них не было детей, которые могли бы его унаследовать); О.А. и ее сын считались наследниками, без их разрешения сделать что-либо с имением вдова не могла. Но О.А. практически не поддерживала отношений с Е.В. Армфельд и после смерти брата никогда не посещала Тропарево, хотя ее именице Ольгино располагалось совсем недалеко. (Борис Алексеевич, правда, случалось, бывал в Тропареве, поддерживал отношения с теткой и даже иногда переписывался с ней.)⁹³² Неудивительно, что Ольга Александровна хотела бы выкупить право наследного владения и вновь получить Тропарево в свое распоряжение. Но свободных средств у нее не было, само Тропарево было заложено⁹³³, так что успеха в этом деле ей достичь все не удавалось, хоть она и продолжала надеяться. Но даже оставаясь в пользовании Е.В. Армфельд, Тропарево доставляло О.А. немало забот: «Сегодня получила из Землеу-

---

⁹³¹ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 263 об.

⁹³² См.: Письма Е.В. Армфельд к Б.А. Федченко // СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–4.

⁹³³ См.: Государственный дворянский земельный банк. Уведомление о назначении имения в продажу с публичных торгов // СПб. АРАН. Ф. 808. О.А.Ф. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

строительной Комиссии, через станowego, бумагу от 24.VII за № 735, след[ующего] содерж[ания], – пишет она сыну 30 июля 1908 г., – “Крестьяне д. Печенегинской Борис[овской] Волости обратились в Земл[еустроительную] Ком[иссию] с просьбой о содействии им в покупке луга по р. Протве из имения Трепарево в количестве 12 дес[ятин], или же о промене этого луга на надельную землю. Производя расследование по сему делу на основании ст. 111 Наказа Земл. Ком., выяснилось, что имение Трепарево находится в пожизненном влад[ении] Е.В. А[рмфельд]. Вы же М[илостивая] Г[осударыня], а равно и Ваш сын Б.А. наследники после смерти г. А[рмфельд], а потому прошу Вас сообщить мне о Вашем согласии, или несогласии на продажу 12 дес[ятин] луга кр[естьянам] дер[евни] Печ[енегинской], или на промен его на надельную землю тех же крестьян. Неполучение от Вас ответа в двухнедельный срок будет считаться за отказ с Вашей стороны удовлетворить ходатайство крестьян д. Печ[енегинской]”⁹³⁴. “Отвечать ничего не буду, до твоего возвращения во всяк[ом] случае, – высказывает свое решение О.А. – Менять или продавать и вообще-то не имею ни малейшего желания, а в особенности пока не закончены переговоры по ликвидации пожизн[енно]го владения, во избежание лишней путаницы, переписки и переговоров”⁹³⁵. Насколько нам известно, ко времени революции 1917 г. это дело так и оставалось нерешенным.

Довольно часто хозяйственные дела требовали внимания рано утром: “...Не пишу много, пот[ому] что ужасно устала: сегодня меня подняли в 6 ч., ради поденщиц, кот[орые] выпололи у меня прорву, и я сама целый день полоча”, – пишет О.А. 18 июня 1904 г.⁹³⁶ С возрастом физическая работа отнимала все больше сил – О.А. нуждалась в помощниках, но до самых последних дней она никому не доверяла работать в своем саду, во всяком случае без присмотра: “Девы к именинам вычистили дорожки в саду. Клумбы я сама полоча, но своевременно прекратила сие занятие, во внимание к прошлогодней ноге. По этой же причине бот[анический] сад, заросший после 9 дневных ливней сорными травами, в ужасном виде; пробовали полоть при помощи мордвинских младенцев – дорого и вредно”, – жаловалась О.А. 19 июля 1913 г.⁹³⁷ Но несмотря на постоянную занятость в саду, по хозяйству и (главное!) с корректурами, О.А. все же находила время для

---

⁹³⁴ Письмо О.А.Ф. к Б.А.Ф. от 30 июля 1908 г. // СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 276, 276 об.

⁹³⁵ Там же. Л. 276 об.

⁹³⁶ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 82.

⁹³⁷ Там же. Л. 447 об.

прогулок, походов за грибами и, особенно, для ежедневных купаний: "... вчера же было так тепло, что я купалась; вода холодная. Сегодня работала в огороде", – например сообщает О.А. сыну 20 августа 1900 г.⁹³⁸; или: "Второй день не купаюсь. Вот когда бы как раз вовремя корректуры! Я даже начинаю жалеть, что не взяла с собой материалов по сибирским ирисам...", – пишет она 15 июня 1907 г.⁹³⁹ И, через несколько дней, 21 июня того же года: "Вчера купалась с инцидентами: нельзя было перейти канаву, пришлось идти домой за доской; а воды оказалось столько, что и перила плота были под водой, и скамейка моя стояла в воде, а обуваться пришлось на лугу. У нас все лето дожди, так что нельзя начинать покос"⁹⁴⁰. 15 августа 1909 г. О.А. рассказывает Б.А.: "Здесь стоит другую неделю чудная погода: жарко как не было и летом, тихо, солнечно, вода теплая (п[отому] ч[то] ночи теплые) и я каждый день купаюсь. Наварила малины..."⁹⁴¹ Ольга Александровна вела громадную переписку, не только деловую, но и дружескую, что также отнимало у нее немало времени: "К именинам получила около 30 поздрав[ительных] писем, так что ежедневно пишу по несколько ответных. У нас пошли было после дождей белые грибы, девы ходили, но я воздержалась; иногда хожу на покос", – рассказывает она 19 июля 1913 г.⁹⁴²

Ольга Александровна, как могла, участвовала в местной общественной жизни. Если случалось в округе какое-то религиозное событие (например, в Тропаревскую церковь приносили чудотворную икону), она всегда плела для него венок⁹⁴³; если организовывался крестный ход, О.А. никогда не отказывала в цветах: "Сейчас отправляю венок на завтрашний Крест[ный ход]. Цветы удивительно красивы, кто-то сказал даже, будто никогда не были так хороши; цветут даже астры", – писала она 31 июля 1909 г.⁹⁴⁴ Практически исключительно на свои средства О.А. содержала в соседнем селе Маланьино школу-грамоты для крестьянских детей. Школа-грамоты была открыта в сентябре 1905 г., и решением Московского Епархиального училищного совета Кирилло-Мефодиевского православного братства О.А. назначалась ее попечительницей⁹⁴⁵. Школа эта стоила О.А. немало хлопот

---

⁹³⁸ Там же. Л. 26.

⁹³⁹ Там же. Л. 146 об.

⁹⁴⁰ Там же. Л. 159 об.

⁹⁴¹ Там же. Л. 359 об.

⁹⁴² Там же. Л. 448 об.

⁹⁴³ См., например, письмо О.А. к сыну от 18 июля 1904 г. // СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 98 об.

⁹⁴⁴ Там же. Л. 355 об., 356.

⁹⁴⁵ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

(хотя и была совсем маленькой – иногда в ней училось не более 7 человек⁹⁴⁶). В нее ходили дети из двух деревень: собственно Маланьина и Отреева. О.А. вносила бóльшую часть платы за наем помещения (75 руб.), но крестьяне каждой деревни также должны были выплачивать какую-то сумму (всего 15 руб. за две деревни), чего они делать не хотели⁹⁴⁷. Несколько раз из-за этих недоразумений школа оказывалась на грани закрытия: “Был поп; получил оставшиеся за мной 27 р.; предлагал закрыть Маланьинскую школу и передать парты в другую (в Артемки) или продать, если Маланья не согласится сдавать квартиру дешевле, если к моим 20 р. ученики не приплатят 10 р.; хотел меня опять заставить писать Некрасову и Сашечке, от этого я, однако, отмахалась, равно и от передачи парт (по кр[айней] мере до твоего возвращения). Ему, разумеется, все равно, если школа закроется, но мне бы этого не хотелось”, – писала О.А. сыну 20 августа 1911 г.⁹⁴⁸ Заканчивалось обычно тем, что О.А., дабы школа не закрылась, оплачивала все сама: “Школа не закроется: Маланья согласилась получать от меня 20 р. и с учеников сколько окажется, хотя бы и 2 р. Учитель еще не приехал, но и в прошлом году он приехал 10-го. А на всякий случай поп спросил не буду ли я против учительницы? – Нисколько, разумеется”, – сообщает О.А. Борису Алексеевичу в письме от 11 сентября 1911 г.⁹⁴⁹ О.А. хлопотала о преобразовании школы-грамоты в одноклассную школу и о строительстве для нее специального здания на средства Кирилло-Мефодиевского братства, на что получила отрицательный ответ и разъяснение, что для одноклассной школы особое помещение не обязательно. Однако Московский Епархиальный училищный совет замечал, что поскольку при Маланьинской школе нет помещения для законоучителя (а наличие такого преподавателя – обязательное условие существования одноклассной школы, то не найдет ли О.А. “возможным ассигновать потребную сумму на наем помещения для квартиры учителя с богословским образованием из своих средств или изысканных Вами из каких-либо источников”⁹⁵⁰. О.А. же приходилось беспокоиться об учителях, которые менялись почти каждый год: “Вчера была Маланьинская учительница; просит приехать послушать, как она учит, а главное – просит какого-нибудь другого места, так как на 10 р. жить трудно, а слушать курсы, чтобы получить мес-

---

⁹⁴⁶ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 424 об.

⁹⁴⁷ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 2 об.

⁹⁴⁸ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 405 об.

⁹⁴⁹ Там же. С. 412, 412 об.

⁹⁵⁰ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 14. Л. 4, 4 об.

то в церковно-приходской школе надо 2 года, с платой по 200 р. в год за одно ученье, на что отец не дает ей средств, а дома она лишняя”, – пишет О.А. Б.А. 29 апреля 1913 г.⁹⁵¹ Таким образом, О.А. приходилось посещать экзамены, школьные праздники и пр.

Московский Епархиальный училищный совет Кирилло-Мефодиевского православного братства оценил усилия Ольги Александровны присуждением ей золотой медали. Дело о награждении было начато еще в 1911 г., причем О.А. неоднократно опрашивали: “Меня опрашивали троекратно (урядник, стражник и поп) о возрасте, вероисповедании, принадлежности к вредным обществам, службе, наградах, для представления к награде (медали), как Попечительницу”, – сообщала она сыну 11 сентября 1911 г.⁹⁵² Награду же присудили в 1913 г. И здесь не обошлось без некоторого курьеза. 27 августа 1913 г. делопроизводитель канцелярии Московского Епархиального училищного совета священник Григорий направил О.А. следующее послание: “Ваше Высокородие, Милостивая Государыня. Канцелярия Совета имеет долгом уведомить Вас, что пожалованная Вам золотая медаль прислана в Канцелярию Совета. Благоволите пожаловать за получением оной или прислать доверенное лицо. За пожалованную медаль взыскивается с Вас 30 р. – ” – к., каковая сумма должна быть уплачена Вами Канцелярии при получении медали... Канцелярия открыта в будние дни с 10 до часу”⁹⁵³. Со своим обычным равнодушием к наградам О.А. проигнорировала это послание: добираться из Ольгина в Москву, а потом еще платить за непрошеную медаль почти половину той суммы, что она тратила в год на школу, она явно не собиралась. Подобное поведение, видимо, поставило Совет в несколько неудобное положение. Во всяком случае, 15 ноября 1913 г. О.А. получила еще одно послание от Совета, на этот раз за подписью товарища председателя Совета, протоиерея (имя, к сожалению, неразборчиво): “Ее Высокородию, Попечительнице Маланьинской церковно-приходской школы Ольге Александровне Федченко. Московский Епархиальный Училищный Совет имеет долг препроводить Вам особой посылкой пожалованную Вам золотую медаль и просить Вас в получении оной Совет уведомить”⁹⁵⁴. Вообще, иногда Ольга Александровна вела себя весьма жестко, не жалуя проявления со стороны окружающих (вне зависимости от их ранга и

---

⁹⁵¹ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 424 об.

⁹⁵² Там же. Л. 412.

⁹⁵³ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

⁹⁵⁴ Там же. Л. 5.

положения) таких качеств, как глупость, подлость, корысть. Тем не менее, в повседневном общении с людьми, вызывавшими ее неудовольствие, как, например, в случае со священником, предлагавшим закрыть Маланьинскую школу, О.А. вела себя вполне доброжелательно. Она могла язвительно описывать какие-то сценки в посланиях к Борису Алексеевичу, но никогда не доводила дело до открытой вражды или сведения счетов. Как, например, с тем же Маланьинским священником. “В результате он видимо не остался доволен своим визитом, который окончился неожиданно: испугавшись бури или соскучившись (Иван нарочно ее не стал кормить), его дура-лошадь легла на оглоблю и переломила ее, так что Ивану пришлось чинить”, – пишет О.А. 29 августа 1911 г. о визите к ней священника с предложением закрыть школу⁹⁵⁵. А уже через несколько дней (11 сентября 1909 г.) она рассказывает о продолжении истории: “Он был вчера (священник. – О.В.), на этот раз удачно, оглобли не поломал, погода была прекрасная, тепло и тихо (барометр стоит на ясно). А я только что надумала написать о стипендии его Кате в Москву Некрасову. Попу не сказала, а написать сегодня написала”⁹⁵⁶. Или, например, вот как О.А. описывает визит учительницы (6 июня 1916 г.): «Была Маланьинская учительница с противной мамашей, кот[орая] все говорит “мы” и “мы”, точно она и учительница, и дьякон. Я ее [охолодила], заявив, что о школе хочу говорить с учительницей, она поджала губы; но потом я смилостивилась и поила обеих чаем с вареньем»⁹⁵⁷. Подобное отношение к людям, одновременно и строгое, и доброжелательное снискало О.А. уважение с их стороны, что оказывалось весьма полезным в непростые и беспокойные годы начала XX в.

Например, весной 1905 г. в Можайском уезде случилось несколько поджогов, в том числе сожгли сарай в Ольгине. О.А. срочно поехала разбираться и проводить восстановительные работы. “Мой приезд очень обрадовал здесь всех, – писала она Б.А. 26 апреля 1905 г., рассказывая о результатах своей поездки, – а ты не приезжай по крайней мере до 10 мая. Это тебе советует и Дмитрий (управляющий. – О.В.). Кажется, и сарай-то подожгли пот[ому] что думали, что ты приехал. Поджоги были в разных местах, и прокламации распространяют в изобилии (за плату – по 6 р. в месяц, так что желающих довольно). Народу лишнего довольно, пот[ому] что прохоровская фабрика стоит до 8-го, под предлогом порчи машины. Хотим нанять ночного сторожа, что-

---

⁹⁵⁵ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 405 об.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 412 об.

⁹⁵⁷ Там же. Л. 524 об.

бы Дм[итрий] спал ночью; я же спала преспокойно; бояться мне нечего, да я и не боюсь”⁹⁵⁸. На этот раз, разобравшись и наведя порядок, О.А. стремительно собралась возвращаться в Петербург (уже 28 апреля) “кончать свою неоконченную работу”⁹⁵⁹. Однако ситуация в целом не улучшалась. Волнения то затихали, то вспыхивали снова, и никакие хорошие отношения не спасали. Очередной раунд беспорядков пришелся на 1909 г. 20 августа 1909 г. О.А. не без язвительности сообщала сыну: “Как у нас теперь светло и красиво: любуйся закатом круглый год. Одно смущает: не оказались бы и на месте наших чудных цветов не сегодня-завтра головешки... Короче говоря, третьего дня сожгли нашу конюшню. Сгорела вся дотла, с собакой (Чумак) и несколькими курами. По счастью, Маша, первая заметившая пожар, нашла и с Петром успела перерезать уздечки у жеребцов и их выпустить, а также новую собаку Озерова. Подожгли как только кончился five o'clock tea и все пошли на работу: Петр в мой огород, поденщицы мыть дом, Озеров косить... Горело так жарко, что грозила величайшая опасность Конторе, кот[орая] сильно накалялась и, если бы не народ, несомненно бы сгорела”⁹⁶⁰. Надо сказать, что в этой мало приятной ситуации О.А. больше всего беспокоилась о рукописях и гербариях, находившихся в доме: «Страха ради пожарного собрала рукопись твоей “Флоры Евр[опейской] России”, Крашенинникова и Карточки Семиреченские в сумку, чтобы их успеть вынести, а раст[ения] Лакоста думаю отослать обратно в Париж, положила под подушку заряд[енный] револьвер, а в дом – двух девиц (по одной они боятся, что сгорят), – дабы было кому кричать, если загорится»⁹⁶¹.

Лето и осень 1909 года вообще оказались нелегкими для О.А. Тяжело болела ее старая няня, вынянчившая и вырастившая всех братьев и сестер Армфельд, помогавшая О.А. растить сына (барина, как она его называла), ездившая в Сибирь по поручению семьи в надежде привезти домой новорожденную дочь Наташи Армфельд. Няня, последний, хоть и не кровный, но несомненный, член старой семьи О.А. У няни распухали ноги, она не могла ходить, не очень хорошо понимала, что происходит. Ольга Александровна очень беспокоилась и сама ухаживала за ней. Случалось, ей приходилось вставать по четыре раза за ночь. Она утомлялась, не высыпалась, не успевала прочитывать вовремя корректуры и раздражалась из-за пустяков, что

---

⁹⁵⁸ Там же. Л. 110, 110 об.

⁹⁵⁹ Там же. Л. 115.

⁹⁶⁰ Там же. Л. 304, 304 об.

⁹⁶¹ Там же. Л. 306 об.

ей было в общем-то несвойственно: “Я вчера начала ложиться спать с 6 1/2 ч. [вечера] и проспала около полусуток, вставая неск[олько] раз ночью к няне, – пишет О.А. 21 октября 1909 г. – Корректурa от этого не много подвинулась, так что очевидно и сегодня не поспеет на почту, да наплевать на бессмысленных академиков”. И добавляла: “Бессмысленными же оказались и можайские почт[ово]-тел[еграфные] чиновники: за бесплатную посылку взяли 45 к., потому видите ли, что не обозначено лица, которому она адресована...”⁹⁶². В конце концов здоровье самой О.А. стало ухудшаться, и Борис Алексеевич нанял для няни профессиональную сиделку, что дало возможность О.А. хотя бы немного спать по ночам: “Я, разумеется, здорова, и теперь спокойна по ночам, зная, что есть кому следить, чтобы няня не упала или не сидела голой – она уже не раз снимала или пыталась снять с себя все”, – успокаивала О.А. сына 30 октября 1909 г. С 13 по 15 сентября 1909 г. в Ташкенте проходила XXV Юбилейная Сельскохозяйственная промышленная и научная выставка, организуемая Туркестанским Обществом Сельского хозяйства: “Из Ташк[ента] прислали правила и пр. Выставки и просят пожертвовать книги в Общ[ество], – сообщала О.А. сыну 31 июля 1909 г. – Отвечу, конечно, согласием, и за твой Шугнан”⁹⁶³. О.А. хотела бы принять и личное участие в выставке, но из-за болезни няни не могла: пришлось ограничиться посылкой научных трудов (и их последующим дарением), которые, однако, были высоко оценены: “Выставочный Комитет Туркестанской Юбилейной Сельскохозяйственной, Промышленной, Научной и Художественной Выставки 1909 г. имеет честь сообщить Вам, что Ваши труды по изучению флоры Памира были рассмотрены в специальной комиссии по Научному Отделу и признаны достойными высшей награды – почетного диплома, каковая награда утверждена Комитетом и будет выслана Вам по изготовлении дипломов”, – сообщили ей 15 января 1910 г.⁹⁶⁴ С 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. в Москве планировалось проведение очередного, XII, Съезда русских естествоиспытателей и врачей. О.А. хотела принять в нем участие: “Записалась в члены съезда и посылаю завтра 3 р.”, – писала она Б.А. 24 октября 1909 г.⁹⁶⁵, однако болезнь няни задерживала ее в Ольгине, хотя О.А. ни на минуту не пришло в голову, что она могла бы оставить няню с сиделкой: “Сомневаюсь, чтобы мне выбраться отсюда раньше съезда, да еще попаду

---

⁹⁶² Там же. Л. 325 об.

⁹⁶³ Там же. Л. 356 об.

⁹⁶⁴ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁹⁶⁵ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 328 об.

ли и на съезд? Сегодня няня неск[олько] раз покашливала и боюсь не простудилась ли...” – делится она своими опасениями с сыном 30 октября 1909 г.⁹⁶⁶

Если вначале еще была надежда, что няня поправится, то к ноябрю 1909 г. этой надежды не осталось: “На выздоровление няни я не имею никакой надежды. Она очень слаба и день ото дня слабеет, больше спит и меньше ест...” – писала О.А. сыну 10 ноября 1909 г.⁹⁶⁷ Из-за того, что няня не выдержала бы путешествия в Петербург, О.А., кажется единственный раз за все эти годы, задержалась в Ольгине почти до начала зимы (обычно она уезжала уже в начале осени, поскольку, как она выразилась как-то в письме к сыну, “зимовать не намерена”⁹⁶⁸). Няня умерла вскоре после 15 ноября 1909 г. (именно 15-м числом датировано последнее в том году письмо О.А. из Ольгина⁹⁶⁹, что означало ее скорое возвращение в Петербург) и была похоронена на кладбище возле Тропаревской церкви. Однако никакие посторонние сложности в виде поджогов, никакие личные трагедии не могли полностью отвлечь внимание Ольги Александровны от двух важнейших (и тесно связанных между собой) составляющих ее жизни: ее сына и ее научной работы.

“*Conspectus florum Turkestanicae*”

В 1900-е гг., помимо продолжающейся работы над “Флорой Памира” и монографического изучения рода *Eremurus* (исследование которого О.А. не прекращала и после выхода в свет ее монографии), многих небольших работ, посвященных обработке различных гербарных материалов, О.А. совместно с Борисом Алексеевичем работала над еще одним крупным проектом. Еще в году, примерно, 1896 О.А. для собственных нужд начала составлять полный свод всех указаний, имевшихся в ботанической литературе, о флоре территории, носившей тогда название “Русский Туркестан”. В результате получился объемный указатель “крайне полезный при изучении флоры Туркестана”⁹⁷⁰.

⁹⁶⁶ Там же. С. 332.

⁹⁶⁷ Там же. Л. 345 об.

⁹⁶⁸ Там же. Л. 285 об.

⁹⁶⁹ См. письмо О.А. Ф. к Б.А. Ф. от 15 ноября 1909 г. // Там же. Л. 352–353.

⁹⁷⁰ Федченко О.А., Федченко Б.А. *Conspectus Florae Turkestanicae*: Перечень растений дико растущих в Русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже. Ч. 1. СПб., 1906. С. [1].

В какой-то момент Б.А. присоединился к работе Ольги Александровны, и вместе они решили подготовить издание хотя бы краткого извлечения из этого указателя. В задуманном “Перечне” или “Конспекте” (как они его иногда называли) авторы ограничились перечислением всех видов Туркестанской флоры, снабдив их самыми общими указаниями распространения этих видов в пределах Туркестана. О.А. и Б.А. критически проверили и исправили многие из литературных указаний, используя для этого гербарий Императорского Ботанического сада. Они также внесли в “Конспект” некоторое количество ранее неопубликованных данных, “как по гербарии Императорского Ботанического сада, так и по собственным наблюдениям во время четырех путешествий по Туркестану (1897, 1901, 1902 и 1904 гг.)”⁹⁷¹. Напомним, что последние два путешествия (1902, 1904 гг.) Б.А. совершил без Ольги Александровны. Работа над “Конспектом”, первая часть которого была опубликована по решению Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества в 1906 г., стала, по словам Б.А., результатом целого этапа в научной жизни О.А.⁹⁷² “Работа эта, – пишет Б.А. в своих воспоминаниях, – еще раз показала необыкновенную трудоспособность О.А. – вся колоссальная работа по выписке данных из литературы, а также большая часть работы по пересмотру гербариев, была выполнена самой О.А.”⁹⁷³. Авторы надеялись, что их труд “не будет бесполезен для всех интересующихся флорой Туркестана”⁹⁷⁴. “Конспект” печатался параллельно в России и в Германии, в немецком журнале “Beihefte zum Botanisches Centralblatt”. В немецком варианте первая часть была опубликована даже раньше, чем в русском, и увидела свет еще в 1905 г.⁹⁷⁵ Ко времени появления в 1906 г. первой русской части, было издано уже две немецких. Именно реферат этих немецких изданий был в том же 1906 г. помещен в “Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета”. Г. фон Эттинген писал: «Вышедшие два выпуска этого “Conspectus” содержат целый ряд критических замечаний к систематическому списку туркестанских растений. Пока

---

⁹⁷¹ Там же. С. [1].

⁹⁷² Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87.

⁹⁷³ Там же. С. 87.

⁹⁷⁴ Федченко О.А., Федченко Б.А. Conspectus Florae Turkestanicae... С. [1].

⁹⁷⁵ Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florae Turkestanicae. Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem ostlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1905. Bd. 18. Abt. 2. H. 2. S. 199–221.

список включает в себе следующие семейства: *Ranunculaceae*, *Berberidaceae*, *Nymphaeaceae*, *Papaveraceae*, *Fumariaceae* и *Cruciferae*. Особенное внимание обращено на литературные указания, насколько они касаются Туркестана”⁹⁷⁶. Вторая часть русской версии работы увидела свет в 1909 г. С этого времени книга печаталась в Юрьеве. Объясняя мотивы, побудившие авторов к этой трудоемкой и объемной работе, один из них (кто именно, установить не удалось) писал: “отсутствие книги, заключающей описание всех растений флоры Туркестана приводит к крайней затруднительности знакомства с этой флорой, в частности же становится почти невозможным определение растений из Туркестана для лиц, лишенных возможности пользоваться гербарием Императорского Ботанического сада, ввиду крайней разбросанности литературы. Идя навстречу назревшей потребности, авторы настоящего труда задались целью дать возможно полный список всех растений, поныне известных из Туркестана. В вышедших 1 и 2-й части перечислены виды из семейств *Ranuncula-ceae*–*Papilionaceae*, другими словами, эти выпуски соответствуют полностью I тому книги Ледебура (*Flora rossica*), почему они и снабжены одним общим весьма подробным указателем”⁹⁷⁷.

Совместная работа получалась у О.А. и Б.А. великолепно. О.А. весной забирала все необходимые материалы с собой в Ольгино, туда же ей направляли корректуры. Если Б.А. еще пребывал в это время в Петербурге, он наводил в Гербарии необходимые справки и уточнения. Если О.А. была чем-то смущена – она посылала вопрос Б.А., чтобы узнать его мнение. Вот, например, выдержка из ее письма сыну 20 июня 1907 г.: “Нужно ли *E. brotherusi* Diels включать в лит[ературу], или тоже в *Armerbungen*? Вообще я писала карандашом] и отмечала синим то, на что прошу тебя обратить внимание. Писать ли Anmerkung обр. *E. jpicatus* обычн[ым] шрифтом подряд, как делали раньше, или в сноску?, если их в сноску, отметить, что петит, а если не в сноску – выкинь закладку. ...Верно ли я отнесла в Монголию...? Если надо в 4-ю [Алтай] и 18-ю (Т[янь]-Шань), то поправь. ... Если лучше латынь (у раст[ений], кот[орые] прежд[е] заменить немецким, сделай это пожалуйста)”⁹⁷⁸. Или из письма от 25 июня 1907 г.: “Надеюсь, что ты получил и предыдущую (зак[азную] банд[ероль])

---

⁹⁷⁶ Эттинген Г. фон. Fedtschenko Olga und Boris. Conspectus florum Turkestanicae // Тр. Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 107.

⁹⁷⁷ Русский ботанический журнал. 1909. № 3–4. С. 69.

⁹⁷⁸ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 157.

и вчерашнюю (конец *E. altaicus*, посл[анный] с письмом) корректуры и обратил внимание на отметки синим и писанное простым карандашом; не выяснено: 1) как писать: *Juriev.*, *Juriew.*, *Jurjev.* или *Jurjew?*... Обрати внимание на дополнительную заметку при растении *Chaffangeon* из Джильбарыка; если тебе не понравится, измени”⁹⁷⁹. Обмен мнениями, корректурами, а также обсуждения и дискуссии не прерывались практически ни на один день, в какие бы края ни заносила экспедиционная жизнь Б.А. “... мы посылаем ежедневно в Ваулино (за почтой. – *О.В.*) (если не успеем вечером, то на след[ующее] утро и иногда в тот же день опять вечером, и редко бывает, что почты нет”, – писала О.А. 19 июня 1907 г., удивляясь, что Б.А., кажется, не получил несколько ее писем⁹⁸⁰. Немецкий и русский варианты “Конспекта” не были идентичны, хотя и сверялись друг с другом: “...Воспользовалась получением русского Конспекта *Astragalus*, чтобы сверить с немецким. Оказалось, что *A. basineri Trautv.* в русском отнесен к *Lubgenus Caprinus (Christiania)*, т.е. следует после немецкого 1083-го, а в нем[ецком] к *Subgenus Cercidothrix (Ammodendron)*, под № 1303. Что вернее?”, – спрашивала О.А. 12 августа 1908 г.⁹⁸¹ При необходимости О.А. делала переводы с русского на немецкий или обратно: “Относительно Литвинова вчера проще было бы, если бы ты сам вставил в *Consp[ectus]* (русск[ий] экз[емпляр]), что надо, а я бы перевела и включила в нем[ецкую] рукопись, – пишет О.А. 14 ноября 1909 г., – но так как тебе, очевидно, некогда, то пишу в Бот[анический] Музей АК Н[аук], чтобы мне выслали тот № Трудов, в кот[ором] работа его напечатана на имя Меркулова. Не просить же отд[ельный] отт[иск] у Литвинова, если он сам не догадывается, что следовало бы дать мне”, – добавляет она⁹⁸². По самой своей природе работа над “Конспектом” была очень кропотливой, требовала массы внимания и терпения. Б.А., будучи в разъездах, случалось, не успевал прочитывать корректуры. Из письма О.А. от 18 сентября 1909 г.: «Вчера прислали наконец корр[ектуру] нем[ецкого] “*Consp[ectus]*”, кот[орую]... исправлю “по возможности”, согласно русскому, уже отпечатанному. Вчера получила корр[ектуру] (сверст[анную]) конца *Consp[ectus]* русского и приму во внимание твои поправки при подписи к печати. Нем[ецкий] *Consp[ectus]* тебе не посылаю корр[ектуру] – все равно нельзя ждать ответа неопр[еделенно] долго»⁹⁸³. Вообще же на этот раз О.А. была довольна качеством

⁹⁷⁹ Там же. Л. 161.

⁹⁸⁰ Там же. Л. 155.

⁹⁸¹ Там же. Л. 285 об.

⁹⁸² Там же. Л. 349 об., 350.

⁹⁸³ Там же. Л. 314.

своей работы: «С большим трудом кончила наконец корректуру] нем[ецкого] “Conspectus”, причем держалась русского, где однако есть курьезные опечатки... Вообще же русск[ий] текст оч[ень] основательно поправлялся», – пишет она 24 сентября 1909 г.⁹⁸⁴

Начиная с 1905 г. немецкий вариант “Конспекта” продолжал печататься практически ежегодно (кроме 1909 г.) вплоть до 1913 г. иногда сразу в нескольких номерах. Его дальнейшее издание было по-видимому прервано войной. По-русски вышло 6 частей, последняя из которых – в 1916 г. Это печатание, по воспоминаниям Б.А., было прервано “вследствие военных действий и перерыва сношений с г. Юрьевым”⁹⁸⁵ (в котором печаталась книга). Опубликованная часть содержала систематический список 4141 вида среднеазиатских растений, с указанием местонахождений, критическими замечаниями, а также описанием редких и новых видов. Довольно большая часть критических замечаний была продолжением полемики с В.И. Липским. О.А. не упускала случая отметить в его исследованиях какие-то неточности или несоответствия. Например, при описании вида *Prunus ulmifolia* (№ 1463) О.А. пишет: “Вид этот критически рассмотрен В. Липским (Acta Horti Petrop. XXIII p. 106–110). Считаю долгом сделать немногие замечания, касающиеся данных Липского. Приводимая им длина плодов этого растения (до 15 сантим.) основана на каком-то недоразумении. На самом деле плоды бывают едва длиннее одного сантиметра. Цветы этого растения, собранные Каю в сентябре, очевидно представляют второе цветение. Наконец, в приводимых Липским местонахождениях этого вида совершенно напрасно приводится Сырдарьинская область, где это растение пока, сколько известно, никем не собрано, а указанная Липским местность (“Аблатум” или точнее Афлатун) относится к Ферганской области, равно как и Узун-ахмат, ошибочно отнесенный Липским к области Семиреченской”⁹⁸⁶. Или при описании *Schrenkia vaginata* (№ 1960): «Вид этот в недавнее время критически рассмотрен В. Липским (Матер. для фл. Средн. Азии II. № 180). Для нас не вполне ясными являются указания автора, что при широком распространении этого вида, хотя “наружный облик этого вида изменяется в довольно значительной степени, никаких существенных уклонений однако нельзя заметить”. На следующих страницах своей книги (стр. 159 и 166) В. Липский, одна-

---

⁹⁸⁴ Там же. Л. 317.

⁹⁸⁵ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87.

⁹⁸⁶ Федченко О.А., Федченко Б.А. Conspectus Florae Turkestanicae Ч. 3. Юрьев, 1909. С. 3.

ко, выделяет особую форму – “достаточно типичную”, как он ее называет (на стр. 168), и описывает под именем β *transitoria lipsky*. Еще менее понятно, почему, цитируя работу О. Федченко, Список растений, собранных в Туркестане в 1869–1971 гг., стр. 72, В. Липский прибавляет слово “partim”⁹⁸⁷. В работе О.А. Федченко приводится *Schr. vaginata* только из двух местонахождений (Дашты-казы и Макшеват), и оба эти местонахождения вошли и в книгу Липского со знаком !, т.е. на основании исследования гербарных экземпляров»⁹⁸⁸. Будучи предельно щепетильна относительно точности приводимых ею данных, О.А. не прощала другим небрежности и невнимания. Ее собственные же работы всегда были образцом того, как следует писать подобные труды: “Работам О.А. Федченко свойственны простота, ясность и методическая точность сообщаемых фактов. Каждое ее указание всегда тщательно проверено, критически обдумано и является твердой базой для дальнейшей работы”, – говорил В.Л. Комаров⁹⁸⁹. Комаров же назвал “Конспект Туркестанской флоры” “Венцом всех работ О.А. по Туркестану”⁹⁹⁰. Ольга Александровна была очень расстроена и обеспокоена тем, что издание “Конспекта” прервалось. “...завершение печатания этого труда..., – отмечал впоследствии Б.А., – является нашим долгом перед О.А. – об этом она всего больше думала и волновалась в последние дни своей жизни”⁹⁹¹. Однако и этому намерению не суждено было сбыться.

Монографическое исследование рода *Iris*

В настоящей работе нет возможности подробно рассмотреть все научно-исследовательские проекты О.А., но еще об одном направлении ее исследований упомянуть необходимо. Помимо монографического изучения рода Эремурус и культивирования различных видов этих растений в Ольгине, О.А. также внимательно занималась изучением рода *Iris*. Первая работа, посвященная этому роду, была опубликована О.А. совместно с Б.А. в 1905 г. под названием “*Iridaceae* Русского Туркестана”⁹⁹². Это

⁹⁸⁷ По большей части (лат.).

⁹⁸⁸ Там же. С. 127.

⁹⁸⁹ Комаров В.Л. Указ. соч. С. 248.

⁹⁹⁰ Там же. С. 248.

⁹⁹¹ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87.

⁹⁹² Федченко О.А., Федченко Б.А. *Iridaceae* Русского Туркестана // Изв. С.-Петербургского ботанического сада. 1905. Т. V. Вып. 4. С. 153–162; То же. СПб., 1905.

был систематический список всех растений из семейства Ирисовых, дикорастущих в Туркестане, с указанием местонахождений. Список составлялся на основе литературных источников, а также гербария Императорского Ботанического сада. В 1909 г. О.А. выпустила в свет “Таблицу для определения туркестанских видов *Iris*”⁹⁹³. Это издание стало продолжением и развитием предыдущей работы. По словам О.А., оно было вызвано “желанием дать возможность путешественникам – ботаникам легко и скоро определять на месте, по живым образцам, растения, до неузнаваемости изменяющие цвет и форму при засушивании для гербария”⁹⁹⁴. Пользуясь случаем, она внесла некоторые дополнения и изменения в предыдущую работу “на основании дальнейшего изучения рода *Iris*, как по новым гербариям Ботанического сада, так и по живым растениям в своем саду (в Ольгине...)”⁹⁹⁵.

Большую роль в пополнении гербарных коллекций Императорского Ботанического сада в этот период сыграла деятельность Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия. Начиная с 1908 г. Управление ежегодно командировало исследователей для сбора почвенно-биологических материалов и другой информации в различные районы Азиатской России: от Урала до Тихого океана, включая, конечно, и Среднюю Азию. Борис Алексеевич принимал в этих экспедициях самое непосредственное участие. С 1908 по 1910 г. экспедициями руководил однокашник, друг и частый соавтор Б.А. – А.Ф. Флеров, а сам Б.А. выступал в роли консультанта. С 1911 г. Б.А. руководил всей экспедиционной деятельностью⁹⁹⁶. С 1909 г. Б.А. также редактировал издания Переселенческого управления: “Это для пользы дела, конечно, хорошо, что ты будешь редактировать все Переселенческое”, – писала сыну О.А. 4 ноября 1909 г.⁹⁹⁷ О.А. занималась обработкой привезенного из этих экспедиций гербарного материала, помогала Б.А. в его редакторской деятельности, консультировала начинающих ботаников, задействованных в экспедициях Управления: “...я... живо помню, – вспоминает О.Э. Кнорринг, участвовавшая в самой первой из этих экспедиций, – в начале 1908 г., когда отправлялась впервые в путешествие по горам и пустыням Туркестана, горячее участие и советы незабвенной Ольги Александровны. Она живо интере-

---

⁹⁹³ Федченко О.А. Таблица для определения туркестанских видов *Iris* // Русский ботанический журнал. 1909. № 5. С. 73–79.

⁹⁹⁴ Там же. С. 73.

⁹⁹⁵ Там же. С. 73.

⁹⁹⁶ Подробнее об этом см.: Линчевский И.А. Б.А. Федченко как путешественник и ученый // Растения Средней Азии. Л., 1985. С. 14–15.

⁹⁹⁷ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 361 об.

совалась нашими работами, как своих младших товарищей и в этом участии к нам и другим деятельницам в области науки сквозило чисто материнское чувство”⁹⁹⁸. Деятельность Переселенческого управления высоко оценивается современными исследователями, в том числе и участие в ней О.А.: “Особое научное и практическое значение в ту эпоху приобретают почвенно-биологические исследования, организованные Переселенческим управлением под непосредственным руководством С.С. Неустроева, Л.И. Прасолова, О.Э. Кнорринг, О.А. Федченко, Б.А. Федченко в целях комплексной природно-экономической оценки земель нового орошения”, – читаем мы в большой коллективной монографии “История открытия и исследований Советской Азии”⁹⁹⁹. Юридически, однако, О.А. не являлась руководителем этих исследований, хотя ее научная помощь была несомненно велика.

Возвращаясь к “Таблице для определения туркестанских видов рода *Iris*”, следует сказать, что при ее написании О.А. использовала обширные коллекции, привезенные из Туркестана в 1908 г. экспедицией в составе З.А. фон Минквиц, О.Э. фон Кнорринг, Б.А. Федченко, Р.Ю. Рожевица, М.И. Пташицкого, И.М. Крашенинникова, В.Ф. Капелькина, В.С. Воротникова, Ф.В. Соколова и др. Она также имела возможность работать с гербариями Бородина, Уварова и Шиц, собранными в Уральской области, гербарием Гольбека и Федотова с Зеравшана, гербарием Рожевица из Бухары и В.Н. Шнитникова из Семиреченской области и некоторыми другими. Помимо этого О.А., конечно, использовала собственные наблюдения, сделанные в Ольгине: “Обращая за последние годы особое внимание на культуру Ирисов в своем Саду, – пишет она, – я получила ценные пополнения своей коллекции от многих лиц и учреждений как в России, так и за границей, которым считаю долгом выразить здесь свою искреннюю признательность, напр. [от]: княжны О.Н. Мещерской, З.А. фон Минквица, Е.К. Хомутовой, miss Willmott, С.Г. Григорьева, В.Н. Зайцева, В. Кессельринга, И.М. Крашенинникова, Б.А. Федченко, Leo Derganc’a, покойного Sir M. Foster’a, Max’a Leichtlin’a, S. Mottet, Tubergen’a, Voet’a, проф. Rampanini и, через Императорский Ботанический сад, от Гольбека и Федотова, от Ладычина, от Siehe и др.”¹⁰⁰⁰. Работа была снабжена критическими замечаниями. Записи в “Садовых журналах Ботанического сада в Ольгино”

⁹⁹⁸ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 94–95.

⁹⁹⁹ Азатьян А.А., Белов М.И., Гвоздецкий Н.А., Камарин Л.Г., Мурзаев Э.М., Югай Р.Л. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969. С. 169.

¹⁰⁰⁰ Федченко О.А. Таблица для определения туркестанских видов *Iris*... С. 73–74.

подтверждают постоянный интерес О.А. к изучению *Iris*'ов. Так, например, 8–10 мая 1910 г. по записям О.А. ею “было препарировано” 29 разновидностей *Iris*¹⁰⁰¹.

В 1910-е гг. Ботанический музей Императорской Академии наук приступил к осуществлению объемного исследовательского проекта. Поскольку со времени издания “*Flora rossica*” К.Ф. Ледебура (1842–1853) прошло больше пятидесяти лет, было решено, что необходимо составить новую полную сводку по флоре России. Впервые об этом заговорил С.И. Коржинский. Впоследствии идею поддержал Н.И. Кузнецов. Однако поскольку составление подобной флоры требовало огромных затрат времени и сил, и, кроме того, различные территории страны во флористическом отношении были изучены неравномерно, в итоге остановились на поэтапном составлении флор различных российских регионов. Первой на очереди стала обработка и составление “Флоры Сибири”, включая в том числе и флору Дальнего Востока. Работы начались примерно в 1901 г. Известно, что в них согласились принять участие: И.П. Бородин, С.С. Ганешин, В.Л. Комаров, П.Н. Крылов, Н.И. Кузнецов, П. Лакшевиц, Д.И. Литвинов, Р.Р. Поле, В.А. Ротерт, В.Н. Сукачев¹⁰⁰². Борис Алексеевич взялся обрабатывать – семейство *Potamogetonaceae*, а Ольга Александровна – *Iridaceae*¹⁰⁰³. Таким образом, последние годы жизни О.А. были посвящены обработке рода *Iris* L. Однако издание “Флоры Сибири” продвигалось медленно в том числе еще и потому, что параллельно шла работа над “Флорой Азиатской России”, которую редактировал Б.А., и одни и те же люди, занятые в обоих проектах, кажется, просто не справлялись. Первый выпуск “Флоры Сибири” увидел свет только в 1913 г. Еще пять публиковались постепенно вплоть до 1931 г. В выпуски 1–6 вошли материалы по семействам *Papaveraceae* и *Cruciferae* (обработал Н.А. Буш: 1913–1931); семейства *Ericaceae* (обработала Е.А. Буш: 1915–1919); *Diapensiaceae* – *Primulaceae* (Е.А. Буш: 1925 г.); обработка семейства *Primulaceae* осталась неоконченной (описан только один род – *Primula*); в пятом выпуске содержатся сведения о папоротникообразных – *Filices* (А.В. Фомин: 1930 г.). На этом работы по проекту остановились. Обработка семейства, выбранного О.А., также не была доведена до конца. “Следует пожалеть, что обработки других семейств, распределенные среди видных ботаников, остались невыполненными”, – пишут

¹⁰⁰¹ Садовый журнал Ботанического сада в Ольгино за 1910 г. // СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 28. Л. 8–9 об.

¹⁰⁰² Подробнее см.: Литвиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР: Исторический очерк. Л., 1968. С. 34–35.

¹⁰⁰³ Там же. С. 35.

С.Ю. Липшиц и И.Т. Васильченко¹⁰⁰⁴. Уже после смерти О.А., в 1924 г. “Известия Главного Ботанического сада РСФСР” поместили работу, в которую вошли некоторые результаты трудов О.А. “*Iridaceae* Русской флоры”¹⁰⁰⁵. В коротеньком предисловии к этому изданию О.А. писала: “Занимаясь в течение многих лет изучением семейства *Iridaceae* не только по гербарному материалу, но и по живым растениям, в природе и культуре, в Ольгинском акклиматизационном Саду и в главнейших ботанических садах в России и за границую, я в настоящей статье даю перечень видов этого семейства, встречающихся в пределах России, Европейской и Азиатской”¹⁰⁰⁶. В этом систематическом списке перечислено 97 видов, с указанием на литературные источники, а также места распространения.

Напряженная работа и тяжелые личные переживания 1909 г. не прошли для О.А. даром – начало подводить здоровье, и прежде всего зрение – инструмент совершенно необходимый при ее деятельности. Она все хуже и хуже видела при искусственном освещении, что сильно ограничивало ее рабочее время: “Начала переводить из Вагер’a последние описания ирисов для Сиб[ирской] фл[оры], – пишет она Б.А. 15 ноября 1909 г., – затем буду сверять переписанное Алекс[андрой] Павловной с моими черновыми, чтобы выяснилось, что не использовано. Вообще мне бы хотелось их закончить здесь, вернее, чтобы в П[етербурге] осталось только сравнить с гербарием еще раз и переписать. Не знаю насколько удастся: ночь сплю, при огне плохо вижу, а светлого времени оч[ень] мало и писать можно только урывками, пот[ому] что до обеда надо погулять самой и проветрить “сестру”, а с обеда до веч[ернего] чая она спит, значит я все время начеку”, – речь идет о том времени, когда О.А. ухаживала за умирающей няней¹⁰⁰⁷. Можно было бы предположить, что именно из-за ухудшающегося состояния здоровья О.А., избранная делегатом ОЛЕАЭ на Международный Ботанический конгресс в Брюсселе, отказалась от этой чести и предложила вместо себя сына: “В Брюссель написала, что заменить меня в качестве делегата Общ. Л. Е. взялся ты”, – сообщала она Б.А. 26 апреля 1910 г.¹⁰⁰⁸ Однако это предположение не выдерживает критики: весной 1910 г. О.А. была полна сил и энергии. “Мы здесь ведем очень деят[ельную] жизнь, встаем рано и устаем до изнеможения. Засеяли весь огород, вы-

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 35.

¹⁰⁰⁵ Федченко О.А. *Iridaceae* Русской флоры // Изв. Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 106–116.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. 106.

¹⁰⁰⁷ СПб. АРАН. ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 352 об.

¹⁰⁰⁸ Там же. Л. 368 об.

садили много летников, для которых пришлось прибавить гряд”, – писала она из Ольгина 3 мая 1910 г.¹⁰⁰⁹ Надо сказать, что помимо перечисленных, в 1909 г. у О.А. появилось еще одно постоянное занятие. То что она регулярно помогала Б.А. в его работах, было само собой разумеющимся. Когда Б.А. отсутствовал, О.А. заботилась о корректурах его работ (когда надо читала, когда надо переправляла ему), переводила некоторые из его сочинений на иностранные языки, если это требовалось. О.А. получала всю его почту и составляла краткие резюме тех писем, по которым следовало принять какие-либо решения (например, О.А. писала 2 июня 1910 г.: “Среди немногих писем на твое имя есть и интересные и скучные, но выписывать содержания не стоит – сомневаюсь, чтобы это письмо застало тебя в Цюрихе”¹⁰¹⁰), выполняла прочие неотложные поручения и т.п. Но с января 1909 г. Борис Алексеевич Федченко взялся за издание “Русского Ботанического Журнала”. Журнал был основан в 1908 г., с 1909 г. Б.А. издавал его на свои собственные средства. Уже в 1909 г. он выпустил 8 номеров. Единственным сотрудником Б.А. в этом предприятии оказалась Ольга Александровна. Журнал помещал не только научные статьи, но и рефераты новой ботанической литературы, хронику научной жизни и пр. С авторами необходимо было работать, корректуры следовало читать, наконец, уже готовые номера надо было рассылать подписчикам и потенциальным подписчикам. Таким образом, у О.А. появилось новое поле деятельности. Во время отлучек Б.А. она служила связующим звеном между авторами, типографией, подписчиками и самим Б.А. О самом деятельном участии О.А. в издании (хотя ее имени и нет среди редакторов или издателей) свидетельствуют многочисленные обсуждения журнальных проблем, появляющиеся в письмах О.А. к Б.А. с этого времени. Например, О.А. пишет 5 мая 1910 г.: “Крашенинников спрашивает, что ему делать с корректурой? 15-го уезжает на Урал. Я ему предложила: если годна для подписи к печати, прислать сюда, чтобы ты подписал, когда вернешься (или, если хочешь, я). Если же поправок довольно – чтобы послал в типогр[афию] Матисена и велел, по исправлении, прислать сюда (для твоей подписи к печати)”¹⁰¹¹. 2 июня О.А. описывает Б.А. продолжение злключения статьи Крашенинникова: “Относительно корректуры 7-го листа Краш[енинникова], Матисен решил, что она пропала на почте и прислал ее вновь, а я исправила и подписала к печати, дабы положить конец этой заты-

---

¹⁰⁰⁹ Там же. Л. 373.

¹⁰¹⁰ Там же. Л. 374 об.

¹⁰¹¹ Там же. Л. 374, 374 об.

нувшей истории. Я помню по некоторым ошибкам..., что ее исправляла еще при тебе, но послал ли ты ее в типографию, или Крашенинникову – я не знаю. Ни рукописи, ни 2-го экземпляра этого листа я у тебя не нашла, впрочем только одно слово осталось для меня сомнительным: “обратноголовчатые” (соцветие при плодах), остальную чепуху исправила по Ледебурю, оставляя, конечно, описания такими, как у Краш[енинникова], что не совсем совпадает с Ледебуром»¹⁰¹².

Каким образом О.А. успевала одновременно справляться со всеми своими делами, остается загадкой. Возможно, она и сама захотела сделать небольшой перерыв, поскольку осенью 1910 г., оставив на время как дела издательские, так и текущие исследовательские, она приняла участие в очередной экспедиции Б.А. в Туркестан. Экспедиция проследовала в Зеравшанскую долину (Пянджакент, Кштут). О.А. хотела посетить озеро Кули-калан, впервые увиденное ею в 1871 г., но ей помешала болезнь, и экспедиция проехала сразу в Фергану, где прошла до ущелья Капчагай, в долине Паша-аты (Намаганские горы). О.Э. Кнорринг писала, что здесь О.А. особенно интересовалась елово-пихтовыми лесами¹⁰¹³. Экспедиция припозднилась и была застигнута в горах снежными буранами, что не помешало ее участникам, в том числе и О.А., собрать интересные коллекции: “Несмотря на позднее время года и начавшиеся в горах снеговые бури, удалось и тут собрать новые для науки растения”, – сообщает Б.А.¹⁰¹⁴. Во время этой поездки О.А. собрала 250 видов растений, переданных затем в Гербарий Императорского Ботанического сада¹⁰¹⁵. В 1912 г. Ольга Александровна была удостоена звания Почетного члена Императорского Ботанического сада (О.А. – вторая женщина, получившая это звание после принцессы Е.М. Ольденбургской, являвшейся попечительницей и покровительницей Сада). В том же 1912 г. О.А. совершила еще одну заграничную поездку. Она посетила Международную выставку садоводства, проводившуюся в Лондоне, и не упустила случая поработать в гербариях и ботанических садах Берлина, Лондона и Женевы. Проездом побывала в Венеции, не останавливаясь там для работы¹⁰¹⁶. Особое внимание во время этой заграничной поездки О.А. уделяла изучению живых представителей родов *Eremurus* и *Iris*, “в частности

---

¹⁰¹² Там же. Л. 375.

¹⁰¹³ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 93.

¹⁰¹⁴ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность... С. 94.

¹⁰¹⁵ См.: [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко... С. 98.

¹⁰¹⁶ См.: СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.

гибридным формам *Eremurus*, богато представленным на Лондонской выставке”¹⁰¹⁷.

Следующий, 1913 г. оказался не очень удачным для О.А.: ее здоровье неожиданно ухудшилось (впрочем, это началось еще в 1912 г.). По ночам стали случаться приступы удушья. Б.А. был очень обеспокоен. Ольга Александровна, в свою очередь, старалась его успокоить: “Здоровье – лучше; теперь удушье бывает часов в 8 в., но ночью легче”, – пишет она сыну 8 мая 1913 г.¹⁰¹⁸ Б.А. предложил Ольге Александровне регулярно принимать горячие ванны и это, кажется, помогло: “Счастливая у тебя была мысль о ванне: она неожиданно оказалась очень благодетельной, и после каждой ванны мне лучше, это факт”, – писала О.А. 5 июня 1913 г.¹⁰¹⁹ Казалось, все окончится благополучно. Уже 25 июля О.А. сообщала: “Бот[анический] сад мой, за отсутствием прополки, оч[ень] зарос, но ты похвались, что я не поляю. Здоровье мое хорошо, ванны бросила – в жару от них хуже, – и уже два раза купалась, и буду еще, с одобрения Ив. Вас. Архангельского. Купаться езжу”¹⁰²⁰. Однако, видимо, окончательного выздоровления не произошло, или просто так совпали обстоятельства, но в конце зимы 1914 г. О.А. тяжело заболела. 26 марта 1914 г. Борис Алексеевич писал Михаилу Петровичу Варавве: “Не имел возможности раньше поблагодарить Вас (за присланную фотографию. – О.В.), так как больше двух недель не могу ничего делать из-за неожиданной и серьезной болезни мамы – теперь дело идет, слава Богу, на поправку – было очень опасное воспаление легких”¹⁰²¹. Воспаление легких приковало О.А. к постели, не позволив даже посетить торжественное Юбилейное заседание ОЛЕАЭ. (В 1914 г. ОЛЕАЭ отмечало 50 лет своей деятельности.) Но несмотря на отсутствие, О.А. не была забыта. Она получила множество поздравлений и пожеланий. По случаю юбилея Общества профессор Г.А. Кожевников напечатал в газете “Утро России” статью, посвященную О.А., назвав ее “выдающейся русской женщиной”¹⁰²². Упомянув о знаменитой туркестанской экспедиции А.П. Федченко 1868–1871 гг., Кожевников восклицал: “Надо вспомнить, что такое был Туркестан в 1868 г., каковы были первобытные условия путешествия в те времена, чтобы долж-

---

¹⁰¹⁷ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность... С. 94.

¹⁰¹⁸ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 430 об.

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 434.

¹⁰²⁰ Там же. Л. 449 об.

¹⁰²¹ ОР РГБ. Ф. 530. Л. 1.

¹⁰²² Кожевников Г.А. Ольга Александровна Федченко (К 50-летию юбилею Общества любителей естествознания) // Утро России. 1913. 16 октября (Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 46).

ным образом оценить совершенный О.А. научный подвиг. Вот яркий пример того, на что способна русская женщина и как странно спорить против женского равноправия во всех отраслях деятельности”¹⁰²³. О.А. было приятно это внимание и напоминание о днях ее юности. «Многоуважаемый Григ. Ал., – отвечала она Кожевникову. – Получила Вашу заметку в “Утро России” и очень благодарю Вас за сочувственное воспоминание о лучшем периоде моей жизни. Жалела, что не пришлось съездить на юбилей Общества в Москву – приятно было бы повидать прежних деятелей Общества, из которых так многих уже не достает и посмотреть, кто теперь работает. Что меня касается, то при всей моей энергии и бодрости духа, старость сказывается, изменяют глаза, я очень устаю, хотя и продолжаю по мере сил ежедневно работать и в саду, и дома»¹⁰²⁴. В ответ на одну из поздравительных телеграмм О.А. отвечала: “Очень ценю, что и в отсутствии, меня не забыли и помянули добрым словом, и особенно, что не забыли Ал[ексея] П[авловича]... Что же меня касается, то я настолько здорова, насколько это возможно в мои годы; энергии и бодрости много и я работаю в Бот[аническом] саду и дома, но силы уже не прежние, да и глаза изменяют”¹⁰²⁵.

Беспокоясь о здоровье матери, Б.А. уговорил ее провести некоторое время на курорте в Италии. С 10 мая по 20-е числа июня 1914 г. О.А. провела в окрестностях Неаполя (часть времени вместе с Б.А.). Судя по некоторым ее письмам, она действительно немного лечилась: принимала ванны и т.п.¹⁰²⁶ В конце концов она сообщала сыну уже из Ольгина: “Относительно здоровья, ожидается, что все будет благополучно, и если не получишь телеграммы, значит эти ожидания оправдались...”¹⁰²⁷. Однако, как обычно, большая часть времени ушла на посещение Ботанического сада Неаполя, а также ботанические экскурсии в окрестностях города. Опять-таки как обычно, О.А. собрала интересный гербарий – около 100 видов растений, находившихся в то время в цвету¹⁰²⁸. О.А. и сопровождавшая ее дама (возможно, это была супруга Б.А. – Настасья Парфеновна Федченко) покинули Европу буквально накануне объявления войны. “Мы удачно выбрались из Неаполя, доехав до Ольгина в 3 дня, а знакомые, которых там застало объявление войны, употребили на переезд до Москвы

---

¹⁰²³ Там же. Л. 46.

¹⁰²⁴ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 15.

¹⁰²⁵ Там же. Л. 16.

¹⁰²⁶ См. письма О.А. Ф. к Б.А. Ф. от 10 июня 1914 г., 13 июня 1914 г. (Там же. Л. 436–438 об.).

¹⁰²⁷ Письмо О.А. Ф. к Б.А. Ф. от 22 июня 1914 г. (Там же. Л. 439 об.).

¹⁰²⁸ См.: СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 11.

3 недели и должны были ехать через Грецию и Константинополь...”, – писала О.А. Н.Э. Кнорринг 11 августа 1914 г.¹⁰²⁹ Кажется, здоровье О.А. действительно поправилось, во всяком случае, в 1915 г. она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы присоединиться к Б.А. и предпринять весеннюю поездку в Туркестан. О.А. посетила Ташкент, Голодную степь, Джизак, Самарканд, Аман-кутан в Гиссарском хребте, Шаршауз. В это последнее для О.А. посещение такого дорогого для нее края она собрала гербарную коллекцию из 300 видов растений, переданных затем в Гербарий Императорского Ботанического сада¹⁰³⁰. Молодые коллеги О.А. восхищались ее энергией, силой духа и преданностью интересам науки: “В 1915 г. уже на склоне лет, на семидесятом году своей жизни, Ольга Александровна снова была в Туркестане и собирала растения в Голодной степи и в горах Гиссарского хребта”, – пишет О.Э. Кнорринг¹⁰³¹.

Однако не столько старость и ухудшающееся здоровье (особенно зрение) вносили изменения в жизнь и научную деятельность Ольги Александровны, сколько политические события и, прежде всего, война. Если в 1914 г. ее влияние на повседневную жизнь было еще почти незаметным, то к 1915 и тем более к 1916 г. оно стало определяющим. Еще в 1914 г. прервалось издание немецкого варианта “Конспекта флоры Туркестана”, в 1915 г. остановилось печатание очередного “Дополнения к флоре Памира”, в том же 1915 г. пришлось приостановить выпуск “Русского ботанического журнала”, в 1916 г. из-за потери связи с Юрьевым было окончено печатание русскоязычного варианта “Конспекта флоры Туркестана”. Все это не могло не вызывать глубокой тревоги и беспокойства О.А. Хотя ход войны и сам по себе давал достаточно поводов для тревоги: “Отступление от Перемышля... не содействует приятному настроению”, – писала О.А. сыну 25 мая 1915 г.¹⁰³² Постепенно возникли изменения и в хорошо налаженной повседневной жизни. Например, начались перебои в почтовом сообщении, из-за чего оказались утраченными несколько посылок с ценными семенами. Так, О.А. писала 10 июля 1916 г. начальнику Можайской Почтово-Телеграфной Конторы: “В конце мая Борис Алексеевич Федченко выслал мне из Ашхабада Закаспийской области посылку с плодами и корнями туркестанских растений. Посылки этой я не получила. 18 июня

---

¹⁰²⁹ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 9 об.

¹⁰³⁰ См.: [Федченко Б.А.] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко... С. 98.

¹⁰³¹ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 93.

¹⁰³² СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 461 об.

он же выслал мне из Термеза (Бухарские владения) ящик с корнями редких растений. Этой посылки я тоже не получила...”¹⁰³³. Становилось все труднее и труднее вести хозяйство в Ольгине. Начали возникать проблемы с семенным материалом, одновременно стало чрезвычайно трудно продавать урожай по хоть сколько-нибудь приемлемой цене. “Нигде не можем достать картофелю, так что поле не заложено, капусты в Мож[айске] тоже нет, хорошо хоть захватили немного в Бартеневе для рабочих...”, – сообщает О.А. Б.А. 4 мая 1915 г.¹⁰³⁴ “Рожь меня изводит: в потребиловке в Ваулине дают только по 1 р. за пуд, но я все-таки хочу продавать (думаю, и ты одобришь), а иначе погниет и разворуют”, – пишет она ему же 3 сентября 1915 г.¹⁰³⁵ Уже летом 1915 г. в окрестностях Ольгина стало беспокойно. “Два вечера подряд, в 11-м часу, собаки поднимали отчаянный лай..., – писала О.А. 29 июня 1915 г. – Стало жутко, и я положила Антона (управляющего. – О.В.) спать в переднюю. Собиралась и в эту ночь сделать то же, он обещал придти и не пришел, так что я разбудила Машу (прислуга. – О.В.) и послала запереть парадн[ую] дверь. Кажется, он боялся, что я приму его за чужого и застрелю; по крайней мере, рабочие, вернувшиеся поздно, не пошли пить к бочке по этой причине. Вот так храбрые мужчины!”¹⁰³⁶ Лучше не становилось, наоборот, напряженность постепенно нарастала: “...ночью не выспалась – отчаянно лаяли собаки, так что я даже в час ночи оделась и ходила смотреть в окна, не горит ли где? Наши все безмятежно спали: не слышат ни лая, ни дождя, кот[орый] лил всю ночь с перерывами”, – жаловалась О.А. 5 июля 1915 г.¹⁰³⁷ Но еще в течение всего 1916 и даже части 1917 г. жизнь продолжалась в прежнем русле. О.А. работала над рукописью и корректурами “Конспекта флоры Туркестана”, Б.А. пропадал в экспедициях, посылая оттуда растения для Ольгинского сада, друзья и знакомые по-прежнему приезжали в гости, восхищаясь красотой Ольгина. Хотя чем дальше, тем больше хлопот они доставляли О.А. Вот как она описывает один такой визит, состоявшийся в 10-х числах мая 1916 г.: “11-го... получила письмо от Веры Леонт[ьевны], что она с отцом (и м[ожет] б[ыть] еще двумя членами общ[ества] Вараввы) собираются сюда в середине недели, и действительно в четверг веч[ером] приехали, но только она с Леонт[ием] Петр[овичем]: Варавва сам в лечебнице, ждет опера-

---

¹⁰³³ СПб. АРАН. Ф. 808. Ф. Оп. 2. Д. 299. Л. 11.

¹⁰³⁴ СПб. АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 464 об.

¹⁰³⁵ Там же. Л. 500 об.

¹⁰³⁶ Там же. Л. 484 об.

¹⁰³⁷ Там же. Л. 489 об.

ции. В ожидании их успели доделать клумбы, вычистить дорожки и усыпать их песком, кот[орый] возили из под Вороновой горы, успела, при помощи Дуняши, обобрать все лишние этикетки в Бот[аническом] саду. Я так устала, что сейчас же после чаю залегла спать, распорядившись только, кого куда положить и чем покрыть, – и вдруг гости (расписание поездов не известно – заказывала его купить, но еще не получила). Пришлось вставать, поить и кормить... От Ольгина вообще, и моего Бот[анического] С[ада] в частности, оба остались в полном восторге, только дом с почти чахлым плющом, показался им мало похож на фотографии. Целый день они гуляли, собрали весеннюю флору, ходили на Воронову гору, в неск[олько] приемов изучали мой Бот[анический] сад, с каталогом (кот[орый] я только что успела переписать) и фотогр[афическим] аппаратом. Много фотографировали, в том числе сняли и *Abies semenoni* и меня около *E. lactiflorus* (хороша я д[олжно] б[ыть], в кофте, пальто, черн[ом] платке... Наташиной стряпней тоже остались довольны. В 8 ч. вечера в тот же день уехали и я моментально завалилась спать...”¹⁰³⁸.

Завершив самые неотложные дела, О.А. собиралась возвращаться в Петроград в начале октября 1916 г., но Б.А. настаивал на том, чтобы самому приехать за нею и проводить ее, поэтому уже в середине октября О.А. все еще оставалась в Ольгине. Тем временем ситуация становилась все тревожнее и тревожнее: “...жду в субботу телеграммы от тебя, тревожась разными ходящими здесь слухами о московских и особенно петроградских забастовках, с убитыми, число которых варьируется в устах рассказчиков (...13, 17 тысяч человек)... Только сегодня узнала из газет, что телеграфное сообщение с Петроградом прервано и что у Вас на аршин снегу..., – писала она 16 октября 1916 г. и продолжала: – Ну, будьте здоровы и приезжай наконец, а то я, право, устала”¹⁰³⁹. Тем не менее зима и лето 1917 г. в жизни О.А. прошли без видимых изменений. (В 1917 г. О.А. и Б.А. приехали в Ольгино в ночь на 12 мая¹⁰⁴⁰.) Революция, однако, внесла свои коррективы. Появилась реальная опасность гибели Ольгинского сада. Ольга Александровна изо всех сил стремилась сохранить свое детище и в 1918–1919 г. не покидала Ольгино: “... в 1918–1919 гг. она остается в устроенном ею Акклиматизационном саду в Можайском уезде при самых тяжелых условиях – для того, чтобы не дать погибнуть своему начинанию”, – вспоминал Б.А.¹⁰⁴¹ О.А. прикладыва-

¹⁰³⁸ Там же. Л. 511, 512, 512 об.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 560, 561, 561 об.

¹⁰⁴⁰ Садовый журнал Ботанического сада в Ольгино за 1917 г. // СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

¹⁰⁴¹ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87

ла все силы к тому, чтобы спасти сад, а для выживания своего и своих домашних ей пришлось засадить сад преимущественно овощами. Так, примерно 1 мая 1919 г. она пишет в “садовом журнале”: “Посадили картофель под моим окном”¹⁰⁴². Тем не менее работы в саду продолжались. О.А. была намерена сохранить сад любой ценой.

В самые тревожные дни 1918 г. Ольга Александровна получила напоминание о днях своей юности: сотрудники Зоологического музея Московского университета преподнесли ей “Адрес” по случаю 50-летия со дня ее первого путешествия в Туркестан. «Глубокоуважаемая Ольга Александровна! – писали они. – Зоологи, работающие в Зоологическом музее Московского университета, шлют Вам выражение глубокого уважения по случаю исполнившегося пятидесятилетия Вашего первого путешествия в Туркестан. Специализировавшись на ботанике, Вы в разные периоды Вашей трудовой жизни уделяли внимание и зоологии, собирая коллекции для Зоологического музея Московского университета как в Средней России, так и в Туркестане, делая рисунки животных для изданий “Путешествия в Туркестан”, приводя в порядок некоторые коллекции Зоологического музея. Ваши труды во время знаменитой Туркестанской экспедиции Общества любителей естествознания навеки связали Ваше имя с изучением Туркестана. С того времени Вы не прекращали научной работы и сохранили до преклонного возраста любовь и интерес к науке, скрашивая этим свою жизнь. Позвольте пожелать Вам, глубокоуважаемая Ольга Александровна, здоровья и всего лучшего. 22.X.1918»¹⁰⁴³. Под адресом стояло восемь подписей. Так, в самые тревожные и мрачные моменты истории нашей страны научная жизнь не замирала. Не сохранилось точных данных, но, по-видимому, в итоге сама О.А. или Б.А. от ее имени обратился за помощью к директору Главного Ботанического сада РСФСР (бывшего Императорского), которым в то время уже был В.Л. Комаров. Кому-то из них пришла в голову мысль превратить Ольгинский ботанический сад в филиал (или отделение) Главного Ботанического сада и сделать О.А. его смотрительницей, получающей жалованье. Таким образом решились бы сразу две проблемы: Ольгинский сад стал бы государственным учреждением и подлежал защите государства, а О.А., лишившаяся единственного источника дохода – своей пенсии, получала бы жалованье как сотрудник сада. В.Л. Комаров принял просьбу близко к сердцу. Сохранилось письмо О.А. к нему от 25 июля 1919 г., из которого

---

¹⁰⁴² СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 28. Л. 67.

¹⁰⁴³ СПб. АРАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

можно заключить, что хотя бы первая часть этого плана была приведена в исполнение: “Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич. Очень признательна Вам за содействие к устройству моего положения в Ольгине. Теперь очень прошу Вас не отказать в скорейшей выдаче следующих мне денег и в обеспечении в дальнейшем своевременного получения назначенного мне содержания, так как, при сложившихся условиях, я лишена единственного источника своего дохода, а именно – своей пенсии”¹⁰⁴⁴. Однако состояние здоровья Ольги Александровны быстро ухудшалось. Где-то в начале 1920 г. Борису Алексеевичу удалось уговорить ее вернуться в Петроград, в котором она и провела последние дни своей жизни, продолжая свои исследования, несмотря на тяжелую болезнь и почти полную слепоту. “Только за год с небольшим до кончины ее мне удалось убедить О.А. переехать в Ленинград и провести последние месяцы жизни в общении со мной, – писал Б.А. – Несмотря на тяжелые физические страдания, до последнего дня О.А. сохранила величайший интерес к научным вопросам и некоторые из них – как обработка *Eremurus*’ов моей Закаспийской и Бухарской экспедиций и вопрос об ирисах Гиссарского хребта решались в самые последние дни ее жизни. О.А. сознавала, что жить больше не может, но спокойно озиралась на пройденный ею путь, видя, что жизнь ее не прошла бесплодно. Это облегчало ей все страдания, до той ночи (с 28 на 29 апреля), когда ей пришлось уснуть – умереть”¹⁰⁴⁵.

Ольга Александровна Федченко умерла в ночь с 28 на 29 апреля 1921 г. в Петрограде и была похоронена на Смоленском православном кладбище – одном из самых больших кладбищ города, расположенном на Васильевском острове. Ее могила сохраняется там до сегодняшнего дня¹⁰⁴⁶. 21 мая 1921 г. в заседании Отделения физико-математических наук Российской академии наук В.Л. Комаров прочитал некролог памяти О.А., завершив его следующими словами: “...научно-литературная деятельность О.А. охватывает период в 48 лет, вся же научная ее работа, с начала Туркестанской экспедиции, продолжалась 53 года. В Ольге Александровне мы чтим не только ученого, но и одну из тех славных русских женщин, которые прокладывали новые пути, выходя из узкой сферы домашних интересов на широкую дорогу общественного служения и вместе с тем работали над созданием

---

¹⁰⁴⁴ Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1493. Л. 1–2.

¹⁰⁴⁵ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87–88.

¹⁰⁴⁶ Адрес: С.-Петербург, Камская ул., 24; 129 участок, 2 дорожка. См.: Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 276.

той идейной самоотверженной русской интеллигенции, которую по справедливости гордится наша страна”¹⁰⁴⁷. 27 мая состоялось заседание Совета Ботанического сада, на котором было сделано несколько сообщений, посвященных памяти О.А. С докладами выступили: О.Э. Кнорринг “Памяти О.А. Федченко”, В.Л. Комаров “Научные работы О.А. Федченко”, А.П. Семенов-Тянь-Шанский “Работы О.А. Федченко по зоологии”, Б.А. Федченко “Начало научной деятельности О.А. и ботанический сад в Можайском уезде”. В годичном собрании ОЛЕАЭ 1921 г. и в заседании Московского отделения туркестанского общества также были сделаны сообщения, посвященные памяти О.А.¹⁰⁴⁸ В 1924 г. 2-й выпуск XXIII тома “Известий Главного Ботанического сада РСФСР” вышел под заголовком: «Этот выпуск “Известий” Совет Главного Ботанического сада посвящает памяти своего Почетного члена Ольги Александровны Федченко”¹⁰⁴⁹. Помимо других материалов, посвященных О.А., здесь были напечатаны и воспоминания О.Э. Кнорринг, которая, возможно, точнее и ярче всех остальных выразила то, что являлось смыслом жизни О.А.: “Большая часть работ Ольги Александровны посвящена Туркестанской флоре; по этой флоре – она была авторитетом и ее слово было решающим. Можно смело сказать, что труды Ольги Александровны положили начало научному систематическому изучению Туркестанской флоры и в том числе флоры Памира; Флористическая География Русского Туркестана основана работами Ольги Александровны и продолжала развиваться при ее деятельном участии... Талант, необыкновенная энергия, настойчивость, выносливость, усидчивость и глубокий интерес к науке – вот выдающиеся ее свойства. До последнего дня своей жизни Ольга Александровна не переставала интересоваться научными вопросами и продолжала работать пока была в силах, когда она перестала ясно видеть, то просила ей читать новые работы или диктовала сама. Научная работа была ее жизнью”¹⁰⁵⁰.

---

¹⁰⁴⁷ Ольга Александровна Федченко. Некролог. (Читан в заседании Отделения Физико-Мат. Наук 25 мая 1921 г. академиком В.Л. Комаровым) // Изв. Российской Академии наук. VI серия. 1921. Т. 15. С. 248. Следует заметить, что в этом “Некрологе” названа ошибочно дата смерти О.А.: “В ночь с 24 на 25 апреля”, что скорее всего является просто опечаткой.

¹⁰⁴⁸ См.: *Анучин Д.Н.* Памяти О.А. Федченко // *Землеведение*. 1922. Кн. 1–2. С. 168.

¹⁰⁴⁹ *Известия Главного Ботанического сада РСФСР*. 1924. Т. XXIII. Вып. 2.

¹⁰⁵⁰ *Кнорринг О.Э.* Памяти О.А. Федченко... С. 94.

Заключение

Ольга Александровна Федченко прожила долгую жизнь. Ей довелось испытать немало радости и еще больше скорби. Но как бы ни складывалась судьба, О.А. никогда не изменяла двум самым главным своим привязанностям, которым принадлежала безраздельно: семье и науке. Увлечшись ботаникой в ранней юности, она занималась ею до последнего дня жизни. Ее достижения в области систематики и флористики не подлежат сомнению. Работы О.А. по флоре Памира и Средней Азии стали классическими и фактически заложили твердый фундамент для дальнейшего изучения растительности этих регионов. О.А. принадлежала к числу путешественников-первопроходцев и, как все они, была бесстрашна (или, точнее, умела преодолевать свой страх). Собирая ботанические коллекции, она забиралась на горные перевалы, совершала высокогорные восхождения, посещала безводные пустыни. Вдвоем с мужем, А.П. Федченко, они стали первыми европейцами, побывавшими в Алае и увидевшими Заалайский хребет. Любовь к путешествиям не оставляла ее до глубокой старости.

Как любой крупный ученый, О.А. была разносторонним человеком. Она интересовалась многими разделами естествознания и внесла свой вклад не только в развитие ботаники. Прекрасная художница, она одной из первых создала коллекцию рисунков представителей животного и растительного мира Туркестана, характерных для него ландшафтов, археологических памятников, жанровых сцен. Внесла свою лепту в картографирование его территории.

В настоящей книге мы только коснулись работ О.А. в области зоологии. У О.А. нет собственных печатных работ по зоологии, но ее заслуги в этой области достаточно велики: еще в юности она перевела на русский язык несколько важных зарубежных

исследований, собирала энтомологические коллекции, переданные затем в Московский университет и использованные для научных работ. Она провела немало времени, приводя в порядок коллекции Зоологического музея Московского университета, активно помогала мужу собирать зоологические, преимущественно, энтомологические, коллекции во время Туркестанской экспедиции. Большую часть выпусков “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко”, вышедших под редакцией О.А., составляют зоологические исследования, и только благодаря усилиям О.А. они увидели свет.

Еще одна область научно-исследовательской деятельности О.А., которую мы почти не затронули, – историко-научные исследования. Скорее всего, О.А. никогда не думала о себе, как об историке науки. Однако ей принадлежит немало работ по истории изучения флоры различных регионов, в том числе Южного Урала, Памира, а также истории изучения отдельных видов (*Eremurus*’ов). Историко-научные очерки, предваряющие многие ее ботанические книги, имеют и вполне самостоятельную научную ценность.

Ольга Александровна никогда не преподавала, хотя всегда охотно помогала начинающим ботаникам, и, конечно, именно она стала первым учителем своего сына. О.А. привила Б.А. Федченко любовь к ботанике и воспитала ученого, которого Н.И. Вавилов назвал “одним из наиболее известных флористов Советского Союза”. Вообще трудно не заметить влияние, оказанное О.А. на целое поколение молодых ботаников, среди которых было немало женщин. И это очень важно. Научная деятельность О.А. принадлежит к эпохе, когда женщины в России еще не имели формальных прав заниматься наукой: для них были закрыты университеты, они не могли поступать на государственную службу, а почти любая научная должность в нашей стране была государственной. Немало современниц О.А. (особенно младших современниц) потратили десятилетия, добиваясь возможности подтвердить в России полученный за границей диплом и, соответственно, право на работу по специальности. И даже добившись этого, все, что они получали – это должность преподавателя в младших классах гимназии. Ольга Александровна никогда не тратила время на борьбу с бюрократической системой. Она вела исследовательскую работу, не обращая внимания на мнение общества, что женщине этого делать не полагается. В конце концов, коллеги-мужчины безоговорочно приняли ее в свой круг, несмотря на отсутствие официальных дипломов, званий и должностей. О.А. никогда не делала себе скидок или поблажек из-за того, что была дамой. Путешествуя в тяжелейших

условиях в компании мужчин, часто гораздо моложе себя, она всегда держалась с ними наравне. Для многих девушек, выбравших научную карьеру, имя О.А. стало символом и путеводной звездой.

Заканчивая этот, к сожалению, далеко не полный, очерк жизни и научной деятельности Ольги Александровны Федченко, хочется сказать, что она принадлежит к числу наиболее выдающихся российских ученых, ее жизнь может служить образцом для всякого человека, желающего посвятить себя науке, а ее характер вызывает восхищение и глубокое уважение.

Важнейшие даты научной деятельности О.А. Федченко

- 1861–1862 г.** – Сбор первого гербария в Можайском уезде Московской губернии: использован впоследствии Н.Н. Кауфманом в “Московской флоре”
- 1863–1866 гг.** – Ботанические экскурсии в Можайском уезде Московской губернии
- 1864 г.** – Окончание Московского Николаевского института
- 1864 г.** – Избрание членом-основателем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва)
- 1867 г.** – Замужество за А.П. Федченко и начало подготовки к экспедиции в Туркестанский край
- 1867–1868 гг.** – Первая и вторая заграничные поездки; посещение Финляндии, Швеции, Австрии, Италии, Германии
- 1868 г., 23 октября** – Начало Туркестанской экспедиции
- 1868–1869 гг.** – Изучение окрестностей Ташкента, Самарканда, поездка по Зеравшанской долине и предгорьям; гербарные сборы
- 1870 г.** – Искандеркульская экспедиция; гербарные сборы
- 1871 г., весна** – Экспедиция в Кызылкумы; гербарные сборы
- 1871 г., лето** – Экспедиция в Коканское ханство до Заалайского хребта; гербарные сборы
- 1872 г.** – Участие в Московской Политехнической выставке
- 1872 г.** – Поездка в Европу для подготовки публикации “Путешествия в Туркестан” (Германия, Франция, Англия)
- 1873 г.** – Занятия ботаникой у профессора Luerssen’a в Лейпцигском университете
- 1873 г., лето** – Ботанические экскурсии в Швейцарии
- 1873 г., 3 сентября** – Гибель А.П. Федченко на леднике Монблана; последующее возвращение О.А. в Москву
- 1873–1902 гг.** – Редактирование многотомного научного издания “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко” (24 выпуска)
- 1874 г.** – Избрание почетным членом ОЛЕАЭ
- 1875 г.** – Медаль Парижского международного географического конгресса за путешествие в Туркестан

- 1881–1890 г.** – Ботанические экскурсии в Можайском уезде Московской губернии, разбор гербарных коллекций Московского университета
- 1891 г.** – Первая ботаническая экспедиция в Уфимскую губернию; гербарные сборы
- 1892 г.** – Вторая ботаническая экспедиция в Уфимскую губернию; гербарные сборы (всего за два года 1200 видов)
- 1893 г., весна** – Ботанические экскурсии в окрестностях Серпухова Московской губернии; гербарные сборы
- 1893 г., лето** – Экспедиция в Крым; гербарные сборы (1120 видов)
- 1894 г.** – Экспедиция на Кавказ, в Закавказье; гербарные сборы (1430 видов)
- 1895 г.** – Основание Акклиматизационного ботанического сада в Ольгине (Можайский уезд, Московской губернии)
- 1897 г.** – Экспедиция в Туркестан; гербарные сборы в окрестностях Чимгана в Западном Тянь-Шане
- 1898–1899 гг.** – Зарубежная поездка для работы в крупнейших гербариях Европы (Австрии, Швейцарии, Франции, Англии, Германии)
- 1900 г.** – Переезд в Петербург и начало регулярных занятий в Гербарии Императорского Ботанического сада
- 1901 г.** – Памирская экспедиция – путешествие по Памиру и Шугнану; гербарные сборы (свыше 1000 видов цветковых и около 50 видов споровых)
- 1903 г.** – Выход в свет первой части книги: “Флора Памира. Собственные исследования 1901 г. и свод предыдущих”
- 1905 г.** – Выход в свет первой части работы: “*Conspectus florum Turkestanicae. Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldscha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten*”
- 1906 г.** – Избрание членом-корреспондентом Императорской Академии наук
- 1909 г.** – Выход в свет монографического исследования: “*Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung*”
- 1910 г., сентябрь–октябрь** – Поездка в Туркестан, ботанические экскурсии в Зеравшанской долине, Фергане; гербарные сборы (250 видов)
- 1912 г.** – Избрание почетным членом Главного С.-Петербургского Ботанического сада
- 1912 г., весна** – Посещение Международной выставки садоводства в Лондоне; работа в гербариях и ботанических садах Берлина, Лондона, Женевы
- 1914 г.** – Поездка в Италию; гербарные сборы в окрестностях Неаполя (около 100 видов)
- 1915 г., весна** – Поездка в Туркестан; гербарные сборы в окрестностях Ташкента, Голодной степи, Джизаке, Самарканде и др. (300 видов)

**Список растений,
названных в честь О.А. Федченко¹⁰⁵¹**

1. <i>Androsace olgae</i> Ovcz.	27. <i>Incarvillea olgae</i> Rgl.
2. <i>Arnebia olgae</i> Rgl.	28. <i>Jurinea olgae</i> Rgl. et Schmalh.
3. <i>Astragalus olgae</i> Bge.	29. <i>Korshinskya olgae</i> (Rgl. et Schmalh.) Lipsky
4. <i>Caprifolium olgae</i> O. Ktze.	30. <i>Leucopoa olgae</i> (Rgl.) V. Krecz. et Bobr.
5. <i>Carex olgae</i> Rgl.	31. <i>Lindelofia olgae</i> (Rgl. et Smirn.) Brand.
6. <i>Clausia olgae</i> (Rgl. et Schmalh.) Lipsky	32. <i>Linum fedtschenkoae</i> Rgl.
7. <i>Conopodium olgae</i> K.-Pol.	33. <i>Linum fedtschenkowae</i> Korolkow ex Koopman
8. <i>Convolvulus olgae</i> Rgl. et Schmalh.	34. <i>Linum olgae</i> Juz.
9. <i>Cousinia olgae</i> Rgl. et Schmalh.	35. <i>Lonicera olgae</i> Rgl. et Schmalh.
10. <i>Dedrostellera olgae</i> Pob.	36. <i>Melandrium olgae</i> Maxim.
11. <i>Draba olgae</i> Rgl. et Schmalh.	37. <i>Molinia olgae</i> Rgl.
12. <i>Diptychocarpus olgae</i> Rgl. et Schmalh.	38. <i>Nepeta olgae</i> Rgl.
13. <i>Dictyosperma olgae</i> Rgl.	39. <i>Olgaea</i> Iljin, genus
14. <i>Eremostachys olgae</i> Rgl.	40. <i>Omphalodes olgae</i> Brand.
15. <i>Eremurus olgae</i> Rgl.	41. <i>Onopordon olgae</i> Rgl. et Schmalh.
16. <i>Erigeron olgae</i> Rgl. et Schmalh.	42. <i>Pastinaca olgae</i> Rgl. et Schmalh.
17. <i>Ferula olgae</i> Rgl. et Schmalh.	43. <i>Pedicularis olgae</i> Rgl.
18. <i>Festuca olgae</i> (Rgl.) Kriv.	44. <i>Phlomis olgae</i> Rgl.
19. <i>Fritilaria olgae</i> Vved.	45. <i>Physospermum olgae</i> Rgl. et Schmalh.
20. <i>Gagea olgae</i> Rgl.	46. <i>Pirea olgae</i> Dur.
21. <i>Gentiana olgae</i> Rgl. et Schmalh.	47. <i>Platytaenia olgae</i> (Rgl. et Schmalh.) Eug. Kor.
22. <i>Hedysarum olgae</i> Bordz.	48. <i>Primula olgae</i> Rgl.
23. <i>Hedysarum olgae</i> B. Fedtsch.	
24. <i>Heliotropium olgae</i> Bge.	
25. <i>Henningia olgae</i> Rgl.	
26. <i>Heracleum olgae</i> Rgl. et Schmalh.	

¹⁰⁵¹ Этот список мы заимствуем из статьи: Борисова А.Г., Кнорринг О.Э., Некрасова В.Л. К 90-летию со дня рождения Б.А. Федченко // Ботанический журнал. 1962. Т. 47. № 6. С. 903–904. Здесь же опубликованы списки растений, названных в честь Б.А. Федченко (С. 903).

49. *Psychogeton olgae* (Rgl. et Schmalh.) Novopokr.
50. *Ranunculus olgae* Rgl.
51. *Salix olgae* Rgl.
52. *Salsola olgae* Iljin
53. *Scabiosa olgae* Albow
54. *Scrophularia olgae* Grossh.
55. *Sedum olgae* Rgl. et Schmalh.
56. *Senecio olgae* Rgl. et Schmalh.
57. *Sibbaldia olgae* Juz. et Ovcz.
58. *Silene olgae* Rgl. et Schmalh.
59. *Silene olgae* Rohrb.
60. *Silene olgiana* B. Fedtsch.
61. *Solanum olgae* Pojark.
62. *Solenanthes olgae* Rgl. et Smirn.
63. *Sorbaria olgae* Zinserl.
64. *Stephanocaryum olgae* (B. Fedtsch.)
M. Pop.
65. *Trigonotis olgae* B. Fedtsch.
66. *Triticum olgae* Rgl.

Научные общества, членом которых состояла О.А. Федченко¹⁰⁵²

- *Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете*
1864 г. – член-основатель; 1874 г. – почетный член
- *Императорское Московское общество испытателей природы при Московском университете*
1874 г. – член-корреспондент; 1891 г. – действительный член
- *Императорское Русское географическое общество*
1877 г. – член-сотрудник
- *Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества*
действительный член
- *Императорская Академия наук*
1906 г. – член-корреспондент по биологическому разряду Физико-математического отделения
- *Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад*
1912 г. – почетный член
- *Комитет шелководства Московского общества сельского хозяйства*
- *Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей*
- *Academie Internationale de Geographie botanique a Le Mans (Sartte)*
(Франция)
- *Agassiz Association for advancement of Science, Boston, Massachussets*
(США)

---

¹⁰⁵² По воспоминаниям коллег и друзей О.А. Федченко состояла членом большого числа научных обществ, выявить их все нам, видимо, не удалось.

Материалы к библиографии работ О.А. Федченко¹⁰⁵³

1872

Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.И., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.

1873

[*Федченко О.А.* Письмо в редакцию о гибели А.П. Федченко] // Голос. 1873. № 262. (22 сент./4 окт.). С. 1–2.

1874

Fedtschenko O.A. Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1871 // Mittheilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie von Dr. A. Petermann. 1874. Bd. 20. S. 201–206.

1875

Федченко О.А. От Кашгара до Кила-Пянджа: (Извлечение из писем полковника Гордона и гг. Биддольфа и Троттера) // Известия Императорского русского географического общества. 1875. Т. 11, вып. 1. С. 9–15.

1891

Fedtschenko O. List of the plants of the district of Moshaisk government of Moscow, Russia // The Popular Science News. Boston, 1891. Vol. 25, № 5, 6, 7, 8.

1893

Федченко О.А., Федченко Б.А. Материалы для флоры Уфимской губернии. М., 1893.

---

¹⁰⁵³ Впервые достаточно полная библиография работ О.А. Федченко была опубликована в: *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 95–98. Она, однако, завершилась 1911-м годом и содержала некоторые пропуски. Мы постарались восполнить эти пробелы, тем не менее публикуемый список не следует считать исчерпывающим.

1894

- Федченко О.А., Федченко Б.А. Материалы для флоры Уфимской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, отд. ботаники. М., 1894.
[Федченко О.А. Без заглавия] // Годичный отчет МОИП за 1893–94 гг. М., 1894. С. 14.

1897

- [Федченко О.А.] Сообщение о ботаническом путешествии в Туркестан в 1897 г. // Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы. М., 1897. С. 17.

1898

- Федченко О.А. Материал к флоре Архангельской губернии. М., 1898.
Fedtschenko O. Beitrag zur Flora des Gouvernements Archangelsk // Allgemeine Botanische Zeitschrift für Systematic, Floristik, Pflanzengeographie, etc. / Hrsg. von A. Kneucker. 1898. S. 91–92, 112–113. Отд. оттиск.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Beitrag zur Flora des südlichen Altai // Engler's Botanische Jahrbücher. 1898. Bd. 25. P. 483–494. Отд. оттиск.
Федченко Б.А., Федченко О.А. Материал к флоре южного Алтая // Землеведение. 1898. Кн. 1–2. С. 38–51.
Федченко О.А. Ирис Винклера, 12а) *Leontice alberti* // Сад и огород. 1898.
Fedtschenko O. Сообщение о ботаническом путешествии в Туркестан // Botanische Centralblatt. 1898. Bd. 73. P. 60–61.

1899

- Fedtschenko O., Fedtschenko B.* Ranunculaceen des russischen Turkestan // Engler's Botanische Jahrbücher. 1899. Bd. 27. S. 390–431.
Федченко О.А., Федченко Б.А. Ranunculaceae Русского Туркестана // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1899. Т. 33, вып. 3. С. 1–82.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Potentillae nonnullae e regionibus Turkestanicis allatae et a cl. Siegfridio determinatae Auctoribus Olga et Boris Fedtchenko // Bull. Herb. Boiss. 1899. T. 7. P. 182–184.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Ibid. P. 799–816.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Ibid. P. 765–780.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Note sur quelques plantes de Bonkharie // Ibid. P. 111–113.

1900

- Федченко О.А. Эремурусы моего сада // Сад и огород. 1900. № 4. С. 209–211.

Федченко О.А. Восстановление приоритета // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1900. Т. 1. С. 208–209.

1901

Федченко О.А., Федченко Б.А. Высшие Тайнобрачные Русского Туркестана // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1901. Т. 36, вып. 3. С. 1–38.

Федченко О.А., Федченко Б.А. *Althaea nudicaulis* Lindl. // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1901. Т. 1, вып. 2. С. 29.

Федченко О.А., Федченко Б.А. *Isatis boissieriana* rchb. // Там же. С. 164.

Федченко О.А., Федченко Б.А. *Medicago saxatilis* mb. // Там же. С. 229.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных в Омском уезде в 1898 г. В.Ф. Ладыгиным, Л.С. Бергом и П.Г. Игнатовым // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1901. Кн. 28, прил. 1. С. 93–111.

Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Bull. Herb. Boiss. Sér. 2. 1901. Т. 1, № 4. P. 367–394.

Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Ibid. № 3. P. 213–244; № 10. P. 945–972.

1902

Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных экспедицией П.Г. Игнатова для исследования озер Акмолинской области в 1899 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1902. Кн. 29. С. 1–16.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Материалы для флоры Ферганы, собранные Н.А. Романовым и В.В. Бер и обработанные О.А. и Б.А. Федченко. Казань, 1902. 35 с. (Приложение к протоколам заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете; № 200).

Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных А.И. Туполевым на северном склоне Чжунгарского Алатау // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1902. Т. 29. С. 1–13.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных в Омском уезде в 1898 г. В.Ф. Ладыгиным, Л.С. Бергом и П.Г. Игнатовым // Там же. С. 1–14.

Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 гг. // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1902. Т. III: Путешествие в Туркестан А.П. Федченко, вып. 24: Ботанические исследования.

[Федченко О.А. Командировка на Памиры в 1901 г.] // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1902 г. М., 1902. С. 313–314. Отд. оттиск. М., 1902.

- Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée // Bull. Herb. Boiss. Sér. 2. 1902. T. 2, № 1. P. 1–23, 11–96.*
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore du Caucase // Ibid. № 7. P. 583–601.

1903

- Федченко О.А. Флора Памира: Собственные исследования 1901 г. и свод предыдущих // Труды Санкт-Петербургского ботанического сада (Acta Horti Petropolitani). 1903. Т. 21. С. 233–471.*
Федченко О.А. Два новых рода: (Восстановление приоритета – заметка вторая) // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. 4, вып. 3. С. 192–193. Отд. оттиск. [Юрьев, 1903].

1904

- Федченко О.А. Первое дополнение к Флоре Памира // Труды Санкт-Петербургского ботанического сада (Acta Horti Petropolitani). 1904. Т. 24. С. 123–154.*
Федченко О.А. Растения Памира, собранные в 1901 г. Б.А. и О.А. Федченко. М., 1904.
Fedtschenko O. Trois espèces nouvelles du genre Eremurus // Bull. Herb. Boiss. Sér. 2. 1904. T. 4, № 8. P. 771–774.
Федченко О.А. Культура эремурусов // Вестник Российского общества садоводства. 1904. № 9/10.
Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных в Омском уезде в 1908 г. // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1904. Кн. 28, прил. 1. С. 93–111.
Федченко О.А., Федченко Б.А. Список растений, собранных в Омском уезде в 1908 г. М., 1904.

1905

- Федченко О.А. Второе дополнение к Флоре Памира // Acta Horti Petropolitani. 1905. Т. 24. С. 313–355.*
Федченко О.А. О культуре эремурусов // Прогрессивное садоводство и огородничество. 1905. № 1. С. 8–9.
Федченко О.А. Растения Туркестана, преимущественно Алая, собранные во время путешествий 1901 и 1904 гг. О.А. и Б.А. Федченко // Acta Horti Petropolitani. 1905. Т. 24. С. 537–556.
*Федченко О.А. Новый съедобный лук (*Allium pskemense* B. Fedtsch.) // Прогрессивное садоводство и огородничество. 1905. № 4. С. 41.*
Федченко О.А. Гигантские зонтичные // Там же. № 19. С. 193–194.
Федченко О.А. Растения Памира, собранные в 1901 г. Б.А. и О.А. Федченко // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд-ние ботаническое. 1905. Вып. 8. С. 1–87.
Fedtschenko O. The species of Eremurus // Gardeners Chronicle. 1905. Vol. 37, June 10. P. 358.
Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florae Turkestanicae. Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des

- Urallflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1905. Bd. 18, Abt. 2, H. 2. S. 199–221.
- Fedtschenko O., Fedtschenko B. Matériaux pour la flore de la Crimée* // Bull. Herb. Boiss. 1905. T. 5, № 7. P. 621–638.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. Iridaceae русского Туркестана* // Известия Императорского ботанического сада. 1905. Т. 5. С. 153–162.

1906

- Федченко О.А. Jurinea korolkowi Rgl. et Schmalh.* Критическая заметка // Известия Императорского Санкт-Петербургского ботанического Сада. 1906. Т. 6. С. 29–31. Отд. оттиск.
- Федченко О.А. Eremurus aucherianus Boiss. и Eremurus korolkowi Rgl.* Критическая заметка, с таблицей // Известия Императорского ботанического Сада. 1906. Т. 6. С. 39–43. Отд. оттиск.
- Федченко О.А.* Эремурусы в природе и в культуре // Любитель природы. 1906. № 3. С. 1–9.
- Fedtschenko O. Irideen-Studien. Was ist Iris maacki Maxim?* // Allgemeine Botanische Zeitschrift. 1906. № 6. S. 89–90. Отд. оттиск.
- Fedtschenko O. Uebersicht der turkestanischen Aroideen* // Ibid. № 12. S. 53.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. Conspectus Florae Turkestanicae: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже* // Известия Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. 1906. Т. 6, приложение, ч. 1. С. 1–96.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. Campanulaceae русского Туркестана* // Ботанический журнал. 1906. № 2. С. 52–60.
- Федченко Б.А., Федченко О.А.* Список растений Амурской области, собранных преимущественно И.Ф. Крюковым // Русский ботанический журнал / Отд-е ботаники Сибирского общества естествоиспытателей. 1906. № 7/8. С. 211–277.
- Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florae Turkestanicae. Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Urallflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten* // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1906. Bd. 19, Abt. 2, H. 2. S. 293–342; Bd. 20, Abt. 2, H. 2. S. 296–341.

1907

- Федченко О.А.* Определитель памирских растений // Acta Horti Petropolitani. 1907. Т. 28. С. 129–190.
- Федченко О.А.* Растения Туркестана, преимущественно Алая, собранные во время путешествий 1901 и 1904 гг. О.А. и Б.А. Федченко // Ibid. С. 1–82.

- Федченко О.А. Заметка о географическом распространении рода *Eremurus* // Известия Императорского ботанического Сада. 1907. С. 65–68.
- Федченко О.А. *Eremurus chinensis* nova species // Ботанический журнал. 1907. № 1. С. 11–12.
- Fedtschenko O. *Eremurus chinensis* // Gardeners Chronicle. 1907. Vol. 42, March 30. P. 199–200.
- Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florae Turkestanicae: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralfusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1907. Bd. 22, Abt. 2, H. 3. S. 197–221.
- Федченко Б.А., Федченко О.А. Список растений Амурской области, собранных преимущественно И.Ф. Крюковым // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1907. Т. 35, вып. 3. С. 211–271.

1908

- Федченко О.А. Третье дополнение к Флоре Памира // Acta Horti Petropolitani. 1908. Т. 28. С. 97–126.
- Федченко О.А. Определитель памирских растений // Труды Санкт-Петербургского ботанического сада. 1908. Т. 28, вып. 1. С. 127–190.
- Федченко О.А. Памяти А. Регеля // Туркестанские ведомости. 1908.
- Федченко О.А. О некоторых растениях Памира: Критическая заметка // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. 1908. № 3. С. 275–280.
- Федченко О.А. Список растений, собранных В.Ф. Капелькиным в Атбасарском уезде Акмолинской области // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. СПб., 1908. Ч. 2: Ботанические исследования.
- Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florae Turkestanicae: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralfusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1908. Bd. 23, Abt. 2, H. 3. S. 341–386; Bd. 24, Abt. 2, H. 1. S. 67–84.
- Федченко Б.А., Федченко О.А. Список растений Амурской области, собранных преимущественно И.Ф. Крюковым. СПб., 1908.

1909

- Fedtschenko O. *Eremurus*: Kritische Übersicht über die Gattung. Saint Petersburg, 1909. 210 S. (Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. Сер. VIII.; Т. 23, № 8).
- Федченко О.А. Четвертое дополнение к Флоре Памира // Acta Horti Petropolitani. 1909. Т. 28. С. 453–514.

- [Федченко О.А.] Таблица для определения туркестанских видов рода *Ereturus* // Русский ботанический журнал. 1909. № 5. С. 81–89.
- Федченко О.А. Таблица для определения туркестанских видов рода *Iris* // Там же. С. 73–79.
- Федченко О.А. Семена, собранные в Ботаническом саду в Ольгине в 1909 г. // Там же. № 6. С. 114–115.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. *Conspectus Florae Turkestanicae*: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Известия Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. 1909. Т. 6, приложение, ч. 2. С. 97–300.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. *Conspectus Florae Turkestanicae*: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Там же. Ч. 3. С. 1–155.

1910

- Федченко О.А. Растения Памира, собранные Ф.Н. Алексеенко в 1901 г. Ч. 1 // Труды Ботанического музея Академии наук. 1910. Вып. 7. С. 139–180. Отд. оттиск. Б.м., Б.г.
- Федченко О.А. Список растений, собранных В.Ф. Капелькиным в Атбасарском уезде Акмолинской области // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. СПб., 1910. Вып. 5, ч. 2: Ботанические исследования.
- Федченко О.А. Семена, собранные в Ботаническом саду в Ольгине, на Дальнем Востоке в 1909 и в Туркестане 1910 г. // Русский ботанический журнал. 1910. № 4–6. С. 70–72.
- Fedtschenko O., Fedtschenko B. *Conspectus florae Turkestanicae*: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralfusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldsha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1910. Bd. 26, Abt. 2, H. 2. S. 157–188.

1911

- Федченко О.А. Семена, предлагаемые Ботаническим садом в Ольгине в 1911 г. // Русский ботанический журнал. 1911. № 2. С. 24–28.
- Федченко О.А., Федченко Б.А. *Conspectus Florae Turkestanicae*: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской,

Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Известия Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. 1911, Т. 6, приложение, ч. 4. С. 157–402.

Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florum Turkestanicae: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldscha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1911. Bd. 28, Abt. 2, H. 1. S. 1–88.

1912

Федченко О.А. Лилейные (*Liliaceae*). Род *Eremurus* М.В. СПб., 1912. (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. Б.А. Федченко. Флора Азиатской России; Вып. 3).

Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florum Turkestanicae: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldscha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1912. Bd. 29, Abt. 2, H. 2. S. 226–277.

1913

Федченко О.А. Семена, предлагаемые Ботаническим садом в Ольгине // Русский ботанический журнал. 1913. № 1/2. С. 15.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Conspectus Florae Turkestanicae: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Известия Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. 1913. Т. 6, приложение, ч. 5. С. 1–200.

Федченко О.А., Федченко Б.А. *Sphenoclea Gaertn.* в Туркестане // Труды Ботанического музея Академии наук. 1913. Вып. 10. С. 122–124.

Fedtschenko O., Fedtschenko B. Conspectus florum Turkestanicae: Übersicht sämtlicher bis jetzt für den Russischen Turkestan (d. h. für die Gebiete: Transkaspien, Syrdarja, Fergana, Samarkand, Semiretschie, Semipalatinsk (ausser dem östlichen Theile), Akmolly, Turgai und Uralsk (jenseits des Uralflusses) nebst Chiwa, Buchara und Kuldscha) als wildwachsend nachgewiesenen Pflanzenarten // Beihefte zum Botanisches Centralblatt. 1913. Bd. 31, Abt. 2, H. 1. S. 111–175.

1914

Федченко О.А. Пятое дополнение к Флоре Памира // Труды Ботанического сада. 1914 (1915). Т. 31, вып. 3. С. 441–490.

1916

Федченко О.А., Федченко Б.А. *Conspectus Florae Turkestanicae*: Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Известия Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. 1916. Т. 6, приложение, ч. 6. С. 2, 201–393.

1921

Федченко О.А. Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г. // Ботанические материалы гербария Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. 2, вып. 3. С. 11–12.

1923

Федченко О.А., Федченко Б.А. Новый вид *Ophioglossum* // Там же. 1923. Т. 4, вып. 1. С. 8.

1924

Федченко О.А. *Iridaceae* Русской флоры // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. 23, вып. 2. С. 106–116.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Перечень растений Туркестана и Киргизского края. 1. Папоротникообразные. Голосемянные. Однодольные: *Turphaceae* – *Eriocaulonaceae* // Труды Главного ботанического сада. 1924. Т. 38, вып. 1. С. I–VI, 1–236.

1968

Fedtschenko O. *Eremurus*: Kritische Übersicht über die der Gattung // Plant Monograph / Ed. J. Cramer, H.K. Swann. New York. 1968. Vol. 3. Reprint. Saint Petersburg, 1909.

Редакторская деятельность О.А. Федченко

Мартенс Э. фон. Слизняки // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 1, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 1. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 1)¹⁰⁵⁴.

¹⁰⁵⁴ Нумерация “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко” несколько запутанна, например, здесь присутствуют два 18-х выпуска. Некоторые исследователи относят сюда же художественный альбом О.А. Федченко. “Виды русского Туркестана”, но сама О.А. кажется считала его вполне отдельным изданием.

- Ершов Н.Г.* Чешуекрылые // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 2, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 3. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 2).
- Кесслер К.Ф.* Рыбы // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 3, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 6, отд. 1. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 3).
- Соссюр де.* Прямокрылые. (Тетрадь первая) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 4, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 1. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 4).
- Сольский С.М.* Жесткокрылые // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 5, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 6. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 5).
- Ульянин В.Н.* Ракообразные. (Тетрадь 1) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1874. Вып. 6, т. 2: Зоогеографические исследования. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11).
- Федченко А.П.* В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1875. Вып. 7, т. 1, ч. 2. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 11, вып. 7).
- Мак-Лаклан Р.* Сетчатокрылые // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1875. Вып. 8, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 5. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 19, вып. 1).
- Моравиц Ф.* Пчелы // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1875. Вып. 9, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 7. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 19, вып. 2).
- Кронеберг А.* Пауки // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1875. Вып. 10, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 4, отд. 1. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 19, вып. 3).
- Сольский С.М.* Жесткокрылые // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1876. Вып. 11, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 6. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 21, вып. 1).
- Регель Э.* Туркестанская флора. (Тетрадь первая) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1876. Вып. 12, т. 3: Ботанические исследования, ч. 1. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 21, вып. 2).
- Моравиц Ф.* Пчелы // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1875. Вып. 13, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 7. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 21, вып. 3).
- Майр Г.* Муравьи; *Брауер Фр.* Стрекозы; *Радошковский О.И.* *Chrysidiformis, Mutillidae* и *Sphegidae* // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1877. Вып. 14, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 7. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 26, вып. 1).
- Бунге А.* Астрагаловые // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1880. Вып. 15, т. 3: Ботанические исследования. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 26, вып. 2).
- Соссюр де.* Сколии // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1880. Вып. 16, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5, отд. 7. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 26, вып. 3).
- Краббе Г.* Черви (ленточные) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1879. Т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 2. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 34, вып. 1).

- Линстов фон.* Круглые черви и сосальщики // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1886. Вып. 18, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5 (Известия ОЛЕАЭ; Т. 34, вып. 2).
- Регель Э.* Описание новых и более редких растений по материалам, собранным О.А. Федченко в Туркестане и Кокане // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1882. Вып. 18, т. 2: Ботанические исследования. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 34, вып. 2).
- Рейтер.* Полужесткокрылые. (Ч. 1) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1887. Вып. 19, т. 2: Зоогеографические исследования, ч. 5. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 34, вып. 4).
- Богданов А.П.* Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1888. Вып. 22. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 34, вып. 5).
- Никольский А.М.* Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1899. Вып. 23, т. 2: Зоогеографические исследования. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 74)¹⁰⁵⁵.
- Федченко О.А.* Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 гг. // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. СПб., 1902. Вып. 24, т. 3: Ботанические исследования. (Известия ОЛЕАЭ; Т. 103).
- Маевский П.* Весенняя флора. 2-е изд. / Под. ред. О.А. Федченко, Н.В. Цингера. М., 1892.

Переводы научной литературы

О.А. Федченко¹⁰⁵⁶

- Юль Г.* Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О.А. Федченко // Известия Императорского Русского географического общества. 1873. Т. 9, приложение. С. 1–82.

Художественные работы О.А. Федченко

- Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко. Б.м., Б.г.

---

¹⁰⁵⁵ Возможно, что том А.М. Никольского выходил без участия О.А. Федченко.

¹⁰⁵⁶ Большинство переводов О.А. Федченко печаталось анонимно.

Литература об О.А. Федченко

- Анучин Д.Н.* Памяти О.А. Федченко // *Землеведение*. 1922. Кн. 1/2. С. 166–168; То же // *Д.Н. Анучин о людях русской науки и культуры: (Статьи, некрологи и заметки)*. М., 1950. С. 156–159.
- Богданов А.П.* Ольга Александровна Федченко // *Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.)*. М., 1888. Т. 1. Л. 26.
- В.М.Ш.* Федченко (Ольга Александровна) // *Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон*. СПб., 1902. Т. 35. С. 421–422.
- 25-летие ученой деятельности О.А. Федченко // *Исторический вестник: Историко-литературный журнал*. 1889. Т. 35, январь–март. С. 771–772.
- Валькова О.А.* Памяти Ольги Александровны Федченко (1845–1921) // *Бюлл. Московского общества испытателей природы. Биологич. сер.* 2005. Т. 110. № 5. С. 68–72.
- Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко (1845–1921): К 160-летию со дня рождения // *Годичная конференция ИИЕТ РАН, 2005 г.* М., 2005. С. 104–106.
- Еленкин А.А.* О.А. Федченко: [Некролог] // *Известия Главного ботанического сада РСФСР*. 1921. Т. 20, вып. 1. С. 66.
- Иванов Д.Л.* Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // *Там же*. 1924. Т. 23, вып. 2. С. 99–105.
- Кнорринг О.Э.* Памяти Ольги Александровны Федченко // *Там же*. С. 91–96.
- Кожевников Г.* Ольга Александровна Федченко: (К 50-летнему юбилею Общества любителей естествознания) // *Утро России*. 1913. 16 октября.
- Комаров В.Л.* Ольга Александровна Федченко: Некролог: (Читан в заседании Отделения физико-математических наук 25 мая 1921 г. академиком В.Л. Комаровым) // *Известия Российской академии наук. Сер. VI*. 1921. Т. 15. С. 247–248.

- Липский В.И.* Федченко Ольга Александровна // *Липский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92–98.
- Марголина Д.Л.* Флора и растительность Таджикистана: Библиография. М.; Л., 1941. С. 247–248 (Personalia).
- [*Маслова О.В.*] Экспедиции А.П. и О.А. Федченко в Туркестанский край, 1868–1871 // [*Маслова О.В.*] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ташкент, 1956. Ч. 2. 1856–1869. С. 70–89.
- Пономарев С.И.* Федченко Ольга Александровна // *Пономарев С.И.* Наши писательницы. СПб., 1891. С. 60.
- Тишкин Г.* Она осуществила мечты своей юности: (Ольга Александровна Федченко) // *Глобус*, 1985. Л., 1985. С. 369–371.
- Тишкина А.Г.* Путешественница и ботаник О.А. Федченко // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 132–136.
- Федченко Б.А.* К биографии О.А. Федченко // *Известия Главного ботанического сада РСФСР*. 1924. Т. 23, вып. 2. С. 85–90.
- [*Федченко Б.А.*] Ботанические коллекции и поездки О.А. Федченко // Там же. С. 97–98.
- Федченко Ольга Александровна (1845–1921) // *Большая советская энциклопедия*. М., 1936. Т. 57. С. 57.
- Федченко Ольга Александровна // *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. М., 1956. Т. 44. С. 584.
- Ципоруха М.И.* Первая путешественница ученый-ботаник в горах Средней Азии // *Ципоруха М.И.* Их позвали в дорогу любовь и долг: Очерки об отечественных путешественницах. М., 2001. С. 39–56.
- Чабров Г.Н.* Художник Ольга Александровна Федченко // *Литературный Ташкент*. Альманах 2. Ташкент, 1947. С. 117–119.
- Lièvre A.* *le Fedtschenkoana* // *The Garden*. 1987. Vol. 112, pt 1, January. P. 65–68.
- Raven S., Weir A.* *Olga Alexandrowna Fedchenko* // *Raven S., Weir A.* *Women of achievement: Thirty five centuries of history*. N.Y., 1981. P. 266–267.

Ботаническая библиография об О.А. Федченко¹⁰⁵⁷

- Ботанический сад Московского университета, 1901–1981: (Библиография). М., 1981. С. 30.
- Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Флора и растительность Московской области: (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. № 131, 144.
- Липский В.И.* Флора Кавказа: Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. // *Труды Тифлисского ботанического сада*. 1899. Вып. 4. № 408.

¹⁰⁵⁷ Этот список не претендует на исчерпывающую полноту, но, надеемся, он будет полезен.

- Липский В.И.* Флора Кавказа. Дополнение I // Там же. 1902. Вып. 5, № 95.
- Липский В.И.* Флора Средней Азии, т.е. русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1. Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. № 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 312.
- Липшиц С.Ю.* Литературные источники по флоре СССР. Л., 1975. № 1130, 1131, 1132, 1133, 1556, 1964, 1965, 1966, 1968, 2231, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294. В этом издании помещены ссылки на рецензии и рефераты работ О.А. Федченко.
- Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического музея Императорской Академии наук. 1909. Вып. 5. № 1009, 1009а, 1010, 1011, 1012, 1013, 46 в.
- Марголина Д.Л.* Флора и растительность Таджикистана: Библиография. М.; Л., 1941. № 1206, 1207, 1208, 1209, 1210, 12211, 1212, 1213, 1214, 1215, 1216, 1217, 1218, 1219, 1220, 1221, 1222, 1223, 1224, 1225, 1226, 1227, 1228, 1229, 1230, 1231, 1232, 1233, 1234, 1235, 1236, 1237, 1238, 1239, 1240, 1241, 1242, 1243.

Summary

The goal of this book is reconstruction of the scientific biography of an outstanding Russian woman, well-known botanist Olga Alexandrovna Fedchenko (1845–1921). She was born on the 18th of November 1845 to the academic family. Her father Alexander Armfeld (1806–1868) was professor of medicine in Moscow University. Olga had grown up in a large and close-knit family. She interested in botany from her childhood. Professor Nikolay Kaufman used materials from her very first herbarium (she collected it when she was sixteen) in his famous “Moscow flora” (“Moskovskaia flora”). When she was 16 Olga Armfeld spent her time teaching children, making scientific translations, visiting Zoological Museum of Moscow University and collecting plants.

When in 1864 an Amateurs Society for Nature, Anthropology and Ethnography was organized in Moscow University she became one of its members-founders. In the same 1864 she met her future husband Alexei Fedchenko (1844–1873) a young graduate of Moscow University. They worked together for some time in Society and in the field. In 1867 they married and in 1868 left together to their most famous expedition in Turkestan (1868–1871). It was time when the conquest of Turkestan was not completed yet. Scientific expedition had to travel under protection of military forces. They moved on horseback. Several times they were attacked and had to fight. Olga was not only a companion to her husband though that was enough difficult for a young woman and dangerous too. She was full member of the expedition and had her own scientific task. She collected botanical materials, painted pictures and some maps, helped her husband with zoological collections and so on. They spend tree years exploring this new for Russia and Europe land and return home with a numerous collections and other materials.

In 1872 Olga and Alexei traveled to Europe. They were organizing publication of the results of Turkestan expedition. Simultaneously they were preparing for the next expedition. Accidentally in 1873 Alexei Fedchenko perished. It happened in the Swiss mountains. Olga was left with an infant son on her arms. She returned to Moscow put a side her own scientific interests and during next ten years (and even more) was managing, editing and publishing the materials of the Turkestan expedition. 24 volumes of “A.P. Fedchenko’s Traveling in

Turkestan” (“Puteshestvie v Turkestan A.P. Fedchenko”) were published under her edition in the period from 1874 till 1902.

By the way 70th–80th years of the 19th century were very hard for her family. One of her brothers died when he was only twenty (in 1880). Her youngest sister Natalia Armfeld who once studied in Zurich together with Sophia Kovalevskaia in 1872 returned to Russia and joined underground revolutionary struggle. She was arrested in Kiev and exiled to Siberia (1879). She died there after several hard years together with her newborn baby (1887). At the same time their mother Anna Armfeld died too.

Olga Fedchenko returned to her botanical investigations only in 1880th. And only in 1890th she returned to the participation in the scientific expeditions. At that time she took part in several botanical expeditions. In 1891–1892 she visited South Urals mostly Ufimskaja Gubernia. She explored territory from steppes to the highest mountains. As a result she published the first complete list of flora of the region. In 1893 she visited Crimea where she collected a large herbarium. In 1894 Olga collected plants in the Caucasus. At last in 1897 she visited Turkestan for the first time from the days of her youth and spent some time in West Tien Shan. After that her research activity concentrated in this region. With time she became a well-known expert in Turkestan’s flora.

In 1898 Olga traveled to Europe and worked in most famous botanical gardens in Vienna, Geneva, Paris, London, Berlin. From 1900 she almost every winter day spent in the Imperial Botanical Garden in St.-Petersburg. In 1901 she again went to Turkestan. It was a difficult journey for the woman who was 56 years old. On horseback by dangerous pathways the expedition traveled round Pamirs and Shugnan to the Afganistan border. After this a classical work “Pamir’s Flora” (“Flora Pamira”) was published. Her last expedition in Turkestan was in 1910.

During all these expeditions Olga Fedchenko discovered several new species of plants. She became famous as a good collector and taxonomist. She published several important local Floras. Her monographic research on genus *Eremurus* first published in 1909 was republic in 1968 in New York and available in Internet in any moment even today. She organized botanical garden in her estate – “Ol’ginskii Botanical Garden” (in 1895). She exchanged seeds and plants with the most famous Botanical Gardens of Europe for example with Royal Botanical Garden Kew. She was elected member of Imperial Moscow Nature Society in 1874, of Imperial Russian Geographical Society in 1877, and several other. She was a member of Academie Intenationale de Geographie botanique a La Mance (Sartee) in France and of Agassiz Association for Advancement of Science (Boston) in the USA. At last in 1906 she was elected a corresponding member of St.-Petersburg Academy of Sciences. Her son Boris Fedchenko was participating in her investigations from his childhood and when grown up became a famous botanist himself. Olga Fedchenko died in 1921 in Petrograd.

Olga Fedchenko belongs to the first generation of Russian women-scientists. By the state laws she was not allowed to join University. She was never teaching students. But in spite of all this difficulties she became one of the most respected Russian botanists. Her name became a symbol of a clever, brave, independent woman. She has a profound effect on the young generation of Russian botanists especially young girls.

This book is the first attempt to write her life story.

Именной указатель

А

- Абрамов А.К. 38, 42, 45, 47
Агеников Н.М. 38
Азатьян А.А. 40, 105, 114, 223, 269
Аистова С.В. 7
Аксаков С.Т. 10, 11
Аксаковы, братья 16
Александр III, император 184
Александр Михайлович, великий князь 242
Александра Павловна 271
Алексеевко Ф.Н. 204, 230, 231, 297
Алпеев О.Е. 7
Амман (Amman J) 170
Анастасьев А.М. 122
Андреева 141
Анзимиров В.А. 150, 151
Анисимов 183
Анишкевич Ф. 107
Анке Н.Б. 12, 16
Анненков Н.И. 28
Аносов Н.М. 142
Антон, управляющий 277
Антонов А.А. 171
Антонова А. 134
Анучин Д.Г. 163
Анучин Д.Н. 6, 104, 105, 123, 172, 175, 185, 281, 301
Аптекман О.В. 134
Ардасенков, студент 144
Армфельд, генерал 8
Армфельд А.А. (см. также Armfeld A.) 17, 23, 129, 130, 131, 132, 133, 145, 152, 155, 162, 169, 186, 254
Армфельд А.В. (см. также Armfeld Анна) 8, 16, 17, 22, 23, 24, 117, 129, 130, 136, 137, 139, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 163, 164, 165, 166, 167, 168
Армфельд А.О. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25, 26, 32, 36, 124, 129, 254
Армфельд Е.В. 254, 255
Армфельд Надежда А. 17
Армфельд Наталья А. (Армфельд-Комова Н.А.) (см. также Armfeld Natalia) 8, 16, 17, 19, 22, 23, 24, 129, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 260
Армфельд Николай А. 17, 129, 130, 132, 133, 135, 136, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 163
Армфельд Осип 8
Армфельд С.А. 17
Арсеньев А.Н. 180, 187
Артари А.П. 176
Архангельский И.В. 274
Архипов И.П. 122
Alcock A.W. 223, 224
Armfeld Alexandr (см. также Армфельд А.О.) 304
Armfeld Anna (см. также Армфельд А.В.) 305
Armfeld Natalia (см. также Армфельд Наталья А.) 305

Б

- Багдасарова Т.В. 58
Базилевская Н.А. 23

Базинер, доктор 170
Балмашев В. 144
Балмашев С.В. 144
Барсукова А.В. 58
Бартенева Н.П. 205
Бартольд В.В. 233
Баршев С.И. 12
Бастракова М.С. 7
Батюшкова В.Н. (Батюшкова-Цвиленева В.Н.) 133, 134, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 146, 147, 151, 166
Бах 91
Бахман 71
Бек Г. 200
Белов М.И. 269
Белова Ю.М. 7
Беляев В.И. 159
Бер В.В. 293
Берг Л.С. 123, 124, 293
Бергхольц Л.П. фон 173
Березницкий 118
Берс А.Е. 16, 17
Биддольф 116, 117, 159, 291
Бирюков 141, 142
Бобринский А.А., граф 223, 226
Бобров Е.Г. 186
Богданов А.П. 16, 17, 18, 22, 23, 26, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 49, 55, 56, 57, 60, 61, 65, 66, 69, 74, 80, 81, 82, 91, 92, 93, 104, 110, 115, 117, 119, 120, 122, 123, 126, 129, 131, 153, 162, 300, 301
Богданова Е.В. 153, 154, 155, 166, 202
Богданович 147
Богоявленский Н.В. 223
Бодрицкий, полковник 214
Бокова-Сеченова М.А. 132
Боллард (Bollard) 159
Бордюгов И.И. 16, 23
Борисова А.Г. 287
Бородин И.П. 240, 247, 269, 270
Брандт Ф.Ф. 89, 90
Брандтнер Л. 148, 149
Брауер Ф. 299
Брешко-Брешковская Е.К. 16, 22, 24, 133, 143, 144, 152, 165, 166, 167, 168
Бржезицкий К.А. 222, 226
Брике И. 231
Бродовский М.И. 56, 57, 290
Брокгауз Ф.А. 302

Буасье П.Э. 192, 226
Букинич Д. 231
Бунге А.А. 74, 94, 96, 97, 98, 102, 299
Бурдон-Уйфальви (см. также Уйфальви, мадам) 113
Буслаев Ф.И. 12
Бухгольц Ф.В. 160
Буш Е.А. 270
Буш Н.А. 156, 171, 235, 270
Вагер 271

В

Вавилов Н.И. 5, 283
Вагнер 9
Вайц Т. 33
Валькова В.Г. 7
Валькова О.А. 301
Варавва М.П. 274, 277
Вараскин Б.А. 204
Варнек Н.А. 13
Васильченко И.Т. 229, 235, 236, 237, 270, 271
Велидова Е.А. 7
Вельман Н.Э. 223, 225, 226
Вельман Э.Г. 223
Вельцин В.Ф. 42
Венгеров С.А. 9, 14, 16
Веневитинов Д.В. 10
Вера Леонтьевна 277
Верещагин В.В. 113, 114
Вигандт 91
Викторова-Вальтер С.А. 144, 147
Винклер К.Ю. 235, 236, 237
Виноградов П.Г. 185
Виноградский С.Н. 17, 130
Владимирский А.С. 122
Воларович П.Е. 187
Волховский Ф.В. 143
Воронцова Л. 132
Воротников В.С. 269
Враская А.В. 241
Враская М.В. 241
Вревский А.Б., барон 187
Вяземский П.А. 11
Voet 269

Г

Гагман, капитан 146
Гамов Д.И. 141, 147
Ганешин С.С. 270
Гвоздецкий Н.А. 269
Гейер И.И. 187, 195, 197
Гейнеман 75

Гейнцельман И.Г. 170
Геккер 9
Гельфман Г.М. 16, 144
Гемпель 91
Георги И.-Г. 170
Георгий Михайлович, великий князь 242
Гердер Ф.Е. (Э) 74, 94
Герман, доктор 171
Герье В.И. 185
Гете И.Ф. 13
Гилев, действительный статский советник 107
Гоголь Н.В. 11, 16
Годунов Борис, царь 154
Голицын С.М. 14, 15
Головин, капитан 136, 137, 138, 141
Головин Н.П. 205
Головина Ю.Д. 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213
Гольбек 269
Гомзин А.И. 60, 72, 75
Гордон, полковник 116, 117, 159, 291
Гордягин А.Я. 171, 174
Горожанкин И.Н. 157, 158, 159, 175, 177, 180
Горошченко 183
Готлунд 34
Гоф 147
Грановский Т.Н. 15
Григорий, священник 258
Григорьев С.Г. 172, 204, 228, 269
Гриневский Б. 184, 240
Громбчевский Б.Л. 222
Грубе 79
Губанов И.А. 27, 58, 156, 159, 160, 180, 181, 302
Гукер Дж. Д. (Hooker J.D.) 226
Гумбольдт А.Ф.В.Г. фон 221

Д
Давыдов А.Ю. 87, 88
Дашкова Е.Р. 108, 248
Двигубский И.А. 27
Дебогорий-Мокриевич В.К. 147, 148
Дейроль 82, 91
Дерган Л. (см. также Derganc L.) 240
Дзейверс А.Я. 204
Дмитриев М.А. 11
Дмитрий, управляющий 259, 260
Дмитровская А.В. (см. также Армфельд А.В.) 16
Дмитровский В. 16

Добролюбов Н.А. 16
Дубянский В.А. 235
Дуняша, помощница 278
Danguy P. 230
Derganc L. (см. также Дерган Л.) 240, 241, 269
Duthie J.F. 224

Е

Евреинова А.М. 132
Елагина А.П. 10, 11
Елагины, братья 10
Еленкин А.А. 301
Елизавета Осиповна 117, 118
Елизавета Полина Отгилия Луиза (псевд. Кармен Сильва), королева Румынии 248
Ершов Н.Г. 71, 74, 76, 81, 299
Ефименко А.Я. 124
Ефрон 145
Ефрон И.А. 302

Ж

Жаклар А.В. (см. также Корвин-Круковская А.В.) 132
Железнов Н.И. 38
Желябов А.И. 145
Жидкова А.А. 7

З

Загоскин М.Н. 11
Зайцев В.Н. 205, 269
Зелинский Н.Д. 185
Зенгер Н.К. 23, 29, 66, 71, 72, 73, 84, 85, 90, 91, 93, 99, 110, 122, 131
Зернов Н.Е. 25
Зигфрид 197
Зограф Н.Ю. 123
Золотницкий Н.Ф. 159

И

Ивакин И.М. 165
Иванов А.П. 200, 201
Иванов Д.Л. 33, 41, 45, 46, 47, 49, 50, 56, 57, 59, 67, 155, 187, 191, 222, 226, 230, 290, 301
Ивановская Е.С. 144
Ивановская П.С. 147
Ивановские, братья 144
Ивановский А.А. 172, 183
Ивановский А.С. 147
Ивановский В. 144
Ивансон Э. 91, 123

Иванчин-Писарев А.И. 134
Игнатов П.Г. 293
Илизаров С.С. 7
Иллигмози, султан 108
Ильин М.И. 235
Иноземцев Ф.И. 12
Ишан-куль, бек 218

К

Казанкин, жандарм 148
Казанкин Н.А. 157
Казулин А.П. 151
Калмыков К.Ф. 23
Камарин Л.Г. 269
Кантор Р.М. 146
Капелькин В.Ф. 183, 200, 201, 269,
296, 297
Капнист П.А., граф 185
Капю 266
Карастелев К.И. 131
Карелин 135
Карелин Г.С. 95, 237
Карнаухова М.Г. 143
Каспер 9
Катя, дочь священника 259
Каульбарс А.В. 95
Кауфман К.П. фон 35, 36, 38, 42, 43,
48, 50, 52, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72,
83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 96,
97, 99, 107, 124, 125, 126, 127, 128,
155
Кауфман Н.Н. 27, 28, 29, 38, 39, 43,
44, 94, 157, 158, 159, 181, 228, 285
Кашкаров Д.Д. 242
Кеннон Г. (Kenan G.) 167
Керделли 117
Кессельринг В. 236, 241, 269
Кессельринг Я.К. 235, 241
Кесслер К.Ф. 74, 76, 78, 299
Киреевские, братья 10
Киреевский И.В. 10
Кирилов И.П. 95, 237
Кислаковский Е.Д. 169
Клессин 75
Клинге И.Г. 235
Ключевский В.О. 184
Клячко С.Л. 134
Кнорринг Н.Э. фон 276
Кнорринг О.Э. фон 186, 187, 221,
231, 235, 243, 244, 268, 269, 273,
276, 281, 287, 301
Князев В.И. 142
Ковалевская М.П. 148, 151

Ковалевская С.В. (см. также Kova-
levskaia S.) 23, 24, 132, 248
Ковалевский А.О. 91, 131
Ковалевский В.О. 17, 130
Ковалевский И.Я. 23
Ковалевский М.М. 17, 130
Кожевников А. 7
Кожевников Г.А. 274, 275, 301
Кожевников Д.А. 156, 157, 161
Колпаковский Г.А. 127
Комаров В.Л. 6, 197, 199, 221, 229,
235, 236, 238, 251, 267, 270, 279,
280, 281, 301
Комов А.И. 167
Копылов П., фельдшер 141
Корвин-Круковская А.В. 132
Корвин-Круковский В.В. 23, 24
Корженевский Н.Л. 229
Коржинский С.И. 171, 175, 177, 178,
223, 226, 231, 235, 236, 270
Коркодинов Н.П., князь 18
Короленко В.Г. 144, 233
Корольков Н.И. 57, 95, 196
Косаровская, домовладелица 147
Косинский К.К. 235
Кошелев А.И. 10
Краббе Г. 299
Краузе И.И. 56, 57, 95, 290
Крашенинников И.М. 235, 260, 269,
272, 273
Крашков В.Р. 187
Крепин Ф. (Srepin F.) 175
Кроненберг А.И. 74, 75, 80, 123, 299
Кропоткин П.А. 134
Кропотова И.И. 180
Крылов Н.И. 12
Крылов П.Н. 270
Крылова М.К. 16, 144
Крюков Д.Л. 12
Крюков И.Ф. 295, 296
Кузминская Т.А. 16, 17
Кузнецов 241
Кузнецов И.В. 235
Кузнецов Н.И. 235, 236, 270
Куликовский Г.И. 172
Куцей, офицер 42
Кушакевич А.А. 95, 196, 222, 226
Cramer J. 299
Kauffman N. (см. также Кауф-
ман Н.Н.) 304
Kneucker A. 292
Kovalevskaia S. (см. также Ковалев-
ская С.В.) 305

Л

Лавров П.Л. 146
Ладыгин В.Ф. 293
Ладычин 269
Лакост А. 260
Лакшевич П. 270
Лариман М. 82
Ларионов, капитан 121
Лариса Васильевна, няня 168
Лебедева Т.И. 16, 134, 144
Леве, профессор 74, 76
Левейле А. (Léveillé A.) 251
Левинский В.Д. 122
Ледебур К.Ф. 156, 226, 238, 264, 270, 273
Лейкарт Р. 79, 80, 82
Леман А. 41, 170, 237
Лемерсье 71, 91, 111
Леонов Г.Б. 187
Леонов Н.И. 40, 55, 114, 162
Леонтий Петрович 277
Лепехин И.И. 170
Лермонтов М.Ю. 11, 16
Лермонтова Н.И. (см. также Славятинская Н.И.) 138
Лермонтова Ю.В. 132
Лессинг Х.Ф. 170
Лешерн С.А. (Лешерн-фон-Герцфельд С.А.) 16, 144, 146, 151
Линстов фон 300
Линчевский И.А. 268
Липский В.И. 28, 57, 58, 59, 169, 182, 183, 184, 186, 191, 196, 198, 199, 200, 203, 205, 222, 225, 229, 234, 235, 236, 237, 238, 266, 267, 273, 274, 290, 302, 303
Липшиц С.Ю. 160, 161, 178, 180, 184, 201, 229, 235, 236, 237, 270, 271, 303
Лисовский Н.М. 130, 131
Лист А. 71
Литвинов Д.И. 157, 161, 171, 174, 176, 181, 201, 265, 270, 303
Литке Ф.П. 84, 89, 90
Лоран 111
Лосиевский В.С. 171
Луценко Е.И. 201
Львов И.К. 141
Любина Г.И. 7
Лялина М.А. 114
Leichtlin M. 269
Lièvre A. le. 302
Luerssen C. 61, 285

М

Магнус, профессор 176
Магомет, тюремный служитель 24
Маевский П.Ф. 97, 161, 225, 300
Майр Г. 299
Мак-Лаклан Р. 76, 299
Максимович 159
Максимович К.И. 236
Максимович М.А. 10
Маланья, домовладелица 257
Малиханов, казак 204
Мальцов С.С. 10
Марголина Д.Л. 197, 198, 225, 302, 303
Мари, помощница 252, 260, 277
Мария Федоровна, императрица 164
Мартенс Э. фон 74, 75, 78, 80, 193, 298
Маслова О.В. 40, 42, 46, 53, 105, 111, 302
Матафин А. 127
Матисен, владелец типографии 272
Мачтет Г.А. 185
Мейер 241
Мейер К.А. 229, 238
Мейер К.И. 158
Мейннгаузен К.Ф. 171
Мельгунов П.П. 157
Мензбир М.А. 169
Меркулов 265
Мечников И.И. 17, 91, 130, 131
Мечникова О.Н. 130
Мешаев В.Д. 38, 39
Мещерская О.Н., княжна 269
Миддендорф 101
Миддендорф А.Ф. 162
Милашевич К.О. 74
Милютин Д.А. 86, 127, 128
Милютин С.Н. 159, 179, 181, 200
Миндер 241
Минквиц З.А. фон 235, 269, 269
Миред-Имменецкий, прокурор 137, 138
Митевна, кухарка 252
Михельсон А.И. 235
Мицкевич С. 149
Моравиц Ф.Ф. 79, 82, 299
Морозов А.А. 171
Морозов Н.А. 134, 135, 136, 143, 145, 147
Мосолов 202
Мосолов Н.А. 160
Мостовский М.С. 10, 13, 15

Музафар-ша 52
Мурзаев Э.М. 269
Мушкетов И.В. 6, 40, 53, 55, 106, 107,
111, 112, 113, 114, 153, 154, 155,
161, 163, 168, 169
Мушкетова Е.П. 241
Мышкин И.Н. 145
Mottet S.J. 249, 269

Н

Навашин С.Г. 159
Назаров П.С. 194, 197, 223, 224, 226
Наташа 278
Наумов Д.А. 122
Некрасов 257, 259
Некрасов Н.А. 16
Некрасова В.Л. 287
Неустроев С.С. 269
Нечаев, домовладелец 137
Николай I, император 20
Никольский А.М. 104, 105, 186, 300
Нисевин П.А. 109
Новиков В.С. 180
Новопокровский И.В. 235
Новоселов, топограф 42
Норд Л.Е. 173
Нурекин, переводчик 51

О

Одерихина Н.С. 141
Одоевский В. 10
Озеров 260
Оливер 60
Олуфсен О. 223
Ольденбургская Е.М., принцесса 164,
248, 273
Ольденбургский П.Г., принц 20, 21,
22
Орел В.М. 7
Орлов 148
Осиповы, семейство 252
Остроумов А.А. 185
Ошанин В.Ф. 29, 74, 80, 82, 155, 233
Ошанин Л.В. 233

П

Павлов А.П. 172
Павлов В.Н. 58
Пайо, натуралист 61, 62
Палибин И.В. 229, 235
Паллас П.С. (Pallas P.S.) 170
Панов 11
Парей 91

Паульсен О. (Paulsen O.) 223, 229,
230, 231
Перовская С.Л. 145, 146, 165
Петерсон А.П. 10, 11
Петр I, император 8, 242
Петр, рабочий 260
Петржак И. (Абас-Туман) 242
Петунников А.Н. (Пятунников А.Н.)
28, 157, 159, 160
Печерин В.С. 12
Пле Р.Р. 235
Плеханов Г.В. 145, 146, 147
Плюшкин 11
Погодин М.П. 10, 11
Подгорецкий С.С. 83, 84, 126
Подъяпольская Е.Н. 18, 145
Поле Р.Р. 270
Полунин В. 9
Пономарев С.И. 302
Попандопуло В.К. 122
Попов Н. 7
Попов Н.А. 88
Попов П. 7
Поссарт 165
Постников А.В. 116
Потанин Г.Н. 95
Прасолов Л.И. 269
Прибылева-Корба А.П. 8, 140
Пругавин А.С. 145
Пташицкий М.И. 269
Rampranini R. 269
Petegmann A. 291
Poncins M.E. de 223, 224

Р

Радошковский О.И. 74, 76, 299
Разумовская А.А. 18, 145
Ральфс 79
Рахметулинов, казак 204
Регель А.Э. 195, 199, 200, 296
Регель Э.Л. 56, 57, 74, 76, 94, 95, 96,
98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 121,
194, 196, 197, 235, 236, 237, 241,
299, 300
Редкин П.Г. 12
Рейнштейн Н.В. 149
Рейтер 300
Реклю Э. 111, 112, 113
Ренар К.И. 118
Рожалин Н.М. 10
Рождественский, уездник 137
Рожевиц Е.Ю. 249
Рожевиц Р.Ю. 178, 186, 235, 269

Романов Н.А. 293
Романовский Г.Д. 107
Ростовцев 241
Ротерт В.А. 270
Рулье К.Ф. 15, 21
Рупрехт Ф.И. 171, 181
Рыкачев, полковник 137
Raven S. 302
Reclus E. (см. также Реклю Э.) 111
Render A. 178

С

Сабанеев Л.П. 118
Сабатье 111
Сабашников М.В. 184, 185, 225
Сабинин Е.Ф. 130, 131
Саблин Н.А. 134, 147
Савельев, препаратер 51
Саврасов А.К. 26, 109, 110, 111
Сажина-Фигнер Е.Н. 166
Салтанов, переводчик 49
Сальвини 165
Сарандович Е. 148
Саратовец 147
Сахаров В.В. 204
Сашечка 257
Севастьянова О.В. 7
Северцов Н.А. 91, 94, 95, 107, 114, 222
Семенов П.П. (Семенов-Тян-Шанский П.П.) 40, 55, 84, 94, 95, 106, 126, 237
Семенов-Тян-Шанский А.П. 281
Сен-Симон К.-А. де Р. 133
Сердюкова Л.И. 145
Сеченов И.М. 12, 17, 130
Сизери 111
Симановский, доктор 241
Сиротинин, домовладелец 142
Скобелев М.Д. 155
Скорняков И.И. 42
Славатинская Н.И. (см. также Лермонтова Н.И.) 138
Славатинский А.И. 138, 141
Слезкин, генерал-лейтенант 141
Смирнов Г.К. 18, 145
Смирнов С.М. 101
Соболевский С.А. 10
Сойкин П.П. 246
Соколов Ф.В. 269
Соколовская Э.К. 7
Сольский С.М. 76, 78, 79, 299

Соссюр де 74, 75, 82, 299
Срезневская О.И. 248
Старостин Б.А. 7, 27, 156, 159, 160, 180, 181, 302
Стасюлевич 71, 101, 102
Стеблин-Каменский Р.А. 148
Штешина Ю.Н. 29
Столетов А.Г. 185
Стороженко Н.И. 185
Струве К. 116
Субботина Н.Д. 136, 138, 139
Субботина Надежда М. 252
Субботина Наташа М. 243
Субботина Нина М. 243, 252
Субботины, семейство 138
Сукачев В.Н. 270
Суслова Н.П. 132
Сырейщиков Д.П. 27, 159, 161
Sargent C.S. 178
Shetler Stanwyn G. 238
Swann H.K. 299

Т

Талиев В. 228
Тимирязев К.А. 185
Тимур 109
Титов В.П. 10
Тиффенбах 91
Тихомиров 97
Тихомиров А.А. 118, 122
Тихомиров В.Н. 27, 156, 159, 160, 180, 181, 302
Тихомиров Л.Н. 133, 134, 135
Тихомирова Н. 7
Тишкин Г.А. 25, 302
Тишкина А.Г. 105, 117, 302
Толстая А.А., графиня 164, 167
Толстая С.А., графиня 16
Толстой Д.А., граф 163
Толстой Л.Н., граф 16, 17, 135, 163, 164, 165, 167
Толстых, семья 18
Траутфелттер Э.-Р.Э. 238
Троттер Г. 116, 117, 159, 291
Трофимов В. 18
Трубецкой 16
Тулинов М.И. 204, 220
Туполев А.И. 293
Тургенев И.С. 11, 135
Туркевич С.Ю. 235
Турнефор 182, 183, 303
Турчанинов Н.С. 238
Tubergen 269

У

- Уваров 269
Уварова П.С., графиня 248
Уйфальви М., мадам (см. также Бурдон-Уйфальви М.) 112
Уйфальви Ш.-Э. 112
Ульянин В.Н. 29, 67, 74, 75, 82, 91, 114, 115, 299
Уолкер Дж. Т. 116, 117
Weir A. 302
Willmott E. 269

Ф

- Федотов 269
Федченко А.П. (см. также Fedtschenko A.) 5, 6, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 114, 115, 116, 119, 121, 124, 125, 127, 128, 152, 153, 162, 168, 169, 192, 193, 194, 203, 220, 221, 274, 275, 282, 283, 285, 286, 290, 299
Федченко Б.А. (см. также Fedtschenko B.) 5, 6, 29, 34, 35, 36, 59, 60, 61, 63, 109, 111, 114, 117, 118, 129, 152, 153, 154, 155, 157, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 229, 230, 231, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 246, 251, 252, 252, 254, 255, 257, 258, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 287, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 302

- Федченко Г.П. 32
Федченко Н.П. 275
Фигнер В.Н. 145
Филиппов 188
Филомафитский А.М. 12
Фишер Ф.Б. 238

- Флеров А.Ф. 181, 183, 225, 229, 235, 241, 268
Флеровский-Берви В.В. 133
Фомин А.В. 270
Форсайт Д. 116
Фортунатов Ф.Ф. 185
Франклин Д. 60
Франше А. (Franchet A.) 197, 224
Фрейберг 189
Фреймут Е.К. 74, 83, 118
Фрейн, доктор 196
Фроленко М.Ф. 134, 142
Фурье Ф.М.Ш. 133
Fedtschenko A. (см. также Федченко А.П.) 304
Fedtschenko B. (см. также Федченко Б.А.) 305
Foster M. 269

Х

- Ханыков Н.В. 60
Хемсли В. (см. также Hemsley W.B.) 249, 250
Хилков М.И. 204
Хомутов П.И. 155, 188
Хомутова Е.К. 155, 188, 190, 269
Хорев Л.В. 230
Хукер Дж.Д. 60
Nachette 112
Handel-Mazzetti H.R.E. 230
Hemsley W.B. (см. также Хемсли В.) 249, 250
Huth, доктор 194

Ц

- Цакни Н.П. 141
Цвилев Н. Ф. 133, 143, 151, 152, 166
Ценковский Л.С. 17, 130
Цикендрат Э.В. 176
Цингер В.Я. 36, 155, 156, 157, 161, 181, 301
Ципоруха М.И. 302

Ч

- Чабров Г.Н. 109, 110, 111, 114, 302
Чарушин Н.А. 134
Чебриков 180
Чепурнова В.П. 145
Черкасский В.А., кн. 122
Чернышевский Н.Г. 16, 133
Черняев М.Г. 155
Чивилев А.И. 12

Чистяков И.Д. 43, 91, 159
Чуйков, майор 142
Чурсил, поручик 146

Ш

Шарнгост 95
Шевырев С.П. 10
Шелл Ю. 171
Шереметьева Е.П., графиня 160, 242
Шиллер Ф. 13
Шилов А.А. 143
Шипчинский Н.В. 235
Шиц 269
Шмальгаузен И.Ф. 156, 235
Шнитников В.Н. 269
Шренк А.И. 95
Шренк Л.И. 89, 90, 95, 237
Штраух А.А. 74, 76, 89, 90, 104
Шумахер 101
Шумейко 117

Щ

Щепкин М.С. 11, 16
Щербакова А.А. 23
Щуровский Г.Е. 32, 35, 37, 44, 65, 66,
67, 68, 69, 70, 71, 72, 83, 84, 85, 86,
87, 95, 96, 97, 99, 100, 124, 125, 126,
127, 128, 170

Э

Эйлер, фабрикант 238
Эттинген Г. фон 246, 263, 264

Ю

Югай Р.Л. 269
Юль Г. 55, 60, 300
Юркин И.Н. 7
Юсов Б.В. 114

Я

Языков Н.М. 10
Яремсенко П.М. 218

Оглавление

От автора	5
Глава 1. Семья Армфельд. Первые шаги в науке (1845–1867) ...	8
Глава 2. Начало масштабных ботанических исследований Туркестанского края (1867–1873)	32
Замужество, первое заграничное путешествие (Финляндия, Швеция). Подготовка к Туркестанской экспедиции. Вторая заграничная поездка (Италия, Австрия) (1867–1868)	32
Туркестанская экспедиция супругов А.П. и О.А. Федченко (1868–1872)	36
Туркестанский отдел московской Политехнической выставки. Разбор коллекций, собранных Туркестанской экспедицией. Поездка в Европу с А.П. Федченко для подготовки издания материалов Туркестанской экспедиции (1872–1873)	54
Глава 3. Московская жизнь О.А. Федченко в 70-е–80-е гг. XIX в.	64
Работа над изданием “Путешествия в Туркестан А.П. Федченко”	64
Участие в жизни научного сообщества в 70-е гг. XIX в.	115
Семейные трудности. Судьбы братьев и сестры	129
Исследования московской флоры в 80-е гг. XIX в.	153
Глава 4. Возвращение к активной экспедиционной деятельности в 90-е гг. XIX в.	169
Первая и вторая южно-уральские экспедиции (1891–1892). Изучение флоры Уфимской губернии	169
Исследования флоры Крыма и Кавказа (1893–1894)	179
Туркестанская экспедиция 1897 г. Возобновление активных работ по изучению флоры Туркестана	186
Глава 5. Памирская экспедиция 1901 г. Исследование флоры Памира	203
	315

Г л а в а 6. Продолжение работ по флоре Туркестана в начале XX в.	233
Сотрудничество с Императорским С.-Петербургским Ботаническим садом	233
Ольгинский акклиматизационный сад. Монографическое изучение рода <i>Eremurus</i>	239
“ <i>Conspectus florum Turkestanicae</i> ”	262
Монографическое исследование рода <i>Iris</i>	267
Заключение	282
Важнейшие даты научной деятельности О.А. Федченко	285
Список растений, названных в честь О.А. Федченко	287
Научные общества, членом которых состояла О.А. Федченко	289
Материалы к библиографии работ О.А. Федченко	290
Литература об О.А. Федченко	301
Summary	304
Именной указатель	306

Contents

Author's preface	5
Chapter 1. Armfeld family. First steps in science (1845–1867) ...	8
Chapter 2. The beginning of the large botanical research of Turkestan (1867–1873)	32
Marriage. The first traveling abroad (Finland, Sweden). The preparation for the Turkestan expedition: the second traveling abroad (Italy, Austria) (1867–1868)	32
Expedition in Turkestan of Olga and Alexei Fedchenko (1868–1872)	36
Turkestan section of Moscow Polytechnical exhibition. Sorting out of the collections gathered by Turkestan expedition (1872–1873)	54
Chapter 3. Moscow life of Olga Fedchenko in the 70th–80th years of the 19th century	64
Publishing of the “A.P. Fedchenko’s Traveling in Turkestan”	64
The participation in the life of the scientific community in 70th years of the 19th century	115
Family troubles. The brothers and sister’s fate	129
The investigation of Moscow region flora in the 80th years of the 19th century	153
Chapter 4. The returning to the active participation in the scientific expeditions in the 90th years of the 19th century	169
The first and the second South-Ural expeditions (1891–1892). The studying of flora of Ufimskaja Gubernia	169
The investigations of Crimea and the Caucasus flora (1893–1894)	179
Expedition in Turkestan in 1897. The renewal of active researching of Turkestan flora	186
Chapter 5. Pamirs expedition in 1901. The investigations of Pamirs flora	203

Chapter 6. The continuation of works at Turkestan flora 233

Cooperation with the Imperial Botanical Garden in St.-Petersburg 233

Ol’ginskii Botanical Garden. Monographic research on genus *Eremurus* 239

“Conspectus florum Turkestanicae” 262

Monographic study of genus *Iris* 267

Concluding 282

Main dates of life and activity of O.A. Fedchenko 285

The list of plants named in honor of O.A. Fedchenko 287

The list of learned societies O.A. Fedchenko belonged to 289

Bibliography of O.A. Fedchenko’s works 290

Literature about O.A. Fedchenko 301

Summary 304

Index 306

Научно-биографическое издание

Валькова Ольга Александровна

**Ольга Александровна Федченко
1845–1921**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *М.В. Грачева*
Редактор *Е.Ю. Федорова*
Художественный редактор *Е.А. Швейко*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Р.В. Молоканова,*
Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 26.04.2006
Формат 60 × 90^{1/16}, Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,0 + 1,8 вкл.
Усл. кр.-отт.23,0. Уч.-изд.л. 22,2
Тип. зак. 3307

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

